

ЮРИСТЪ- ПРАВОВЕДЪ

3 / 2024

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 3 (110)
2024**

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:

Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Алексеева Л.А., Майорова С.А. К вопросу о правовой неопределенности понятия «коррупции» и ее характерных признаках	7
Костюнина О.В. «Доверяй, но проверяй» – оценка экспериментального правового регулирования	15
Маркус С.А. Содержание и особенности правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	24

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Буряков Г.А., Королева И.В., Вышаренко У.В. Финансовая грамотность как теоретический и эмпирический базис противодействия мошенническим манипулятивным технологиям	33
Голованова Т.В., Кравченко Е.В. Некоторые аспекты обоснованности административного наказания, предусмотренного в ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ	40
Паршина А.А. Влияние ценностей права на особенности развития правосознания личности	48
Сумина Е.А. Современные аспекты ответственности государственных служащих в России: усиление или послабление ответственности	55
Шкеля О.В., Осяк А.Н., Былинин И.А. К проблеме внедрения в процесс производства автомобилей дополнительной противоугонной маркировки как средству предупреждения угонов транспортных средств	65

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Гнетнев И.Г., Лисунова Д.С. Критерии охраноспособности и другие базовые характеристики товарного знака	70
Рыбалка Е.А. Меры социальной поддержки участникам СВО и членам их семей: проблемы и перспективы их реализации	75

Выпускающий редактор:
В.А. Ковальчук

Над выпуском работали:
Н.А. Чуб,
Е.Е. Пелехатая

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.aks.ru и www.pressa-gf.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
24.09.2024
Выход в свет
27.09.2024

Формат 60х84/8
Объем 27,5 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная.

Бумага офисная
Усл.-печ. л. – 25,58
Тираж 300 экз.
Первый завод 95 экз.
Заказ № 125.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
vkovalchuk8@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

Смоленский М.Б., Казанков В.Ю. Особенности правового регулирования отношений, возникающих из договора доверительного управления имуществом в Российской Федерации 80

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Акиев А.Р. Криминалистические особенности высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних 87

Ананьян Е.Н. Проблемные аспекты деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого посредством мессенджеров и социальных сетей 93

Антонченко В.В. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания 100

Болдырева Э.А. Теоретические и практические аспекты основания и порядка избрания залога в отношении обвиняемого 107

Брюхнов А.А., Королевская О.И., Напханенко И.П. Особенности деятельности ФАС РФ в сфере регулирования и защиты конкуренции на торгах 113

Бунова И.И. Об уголовно-правовых гарантиях неприкосновенности частной жизни человека в современных условиях цифровизации общества 119

Вакуленко Н.А. Репрезентативные криминологические параметры экономического преступника в современной России 125

Григорян Д.К. Фейковые новости в эпоху цифровизации: технологии противодействия распространению 132

Дятлов Г.А. Анализ уголовно-правовых аспектов незаконного предпринимательства в системе экономической преступности 137

Еремин С.Г. Особенности тактики допроса подозреваемых в незаконной предпринимательской деятельности 142

Исаханова Е.В. Вопросы организации первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности 150

Кобец П.Н. Основные направления повышения эффективности антикоррупционной деятельности в Российской Федерации 157

Комаров И.М. Версионный анализ – интегративный метод расследования преступлений 165

Конев Д.А. Риски использования искусственного интеллекта и систем дипфейк в VR-среде и метавселенной: анализ, перспективы, пути противодействия 171

Кортаева Ю.А. Актуальные вопросы процессуального и ведомственного контроля за применением дознавателями института отдельного поручения 177

Кулешова А.В. Антикриминальное и правовое просвещение иностранных граждан и лиц без гражданства в системе криминалистического предупреждения	183
Мамедов Ш.Г. Колумбайн – молодежная деструктивная субкультура современного общества	188
Миронова А.В., Мовсисян А.Г. О роли произведений массового искусства в формировании представления о работе российского следователя	193
Петровский А.В., Ильяшенко А.Н. Специальный нормативный правовой акт, регулирующий отношения в сфере предупреждения преступного поведения: теоретическая модель	199
Россинский С.Б. Правила подготовки обвинительных заключений: требуется перезагрузка	207
Халиков А.Н. Сущность и значение досудебного производства в системе уголовно-процессуального права России	215

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Alekseeva L.A., Mayorova S.A. On the issue of the legal uncertainty of the concept of «corruption» and its characteristic features	7
Kostyunina O.V. «Trust, but verify» – an evaluating of experimental legal regulation	15
Markus S.A. Contents and features of legal support for the national security of the Russian Federation	24

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Buryakov G.A., Koroleva I.V., Vysharenko U.V. Financial literacy as a theoretical and empirical basis for countering fraudulent manipulative technologies	33
Golovanova T.V., Kravchenko E.V. Some aspects of the validity of the administrative punishment provided for in part 2 of article 14.24 of the Administrative Code of the Russian Federation	40
Parshina A.A. The Influence of Legal Values on the Peculiarities of the Development of Legal Consciousness of the Individual	48
Sumina E.A. Modern aspects of the responsibility of civil servants in Russia: strengthening or weakening of responsibility	55
Shkelya O.V., Osyak A.N., Bylinin I.A. On the problem of introducing additional anti-theft markings into the car manufacturing process as a means of preventing vehicle theft	65

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Gnetnev I.G., Lisunova D.S. Criteria of protectability and other basic characteristics of a trademark	70
Rybalka E.A. Social support measures for the participants of the SVO and their family members: problems and prospects of their implementation	75
Smolensky M.B., Kazankov V.Yu. Features of the legal regulation of relations arising from the contract of trust management of property in the Russian Federation	80

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Akiev A.R. Criminalistic features of high-tech crimes against the family and minors	87
Ananyan E.N. Problematic aspects of the activity on identification and disclosure illegal sale of narcotic drugs carried out through messengers and social networks	93
Antonchenko V.V. Restoration of social justice as a purpose of criminal punishment	100
Boldyreva E.A. Theoretical and practical aspects of the basis and procedure for the election of bail in relation to the accused	107
Bryukhnov A.A., Korolevskaya O.I., Napkhanenko I.P. Features of the activities of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation in the field of regulation and protection of competition at auctions	113
Bunova I.I. On criminal legal guarantees of human privacy in modern conditions of digitalization of society	119
Vakulenko N.A. Representative criminological parameters of an economic criminal in modern Russia	125
Grigoryan D.K. Fake news in the era of digitalization: technologies for countering proliferation	132
Dyatlov G.A. Analysis of the criminal law aspects of illegal entrepreneurship in the economic crime system	137
Eremin S.G. Features of the tactics of interrogation of suspects in illegal entrepreneurial activity	142

Isakhanova E.V. Issues of organizing the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes in the provision of cosmetic services that do not meet safety requirements	150
Kobets P.N. Main directions of increasing the efficiency of anti-corruption activities in the Russian Federation	157
Komarov I.M. Version analysis is an Integrative method of crime investigation	165
Konev D.A. Risks of using artificial intelligence and diphake systems in VR-environment and meta-universe: analysis, prospects, ways to counteract	171
Korotaeva Yu.A. Current issues of procedural and departmental control over the use by investigators of the institution of a separate assignment	177
Kuleshova A.V. Anti-criminal and legal education of foreign citizens and stateless persons in the system of criminalistic prevention	183
Mamedov Sh.G. Columbine – youth destructive subculture of modern society	188
Mironova A.V., Movsisyan A.G. About the role of works of mass art in forming an perception about the work of a Russian investigator	193
Petrovskiy A.V., Ilyashenko A.N. Special normative legal act regulating relations in the field of preventing criminal behavior: theoretical model	199
Rossinskiy S.B. Preparation rules of indictments: need for reboot	207
Khalikov A.N. The Essence and Significance of Pre-trial proceedings in the System of Criminal procedure Law of Russia	215

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: vkovalchuk8@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автором (-ами) экземпляр рукописи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правоведь».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

3.2. Название статьи;

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии);

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения, ключевые слова, для цитирования. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки;

3.5. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.5, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.76–2022 и размещен в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница (например, [3, с. 56]). Нельзя включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), приводить их следует непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках; нежелательно использовать публицистические и рекламные статьи, ссылки на русскоязычные интернет-ресурсы, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. (на них можно сослаться непосредственно в тексте статьи).

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 7–14.
Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 7–14.

Научная статья

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИИ» И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫХ ПРИЗНАКАХ

Алексеева Лилия Алексеевна

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация
lillilia@mail.ru

Майорова Светлана Анатольевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
plavalaguna@inbox.ru

Введение: настоящая статья посвящена исследованию феномена коррупционной преступности. Авторы указывают на необходимость разработки нового понятия «коррупция», поскольку законодатель при определении существующего понятия ограничивается лишь простым перечислением посягательств, составляющих перечень должностных преступлений.

Материалы и методы: материальную базу статьи составили исследования современных историков и юристов-правоведов в интересующей области исследования. Использовались общенаучные методы (описание, анализ, синтез, индукция), частнонаучные методы познания правовых явлений (юридико-догматический метод, метод анализа нормативных правовых текстов).

Результаты исследования: в статье раскрываются основные признаки, позволяющие определить деяние как коррупционное.

Выводы и заключения: коррупция является многоплановым социальным феноменом, требующим постоянного внимания государственной власти и общественности.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, ответственность, должностное лицо, подкуп, злоупотребление служебным положением.

Для цитирования: Алексеева Л. А., Майорова С. А. К вопросу о правовой неопределенности понятия «коррупции» и ее характерных признаках / Л. А. Алексеева, С. А. Майорова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 7–14.

Original paper

ON THE ISSUE OF THE LEGAL UNCERTAINTY OF THE CONCEPT OF «CORRUPTION» AND ITS CHARACTERISTIC FEATURES

Alekseeva Lilia Alekseevna

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

Majorova Svetlana Anatolyevna

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: this article is devoted to the study of the phenomenon of corruption crime. The authors point out the need to develop a new concept of «corruption», since the legislator, when defining the existing concept, is limited to only a simple enumeration of the encroachments that make up the list of official crimes.

Materials and methods: the material basis of the article was made up of research by modern historians and jurists in the area of interest. General scientific methods (description, analysis, synthesis, induction), and specific

scientific methods of cognition of legal phenomena (legal-dogmatic method, method of analysis of normative legal texts) were used.

Results of the study: the article reveals the main features that make it possible to define an act as corrupt.

Findings and conclusions: corruption is a multifaceted social phenomenon that requires constant attention from government authorities and the public.

Keywords: corruption, corruption crime, responsibility, official, bribery, abuse of official position.

For citation: Alekseeva L. A., Mayorova S. A. On the issue of the legal uncertainty of the concept of «corruption» and its characteristic features / L. A. Alekseeva, S. A. Mayorova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 7–14.

Анализу феномена коррупции с точки зрения ее исторических и прогрессивных аспектов, а также способов противодействия ей, неизбежно должно предшествовать изучение ее дефиниции. Как социальный феномен коррупция представляет собой социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда служащие государственные либо муниципальные, а также иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных побуждениях для личного обогащения или в групповых интересах.

Сама по себе коррупция представляет собой явление такое же древнее, как и государственная власть, поскольку возникла одновременно с появлением последней. Феномен коррупции был известен уже римскому праву, где трактовался как совращение, порча, подкуп в отношении должностных лиц (магистров) с целью неправомерного влияния на судебный или административный процесс [6].

Нередко понятие коррупционной преступности отождествляется с понятием коррупции. Вместе с тем данные явления, отражая определенные аспекты общественной жизни, не являются совпадающими, поскольку коррупционная преступность выступает лишь частью феномена коррупции в целом, хотя и наиболее опасным с точки зрения общественных интересов. Коррупционные проявления подлежат ответственности не только в соответствии с Уголовным кодексом РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях также предусматривает ответственность за коррупционные правонарушения, совершаемые должностными лицами (или лицами, приравненными к должностным) в связи с исполнением или неисполнением своих служебных обязанностей. В то же время анализ содержания коррупционных преступлений не представляется возможным без изучения основных особенностей самой коррупции.

Попытку определить понятие коррупции отечественный законодатель предпринял в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹. В данной статье под «коррупцией» понимают:

1) злоупотребление служебным положением, дача взятки и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершение деяний, указанных в подпункте «1» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Дефиницию, данную Федеральным законом «О противодействии коррупции», вряд ли можно признать удачной. Наиболее правильным с точки зрения юридической техники представляется определение понятий через совокупность всех или наиболее значимых признаков. Однако в данном случае законодатель ограничился перечислением посягательств, составляющих перечень должностных преступлений. Указанный перечень составов только лишь подменяет понятие коррупции, но при этом, безусловно, не охватывает всех ее проявлений. Более того, перечисляя возможные проявления коррупции, законодатель не дает толкования, не раскрывает характера указанных действий. Определяя коррупцию, необходимо обращаться

¹ О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273 // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

не только к положениям указанного Федерального закона, но и к Уголовному кодексу Российской Федерации, а также разъясняющим его Постановлениям Плену Верховного суда РФ. Все это ведет к усложнению процесса толкования и правоприменения в виду возникновения неточностей при определении степени опасности того или иного совершенного деяния.

В более широком плане истолкована коррупция в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.: «Хотя понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие. Акт коррупции также – это попытка коррумпирования. Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения»². Особое внимание в данном акте уделяется не только запрету совершать коррупционные акты, но и предписанию для должностных лиц в своей служебной деятельности препятствовать и бороться с коррупционными проявлениями.

Толковать положения указанного акта необходимо распространительно (расширительно). Понятие коррупции подразумевает под собой не только получение вознаграждения, подарков, но и служебное поведение должностного лица, осуществляемое в связи с получением таких подарков. Такое определение коррупции расширяет перечень коррупционных проявлений, кроме взяток, злоупотреблений по службе и превышения должностных полномочий, также законное, правомерное служебное поведение должностного лица, если оно было обусловлено полученными или обещанными подарками.

Определение коррупции как «злоупотребление служебным положением для достижения личной или групповой выгоды, а также незаконное получение государственным служащим выгоды в связи с занимаемой должностью и служебным положением» было дано на Международном межрегиональном семинаре по проблемам коррупции в 1990 г. в Гаване.

Всемирный банк предпринял попытку определить коррупцию как моральную категорию, указав, что она представляет собой «отсутствие порядочности и честности (особенно подверженность взяточничеству); использование должностного положения для получения выгоды нечестным путем»³.

Что касается Конвенции ООН против коррупции 2003 г., то она, также как и отечественный закон «О противодействии коррупции», не включает в себя универсального определения коррупции, а содержит перечень подлежащих криминализации действий⁴.

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Советом Европы и ратифицированная Российской Федерацией 25 июля 2006 г., также перечисляет действия, которые признаются коррупционными и которые на национальном законодательном уровне должны быть признаны уголовно-наказуемыми. В их числе: подкуп публичных лиц, который указанная конвенция подразделяет на активный и пассивный; подкуп членов национальных и иностранных публичных собраний; активный и пассивный подкуп в частном секторе; подкуп должностных лиц международных организаций, парламентских собраний, судей и должностных лиц международных судов; злоупотребление влиянием в корыстных целях, отмывание доходов от коррупционных преступлений. Несмотря на то, что в 2023 г. Конвенция Совета Европы была денонсирована Российской Федерацией, за прошедший многолетний период отечественное законодательство в области борьбы с коррупцией было приведено в соответствие с общеевропейскими стандартами.

Анализ приведенных нормативных положений свидетельствует об отсутствии четко очерченных границ при определении коррупции. Выступая сложным социальным феноменом, коррупция трактуется не только посредством указания на конкретные действия определенных субъектов, но и на их морально-этические характеристики.

² Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года.

³ Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 20.06.2024).

Отсутствие четкой законодательной дефиниции коррупции породило существование достаточно большого количества авторских определений, данных на страницах криминологической, уголовно-правовой, международно-правовой литературы, обобщая которые можно прийти к выводу о наличии широкого и узкого подхода в понимании этого негативного социального явления. Узкий подход понимает коррупцию как подкуп, в то время как в рамках широкого подхода коррупция выходит за рамки подкупа и охватывает все должностные преступления, совершаемые из корыстных побуждений.

Справедливой представляется позиция авторов, рассматривающих коррупцию не только как проявление подкупа должностных лиц, но как явление, выходящее за материальные рамки, трактующих коррупцию, как любое отклоняющееся поведение, «соединенное с частной мотивацией, означающей, что частные цели преследуются за публичный счет», поведение, нарушающее правила, запрещающие определенные виды относительно частного влияния и т. д. [3]. Одним из самых коротких, но в то же время емких определений, имеющих место в юридической литературе, коррупция трактуется как «торговля властью» [1].

В ситуациях, не позволяющих дать единого универсального определения тому или иному социальному феномену, наиболее правильным будет определение конструктивных признаков, наличие которых позволит судить о том, возможно ли отнести то или иное деяние к коррупционному.

Как представляется, к характерным чертам (признакам), позволяющим квалифицировать деяние как коррупционное, относятся:

1. Корыстный характер. Данный признак подразумевает факт того, что в качестве мотива совершения коррупционных преступлений выступает стремление правонарушителя к получению незаконной выгоды в виде денег, имущества и иных благ для себя или же для третьих лиц. Это могут быть деньги, подарки, услуги, привилегии или любые иные блага, которые приносят прямую или косвенную выгоду коррупционеру или людям, в которых он заинтересован. Кроме того, коррупционные действия нередко осуществляются для достижения взаимной выгоды, при которой, например, чиновник получает взятку за предоставление контракта компании, при этом компания получает выгоду в виде контракта, а чиновник – в виде личного обогащения. Корыстный характер коррупции обусловлен теми мотивами, которыми руководствуется чиновник. Зачастую коррупционером движет не только стремление к непосредственно личному обогащению. В качестве побудительного мотива может выступать стремление улучшить свое социальное положение, обеспечить финансовую безопасность, оказать давление или осуществить контроль над другими. Коррупционное правонарушение предполагает, что его исполнитель использовал предоставленные ему государством служебные полномочия в целях, связанных с его личными интересами или интересами третьих лиц. В большинстве случаев субъект такого правонарушения имеет какие-либо выгоды при использовании своего служебного положения.

2. Умышленный характер совершаемого коррупционного правонарушения характеризуется тем, что такого рода действия не являются случайными или непреднамеренными. Напротив, они всегда осуществляются сознательно. В ряде случаев отдельным коррупционным проявлениям предшествует совершение определенных подготовительных действий, например, поиск места; лиц, способных оказать содействие; использование подставных фирм и сложных схем отмывания денег и т. д. Участники коррупционных схем тщательно планируют свои действия, чтобы скрыть их и минимизировать риск обнаружения. Отличительной чертой коррупционных проявлений выступает четкое осознание лицами, участвующими в коррупционном отношении незаконности или неэтичности своих действий. Осознание ответственности и потенциальных последствий за коррупцию наглядно свидетельствует об умышленном характере такого рода деяний. Чтобы избежать ответственности за коррупционные деяния, участники используют конфиденциальные счета, фальсифицируют документы и совершают иные умышленные действия, направленные на маскировку и сокрытие своих действий. Коррупционное правонарушение признается совершенным с прямым умыслом, если правонарушитель при совершении своих действий осознавал общественную опасность, которая может возникнуть в результате его поведения, предвидел возможность или неизбежность их наступления и желал этого, либо признается совершенным с косвенным умыслом, если правонарушитель осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность их наступления, не желал, но сознательно допускал эти

последствия, либо относился к ним безразлично. При этом законодатель не выделяет коррупционные преступления, совершаемые по неосторожности, а, следовательно, коррупционные правонарушения по определению являются умышленными, что в свою очередь влияет на размер и вид наказания.

3. Латентный (теневой) характер большинства коррупционных правонарушений означает то, что в основном коррупционные проявления носят неформальный характер и связаны с совершением сделок, которые, как правило, не вызывают жалоб со стороны потерпевших. Это объясняется тем, что обе стороны, считаясь виновными, получают взаимную выгоду от этого незаконного обмена услугами. Из-за своего тайного характера коррупционные действия могут длительное время оставаться скрытыми от общественности и правоохранительных органов, что затрудняет борьбу с коррупцией в целом. Кроме того, отсутствие свидетелей и прямых улик создает значительные сложности для процесса доказывания. В ряде случаев коррупционные схемы включают в себя большое количество участников, начиная от низовых чиновников до высокопоставленных политиков, которые, используя властные полномочия, способны активно противодействовать антикоррупционной деятельности. Борьба с латентностью коррупции требует сложных методов разведки, аудита, анализа финансовых потоков и других специальных методов обнаружения и расследования коррупционных преступлений, включая сложную работу под прикрытием и использованием сведений от информаторов.

Высокая латентность подтверждается и статистическими данными, в соответствии с которыми за коррупцию в сфере государственных закупок, в 2019–2020 гг. привлечено к ответственности только восемь человек, которые получили условные сроки. В то же время по данным Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ по состоянию на конец 2021 г. объем коррупционного рынка при государственных закупках составил 6,6 трлн руб., 70 % поставщиков столкнулись с коррупционными выплатами, размер «отката» составил в среднем 22,5 % от суммы контракта [4].

4. Одним из обязательных участников коррупционных отношений всегда выступает лицо, наделенное властными, контрольными или распорядительными полномочиями. Это может быть государственный чиновник, сотрудник правоохранительных органов или судебной системы, представитель коммерческой организации.

Реализация коррупционных схем предполагает использование своего служебного положения для получения неправомерной выгоды или предоставления незаконного преимущества другой стороне, что противоречит законодательству РФ и правовому статусу должностных лиц. Именно наличие властных полномочий у субъекта коррупции играет центральную роль в механизме коррупции, поскольку наличие властных полномочий предоставляет основу для возможных злоупотреблений ими в целях обогащения. Наличие властных полномочий также создает возможности для субъекта оказывать влияние на процессы принятия решений, в том числе связанных с распределением государственных средств и контрактов, назначения на должности и т. д. Многие высокопоставленные государственные чиновники в силу служебного положения обладают различными правовыми иммунитетами, что создает ощущение безнаказанности. Нередко субъекты коррупции используют свои властные полномочия для создания сетей влияния, в которые входят другие чиновники, бизнесмены, политики, представители правоохранительных структур, что существенным образом усиливает их власть, создает дополнительные возможности для коррупции и препятствует мерам противодействия.

Можно согласиться с позицией А.А. Чистова, отметившего, что коррупции способствует «широта свободы административного усмотрения в действиях должностных лиц, позволяющая создавать административные барьеры» [7]. Аналогичной позиции придерживаются также А.В. Кудашкин и Т.Л. Козлов указавшие, что «коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач, воинское должностное лицо и т. д.), имеющий полномочия и использующий их вопреки законным интересам общества и государства в своих личных интересах или в интересах иных лиц» [5].

Так, наличие властных полномочий позволяет коррупционерам не только принимать решения, но и контролировать или искажать информацию, мониторинг и аудит, что затрудняет,

а в ряде случаев делает практически невозможным привлечение коррупционеров к ответственности.

5. Неотъемлемым признаком коррупции выступает ее общественная опасность. Безусловно, учитывая латентный характер коррупционных проявлений общественная опасность коррупции «не лежит на поверхности». Вместе с тем, как никакое другое преступление, коррупция подрывает основополагающие принципы государственного устройства, общественного порядка и общественной безопасности. Коррупция подрывает верховенство закона, позволяя определенным лицам или узким группам, приближенным к власти, пользоваться преимуществами за счет общественных ресурсов. Именно коррупция разрушает целостность государственной службы, приводит к снижению качества государственных услуг, поскольку подрывает принципы законности, объективности и беспристрастности. Оказывая негативное влияние на военное управление, коррупция создает угрозу национальной безопасности.

Коррупция подрывает доверие населения ко всем властным институтам, искажает нормальное функционирование рыночных отношений и механизмов, ведет к неэффективному использованию ресурсов, снижает привлекательность страны для инвесторов, в том числе и зарубежных, что, в конечном итоге, существенно тормозит экономический рост и развитие государства. Коррупция является мощным фактором социального расслоения, поскольку позволяет наиболее богатым и влиятельным лицам использовать свои коррупционные связи для приобретения большего количества благ за счет общества. Пронизывая все сферы жизнедеятельности общества, коррупция негативно влияет в масштабах страны на качество образования, здравоохранения, иные важные социальные услуги, поскольку финансовые средства, предназначенные для развития указанных направлений, растрачиваются не по назначению. Коррупция в сфере природопользования и экологии влечет за собой ухудшение качества окружающей среды, экологические и техногенные катастрофы. Коррупция в правоохранительной, судебной, оборонной сфере превращается в значимую угрозу национальной безопасности.

6. Многоликость. Данный признак подразумевает многообразие форм проявления коррупционных правонарушений. Многоликость коррупции обусловлена ее существованием в различных сферах общественной жизни – в государственном управлении, судебной системе, здравоохранении, образовании, спорте и иных секторах. Коррупция способна проникать через любые границы, в том числе региональные и государственные, хотя ее уровень и формы проявления могут варьироваться в зависимости от условий конкретного региона. Способы осуществления коррупционных действий также многолики и могут варьироваться от мелкого взяточничества до изощренных, сложных коррупционных схем на высшем государственном и международном уровне. Многоликость коррупции обуславливается способностью коррупционных действий к мимикрии и быстрой адаптации к изменениям общественных отношений.

Коррупция на федеральном уровне проявляется в действиях и решениях, принимаемых в масштабе страны. Она охватывает собой действия, которые совершают чиновники, относящиеся к самому высокому уровню власти. Это использование своих должностных полномочий в личных целях, лоббирование интересов аффилированных компаний и корпораций, выделение бюджетных средств на проекты, в которых заинтересованы отдельные группы лиц, а не общество в целом, использование властных полномочий для устранения политических конкурентов, контроль над средствами массовой информации и иные. В последнее время коррупция достаточно явно проявляется на федеральном уровне и в судебной системе. Региональная коррупция во многом аналогична, но менее масштабна по сравнению с коррупцией федеральной и, во многом зависит от специфических аспектов функционирования конкретного региона. Именно на региональном масштабе становится наиболее заметно присвоение ресурсов, неправомерное распределение или нецелевое расходование бюджетных средств. Необходимо отметить, что региональная коррупция является одним из наиболее значимых сдерживающих развитие региона факторов. Коррупция на местном уровне достаточно сильно влияет на повседневную жизнь обычных граждан, снижает качество предоставляемых населению муниципальных услуг, поскольку касается взаимодействия граждан с местными органами власти, принимающими решения на уровне городов, поселков, иных населенных пунктов.

7. Тесная связь между коррупцией и организованной преступностью также является одной из ключевых ее характеристик. Сотрудничество между организованной преступностью

и коррумпированными чиновниками является взаимовыгодным. Коррумпированные чиновники и государственные служащие могут получать значительные выгоды от незаконной торговли, в том числе наркотическими средствами и оружием, контрабанды, легализации доходов, полученных преступным путем.

Оперативные данные МВД и ФСБ России свидетельствуют, что чиновники в органах государственной власти оказывают содействие каждой десятой организованной преступной группировке, которых в России около восьми тысяч.

Так, только в 2020 г. следственными органами СК России было возбуждено 15 217 коррупционных дел. А с 2011 г. в суд передали свыше 90 тысяч уголовных дел о коррупции [2].

Таким образом, коррупция представляет собой многоплановый социальный феномен, находящий свое проявление в злоупотреблении служебным положением, даче и получении взятки, коммерческим подкупе либо ином незаконном использовании физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Основными признаками коррупции будут являться: 1) корыстный характер деяния; 2) умышленный характер совершаемого коррупционного правонарушения; 3) латентный (теневой) характер коррупционных правонарушений; 4) одним из участников коррупционных отношений всегда будет лицо, наделенное властными, контрольными или распорядительными полномочиями; 5) коррупционные деяния обладают высокой, но на первый взгляд не всегда очевидной общественной опасностью; 6) многоликость деяния и постоянная трансформация его проявлений как ответная реакция на изменяющиеся общественные отношения; 7) имманентная связь коррупции и организованной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджиев Д., Гаджиев А. Коррупция: общероссийские и региональные аспекты // Власть. 2011. № 6.
2. Газета «Орловская правда» от 23.01.2016 г.
3. Горшенков Г.Н. Коррупция как криминологическая категория // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 3. Т. 15.
4. Грачев А.В., Сикорская Л.В. Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5.
5. Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6.
6. Фиалковская И.Д. Противодействие коррупции как цель контрольно-надзорной деятельности в государственном управлении: зарубежный опыт // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства». Нижний Новгород, 2015.
7. Чистов А.А. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти в современных условиях: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

REFERENCES

1. Gadzhiev D., Gadzhiev A. Corruption: all-Russian and regional aspects // Power. 2011. № 6.
2. Newspaper «Orlovskaya Pravda» dated 23.01.2016.
3. Gorshenkov G.N. Corruption as a criminological category // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 3. Т. 15.
4. Grachev A.V., Sikorskaya L.V. Latency as a factor of corruption in the public procurement system // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 5.
5. Kudashkin A.V., Kozlov T.L. Once again about the legal concept of corruption // Modern law. 2010. № 6.
6. Fialkovskaya I.D. Anti-corruption as a goal of control and supervisory activities in public administration: foreign experience // Materials of the I All-Russian scientific and practical conference «Topical

issues of control and supervision in socially significant areas of activity of society and the state». Nizhny Novgorod, 2015.

7. Chistov A.A. Administrative and legal regulation of anti-corruption in federal executive authorities in modern conditions: dissertation. ... PhD in Law. Moscow, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Лилия Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Майорова Светлана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД. Нижегородская академия МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseeva Lilia Alekseevna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Oryol 302027 Russian Federation.

Majorova Svetlana Anatolyevna, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative Affairs of the Department of Internal Affairs. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 15–23.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 15–23.

Научная статья

УДК 340.114

«ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ» – ОЦЕНКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Костюнина Ольга Владиславовна

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

mayolgak@mail.ru

Введение: автором рассмотрены грани соотношения доверия в праве и экспериментального правового регулирования. Выявлено, что экспериментальное правовое регулирование – это вид правового регулирования общественных отношений «на поле» рисков, как для государства, так и для личности. Оценкой кредита доверия между субъектами права и государством предлагается проверка экспериментального правового регулирования с позиций определенности, прозрачности и свободы. Проведен анализ особенностей экспериментальной правовой нормы, свойственных ей при регулировании правовых экспериментов в рамках установления экспериментальных правовых режимов.

Материалы и методы: теоретической основой исследования послужили научные работы ученых, как в рамках теории правовых экспериментов, так и общей теории и философии права. В качестве методологической основы взяты инструментальный и коммуникативный подход к правопониманию, кибернетическая теория государства. Активно использованы общенаучные методы и специальные методы юридической науки: формально-юридический, правового моделирования, сравнения и правовой аналогии.

Результаты исследования: определены особенности регулирования общественных отношений с помощью экспериментальной правовой нормы. Предложены критерии оценки доверия субъектов к экспериментальному правовому регулированию.

Выводы и заключения: теория правового регулирования активно развивается в современной науке государства и права. Экспериментальное правовое регулирование – это специфический вид правового регулирования, позволяющий блокировать действие общего правового регулирования с целью внедрения правового эксперимента на условиях, установленных экспериментальной правовой нормой. Для соблюдения баланса учета интересов государства и общества данное правовое регулирование должно подвергаться оценке по принципу «доверяй, но проверяй».

Ключевые слова: правовое регулирование, экспериментальное правовое регулирование, экспериментальная правовая норма, правовой эксперимент, экспериментальный правовой режим, доверие в праве.

Для цитирования: Костюнина О. В. «Доверяй, но проверяй» – оценка экспериментального правового регулирования / О. В. Костюнина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 15–23.

Original paper

«TRUST BUT VERIFY» – AN EVALUATING OF EXPERIMENTAL LEGAL REGULATION

Kostyunina Olga Vladislavovna

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the author examined the facets of the relationship between trust in law and experimental legal regulation. It has been revealed that experimental legal regulation is a type of legal regulation of social relations «on the field» of risks, both for the state and for the individual. By assessing the credit of trust between subjects of law and the state, it is proposed to check experimental legal regulation from the standpoint of certainty, transparency and freedom. The analysis of the features of the experimental legal norm, characteristic of it in the regulation of legal experiments within the framework of the establishment of experimental legal regimes, has been carried out.

Materials and methods: the theoretical basis of the study was the scientific work of scientists, both within the framework of the theory of legal experiments and the general theory and philosophy of law. The instrumental and communicative approach to legal understanding and the cybernetic theory of the state are taken as the methodological basis. General scientific methods and special methods of legal science are actively used: formal legal, legal modeling, comparison and legal analogy.

Results of the study: the features of regulating public relations using an experimental legal norm have been identified. Criteria for assessing subjects' trust in experimental legal regulation are proposed.

Findings and conclusions: the theory of legal regulation is actively developing in the modern science of state and law. Experimental legal regulation is a specific type of legal regulation that allows you to block the action of general legal regulation in order to introduce a legal experiment under the conditions established by the experimental legal norm. To maintain a balance between the interests of the state and society, this legal regulation must be assessed according to the «trust, but verify» principle.

Keywords: legal regulation, experimental legal regulation, experimental legal norm, legal experiment, experimental legal regime, trust in law.

For citation: Kostyunina O. V. «Trust, but verify» – an evaluating of experimental legal regulation / O. V. Kostyunina // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 15–23.

Классическая теория государства и права формирует соотношение двух принципиальных понятий в теории правового регулирования (или, как уточнено у Н.А. Пьянова, позитивно-правового регулирования) общественных отношений, а именно – сферы правового регулирования и предмета правового регулирования. В своем идеальном соотношении предмет правового регулирования располагается в границах сферы правового регулирования и имеет как объективные, так и субъективные границы. Однако история формирования и эволюции правотворчества (на примере разных правовых систем) демонстрировала деформацию между тем, что может, что должно и что регулируется позитивным правом. Это приводило к «естественному экспериментированию» государства «над общественными отношениями», используя и неправовые средства упорядочивания по своему «вкусу». Современное экспериментальное правовое регулирование видится оптимальной моделью для совершенствования не только информационно-правового взаимодействия государства и общества, особенно с точки зрения кибернетического подхода к пониманию государства. Подобное видение встречается в уже опубликованных материалах [1, с. 32]. Вместе с этим появление систем «умного правового регулирования», «регулятивной (регуляторной) песочницы» сегодня – это поиск новых рычагов и путей для баланса прямых и обратных связей «государство-общество, общество-государство», «государство-личность, личность-государство», что является фактором их взаимного доверия или недоверия.

В условиях рыночной экономики право, как считает И.Б. Чагин, представляет собой не просто инструмент, но также и продукт деятельности государства, результат, отвечающий определенным потребительским свойствам, т. е. ожиданиям граждан относительно действия закона [2, с. 40]. Инструментальное правопонимание, положенное в основу исследовательской позиции вышеупомянутого автора, может первоначально вызывать неоднозначность, однако, такой подход в контексте изучения правового эксперимента представляется обоснованным. Понимание права в качестве инструмента удовлетворения только управленческих интересов в контексте экспериментального правового регулирования представляется не полным. В основе востребованности применения эксперимента в правовом регулировании находятся вопросы экологии, охраны объектов культурного наследия, социальной защиты и др. Для более всестороннего сканирования глубины и значимости правового эксперимента, в части экспериментальной апробации регулирования новых явлений с имплицитной юридической природой, продуктивно внедрение метода правотворческого эксперимента с оценкой его с позиции коммуникативной концепции права и кибернетического подхода к пониманию государства. Учет влияния общественного мнения на результат правотворческого эксперимента, инициативность включения субъектов, оценка прогностических возможностей экспериментального правового регулирования, легальность процесса правового эксперимента и иное выступают основой формирования доверия личности и общества к эффективности действия, как конкретного эксперимента, так и к системе экспериментального правового регулирования в целом, что в итоге, позитивно скажется на легитимности права и государства.

На наш взгляд, гармонично сочетается с упомянутыми теориями правопонимания и концепция утилитаризма И. Бентама и его постулат – «наибольшее счастье наибольшего числа людей», оперирующая понятием «общего блага» как «общей пользы», т. е. принцип пользы

для каждого и счастья для всех. Закон И. Бентам рассматривает как зло, потому что он есть нарушение свободы. Но это зло вынужденное, поэтому задача законодателя заключается в том, чтобы то зло, с которым он думает бороться, было бы «более значительно, чем то зло, которым он хочет воспользоваться для его предупреждения» [3, с. 112].

Опуская негативное, даже, в чем-то реакционное отношение к закону самого мыслителя, в юридической науке такой подход получил развитие, а в современности вполне применим при характеристике теории экспериментального правового регулирования. Например, обосновывая необходимость экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, инициированных сверхдинамичным технологическим прогрессом, М.Л. Давыдова пишет, что не всегда сразу понятно, что именно регулируется, какое регулирование требуется, как оно должно сочетаться с действующими правовыми нормами [4, с. 46]. Экспериментальное правовое регулирование это попытка не сталкивать законодателя с рисками правовых последствий, которые возникнут при принятии необдуманных правотворческих решений общего правового регулирования, и ввести пробный правовой эксперимент с целью взвесить «за» и «против» в условиях экспериментального правового регулирования.

Существенным фактором необходимости правовых экспериментов с введением экспериментального правового регулирования выступает проверка необходимости и эффективности регулирования социальных явлений, процессов, отношений, именно правовыми средствами и именно в водимых пределах. Регулирование общественных отношений позитивным правом не является залогом целесообразности и необходимости их упорядочения только в рамках позитивно-правового регулирования. Превышение государством объективных границ предмета правового регулирования может стать причиной «заурегулированности», излишнего контроля над обществом, демонстрируя недоверие к собственным гражданам, спровоцировав подрыв легитимности, и вследствие этого повлечь его неэффективность и игнорирование со стороны субъектов. На наш взгляд, продуманное экспериментальное правовое регулирование, как средство минимизации правотворческих рисков, возможный инструмент поддержания корреспондирующего доверия между обществом и государством. В свою очередь, доверие, проявляя свою социально-психологическую сущность, выступит механизмом преодоления риска в общении [5, с. 98].

Несмотря на относительно новую, но довольно активно развивающуюся в юридической науке и практике универсалию экспериментального правового регулирования, на уровне научного статуса укрепились еще три понятия: «правовой эксперимент», «экспериментальный правовой режим» и «экспериментальная правовая норма». Ряд исследований посвящен соотношению экспериментального правового регулирования с правовым экспериментом (М.В. Залойло, Р.Р. Хайрулин) [6; 7], с правотворческим опытом (А.Г. Репьев) [8] и правотворческим экспериментом (О.А. Кузнецова, И.В. Фатьянов) [9; 10]. Все это свидетельствует об активном научном поиске в рамках обозначенных категорий.

Онтологически, все три понятия связаны и включены в процесс воздействия права на общественные отношения, последовательно запуская пробный вариант регулирования с оценкой вероятности его эффективности. Между тем, предметом научного рассмотрения статьи является постановка вопроса об оценке экспериментального правового регулирования с точки зрения доверия в праве. Соотношение доверия в праве и экспериментального правового регулирования возможно через оценку рисков, формирующих доверие или недоверие в праве. В проекции к праву доверие характеризуется состоянием субъекта, ожидающего исполнение возложенных на кого-либо обязательств [11, с. 27]. Следует предположить, что основой кредита доверия между субъектами права и государством, предлагающим регулирование прав и обязанностей этих субъектов как правовой эксперимент, предполагается оценка, проверка экспериментального правового регулирования с позиций определенности, прозрачности и свободы.

Для начала определимся с ключевыми понятиями темы. Согласимся с уже имеющейся в науке дефиницией и будем понимать под «правовым экспериментом» специальную модель временного правового регулирования, реализуемую посредством экспериментальной правовой нормы, предусматривающую пробное установление изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, и направленную на повышение эффективности воздействия на общественные отношения [8, с. 47]. Предлагаемое понимание высвечивает связь правового эксперимента с экспериментальным правовым регулированием в рамках правотворческого эксперимента при помощи экспериментальной правовой нормы в условиях экспериментального правового режима, и такая теоретическая модель имеет универсальный характер. Отметим одну особенность, установленную путем анализа «экспериментального законодательства», что

нормативное правовое регулирование правового эксперимента вне сферы цифровых инноваций, не использует употребление термина «экспериментальный правовой режим», ограничиваясь лишь особенностями регулирования отношений в рамках эксперимента, установленными в норме права (экспериментальной правовой норме).

Экспериментальная правовая норма по своему содержанию и в силу своего характера определяет отклонения от общих требований за счет не только изъятий и дополнений [8, с. 46], но также установления блокировки действия положения общей нормы или даже полностью нормативных правовых актов. Так, согласно нормативно-правовому предписанию п. 4 ст. 11 Федерального закона «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ», положения указанных в нем статей закона об охране атмосферного воздуха при проведении эксперимента не применяются.

Понятие и признаки экспериментальной правовой нормы продуктивно изучаются в юридической доктрине и обогащают знания о концепте экспериментального правового регулирования [12, с. 38–39; 13].

Говоря об экспериментальном правовом регулировании, следует обратить внимание на максимальную степень закрепленности в нормах права всех ступеней его функционирования, воздействия на экспериментальную сферу отношений. Во-первых, это базовое нормативно-правовое регулирование, во-вторых, специально-правовое (вытекающее из базового) регулирование, в-третьих, детализирующее узкоспециальное регулирование, вводящее критерии определенности действия во времени, в пространстве и по кругу лиц. Такая теоретическая схема имеет и нормативно-правовое закрепление в действующем законодательстве при установлении экспериментальных правовых режимов «регуляторных песочниц». Так, Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее – закон об ЭПР в сфере цифровых инноваций) четко-определенно устанавливает дефиницию общего регулирования и дефиницию специального регулирования¹. Узкоспециальное регулирование в виде особенностей специального закрепляется программой экспериментального правового режима (утверждаемой правовым актом уполномоченного субъекта) с учетом определения специфики участников, сроков, видов деятельности, при необходимости территориальных границ регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций.

Речь идет о том, что экспериментальное правовое регулирование предполагает 3 уровня: базовое (общее) (например, п. 8 ст. 1 части Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)² предусматривает возможность проведения экспериментов по установлению налогов, сборов, специальных налоговых режимов); специальное (например, действие специальной экспериментальной правовой нормы, устанавливающей сроки действия и территории регулирования в законе о регулировании специального налогового режима «самозанятых» – «налог на профессиональный доход»)³; узкоспециальное, которое можно вполне идентифицировать как исключительное (предполагающее, как изъятия, так и дополнения) в отношении действующего базового и специального правового регулирования общественных отношений (например, ч. 11 ст. 2, указанного закона о «самозанятых», устанавливает исключения в отношении уплаты платежей по страховым взносам на период применения специального налогового режима, индивидуальными предпринимателями согласно пп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ).

Экспериментальное правовое регулирование это система всех правовых средств, как нормативных, так и индивидуальных. На нормативном уровне правового регулирования – это система нормативно-правовых предписаний, в том числе и правовых норм, связанных с установлением особого порядка регулирования общественных отношений, отличного от уже закрепленного и реализуемого в действующей системе права по средством законодательного регулирования (в широком смысле) и выходящего за пределы общего. На индивидуальном уровне подключаются все индивидуально-правовые средства (например, акты реализации права), участвующие в регулировании общественных отношений в рамках претворения в

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон № 146-ФЗ от 31 июля 1998 г.: по сост. на 01 окт. 2021 г. // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

жизнь правотворческого эксперимента. Так, для реализации обжалования решения контрольных и надзорных органов в досудебном порядке дистанционно – через портал госуслуг, согласно установленным экспериментальным правовым нормам постановления Правительства о проведении такого эксперимента, предусмотрена подача жалобы контролируемым лицом в добровольном порядке через персональный кабинет «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»⁴.

Наиболее общее понятие «экспериментальный правовой режим» введено Федеральным законом в 2020 г. «Об обязательных требованиях в Российской Федерации (далее – закон об обязательных требованиях)», к слову, оно пестрит понятием «определенный»⁵. Закон закрепляет, что экспериментальный правовой режим состоит в применении в течение определенного периода времени специального регулирования в отношении определенной группы лиц или на определенной территории, в том числе в полном или частичном отказе от применения определенной группой лиц или на определенной территории обязательных требований либо в отказе от осуществления разрешительной деятельности в отношении объекта такой деятельности. Статья 1 указанного закона устанавливает сферу применения нормативного правового акта, а, следовательно, применение дефиниции к сфере применения обязательных требований.

Бланкетный характер ч. 2 ст. 13 закона об обязательных требованиях переадресует к специальному регулированию иными федеральными законами с конкретизацией порядка регулирования и срока действия экспериментального правового режима в сфере применения обязательных требований.

Одним из специальных правовых актов является вступивший в силу 28 января 2021 г. закон о «регуляторных песочницах», который установил экспериментальные правовые режимы для тестирования цифровых инноваций в России. В нем содержится аналогичная дефиниция, конкретизирующая экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций и определяющая его как специальное регулирование.

Согласимся с выводом отдельных авторов, рассматривающих интерполяцию права и алеаторность, как отличительные признаки экспериментального правового режима. Рисковый характер экспериментального правового регулирования, имеет потенциально более непредсказуемый результат и вероятностный итог достижения целей государственной политики. С этой стороны экспериментальное правовое регулирование имеет характер неопределенности, и в этом смысле проявляет себя как фактор недоверия в праве.

Обратной стороной экспериментального правового регулирования является то, что исследуемый объект наблюдения контролируется в специально заданных условиях и обеспечивает возможность фиксировать все свойства, связи, отношения, меняя параметры условий [14, с. 64] в зависимости от потребностей, что обеспечивает определенность правового регулирования и проявляет его как фактор доверия в праве. Например, статьи 6, 15, 16, 17, 18 закона об ЭПР в сфере цифровых инноваций предусматривают условия установления, изменения, приостановления, прекращения и мониторинга экспериментального правового режима.

Несомненно, пристальное внимание государства сегодня обращено к сфере цифровых инноваций. Например, это реализация государством федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» как части национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Согласно выводам о перспективах внедрения цифровых инноваций посредством экспериментального правового регулирования в современной России, сформулированных в рамках научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), профессор М.Л. Давыдова резюмирует, что такая необходимость возникает, когда нормы уже формализованы, акты позитивного права прошли необходимую социализацию, но технологическое развитие вступает с ними в конфликт [4, с. 38]. Подходя к оценке экспериментального правового регулирования с позиции прозрачности, приведем следующий пример. Так, общедоступная информация из новостной страницы с официального сайта Минэкономразвития подтверждает одну из целей пробного регулирования в рамках процедуры «регуляторных

⁴ О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц : постановление Правительства Рос. Федерации от 24 июля 2020 г. № 1108 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> / (дата обращения: 28.06.2024).

⁵ Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 447-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5006.

песочниц». Заявлено, что необходимость введения временных особенностей неизбежна, т. к. отдельные нормы законов препятствуют экспериментальным проектам⁶. Барьерное правовое регулирование может быть излишним, трудновыполнимым, неактуальным, тормозящим инновации, что может создавать для субъектов права мотивы «обхода закона». В связи с этим своевременное экспериментальное правовое регулирование (при любом исходе его «пило-тирования») в условиях экспериментальных правовых режимов можно рассматривать:

- как способ совершенствования общего нормативного правового регулирования общественных отношений, процессов, явлений; выявление недостаточности или избыточности текущего законодательства;

- как средство повышения правового качества (в том числе юридино-технического) нормативных правовых актов, как блокируемых экспериментальными нормами, так и действующих в единстве системы законодательства (например, «законов-спутников»);

- как условие эксплицитности ошибки экспериментального правотворчества;

- как метод оценки качества государственного управления;

- как способ проявления потенциальных рисков запуска новых продуктов и технологий, а также и механизмов нивелирования рисков;

- как реагент для оценки количественного и качественного уровня доверия субъектов (участников) права, вовлекаемых в эксперимент.

В широком смысле, в экспериментальной сфере общественных отношений, подлежит оценке качество правового регулирования (как результат и как процесс) на соответствие степени заложенных целей ожидаемым результатам с учетом двухвекторности. Во-первых, оценка результативности экспериментального нормативного правового акта по критериям действенности, эффективности, целесообразности, во-вторых, оценка качества государственного управления через параметры обоснованности, результативности, целесообразности и эффективности. Заметим, что в научных исследованиях, этот дуализм имеет место и есть основания его поддержать [15, с. 160; 2, с. 13].

Возвращаясь к концепту правового регулирования, как фундаментальному государственно-правовому явлению, считаем необходимым оценивать результативность и иных элементов механизма экспериментального правового регулирования (акты толкования права, правореализационные правовые акты, акты применения права и другое). Вместе с тем, учитывая попытку соотнесения оценки экспериментального правового регулирования с теорией доверия в праве, актуализируется потребность в рассмотрении данного дуализма в конвенциональности подходов, отражающих феномен доверия в праве через единство легитимности права и легитимности государства.

Отдельные аспекты оценки итогов, качества организации и проверки, а также результативности правового эксперимента вызывают интерес ученых и практиков, однако имеют перспективу дальнейших разработок. Несомненно, в теоретико-правовом ключе, актуализация проблематики об эффективности правовых экспериментов в правотворчестве уже отражена в диссертациях и работах В.Н. Ельцова [16, с. 6] и уже упомянутого выше – земляка И.В. Чагина [17, с. 378].

Соотношение категории доверия и правового регулирования (применительно к тематике экспериментальных правовых режимов) возможно через анализ прозрачности (открытости). С социально-правового ракурса прозрачность экспериментального правового регулирования подразумевает открытость и проверяемость, т. е., возможность любого члена общества получить достоверные данные о ходе правового эксперимента. Указанный параметр следует считать выполненным, если информативность об экспериментальном правовом регулировании, во-первых, проясняет и делает выполнимым правовой эксперимент через установленный процесс экспериментального правового режима государственного управления; во-вторых, материализуясь в элементах механизма экспериментального правового регулирования, максимально доступна для субъектов, трансформирующих свой действующий статус в статус участников правового эксперимента. Таким образом, что, получив необходимую информацию при соответствии нормативным критериям участника, такие субъекты права заинтересованы и согласны стать субъектами экспериментальных правоотношений. И в третьих, степень прозрачности экспериментального правового регулирования позволяет участникам осознавать преимущества своего экспериментального правового статуса, гарантии защиты прав и добросовестного выполнения обязанностей так, чтобы получаемые выгоды оправдали их ожидания, покрыв (оправдав) риски доверия.

⁶ URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vystupit_regulyatorom_pesochnic_dlya_cifrovyh_innovaciy.html (дата обращения: 28.06.2024).

Сегодня закон об ЭПР в сфере цифровых инноваций совершенствуется, депутаты Государственной Думы во 2 чтении одобрили законопроект о поправках. Согласно статистике, в рамках 15 действующих экспериментальных правовых режимов более 170 организаций и индивидуальных предпринимателей тестируют цифровые технологии и регуляторные рамки, участниками стали более 90 тыс. граждан. Законодательный проект имеет цель еще более упростить порядок подготовки эксперимента и увеличить скорость рассмотрения и установления экспериментальных правовых режимов⁷.

Представляется, что оптимизм директора департамента цифрового развития и экономики данных России В. Волошина обнадеживает в том, что данный вид правового регулирования намерен набирать обороты. Такая тенденция в большей степени свидетельствует об определенной степени доверия общества к процессу экспериментального правового регулирования. Одним из факторов опасения может быть так называемый «эффект вытеснения стимулов внутренней мотивации» внешними «пряниками». В погоне за отражением стремительно меняющейся реальности право рискует вырождаться в «пустой» пакет манипулятивных технологий, легализующих власть «желаний». При этом оно обречено на потерю своих ключевых признаков: установки на общезначимость справедливых норм и легитимизирующую силу, основанную на исходном доверии к праву как институту [18, с. 25].

Экспериментальное правовое регулирование как вид правового регулирования набирает обороты. В рамках первого утверждается экспериментальный правовой режим государства, способствующий реализации правового эксперимента в правотворческой практике при помощи экспериментальной правовой нормы.

На наш взгляд, упомянутые выше коммуникативный и институциональный подходы к правопониманию с интенцией к кибернетическому взгляду на государство могут выступать неплохой методологией легализации экспериментального правового регулирования. С точки зрения концептуальных научных подходов можно констатировать, что законодательно отформатированный процесс экспериментального правового регулирования сегодня одно из условий доверия к позитивно-правовому регулированию. Профессор В.В. Денисенко, исследуя проблемы легитимности права, со ссылкой на классика одного из направлений коммуникативной концепции пишет о «легитимности через процедуру» [19, с. 79], т. е. установление на уровне закона формальных процедурных правил, способствующих определенности и прозрачности государственного управления, что активно применяется сегодня при реализации экспериментального правового режима. Исследование действующего процесса правового регулирования не дает оснований говорить о серьезных изъянах в механизме экспериментального правового регулирования, что повышает уверенность в необходимости и важности его установления.

Используя метод аналогии к уже действующим конструкциям теорий правового регулирования и реализации права, оценка реализации экспериментального правового регулирования может быть рассмотрена как процесс (с субъективной и объективной стороны) и как результат (совпадение целей экспериментального регулирования и правовой действительности, например, целесообразность апробированных технологий, снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха, развитие сферы предпринимательства и т. д.). Ввиду ограниченности исследования рамками научной статьи, названный аспект требует самостоятельного осмысления и изложения.

Изучение нормативного регулирования и научно-практического материала по исследуемому в статье вопросу позволяет сделать вывод о том, что установление экспериментальных правовых режимов вызвано, как объективной необходимостью социально-правовой реальности, так и субъективной смелостью субъектов правотворчества, отвечать на вызовы современности. Диалектика диалоговых процессов власти и общества, основа доверия к праву и в праве даже в условиях риска. Доверие к правовым институтам государства становится своего рода кислородной подушкой для экономики, как высказывается судья Конституционного Суда России [20, с. 10], а это в свою очередь позитивно отражается на осуществлении экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций и проведении иных правотворческих экспериментов.

За «кадром» научной статьи автор намеренно оставил вопрос о соотношении экспериментального правового регулирования и доверия в праве через категорию «свободы». Без всяких сомнений, ценность свободы в праве и свобода как ценностная сущность доверия – перспективный аспект исследования темы.

⁷URL:https://www.economy.gov.ru/material/news/gosduma_obyazala_pravitelstvo_rf_predostavlyat_ezhegodnyy_otchet_o_realizacii_epr.html (дата обращения: 02.07.2024)

Резюмируя сказанное, заметим, что интерес к более глубокому изучению политики государства в вопросе экспериментального правового регулирования, несмотря на ее плюсы и минусы, а также потенциальные риски, вместе с тем дает основания проникнуться доверием к осуществляемым инициативным правовым экспериментам⁸. Однако не будем забывать о смысле фразы «доверяй, но проверяй».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельниченко Р.Г. Правовой эксперимент как метод «умного правового регулирования» на примере Российской адвокатуры // Правовая парадигма. 2021. № 3. Т. 20.
2. Чагин И.Б. Правотворческий эксперимент и оценка его результативности (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022.
3. Якубенко К.Ю. История политических и правовых учений: учеб.-метод. комплекс. Иркутск, 2009.
4. Давыдова М.Л. Правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим в механизме правообразования: проблемы соотношения // Право и политика: история и современность. Омск, 2022.
5. Кокотов А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5(102).
6. Залоило М.В. Правотворческий эксперимент и экспериментальные правовые режимы как апробация новых ценностей в условиях цифровизации общественных отношений // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации. М., 2020.
7. Хайруллин Р.Р., Салиева Р.Н. О соотношении понятий «правовой эксперимент» и «экспериментальный правовой режим» («регуляторная песочница») // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Казань, 2023.
8. Репьев А.Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97).
9. Кузнецова О.А. Правовой эксперимент как научно-исследовательский метод в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3.
10. Фатьянов И.В. Правотворческий эксперимент в России как метод правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
11. Репьев А.Г. Доверие в праве как ценностный ориентир и общеправовой принцип // Правовые ценности: формирование, эволюция, функции. М., 2024.
12. Репьев А.Г., Сенякин И.Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16.
13. Маргарян А.В. Экспериментальная норма российского права: постановка проблемы исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-2.
14. Шаламова А.Н., Чагин И.Б. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента в исследовании правового регулирования в позитивно-правовом смысле // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11.
15. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Ефремов А.А. Подходы к оценке результативности и эффективности экспериментов в государственном управлении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3(46).
16. Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
17. Чагин И.Б. К вопросу об экспертной оценке результативности правового эксперимента // Юридическая техника. 2022. № 16.
18. Легойда В.Р. «Доверие к праву» как культурфилософская проблема: к вопросу об источниках и основаниях формальных социальных регуляторов // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 4(4).

⁸ Нормативное регулирование цифровой среды : Информационная справка о статусе исполнения Федерального проекта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (по сост. на 19 авг. 2022 г.) // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL:https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vystupit_regulyatorom_pesochnic_dlya_cifrovyyh_innovaciy.html (дата обращения: 28.06.2024).

19. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М., 2022.
20. Гаджиев Г.А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. 2012. № 1.

REFERENCES

1. Melnichenko R.G. Legal experiment as a method of «smart legal regulation» on the example of the Russian Bar // Legal paradigm. 2021. № 3. Т. 20.
2. Chagin I.B. Law-making experiment and assessment of its effectiveness (theoretical and legal research): dis. ... PhD in Law. Irkutsk, 2022.
3. Yakubenko K.Yu. History of political and legal doctrines: educational method. complex. Irkutsk, 2009.
4. Davydova M.L. Legal experiment and experimental legal regime in the mechanism of legal formation: problems of correlation // Law and politics: history and modernity. Omsk, 2022.
5. Kokotov A.N. The constitutional principle of trust in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Comparative constitutional review. 2014. № 5(102).
6. Zaloilo M.V. Law-making experiment and experimental legal regimes as testing of new values in the conditions of digitalization of public relations // Legal values in the light of new paradigms of development of modern civilization. Moscow, 2020.
7. Khairullin R.R., Salieva R.N. On the relationship between the concepts of «legal experiment» and «experimental legal regime» («regulatory sandbox») // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice. Kazan, 2023.
8. Repev A.G. Legal experiment and law-making experience as special models of legal regulation: technology, practice, limits // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1(97).
9. Kuznetsova O.A. Legal experiment as a research method in civil law // Methodological problems of civil law research. 2021. № 3.
10. Fatyanov I.V. Law-making experiment in Russia as a method of legal regulation: abstract. dis. ... PhD in Law. Omsk, 2015.
11. Repev A.G. Trust in law as a value guideline and a general legal principle // Legal values: formation, evolution, functions. Moscow, 2024.
12. Repev A.G., Senyakin I.N. Expert significance of the experimental norm of Russian law // Legal technology. 2022. № 16.
13. Margaryan A.V. Experimental norm of Russian law: statement of the research problem // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 11-2.
14. Shalamova A.N., Chagin I.B. Theoretical and practical aspects of legal experiment in the study of legal regulation in the positive legal sense // Legal science: history and modernity. 2019. № 11.
15. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Efremov A.A. Approaches to assessing the effectiveness and efficiency of experiments in public administration // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2021. № 3(46).
16. Eltsov V.N. Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency: abstract. dis. ... PhD in Law. Tambov, 2009.
17. Chagin I.B. On the issue of expert assessment of the effectiveness of a legal experiment // Legal technology. 2022. № 16.
18. Legoyda V.R. «Trust in law» as a cultural-philosophical problem: on the question of the sources and foundations of formal social regulators // Concept: philosophy, religion, culture. 2017. № 4(4).
19. Denisenko V.V. Legitimacy of law (theoretical and legal research). Moscow, 2022.
20. Gadzhiev G.A. Economic efficiency, legal ethics and trust in the state // Journal of Russian Law. 2012. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костюнина Ольга Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11.
ORCID: 0000-0002-2715-9068

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kostyunina Olga Vladislavovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 24–32.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 24–32.

Научная статья

УДК 34.01

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Маркус Сергей Альбертович

АО «МЕТЕОР Лифт», Москва, Российская Федерация

mark-sergal@mail.ru

Введение: статья посвящена исследованию дискуссионных вопросов, связанных с элементарным составом правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы: специфика правового обеспечения национальной безопасности изучается посредством анализа, как соответствующих нормативно-правовых актов, так и работ ученых-юристов. В статье использованы различные методы научного познания: диалектический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования и др.

Результаты исследования: установлено, что термин «правовое обеспечение» по-разному понимается не только в трудах теоретиков права, но и в действующих нормативно-правовых актах, что не позволяет систематизировать юридические средства, направленные на создание соответствующего обеспечительного механизма.

Выводы и заключения: предлагается исходить из того, что правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации – это особый правовой режим, заключающийся в создании и использовании системы юридических средств, направленных на охрану, защиту и гарантированную реализацию ее национальных интересов. Исходя из данной трехзвенной системы правового обеспечения национальной безопасности, раскрываются ее особенности и специфика в современных геополитических реалиях.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальный интерес, правовое обеспечение, правовая охрана, правовая защита, юридическое средство, правовые основы, механизм правового регулирования.

Для цитирования: Маркус С. А. Содержание и особенности правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / С. А. Маркус // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 24–32.

Original paper

CONTENTS AND FEATURES OF LEGAL SUPPORT FOR NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Markus Sergey Albertovich

JSC «METEOR Lift», Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the study of controversial issues related to the elemental composition of the legal support for the national security of the Russian Federation.

Materials and methods: the specifics of legal support for national security are studied through the analysis of both relevant regulations and the works of legal scholars. The article uses various methods of scientific knowledge: dialectical, systemic, structural-functional, formal-legal, comparative legal, legal modeling, etc.

Results of the study: it was found that the term «legal support» is understood differently not only in the works of legal theorists, but also in current regulations, which does not allow systematizing legal means aimed at creating an appropriate security mechanism.

Findings and conclusions: it is proposed to proceed from the fact that the legal support for the national security of the Russian Federation is a special legal regime consisting in the creation and use of a system of legal means aimed at protecting, defending and guaranteed realization of its national interests. Based on this three-tier system of legal support for national security, its features and specificity in modern geopolitical realities are revealed.

Keywords: national security, national interest, legal support, legal protection, legal protection, legal remedy, legal framework, mechanism of legal regulation.

For citation: Markus S. A. Contents and features of legal support for the national security of the Russian Federation / S. A. Markus // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 24–32.

Вопросы, связанные с правовым обеспечением национальной безопасности, представляются чрезвычайно значимыми как с теоретико-правовой, так и практической точек зрения по целому ряду причин.

Во-первых, беспредметно рассуждать о содержании, признаках и эффективности правового обеспечения национальной безопасности, если содержание самого термина «правовое обеспечение» не конкретизировано и употребляется лишь как связка слов в предложении, призванная указать на то, что национальная безопасность имеет отношение к праву и должна защищаться правовыми средствами.

Во-вторых, грамотное употребление термина «правовое обеспечение» позволит как избежать целого ряда правотворческих ошибок, так и конкретизировать, упорядочить юридические средства, которые предполагается использовать для создания правового режима охраны, защиты и гарантированности отдельных элементов национальной безопасности.

Следует констатировать тот факт, что в значительном количестве работ, посвященных правовому обеспечению национальной безопасности, сам термин «правовое обеспечение» используется авторами достаточно произвольно, не предопределяя строгих рамок для предмета научного анализа. Без конкретизации того, что же вкладывается в термин «правовое обеспечение», А.А. Мохов ведет речь о правовом обеспечении демографической безопасности [1, с. 62–67], О.А. Зайцев – о правовом обеспечении личной безопасности [2, с. 82–98], Е.В. Ельникова – о сельскохозяйственной продукции [3, с. 60–70], М.А. Бажина – о транспортной безопасности [4, с. 6–9], А.В. Комиссаров – о механизме государственного контроля предпринимательской деятельности [5, с. 35–40] и т. д.

Обозначенная тенденция стала весьма распространенной, как в научных исследованиях, так и в многочисленных нормативно-правовых актах, поэтому полагаем весьма значимым остановиться на содержании такой категории как «правовое обеспечение» и сопоставить ее с рядом смежных понятий.

Полагаем, что правовое обеспечение представляет собой особый правовой режим, заключающийся в правовой охране, правовой защите и правовой гарантированности определенного социального института, явления или процесса.

В отмеченной связи вряд ли можно согласиться с позициями авторов, рассматривающих правовое обеспечение как понятие, синонимичное правовому регулированию [6, с. 5–14], т. к. под правовым регулированием считаем обоснованным понимать осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения [7, с. 513; 8, с. 54].

Другими словами, правовое регулирование – это весь спектр действия юридических средств, а правовое обеспечение – это создание при помощи тех же юридических средств особых режимов правовой охраны, правовой защиты и правовой гарантированности определенных социальных институтов, явлений или процессов.

Следовательно, изложенное выше не позволяет согласиться с точкой зрения, что правовое обеспечение – более широкое понятие, чем правовое регулирование [9, с. 47–51], ведь не всякое правовое регулирование заключается лишь в правовой охране, защите и гарантированности каких-либо общественных отношений.

В силу сказанного, мы также не считаем удачным определение правового обеспечения, предложенное А.Н. Арзамаскиным, который понимает под ним систему правовых и иных средств, при помощи которых гражданское общество и государство осуществляют воздействие на общественные отношения [9, с. 50].

Полагаем, что автор чрезмерно расширяет содержание правового обеспечения и в данном контексте отождествляет его не столько с правовым регулированием, сколько с правовым воздействием в целом, что представляется весьма субъективным и необоснованным.

Предлагаем исходить из того, что правовое обеспечение является разновидностью правового регулирования, представляющее собой создание особого правового режима

по охране, защите и гарантированности определенных общественных отношений посредством соответствующего набора *юридических* средств.

Не менее дискуссионным представляется вопрос о соотношении таких категорий, как «правовая охрана» и «правовая защита», которые сам законодатель иногда отождествляет, а иногда – дифференцирует.

Отсутствие единого знаменателя в употреблении рассматриваемых категорий законодателем подтверждается при анализе многочисленных нормативно-правовых актов.

Так, глава 2.4 Лесного кодекса РФ называется «Охрана, защита, воспроизводство лесов», анализ которой говорит как о случаях отождествления рассматриваемых категорий, так и об их произвольном употреблении – в зависимости от контекста [10]. В ст. 9 ФЗ от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» говорится о защите населения и охране окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов [11], а в ст. 3 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» сказано, что охрана Государственной границы РФ является составной частью защиты Государственной границы [12]. Вместе с тем анализ ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [13] позволяет заключить, что именно защита здоровья граждан выступает элементом его охраны [14, с. 187].

Не удивительно, что отсутствие единообразия в употреблении таких терминов как «охрана» и «защита» законодателем, приводит к разночтениям в понимании соответствующих обеспечительных правовых режимов в научной литературе [15, с. 11–15].

Еще с советских времен существует достаточно распространенная позиция (особенно среди цивилистов), согласно которой правовая охрана и защита – тождественные категории, подразумевающие не что иное, как систему правового регулирования общественных отношений, которая предотвращает правонарушения, а в случае их совершения устанавливает ответственность за допущенное правонарушение [16; 17, с. 30–35].

Удивительно, но подобная позиция разделяется и авторитетными учеными-конституционалистами. Например, Н.В. Витрук отмечает, что оба рассматриваемых понятия составляют единое целое, которое называется «охраной (защитой)» прав и обязанностей [18, с. 532–536].

Не считая возможным согласиться с данной точкой зрения, считаем, что ближе к истине те ученые, которые все же полагают, что охрана прав – более широкое понятие, включающее все юридические правила по поводу определенного блага, защита же – это те меры, которые предусмотрены в законе на те случаи, когда право уже нарушено [19, с. 18–19; 20, с. 130–131].

В связи с этим В.В. Субочев верно отмечает, что большинство отраслей российского права имеют своей непосредственной задачей не только защиту нарушенных прав и интересов, но и охрану прав и интересов, которые никем не нарушаются [21, с. 6; 22, с. 24].

Исходя из анализа действующего законодательства и сложившихся в юридической литературе точек зрения, считаем обоснованным исходить из того, что правовая охрана – это специальный правовой режим, представляющий собой систему юридических средств, направленных на обеспечение беспрепятственного пользования социальным благом в рамках определенной системы общественных отношений.

Правовая защита – это специальный правовой режим, представляющий собой систему юридических средств, направленных на обеспечение пользования определенным социальным благом в случаях возникновения препятствий, затрудняющих или делающих невозможным удовлетворение соответствующих правомерных стремлений участников правоотношений.

При осуществлении правовой защиты пользование обозначенным благом может прямо нарушаться либо оспариваться, а также юридические средства могут быть направлены на восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов [23, с. 8–14].

Сказанное позволяет прийти к следующему выводу: правовое обеспечение представляет собой особую форму правового регулирования, заключающегося в правовой охране, правовой защите и правовой гарантированности определенного социального института, явления или процесса. Правовая охрана представляет собой правовой режим, обеспечивающий беспрепятственное пользование социальным благом, тогда как правовая защита направлена на обеспечение использованием определенным социальным благом в случаях возникновения конкретных препятствий, затрудняющих или делающих невозможным удовлетворение соответствующих правомерных стремлений участников правоотношений.

Таким образом, правовое обеспечение представляет собой диалектическое единство правовой охраны и правовой защиты, как особых правовых режимов.

В случае неэффективности системы юридических средств, направленных на охрану определенного социального блага, на недопущение возникновения угроз или препятствий функционированию системы социальных связей, включаются юридические средства, призванные непосредственно устранять возникшие препятствия и угрозы, либо восстанавливать нарушенные права, свободы и законные интересы участников правоотношений, т. е. защищать охраняемое правом благо.

Результатом эффективного действия правоохранительных и правозащитных режимов выступает правовая гарантированность определенных социальных благ. То есть, правовая гарантированность выступает в качестве третьего элемента правового обеспечения.

Таким образом, правовое обеспечение понимается в единстве трех его ключевых элементов: правовой охраны, правовой защиты и правовой гарантированности.

Опираясь на данные тезисы, сфокусируемся непосредственно на том, что же представляет собой правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [24], сущность национальной безопасности заключается в состоянии защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз. Считаем, что данное «состояние защищенности» является следствием, в том числе, и правового обеспечения, а именно – правовой охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации.

Таким образом, правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации – это особый правовой режим, заключающийся в создании и использовании системы юридических средств, направленных на охрану, защиту и гарантированную реализацию ее национальных интересов.

Другими словами, правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации представляет собой создание и использование системы юридических средств в целях охраны, защиты и гарантированного удовлетворения объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Более того, не будет преувеличением утверждение о том, что правовое обеспечение национальной безопасности предполагает использование юридических средств, направленных на охрану, защиту и гарантированную реализацию национальных интересов во всех сферах общественной жизни, т. к. объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии существуют в любой области.

Сказанное предопределяет тот факт, что правовое обеспечение национальной безопасности является одной из важнейших форм юридикации современного общества, когда правовое регулирование затрагивает практически все аспекты жизнедеятельности личности и общества, практически не оставляя пространства вне правовой регламентации.

Вместе с тем, данный процесс расширения пределов правового регулирования является во многом объективно обусловленным, предопределенным иерархией интересов и ценностей, сложившихся в самом обществе, среди которых интересы национальной безопасности (в которой диалектически сосуществуют интересы самой личности, общества и государства) доминируют, делая возможным реализацию всех остальных интересов и обеспечивая сохранность, в том числе, и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Более того, разнообразие сфер общественной жизни, в которых правовое регулирование осуществляется, будучи обусловленным интересами национальной безопасности, значительное количество внутренних вызовов и угроз национальным интересам, равно как и тот факт, что состояние защищенности национальных интересов не должно осуществляться в ущерб конституционным правам и свободам граждан, уровню и качеству их жизни. Предопределяет тот факт, что правовое обеспечение национальной безопасности осуществляется лишь системой юридических средств, представляющей собой сложно структурированный, внутренне согласованный и социально обусловленный механизм правового регулирования.

В п. 6 Стратегии национальной безопасности определена система обеспечения национальной безопасности, под которой понимается «совокупность, осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов».

Данный подход представляется вполне логичным, т. к. он предусматривает два ключевых взаимодействующих между собой элемента системы: кто обеспечивает национальную безопасность и как он это делает (при помощи какого инструментария). Вместе с тем полагаем, что Стратегия национальной безопасности не в полной мере обоснованно сужает круг субъектов системы обеспечения национальной безопасности, лишь реализующими государственную политику в данной сфере органами публичной власти.

Так как национальная безопасность предполагает удовлетворение объективно значимых потребностей личности, общества и государства в любой из сфер общественной жизни, то и к числу субъектов, ее обеспечивающих, следовало бы отнести, как институты гражданского общества, так и различные юридические и физические лица, чья правомерная деятельность способствует обеспечению национальной безопасности.

Считаем, что граждане Российской Федерации, участвующие в специальной военной операции или добросовестно осуществляющие свои трудовые функции на соответствующих объектах (например, на предприятиях, выполняющих государственный оборонный заказ), также могут быть отнесены к субъектам обеспечения национальной безопасности нашего государства.

В рассматриваемом контексте правовое обеспечение национальной безопасности является составляющим элементом системы обеспечения национальной безопасности, который, в свою очередь, также представляет собой систему.

В системе правового обеспечения национальной безопасности можно выделить следующие элементы:

1. Субъекты правового обеспечения национальной безопасности.

К данным субъектам следует относить самый широкий круг лиц, создающих, применяющих, толкующих и использующих в своей деятельности юридические средства в целях охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации.

Этими субъектами являются правотворческие и правоприменительные (включая правоохранительные) органы, субъекты как официального, так и неофициального толкования права, институты гражданского общества, юридические лица и граждане Российской Федерации, которые вносят значительный вклад в обеспечение национальной безопасности, реализуя правовые нормы, повышая уровень своего правосознания и правовой культуры, активно участвуя в правовой жизни общества.

2. Юридические средства обеспечения национальной безопасности.

Данные средства могут быть классифицированы по различным основаниям. Они могут быть постоянными и временными, представлять собой средства-установления или средства-деяния [25, с. 40], относится к различным отраслям права (конституционно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые и т. д.). По информационно-психологической направленности выступать юридическими стимулами или ограничениями, быть простыми (субъективные права, юридические обязанности и т. д.) или сложными (правовые институты, правовые режимы) и т. д.

Учитывая многообразие весьма обоснованных и устоявшихся в науке классификационных оснований юридических средств, тем не менее, полагаем, что в контексте правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации целесообразно сфокусировать внимание на правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных юридических средствах. Так как это, с одной стороны, позволит охватить и исследовать полномочия различных органов публичной власти и иных субъектов обеспечения национальной безопасности, а с другой – сочетать все иные характеристики юридических средств, выступающих в качестве их классификационных оснований. Например, анализ правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств позволит выделить в их составе постоянные и временные юридические средства, простые и сложные, стимулирующие и ограничивающие и т. д.

Правовое обеспечение такого важного объекта, как национальная безопасность, обладает целым рядом особенностей, на которых также необходимо сфокусировать внимание:

1. Специфика правового обеспечения национальной безопасности во многом определяется разнообразием, многоаспектностью и важностью национальных интересов, которые и являются ключевым объектом охраны, защиты и гарантированности. По сути, открытый перечень национальных интересов, закрепленный в ч. 3 Стратегии национальной безопасности РФ

делает не только сложной и системной саму категорию «национальная безопасность», но и предопределяет системность и многовекторность ее правового обеспечения.

Полагаем, что национальная безопасность Российской Федерации является самым широким, комплексным и многоаспектным объектом правового обеспечения в механизме правового регулирования общественных отношений.

2. Правовое обеспечение национальной безопасности предполагает использование юридических средств в любой из сфер жизнедеятельности общества, т. к. объективная необходимость правовой охраны, защиты и гарантированности реализации интересов личности, общества и государства не только в безопасности, но и в устойчивом развитии, является наиболее значимым фактором. Практически безгранично расширяющим правовое регулирование и объясняющим неизбежность интенсивной юридикации современной жизни.

Сказанное позволяет согласиться с выводом В.В. Субочева о том, что право, как важнейший социальный регулятор, представляет собой форму сосуществования интересов личности, общества и государства в их нормативном выражении [26, с. 5–6].

3. Системность, динамизм и многообразие юридических средств, обеспечивающих национальную безопасность, являются производными того нормативно установленного положения, что под угрозой национальной безопасности необходимо понимать как факторы и условия, создающую реальную, прямую возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации. Так и те обстоятельства, которые могут создать лишь косвенную возможность причинения определенного ущерба объективно значимым потребностям личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Следовательно, юридические средства обеспечения национальной безопасности, равно как и субъекты, их создающие и использующие, должны своевременно реагировать на подобные условия и факторы, представляющие собой угрозу национальным интересам Российской Федерации, что является особо значимым грамотно интерпретировать подобные обстоятельства в качестве угрозы.

Сделать это не всегда просто. Например, может ли подлежать однозначной оценке на предмет угрозы национальной безопасности Российской Федерации изобретение iPhone и выпуск его очередных усовершенствованных моделей, анализирующих даже речь его владельцев, использование различных «западных» приложений для обмена сообщениями и фотографиями в соцсетях (Whatsapp, Instagram и др.). Обращение к таким источникам информации, как Википедия и Youtube, или даже просто просмотр популярных голливудских кинофильмов – весьма сложные вопросы. Более того, еще более сложным представляется использование адекватных ситуаций юридических средств противодействия возможной угрозе, если на данные и иные подобные вопросы напрашивается утвердительный ответ. Каким должно быть адекватное использование юридических средств, чтобы не вызвать отторжение у участников общественных отношений, не привести к дисбалансу в системе общественных связей и не вызвать косвенную возможность причинения ущерба иным значимым интересам личности, общества и государства, в силу определенных обстоятельств, ограничения использования прогрессивных технологий.

Другими словами, специфика правового обеспечения национальной безопасности заключается в сложности и неоднозначности интерпретации определенных факторов и обстоятельств, в качестве угроз национальным интересам Российской Федерации и в очевидных трудностях использования юридических средств противодействия данным угрозам, без возможности нанесения ущерба иным национальным интересам. Возникает известная дилемма, когда, решая проблему, максимум того, что может сделать даже эффективный управленец – это стремиться к тому, чтобы число вновь появляющихся при этом проблем было минимальным.

4. Динамизм и нелинейность развития общественных отношений затрудняют не только интерпретацию конкретных факторов и условий, как угроз национальной безопасности, но и оценку эффективности, используемых юридических средств, направленных на ее обеспечение.

Так, увеличение значимости и реальности конкретной угрозы (возникновения прямого военного столкновения, использования очередного антироссийского «пакета санкций» и др.) еще не означает того, что конкретные юридические средства, которые использовались для предотвращения этой угрозы, были однозначно неэффективными. Потенциал юридических средств обеспечения национальной безопасности ограничен различными факторами и обстоятельствами, которые не всегда можно спрогнозировать и которые не зависят напрямую

от деятельности субъектов, данные юридические средства создающих и использующих. К подобным факторам и обстоятельствам относятся политические решения, принимаемые в различных государствах, экономические процессы, не поддающиеся прямому прогнозированию и контролю, научно-технический прогресс, различные социальные процессы и настроения в обществе и т. д.

Таким образом, юридические средства обеспечения национальной безопасности, наряду с устоявшимися в науке, требуют разработки и собственных критериев эффективности, позволяющих критично и адекватно ситуации оценивать надежность ее правового обеспечения.

5. Субъекты правотворческого и правоприменительного процессов, как правило, оперируют понятием «защита национальных интересов» («защита национальной безопасности»), и лишь в редких случаях прибегают к таким терминам, как «охрана национальных интересов» («охрана национальной безопасности»), «гарантированность реализации национальных интересов», «гарантии национальной безопасности».

Вместе с тем сказанное не означает того, что правовое обеспечение национальной безопасности сводится лишь к ее защите, что подтверждает и само толкование различных нормативно-правовых и иных правовых актов. Другими словами, анализ практики правового обеспечения национальной безопасности во многих случаях требует расширительного толкования текстов правовых документов, а самим субъектам правотворческой и правоприменительной деятельности необходимо более внимательно и грамотно подходить к дифференциации различных юридических средств и правовых режимов, выступающих элементами правового обеспечения национальной безопасности.

6. Правовое обеспечение национальной безопасности предполагает использование и оказывает прямое воздействие на неюридические средства охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации. Именно юридические средства обеспечения национальной безопасности обуславливают правомерность или противоправность использования политических, экономических, информационных и иных ресурсов в определенных целях, определяют границы и влияют на эффективность их применения.

Более того, так как национальная безопасность Российской Федерации не может обеспечиваться противоправными средствами, есть все основания утверждать, что по своему содержанию средства обеспечения национальной безопасности могут быть юридическими, экономическими, политическими, информационными, воспитательными, культурными, биологическими и т.д. Но все они реализуются правомерным поведением субъектов, их использующих, а значит, имеют правовую форму своей объективации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6.
2. Бажина М.А. Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // Транспортное право. 2023. № 1.
3. Волова А. А. Соотношение понятий «правовая охрана» и «правовая защита» // Молодой ученый. 2023. № 43 (490).
4. Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. О.С. Иоффе. М., 1969.
5. Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
6. Ельникова Е.В. Правовое обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции // Современный юрист. 2022. № 3.
7. Зайцев О.А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. № 10.
8. Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 29.05.2023) «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 29.04.1993. № 17. Ст. 594.
9. Комиссаров А.В., Комиссаров М.А., Абакумова Е.Ю. Современные подходы в правовом обеспечении механизма государственного контроля предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2023. № 9.
10. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006. № 50. Ст. 5278.

11. Малейн Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985.
12. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 3 (214).
13. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany, 2012.
14. Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения. Юридический мир. 2007. № 3.
15. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1972.
16. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2022.
17. Мохов А.А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. № 6.
18. Осипов М.Ю. К вопросу о понимании феномена «правовая охрана» // Advances in Law Studies. 2023. Том 11. № 1.
19. Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973.
20. Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12.
21. Субочев В.В. Специфика правового обеспечения законных интересов // Академический юридический журнал. 2006. № 4.
22. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2002.
23. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
24. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.
25. Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). Ст. 31.
26. Шериев А.М. Субъективные права, свободы и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

REFERENCES

1. Arzamaskin A.N. Definition of the concept of «legal support»: statement of the problem // Science and school. 2016. № 6.
2. Bazhina M.A. Legal support of transport security in the context of digitalization // Transport Law. 2023. № 1.
3. Volova A. A. Correlation of the concepts of «legal protection» and «legal protection» // Young scientist. 2023. № 43 (490).
4. Civil protection of individual interests / Ed. O.S. Ioffe. Moscow, 1969.
5. Evtushenko S.G. Legal support of military security of Russia: dis. ... cand. legal Sci. Moscow, 2000.
6. Elnikova E.V. Legal support for the safety of agricultural products // Modern lawyer. 2022. № 3.
7. Zaitsev O.A. Legal support for the personal safety of the victim in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2023. № 10.
8. Law of the Russian Federation dated 01.04.1993 № 4730-1 (as amended on 29.05.2023) «On the State Border of the Russian Federation» // Gazette of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 29.04.1993. № 17. Art. 594.
9. Komissarov A.V., Komissarov M.A., Abakumova E. Yu. Modern approaches to the legal support of the mechanism of state control of entrepreneurial activity // Law and Economics. 2023. № 9.
10. Forest Code of the Russian Federation dated 04.12.2006 № 200-FZ (as amended on 04.08.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 11.12.2006. № 50. Art. 5278.
11. Malein N.S. Protection of individual rights by Soviet legislation. Moscow, 1985.
12. Malko A.V. Mechanism of legal regulation // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1996. № 3 (214).
13. Malko A.V. Incentives and restrictions in law: Information-theoretic aspect. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany, 2012.

14. Malko A.V., Subochev V.V. Legitimate interest and legal obligation: aspects of the relationship. Legal world. 2007. № 3.
15. Matuzov N.I. Legal system and personality. Saratov, 1972.
16. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law. Moscow, 2022.
17. Mokhov A.A. Demographic security and its legal support // Lawyer. 2023. № 6.
18. Osipov M.Yu. On the issue of understanding the phenomenon of «legal protection» // Advances in Law Studies. 2023. Volume 11. № 1.
19. Stoyakin G.Ya. The concept of protection of civil rights // Problems of civil liability and protection of civil rights. Sverdlovsk, 1973.
20. Subochev V.V. Law and its role in ensuring the dialectical unity of personal, public and state interests // Law and Politics. 2003. № 12.
21. Subochev V.V. Specifics of legal support for legitimate interests // Academic legal journal. 2006. № 4.
22. Theory of State and Law: textbook / ed. V.K. Babaeva. Moscow, 2002.
23. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 05.07.2021. № 27 (part II). Art. 5351.
24. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ (as amended on July 24, 2023) «On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 28.11.2011. № 48. Art. 6724.
25. Federal Law of 30.12.2020 № 492-FZ «On biological safety in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 04.01.2021. № 1 (part I). Art. 31.
26. Sheriev A.M. Subjective rights, freedoms and legitimate interests as objects of legal protection and protection: problems of theory and practice: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркус Сергей Альбертович, советник по правовым и административным вопросам.
АО «МЕТЕОР Лифт». 105118, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кирпичная, 21.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marcus Sergey Albertovich, legal and administrative advisor, JSC «METEOR Lift».
21, Kirpichnaya St., Moscow 105118 Russian Federation.

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 33–39.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 33–39.

Научная статья

УДК 343.37: 343.72

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ БАЗИС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСКИМ МАНИПУЛЯТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Буряков Геннадий Александрович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
gburiakov@mail.ru

Королева Ирина Владимировна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ivkoroleva@fa.ru

Вышаренко Ульяна Владимировна

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
visharenko@yandex.ru

Введение: в исследовании с теоретико-правовых и социально-нравственных позиций проведен анализ сущности мошеннических действий и противостояния им. В статье затронуты вопросы мошенничества в системе взаимоотношений физических лиц и организаций кредитно-финансовой сферы. Раскрыт механизм консолидированного противостояния мошенническим операциям.

Материалы и методы: в процессе исследования использовалась система принципов познания, общенаучных методов. Методологический аппарат основан на применении логико-теоретических методов, наблюдении, сравнении, анализе, синтезе, статистическом обобщении. Эмпирическую базу исследования составили данные практики расследования финансовых мошенничеств, находящиеся в свободном доступе.

Результаты исследования: на основе анализа мошеннических действий рассмотрены некоторые способы противоправной деятельности. Установлено, что финансовая грамотность населения позволяет успешно противостоять проведению мошеннических операций, конкретизировать ее социальное значение и системно показать совокупность государственно-правового воздействия на финансово-экономические отношения.

Выводы и заключения: функциональный анализ содержания механизма повышения финансовой грамотности позволяет выявить потенциальные возможности консолидации государственных и общественных форм противостояния мошенническим деяниям посредством создания просветительской инфраструктуры органами власти и управления, а также некоммерческими организациями и общественными движениями.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, денежные средства, имущество, банк, противодействие манипуляциям, финансовая грамотность.

Для цитирования: Буряков Г. А., Королева И. В., Вышаренко У. В. Финансовая грамотность как теоретический и эмпирический базис противодействия мошенническим манипулятивным технологиям / Г. А. Буряков, И. В. Королева, У. В. Вышаренко // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 33–39.

Original paper

FINANCIAL LITERACY AS A THEORETICAL AND EMPIRICAL BASIS
FOR COUNTERING FRAUDULENT MANIPULATIVE TECHNOLOGIES

Buryakov Gennady Alexandrovich

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Koroleva Irina Vladimirovna

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vysharenko Ulyana Vladimirovna

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the study analyzes the essence of fraudulent actions and counteraction to them from theoretical, legal and socio-moral positions. The article touches upon the issues of fraud in the system of relationships between individuals and organizations in the credit and financial sphere. The mechanism of consolidated counteraction to fraudulent operations is disclosed.

Materials and methods: the study used a system of principles of knowledge, general scientific methods. The methodological apparatus is based on the use of logical and theoretical methods, observation, comparison, analysis, synthesis, statistical generalization. The empirical basis of the study was made up of data from the practice of investigating financial fraud, which are freely available.

Results of the study: based on the analysis of fraudulent actions, some methods of illegal activity are considered. It has been established that the financial literacy of the population allows successfully countering fraudulent operations, specifying its social significance and systematically showing the totality of state and legal impact on financial and economic relations.

Findings and conclusions: the functional analysis of the content of the mechanism for improving financial literacy allows us to identify potential opportunities for consolidating state and public forms of counteracting fraudulent activities through the creation of an educational infrastructure by government and administrative bodies, as well as non-profit organizations and public movements.

Keywords: fraud, theft, cash, property, bank, counteracting manipulation, financial literacy.

For citation: Buryakov G. A., Koroleva I. V., Vysharenko U. V. Financial literacy as a theoretical and empirical basis for countering fraudulent manipulative technologies / G. A. Buryakov, I. V. Koroleva, U. V. Vysharenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 33–39.

Одной из экономических угроз стабильности общества является организованная преступность, быстро приспосабливающаяся к любым изменениям, применяющая постоянно совершенствуемые формы и способы осуществления преступных посягательств [1]. Россия уже в течение нескольких лет переживает мошенническую революцию, реализуемую как доморощенными финансовыми махинаторами, так и прямыми врагами, рассчитывающими путем повышения социальной напряженности в обществе, поменять власть. Финансовое мошенничество, реализуемое посредством применения информационно-коммуникационных технологий (fraud, в переводе фрод), превратилось в проблему общенационального уровня.

Известно, что с территории Украины организованными мошенническими кол-центрами (посредством технических устройств и мессенджеров осуществляется) массированное информационное давление на граждан России в форме социальной инженерии с целью введения их в заблуждение или запугивания, для завладения персональными данными (паспорт, СНИЛС, ИНН), денежными средствами, ПИН-кодами, СМС-кодами, получения возможности для входа от имени гражданина на портал «Госуслуг», получения возможности доступа к его счету, проведения финансовых действий от его имени по оформлению кредитов, продаж имущества, финансовых активов и т. д.

Манипуляторные технологии мошеннического характера в настоящий период имеют широкое распространение, охватив в первую очередь сферу денежного оборота и сбережений – систему взаимоотношений физических лиц и организаций кредитно-финансовой сферы. Мошенники нацелены на присвоение денежных средств и имущества посредством использования манипуляторных механизмов, обмана, применения других приемов. Реализация алчных целей путем предварительных задумок с нанесением прямого урона потерпевшей стороне на основе излишней доверчивости и пренебрежения безопасностью жертвой выступа-

ют главными критериями мошенничества. При этом мошеннические действия направлены, в первую очередь, на овладение безналичными денежными средствами на счетах, применение социальных технологий воздействия на граждан для конвертации их имущества в денежные средства, для воздействия с целью принуждения к оформлению ими кредитов с последующим направлением на счета злоумышленников и т. п. Информационные технологии выступают основой овладения электронными денежными средствами, которые представляют собой платежный инструмент, выраженный в форме, эквивалентной их денежной стоимости и хранящийся на сервере для последующего использования в качестве электронных средств платежа. Широко представлена позиция о стоимостной сопоставимости электронных и безналичных денежных средств [2, с. 24–29]. Аналогичное понимание представлено в Постановлении Пленумов ВС РФ от 30.11.2017 г. № 48¹ и от 07.07.2015 г. № 32², а также в разъяснениях прокуратуры³. Проблему повышения финансовой грамотности следует рассматривать на основе характеристик следующих подходов.

Плюралистический подход предполагает компромисс интересов, как государства, так и различных групп. Участие всех заинтересованных групп ущемляется мошенническими действиями третьих лиц. Здесь прослеживается единая позиция: органов власти и управления, финансово-кредитных организаций, правовых структур, органов налогообложения, служб страхования, финансового контроля и т. д., которые заинтересованы в повышении финансовой грамотности граждан для снижения уровня социальной напряженности в обществе.

Выделяют также *этический подход*, рассматривающий эволюцию правовой культуры сторонним исследователем, при незыблемости установившегося духовно-морального уклада общества (концепция «гарантийного государства», представленная Алексеевым Н.Н. в гл. 2 «Государство как самостоятельное существо») [3]. Этический подход в качестве доминанты выделяет мораль, цементирующую нравственно-национальные интересы, а правовая культура их генерирует и воплощает в режим законности.

Для современного общества нельзя обойти вниманием *технологический (инструментальный) подход* Макиавелли, игнорирующий морально-нравственные устои общества, где доминантой выступают действия для достижения результата, попирая религиозные и ценностно-моральные основы. Следует констатировать, что действия мошенников основываются на установках Макиавелли [4]. Из изданного в 1532 г. произведения «Il principe» (известны разные переводы названия: «Государь», «Правитель», «Князь») широко разошлась его цитата: «Умножая зло, не бойтесь упреков совести за содеянное, потому что победа не вызывает позора, какой бы ценой она ни одержана, ведь победителей не судят» [5].

Организованные по предварительному сговору, действия мошеннических группировок, расположенных как в пределах, так и за пределами России, основываются на технологических и IT-возможностях, выступающих в преступных руках, средствами осуществления противоправной деятельности. IT-телефония, мессенджеры, технические устройства для мгновенного обмена информацией вне зависимости от локализации создают множество возможностей и предоставляют дополнительные удобства гражданам, но они же в преступных руках позволяют на основе анонимности и технико-технологических возможностей проводить мошеннические операции. Бесконтрольность мошенников, применение онлайн платформ, дистанционный характер общения с потенциальными жертвами, безграничные возможности создания новых сайтов и применения новых адресов, виртуальная прозрачность, низкая безопасность интернет-ресурсов или ее отсутствие. Другие факторы послужили благодатной почвой для роста мошеннических операций. В Российской Федерации, в соответствии с законодательством, все лица, осуществляющие мошеннические действия, подлежат преследованию⁴.

Рост противоправных деяний со стороны мошеннических группировок можно подтвердить информацией Банка России. За 2023 г. количество проведенных операций без согласия

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 г. Москва «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Российская газета – Федеральный выпуск: № 280 (7446).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 г. Москва «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Прокурор разъясняет. Ответственность за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа (Отдел государственных обвинителей). 16 марта 2021. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=61021393 (дата обращения: 01.06.2024).

владельцев счетов выросло по отношению к 2022 г. на 11,48 %. По банковским картам имеет место наибольший объем хищений, соответствующий 7 120,37 млн рублей. Подсчеты регулятора показывают, что благодаря противодействию антифрод-программ, злоумышленники в 2023 г. не смогли провести 34,77 млн операций на сумму 5 798,35 млрд рублей⁵.

Наибольшим социальным раздражителем общества выступает телефонное мошенничество, посредством которого осуществляется широкомасштабное введение в заблуждение доверчивых граждан. Все формы телефонного мошенничества начинаются с овладения информацией о номерах телефонов и прочих личных данных из информационных баз и фишинговых сайтов, размещенных на теневых ресурсах Интернета. Практика показывает, что мошенники могут представиться специалистами банка, технического отдела или службы безопасности, сотрудниками оператора мобильной связи, брокерами, работниками маркетплейса, онлайн-магазина, специалистами по инвестированию, по страхованию; сотрудниками Следственного комитета, ЦБ, МФЦ, ФНС, ФСБ, Прокуратуры, ГАИ, полиции; социальными работниками и другими уважаемыми в обществе персонами, что уже является сознательным сообщением заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений и вводит в заблуждение человека. Кроме того, мошенники, выдающие себя за представителей органов власти, правоохранительных органов, силовых структур и т. д., отправляют потенциальной жертве для подавления воли и усиления психологического давления, фотографии поддельных служебных удостоверений, что требует дополнительной классификации содеянного по ч. 1 ст. 327 УК РФ, а также ч. 3 ст. 30 УК РФ⁶. Обстоятельства мошеннических действий усложняются ананомностью злоумышленников и тем, что в большинстве случаев потенциальная жертва дезориентирована информационным потоком со стороны мошенников, теряет бдительность, собственноручно, продает свое жилье, оформляет кредит (на сленге мошенников закрывает свой «кредитный потенциал» и в противовес, якобы, одобренного неизвестному лицу, оформляет «встречный, зеркальный» кредит). В противодействие, якобы зафиксированной «подозрительной активности», снимает и переводит деньги со своего счета на так называемый «защищенный», «страховой», «резервный» счет или «спецсчет Банка России», указанный злоумышленниками, позиционирующими себя защитниками интересов гражданина, дает согласие на установку «защиты для аннулирования кибератак на банковский счет» и др.^{7, 8}

Мимикрируя от лица правоохранительных органов, мошенники, копируя поведение реальных сотрудников, общаются настойчиво, навязчиво, агрессивно, без намека на возможность отказа их требованиям со стороны жертвы, чем изначально пугают выбранный объект воздействия. Фактически имеет место прямой умысел со стороны злоумышленников, которые осознанно реализуют задуманный характер деяний, заранее предполагая возможные неблагоприятные последствия для потенциальной жертвы, и применяют все возможные способы для ускорения конечного периода их наступления. Подобные действия могут совершаться в любой доступной для общения инфо-коммуникационной среде, но везде имеет место намеренное введение в заблуждение и обман человека для получения доступа к его деньгам, счету, паролю в личный кабинет портала «Госуслуг», в личный кабинет онлайн-банка и др. Как правило, эти последствия предполагают завладение денежными средствами, имуществом и другими активами жертвы для распоряжения ими, исходя из своих алчных интересов. Подобные действия попадают под ст. 159 УК РФ⁹. В соответствии с ФЗ № 79 от 06.04.2024 г., в случае причинения утраты потерпевшей стороне в сумме более 4,5 млн рублей, дело

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023/ (дата обращения: 11.06.2024).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 г. Москва «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Пункт 2, 7. Российская газета – Федеральный выпуск: № 280 (7446).

⁷ Не звони мне, не звони: какие новые уловки придумали телефонные мошенники. URL: <https://dzen.ru/media/atb/ne-zvoni-mne-ne-zvoni-kakie-novye-ulovki-pridumali-telefonnye-moshenniki-62fd2102696c5e75fdf4dfb1> (дата обращения: 12.06.2024).

⁸ Халезова Н. «Закрыть потенциал» и «защита от кибератак» – мошенники придумали что-то новенькое? URL: <https://dzen.ru/a/Y2d5zA-x9Tsm0DgO> (дата обращения: 12.06.2024).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

по величине ущерба классифицируется как «крупный ущерб», при превышении 18 млн рублей – «особо крупный ущерб»¹⁰.

Трактовка хищения предоставлена в примечании 1 ст. 158 УК РФ, где указывается корыстный мотив злоумышленника, имущественный урон законному владельцу. В зависимости от конкретики и особенностей, к подозреваемым могут быть предъявлены иски по следующим деяниям, предусмотренным статьями УК РФ: ст. 158 – кража; ст. 159 – мошенничество; ст. 272 – неправомерный доступ к компьютерной информации; ст. 163 – вымогательство; ст. 171 – незаконное предпринимательство; ст. 172.2 – организация деятельности по привлечению денежных средств; ст. 174.1 – отмыwanie денежных средств, приобретенных лицом в результате совершения им преступления; ст. 176 – незаконное получение кредита и др.¹¹

В России, на государственном уровне, осуществляется активное противодействие мошенническим манипуляциям, в частности, за последние годы были приняты законы, предусматривающие процессы регулирования оборота SIM-карт. Операторы связи системно блокируют подозрительную активность и СПАМ-звонки, поэтому был период, когда злоумышленники переключились на использование телефонных номеров других стран: США и Канады, компании Google, Apple (+1), Сирии (+963), Ирана (+985), Индии (+91), Пакистана (+92), Узбекистана (+998), Турции (+903), Литвы (+370) и др. Кроме того, мошеннические колл-центры периодически меняют номера, арендуя их с кодом +1. Аренда осуществляется на специализированных сервисах для любых желающих, в том числе их можно арендовать из России.

Возникшие сложности с телефонией привели к тому, что злоумышленники начали для своих целей использовать различные мессенджеры, деятельность которых тоже необходимо упорядочить. Из принятого постановления Правительства № 1801 следует, что мессенджеры обязаны блокировать учетные записи, по которым отсутствует активный контракт на конкретный номер¹². Вместе с тем сложности возникают в связи с иностранной юрисдикцией мессенджеров, а также по причине того, что вызов осуществляется через интернет-линию, что ограничивает возможности контроля со стороны операторов связи.

В рамках противодействия мошенническим операциям при проведении денежных переводов был принят Федеральный закон № 369-ФЗ от 24.07.2023 г., предписывающий всем банкам и платежным системам проведение проверки переводов (с применением банковских карт или Системы быстрых платежей) со стороны физических лиц на предмет мошенничества (по признакам перевода без согласия, установленным ЦБ РФ и размещенным на его сайте), с приостановкой подозрительных переводов на «период охлаждения», равный двум дням с выяснением согласия клиента на этот перевод¹³. Суммы, переведенные без добровольного согласия клиента и без нарушения им порядка электронного платежа, должны быть возмещены в течение 30 дней (при трансграничном переводе в течение 60 дней).

Граждане слабо проинформированы о том, что пользование мессенджерами WhatsApp, Telegram, Skype, Viber, Microsoft Teams и т. д. запрещено для финансово-кредитных организаций, государственных компаний, сотрудников полиции, ФСБ и других органов. С 01.03.2023 г. они включены в список запрещенных программ и нарушение запрета влечет наложение штрафа в соответствии с нормами перечня из ч. 8 ст. 10 закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023 г.)¹⁴. Это говорит о том, что обличенные властными и контрольными функциями, сотрудники не связываются с гражданами с использованием мессенджеров. Подобное общение не предусмотрено ФЗ от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ, не предусмотрено УПК РФ и не предусмотрено КоАП. На основе требований Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012 г. № 3 (ред. от 25.12.2018 г.) допускается применение только СМС-извещения, но только в случае, если

¹⁰ Федеральный закон от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Правительства РФ от 20.10.2021 г. № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 24.07.2023 г. № 369-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

обратившийся в правоохранительные органы предоставил расписку-согласие на возможность получения уведомлений на свой номер телефона¹⁵. Субъектом мошенничества с привлечением к уголовной ответственности может быть дееспособное физическое лицо старше 16 лет. Величина потерь пострадавшей стороны очень важна и если ее совокупность не превышает 2 500 рублей, причиненные убытки согласуются с понятием мелкое хищение, что предполагает административную ответственность в виде ареста до 15 суток или штрафа¹⁶.

Если мошенник добился своей цели и путем обмана получил деньги по кредиту, оформленному на имя жертвы, пострадавшей стороне необходимо как можно быстрее предоставить в банк заявление об отмене операции и заблокировать карту, выяснить в банке информацию о получателе средств (ч. 11 ст. 9 ФЗ от 27.06.2011 г. № 161)¹⁷. Следует обратиться с заявлением в полицию. При выяснении личности мошенника (что может иметь место), следует подать в суд гражданский иск о необоснованном обогащении злоумышленника и подать дополнительное заявление об аресте имущества злоумышленника на сумму иска в качестве обеспечительных мер. Подается иск к банку о признании кредитного договора недействительным в связи с получением денег мошенником.

Пострадавшая сторона в качестве доказательств может предоставить оформленные расписки, чеки, скриншот переписки, выписки оборота денег или имущества, вещей, показания конкретных граждан, документы владения на нового собственника и т. п. Доказательства прикладываются к заявлению.

В российском законодательстве механизм наказания охватывает широкий перечень действий, связанных с мошенничеством, но возбуждение дела в отношении неустановленных лиц не препятствует злоумышленникам продолжать заниматься своим ремеслом. Проблема в том, что мошенников необходимо изобличить и задержать. Возврат похищенных средств осложняется возможным пребыванием злоумышленников за границей, отсутствием доказательств, что данные банковской карты пострадавшего, не были переданы добровольно под влиянием методов социальной инженерии и т. д. На современном этапе наиболее эффективной мерой противостояния мошенническим манипуляциям может быть публично-популярная информационная профилактика и просветительское обучение граждан всех возрастов, студентов и школьников.

В стране созданы условия для консолидации усилий всех заинтересованных групп и ведомств в противостоянии мошенничеству. Многие государственные структуры осуществляют обмен данными в рамках противостояния мошенническим действиям. Так, МВД от Банка России получает оперативную информацию из автоматизированной системы ФинЦЕРТ о проведенных операциях без согласия клиента и в свою очередь направляет в Центральный Банк данные для предотвращения других возможных случаев¹⁸. Совершенствуются государственные системы инфо-коммуникационного общения. Например, с конца 2023 г. портал «Госуслуги» применяет обязательную двухфакторную верификацию для входа пользователей, что значительно усложняет мошеннические действия злоумышленникам. По национальному проекту «Цифровая экономика», в рамках реализации Всероссийской программы кибергигиены, на портале «Госуслуг» размещены просветительские ресурсы, в которых доступным языком раскрываются сложные экономические понятия и освещаются механизмы финансовых манипуляций, объясняется система применения паролей, безопасные методы пользования финансовыми инструментами, совершения интернет покупок и т. д. В разделе «Кибербезопасность – это просто!» можно в режиме самостоятельного обучения проверить свои знания и пройти тест по распознаванию мошеннических схем. Ежегодно для школьников на образовательной платформе «Учи. ру» проводится Всероссийская олимпиада «Безопасный интернет», где ученики закрепляют знания по правилам безопасности при общении в социальных сетях с использованием различных настроек защиты. Олимпиада охватывает разный возрастной интервал. Ученикам младших классов задания можно выполнять с родителями. Организацию и проведение олимпиады в рамках национального проекта «Цифровая экономика» курирует АНО «Национальные приоритеты», Министерство цифрового развития, связи массовых коммуникаций и российская социальная сеть «ВКонтакте» (VK).

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 3 (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-09022012_2/ (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁶ Ст. 7.27 КоАП РФ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ (последняя редакция) 27 июня 2011 года № 161-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ ВТБ выявил новую схему мошенничества через звонки в приложения объявлений. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2023/11/10/1005161-vtb-viyavil-novuyu-shemu> (дата обращения: 14.06.2024).

В России действует учрежденная Банком России, саморегулируемыми организациями (СРО), профобъединениями и различными финансовыми структурами «Ассоциация развития финансовой грамотности», осуществляющая поддержку начинаний и поддержку волонтерского движения в области финансового просвещения¹⁹. Возникли и прошли этап становления общественные организации и движения, направленные против финансовых манипуляций. Можно привести в пример инфо-коммуникационный просветительский канал «Меня не обмануть!» и др. Все меры противостояния мошенническим манипуляциям поддерживаются органами власти и управления для обеспечения комфортного и безопасного интернет-пространства и создания условий финансовой гигиены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иващенко М.А. Новые формы организованной преступности. М., 2022.
2. Макаров А.В., Алешкова В.А. Особенности и проблемы классификации кражи, совершенной с использованием электронных средств платежа // Российский судья. 2019. № 5.
3. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 2008.
4. Бедненко А. В. Манипулятивная установка в профессиональной деятельности менеджера: дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
5. Шульц Э.Э. Николло Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. Выпуск 29. № 1.

REFERENCES

1. Ivaschenko M.A. New forms of organized crime. Moscow, 2022.
2. Makarov A.V., Aleshkova V.A. Features and problems of classification of theft committed using electronic means of payment // Russian judge. 2019. № 5.
3. Alekseev N.N. Essays on the general theory of the state. Basic premises and hypotheses of state science. Moscow, 2008.
4. Bednenko A.V. Manipulative attitude in the professional activity of a manager: diss. ... candidate of psychological sciences. Moscow, 2003.
5. Schulz E.E. Niccolo Machiavelli and the formation of the foundations of the theory of social protest // Scientific bulletin of the Belgorod State University. Series «History. Political Science. Economics. Computer Science». 2014. Issue 29. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буряков Геннадий Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и финансы». Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

Королева Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая теория». Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49/2.

Вышаренко Ульяна Владимировна, ассистент кафедры «Экономика и финансы». Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Buryakov Gennady Alexandrovich, Grand PhD in Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Finance. Rostov State University of Railway Engineering. 2, Rostov Infantry Regiment square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Koroleva Irina Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory. Financial University under the Government of the Russian Federation. 49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow 125167 Russian Federation.

Vysharenko Ulyana Vladimirovna, Assistant Professor of the Department of Economics and Finance. Rostov State University of Railway Engineering. 2, Rostov Infantry Regiment square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

¹⁹ Ассоциация развития финансовой грамотности. Официальный сайт. URL: <https://fincubator.ru/company/> (дата обращения: 14.06.2024).

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 40–47.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 40–47.

Научная статья

УДК 351.74

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБОСНОВАННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО В Ч. 2 СТ. 14.24 КОАП РФ

Голованова Татьяна Валерьевна

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

tgolovanova2010@yandex.ru

Кравченко Елена Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

helen72@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с административно-правовым регулированием отношений, возникающих при ненадлежащем выборе фирменного наименования юридического лица либо с использованием запрещенных слов.

Материалы и методы: в статье использованы диалектический, описательный, сравнительно-правовой анализ и другие методы.

Результаты исследования: проведен анализ вопросов, связанных с правовым регулированием отношений, возникающих из регистрации фирменного наименования юридического лица в Едином государственном реестре юридических лиц и Федеральной налоговой службе, в том числе и понуждение к его изменению в соответствии с требованиями современного российского законодательства, а также действующего гражданского законодательства, законодательства о государственной регистрации юридических лиц и судебной практики.

Выводы и заключения: проведенный сравнительно-правовой анализ административного законодательства позволил выявить разные подходы законодателя к использованию слов в фирменном наименовании юридического лица, что, по мнению авторов, необоснованно. В статье предложены некоторые пути совершенствования законодательства и деятельности органов власти в части регулирования регистрации юридическим лицом фирменного наименования.

Ключевые слова: административное наказание, фирменное наименование юридического лица, государственная регистрация, юридическое лицо.

Для цитирования: Голованова Т. В., Кравченко Е. В. Некоторые аспекты обоснованности административного наказания, предусмотренного в ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ / Т. В. Голованова, Е. В. Кравченко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 40–47.

Original paper

SOME ASPECTS OF THE VALIDITY OF THE ADMINISTRATIVE PUNISHMENT PROVIDED FOR IN PART 2 OF ARTICLE 14.24 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Golovanova Tatyana Valerievna

Omsk Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Kravchenko Elena Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines problematic issues related to administrative and legal regulation of relations arising from the improper choice of a legal entity's corporate name or the use of prohibited words.

Materials and methods: the article uses dialectical, descriptive, comparative legal analysis and other methods.

Results of the study: an analysis of issues related to the legal regulation of relations arising from the registration of a legal entity's corporate name in the Unified State Register of Legal Entities and the Federal Tax Service was conducted, including the coercion to change it in accordance with the requirements of modern Russian legislation, as well as current civil legislation, legislation on state registration of legal entities and judicial practice.

Findings and conclusions: the comparative legal analysis of administrative legislation revealed different approaches of the legislator to the use of words in the corporate name of a legal entity, which, in the opinion of the authors, is unfounded. The article suggests some ways to improve legislation and the activities of government bodies in terms of regulating the registration of a corporate name by a legal entity.

Keywords: administrative penalty, corporate name of a legal entity, state registration, legal entity.

For citation: Golovanova T. V., Kravchenko E. V. Some aspects of the validity of the administrative punishment provided for in part 2 of article 14.24 of the Administrative Code of the Russian Federation / T. V. Golovanova, E. V. Kravchenko // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 40–47.*

Назначение административного наказания, в том числе юридическим лицам, преследует цель, согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 3.1) – предупредить совершение новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Исходя из общих правил выбора административного наказания (ст. 4.1 КоАП РФ), можно заключить, что должностное лицо, выбирая административное наказание, руководствуется принципами законности, индивидуализации наказания, обеспечения баланса общих и частных интересов, справедливо соизмеряет правонарушение с последующей санкцией, думая о соразмерности, стремится не допускать избыточного государственного принуждения. Вместе с тем некоторые формулировки административных правонарушений становятся причиной того, что юрисдикционный орган вынужден выступать в качестве необоснованного карателя, несправедливого, жесткого, назначающего несоизмеримо высокий административный штраф за незначительное административное правонарушение, не причинившее вреда.

Такая норма представлена в ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ – «незаконное использование юридическим лицом в своем наименовании и (или) в рекламе слов «биржа», «торговая система» или «организатор торговли», а также производных от них слов и сочетаний с ними, санкция за которое предусмотрена в виде административного штрафа в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей. Следовательно, привлечение к административной ответственности за незаконное использование вышеуказанных слов в фирменном наименовании юридического лица в соответствии с действующей редакцией КоАП РФ «и (или)» указывает на признаки административного правонарушения, совершенного юридическим лицом, не приступившим к коммерческой деятельности, лишь выбравшим и, что примечательно, зарегистрировавшим в установленном законом порядке это наименование.

Фирменное наименование юридического лица выполняет функции индивидуализации для отделения хозяйствующих субъектов друг от друга и определения интеллектуальных прав конкретного юридического лица. Поэтому крайне важно обеспечить государственную защиту юридического лица, начиная с выбора им собственного наименования. Во время регистрации государственные органы (Росреестр) запрашивают информацию от заявителя для внесения в соответствующие базы данных – реестры (ЕГРЮЛ – единый государственный реестр юридических лиц, ЕГРИП – единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей и др.).

Гражданский кодекс Российской Федерации [1] в ст. 54 императивно закрепляет, что коммерческая организация обязана иметь фирменное наименование. Законом определены требования и запреты, относящиеся к наименованию юридического лица (ст. 1473 ГК РФ), согласно которой в состав фирменного наименования должны входить: указание на организационно-правовую форму такого лица, наименование не может состоять только из слов, указывающих на род деятельности, должно иметь только одно наименование, хотя при этом можно зарегистрировать еще сокращенное наименование, а также отмечены выражения, запрещенные к использованию в фирменных наименованиях. Использование названий иностранных государств, а также межгосударственных союзов, например, ЕАЭС [2], да и собственно названий государств, запрещено применительно к наименованию общественных объединений. В современной судебной практике имеется ряд судебных споров, свидетельствующих о том, что это положение в законе совсем не лишнее. С целью соблюдения требований, предусмотренных данной нормой, должностным лицам юридических лиц и государственных

органов, осуществляющих их регистрацию, следует руководствоваться классификатором стран мира.

Запрет на включение в наименование юридического лица любых вариаций официальных наименований публичных органов власти вызывает споры не только среди ученых-административистов, но и среди судейского сообщества. Как показывает анализ судебной практики, суды руководствуются данными соответствующего классификатора [3].

Также в статье предусмотрен запрет на использование обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали, что предоставляет широкую дискрецию регистрирующему органу и суду. В приказе Минэкономразвития России указано, что к таким обозначениям относятся, в частности, неэтично примененная национальная и (или) государственная символика (гербы, флаги, эмблемы), антигосударственные лозунги, слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, слова, написание которых нарушает правила орфографии [4]. В то же время некоторые исключения в данных ограничениях встречаются, например, гостиницы «Россия» есть в каждом городе Российской Федерации.

Кроме того, в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [5], в п. «ж» ст. 23 предусмотрено право регистрирующего органа на отказ в государственной регистрации в тех случаях, когда наименование юридического лица не соответствует требованиям данного федерального закона. Сложность заключается в том, что требования к фирменному наименованию весьма разрознены, регламентируются большим числом федеральных законов, где сказано, какие конкретно слова нельзя включать в название при определенных обстоятельствах. Анализ справочно-правовых систем показал наличие таких запретов по некоторым словам: «клиринг» [6], «платежная система» [7], «банк» [8], «сельскохозяйственный кооператив» [9], «микро финансовая организация» [10], «кредитное бюро» [11], «инвестиционный фонд» [12], «ломбард» [13], «биржа» [14] и др. В настоящий момент добросовестный учредитель юридического лица не имеет возможности ознакомиться с перечнем «запрещенных» наименований, поскольку его не существует. Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ, дающий возможность регистрации юридического лица дистанционно, не содержит такой перечень, который чрезвычайно полезен налогоплательщикам. В отделениях налоговой службы такой перечень не размещен. Выбор фирменного наименования юридического лица – исключительная компетенция его учредителя. На наш взгляд, поскольку все чаще юридические лица регистрируются онлайн, продуктивно было бы оснастить сайт налоговой службы списком готовых сгенерированных наименований в зависимости от сферы деятельности нового юридического лица, наиболее подходящие и доступные, как предлагается на выбор название электронной почты при регистрации новой, где пользователь может выбрать свободные названия исходя из указанных данных лица (ФИО), а также автоматически выставлять «запрет», «предупреждение» на недопустимое словосочетание в наименовании юридического лица (по аналогии отклонения выбранного пароля, достаточно простого, для выполнения возлагаемых на него функций о защите каких-либо данных).

Такое организационное техническое решение, на наш взгляд, поможет исключить последующие судебные разбирательства, инициированные федеральной налоговой службой по делам, связанным с отказами в регистрации юридического лица, или требованиями о понуждении к изменению фирменного наименования юридического лица, в связи с неверным использованием аббревиатуры, иностранных слов, либо каких-либо символов в наименовании юридического лица [15]. При изучении судебных решений арбитражных судов по подобным искам становится понятным – зачастую рекомендация органа власти при выборе наименования принималась бы учредителем к сведению и реализовывалась, нежели отвергалась и воспринималась в качестве «вмешательства в частные интересы». Цена ошибки в наименовании юридического лица законодателем определена совершенно разным уровнем. В одном случае это отказ в регистрации, в другом – понуждение в изменении фирменного наименования, в третьем – возбуждение производства по делам об административном правонарушении, проведение административного расследования, вынесение постановления о назначении административного штрафа внушительного размера. Насколько обоснованно такое разграничение слов, которые не «изъятые из словесного оборота населения» и имеют право использоваться в устной речи, при этом не являются ругательными, оскорбительными не совсем понятно. Согласно ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ, за использование в фирменном наименовании слов «бир-

жа», «торговая система» или «организатор торговли» и производных от них – предусмотрен административный штраф от 500 000 до 700 000 рублей.

Федеральный закон «Об организованных торгах» [16] является основным, регламентирующим деятельность по проведению организованных торгов актом. Его действие распространяется на отношения, возникающие при организации и проведении торгов на товарном и (или) финансовом рынках. В его нормах законодателем установлены требования к организаторам и участникам таких торгов, определены правовые основы государственного регулирования и контроля указанной деятельности. По закону, организованные торги – это торги, проводимые на регулярной основе по установленным правилам, предусматривающим порядок допуска лиц к участию в торгах для заключения ими договоров купли-продажи товаров, ценных бумаг, иностранной валюты, договоров РЕПО и договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. Контроль данного вида деятельности, в том числе установленных правил, возложен на Центральный банк Российской Федерации, имеющий широкие полномочия, в том числе касающиеся лицензирования деятельности по проведению организованных торгов, аннулированию лицензии, регистрации документов организатора торговли и т. д. В настоящее время в России есть два вида организаторов торговли: биржа и торговая система. Соответственно, для реализации заявленной деятельности юридическому лицу необходима лицензия биржи или торговой системы. В его фирменном наименовании обязательно должны присутствовать словосочетания «торговая система», «биржа», «организатор торговли», дабы не вводить в заблуждение заинтересованных лиц. Юридические лица, не имеющие лицензии биржи или торговой системы, не вправе указывать данные словосочетания в своем наименовании. За нарушение данной нормы предусмотрена административная ответственность. Безусловно, в данном контексте законодатель, предусматривая административную ответственность за вышеуказанные нарушения в наименовании юридического лица, преследовал идею защиты от недобросовестных участников биржи и торговой системы. Вряд ли предполагалось, что к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 500 000 рублей будет привлечена пилорама в г. Костомукша Республики Карелии, которая к моменту назначения административного наказания не приступила к переработке леса, агентство недвижимости в г. Омске не совершившее ни одной сделки по купле-продаже квартиры, производители надгробных плит и т. п. [17]. Учредители, приведенных юридических лиц, не знакомы с организованными торгами, биржевыми оборотами и прочим, не планировали связывать свою деятельность с этой сферой, а фирменное наименование выбрали лишь из-за интересного слова «биржа», т. к. считали, что это означает большой выбор чего-либо, воспринимали термин в качестве синонима «рынок». Кстати, один из учредителей юридического лица, привлеченного к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ, сообщил, что выбрал это наименование потому, что в их регионе хорошо работала «Биржа труда» (центр занятости населения). Помогали людям в трудной жизненной ситуации найти работу, поэтому он решил, назвать свою фирму, используя это слово. В некоторых регионах России такое неофициальное название центров занятости населения достаточно широко применяется в обиходе.

У подобных владельцев хозяйствующих субъектов корысть в выборе фирменного наименования отсутствует, также нет и ущерба от выбранного ими слова для названия организации, они не уведомлены о некоторой монополии на подобные термины. Однако послабления от надзорных органов при этом не получают. Подобная ситуация приводит к недовольству, напряженности в коммерческих кругах, разочарованию в сфере государственного регулирования, деятельности юрисдикционных органов. О чем свидетельствуют факты обращения в Верховный суд Российской Федерации с жалобой относительно законности назначения наказания по ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ [18].

Обоснованность назначения административного наказания по рассматриваемой норме, можно также проанализировать, проведя аналогию с выбором родителями имени ребенка и регистрации этого имени в органе ЗАГС. В имени не допускаются цифры, буквенно-цифровые обозначения, числительные, символы, не являющиеся буквами знаки, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации, бранные слова, указания на ранги, должности, титулы (ст. 58 Семейного кодекса РФ). Принятие решения о государственной регистрации имени относится к компетенции руководителя органа ЗАГС, который вправе отказать в регистрации имени, при этом отказ может быть обжалован в судебном порядке. В Министерстве

юстиции считают, что при выборе имени ребенка необходимо руководствоваться презумпцией разумности и добросовестности [19]. Ответственности за ненадлежащее имя ребенка не предусмотрено, оно попросту не будет официально зарегистрировано.

Что же касается установленного административного наказания за использование в наименовании юридического лица слов биржа, торговая система, организатор торговли, то в связи с недавним введением США ограничительных мер в отношении Группы Московская Биржа и приостановление проведения биржевых торгов и расчетов поставочных инструментов в долларах США и евро [20], служит еще одним поводом осмыслить его актуальность.

Пока же до сих пор в случае подачи заявления для регистрации юридического лица в случае выбора учредителем термина «биржа» он будет привлечен к административной ответственности в виде административного штрафа, даже при минимальном пороге санкции – 500 000 рублей, а в случае неуплаты этой суммы в установленный срок, сумма увеличится вдвое (ст. 20.25 КоАП РФ). Судья, действующий в пределах санкции статьи, не может принять иное юрисдикционное решение, поскольку административное наказание в виде предупреждения не предусмотрено в ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ. Возникает вопрос, насколько обоснованно привлекать к ответственности в определенной сфере хозяйствующий субъект, если он в этой деятельности профессионально не проявляется.

Принцип законности в данном аспекте выступает в качестве базы принимаемых юрисдикционных решений органом власти, как метод юридической деятельности, связанной исключительно с имеющимся законом. Однако, у принципа законности есть другой аспект, а именно, сами законы не должны противоречить здравому смыслу. Законодательная деятельность обязана сочетаться с четким соблюдением требований качества нормопроектной деятельности и юридической техники в разработке и принятии законов [21].

Удивителен факт, что органы, наделенные юрисдикционными полномочиями по данной норме, выявляя подобные пробелы в законе (при составлении протоколов об административных правонарушениях, вынесении постановления по делу об административных правонарушениях, рассматривая жалобы на уровне Арбитражного судопроизводства и Верховного Суда) не выступают с предложениями по улучшению качества закона каким-либо способом. Как, например, Управление ГИБДД МВД России регулярно выступает с предложениями об изменении и дополнении некоторых административных правонарушений в области дорожного движения, размера и вида административного наказания, совершая главу 12 КоАП РФ, опираясь на имеющуюся административную практику и дорожную ситуацию в стране, изменениями жизнедеятельности населения. По сложившейся практике, административное наказание выносится согласно санкции статьи, при этом качество закона не поддается критическому анализу. Очевидно, что привлеченных горе-учредителей в объемах страны не так много. Как правило, эти административные штрафы не уплачиваются, а организация с неудачным фирменным наименованием чаще всего сразу упраздняется. Вместе с тем рассматриваемая ситуация создает у предпринимателей ложное впечатление об излишнем давлении со стороны государства, необоснованного жесткого наказания, а важнейшая составляющая принципа законности не реализуется. Что не подлежит сомнению, так это то, что лицо, привлеченное к административному наказанию по ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ за использование в фирменном наименовании слов «биржа» либо «организованные торги», впредь такое правонарушение не совершит, как и все его окружение, поэтому цели административного наказания, даже при условии его неисполнения, достигаются в полном объеме.

Таким образом, авторы считают, что из ч. 2 ст. 14.24 КоАП стоит исключить слова «в своем наименовании», чтобы привести к общему знаменателю правовое регулирование выбора, регистрации фирменного наименования юридического лица. С точки зрения организационной составляющей деятельности государственных органов регистрации юридического лица стоит помогать хозяйствующим субъектам с выбором его наименования и предупреждать о запрещенных словах для фирменного наименования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.10.2020 № С01-1048/2020 по делу № А50-29520/2019. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Госстандарта России от 14.12.2001 № 529-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора стран мира». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

5. ОК 006-2011. Общероссийский классификатор органов государственной власти и управления (утв. Приказом Росстандарта от 26.04.2011 № 60-ст). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 08.12.1995 № А 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 15.03.2022 г. по делу № А63-16/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда г. Перми № 17АП-9219/2015-АК 14 августа 2015 г. (Дело № А50-9601/2015); Решение по делу 5-158/2016 Мировой судья судебного участка № 10 г. Энгельса Саратовской области Кашина М.М., по делу об административном правонарушении, возбужденном по признакам ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, в отношении ООО «Каменный Мастер». URL: <https://rospravosudie.com/law> (дата обращения: 20.01.2019).

19. Решение Верховного Суда Российской Федерации: Постановление № 304-АД16-895 от 25.04.2016 Судебная коллегия по экономическим спорам, кассация. По жалобе ООО «Специализированная организация «Организатор конкурсных торгов» на решение Арбитражного суда Омской области от 22.04.2015 по делу № А46-16515/2014, постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2015 и постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.11.2015 по тому же делу, постановление судьи Верховного Суда РФ Зарубиной Е.Н. № 308-АД16-1145 17 марта 2016 г. по жалобе ООО «Единая торговая система – Юг» на постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2015 и постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.11.2015 по делу № А53-1118/2015 Арбитражного суда Ростовской области. URL: <http://www.zakonrf.info/suddoc/> (дата обращения: 26.07.2024).

20. URL: <https://tass.ru/obschestv> (дата обращения: 26.07.2024).
21. Официальная информация Банка России. 12 июня 2024 г. URL: <https://cbr.ru/press/press/> (дата обращения: 26.07.2024).
22. Кисс С.В. Принцип законности как фундаментальный принцип конституционной модернизации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24.

REFERENCES

1. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51-FZ. Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 № 10 «On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Intellectual Property Court of 19.10.2020 № S01-1048/2020 in case № A50-29520/2019. Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. Resolution of the State Standard of Russia of 14.12.2001 № 529-st «On the adoption and implementation of the All-Russian Classifier of Countries of the World». Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. OK 006-2011. All-Russian classifier of government and administrative bodies (approved by the Order of Rosstandart dated 26.04.2011 № 60-st). Access from the legal system «ConsultantPlus».
6. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 20.07.2015 № 482 «On approval of the Rules for drafting, submitting and reviewing documents that are the basis for performing legally significant actions on state registration of trademarks, service marks, collective marks». Access from the legal system «ConsultantPlus».
7. Federal Law dated 08.08.2001 № 129-FZ «On state registration of legal entities and individual entrepreneurs». Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. Federal Law of 07.02.2011 № 7-FZ «On Clearing, Clearing Activities and the Central Counterparty». Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. Federal Law of 27.06.2011 № 161-FZ «On the National Payment System». Access from the legal system «ConsultantPlus».
10. Federal Law of 02.12.1990 № 395-1 «On Banks and Banking Activities». Access from the legal system «ConsultantPlus».
11. Federal Law of 08.12.1995 № A 193-FZ «On Agricultural Cooperation». Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. Federal Law of 02.07.2010 № 151-FZ «On Microfinance Activities and Microfinance Organizations». Access from the legal system «ConsultantPlus».
13. Federal Law of 30.12.2004 № 218-FZ «On Credit Histories». Access from the legal system «ConsultantPlus».
14. Federal Law of 29.11.2001 № 156-FZ «On Investment Funds». Access from the legal system «ConsultantPlus».
15. Federal Law of 19.07.2007 № 196-FZ «On Pawnshops». Access from the legal system «ConsultantPlus».
16. Federal Law of 21.11.2011 № 325-FZ «On Organized Trades». Access from the legal system «ConsultantPlus».
17. Decision of the Arbitration Court of Stavropol Krai of 15.03.2022 in case № A63-16/2022. Access from the legal system «ConsultantPlus».
18. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of Perm № 17AP-9219/2015-AK of August 14, 2015 (Case № A50-9601/2015); Decision on case 5-158/2016 Magistrate of Judicial District № 10 of Engels, Saratov Region Kashina M.M., in the case of an administrative offense initiated under Part 1 of Article 20.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, against Kamenny Master LLC. URL: <https://rospravosudie.com/law> (date of access: 20.01.2019).
19. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation: Resolution № 304-AD16-895 dated 25.04.2016 Judicial Collegium for Economic Disputes, cassation. On the complaint of OOO Specialized Organization Organizer of Competitive Trades against the decision of the Arbitration Court of Omsk Region dated 22.04.2015 in case № A46-16515/2014, the ruling of the Eighth Arbitration Court of Appeal

dated 24.07.2015 and the ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 26.11.2015 in the same case, the ruling of the judge of the Supreme Court of the Russian Federation E.N. Zarubina. № 308-AD16-1145 of March 17, 2016, on the complaint of United Trading System - South LLC against the ruling of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 09.07.2015 and the ruling of the Intellectual Property Court of 20.11.2015 in case № A53-1118/2015 of the Arbitration Court of Rostov Region. URL: <http://www.zakonrf.info/suddoc/> (date of access: 26.07.2024).

20. URL: <https://tass.ru/obschestv> (date of access: 26.07.2024).

21. Official information of the Bank of Russia. June 12, 2024. URL: <https://cbr.ru/press/press/> (date of access: 26.07.2024).

22. Kiss S.V. The principle of legality as a fundamental principle of constitutional modernization // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2024. № 24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голованова Татьяна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Омская академия МВД России. 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Кравченко Елена Владимировна, старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Golovanova Tatyana Valeryevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7, Komarova Ave., Omsk 644092 Russian Federation.

Kravchenko Elena Vladimirovna, Senior Researcher at the Research and Editorial and Publishing Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 48–54.
Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 48–54.

Научная статья

УДК 34.01

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ПРАВА НА ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Паршина Анна Александровна

Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
rektorat@rizp.ru

Введение: подчеркивается актуальность высокого уровня правового сознания личности в условиях функционирования гражданского общества.

Материалы и методы: характеризуется влияние ценностей права на процессы совершенствования и развития правового сознания членов общества. Использовались методы: логический, формально-юридический, функциональный.

Результаты исследования: выявление объективных и субъективных факторов, лежащих у истоков развития правового сознания личности.

Выводы и заключения: ценности права, обусловленные идеями естественного права и потенциалом правовых законов, являются динамичной и надежной базой достижения высокого уровня правового сознания личности. Развитие должного правового сознания членов общества – процесс трудоемкий, требующий целенаправленных усилий общества, государства и самой личности.

Ключевые слова: гражданское общество, ценности права, правовое сознание, естественное право, правовые законы, правовая активность, права и свободы личности.

Для цитирования: Паршина А. А. Влияние ценностей права на особенности развития правосознания личности / А. А. Паршина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 48–54.

Original paper

THE INFLUENCE OF LEGAL VALUES ON THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL

Parshina Anna Aleksandrovna

Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurs, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the relevance of a high level of legal consciousness of the individual in the context of the functioning of civil society is emphasized.

Materials and methods: the influence of legal values on the processes of improvement and development of the legal consciousness of members of society is characterized. The following methods were used: logical, formal-legal, functional.

Results of the study: identification of objective and subjective factors that lie at the origins of the development of the legal consciousness of the individual.

Findings and conclusions: the values of law, conditioned by the ideas of natural law and the potential of legal laws, are a dynamic and reliable basis for achieving a high level of legal consciousness of an individual. The development of proper legal consciousness of members of society is a labor-intensive process that requires targeted efforts of society, the state and the individual himself.

Keywords: civil society, legal values, legal consciousness, natural law, legal laws, legal activity, individual rights and freedoms.

For citation: Parshina A. A. The influence of legal values on the peculiarities of the development of legal consciousness of the individual / A. A. Parshina // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 48–54.

Известно, что правосознание является одной из самостоятельных сфер общественного сознания и занимает особое место в правовой действительности. Будучи формой общественного сознания, «правосознание отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях» [3, с. 304]. Как субъективное явление правовое сознание складывается из чувств, эмоций, взглядов, представлений членов общества о праве в целом, системе законодательства, ценностях права.

Многочисленные правовые акции членов общества, должностных лиц, социальных групп и иных общественных структур всегда связаны с проявлением того или иного уровня правового сознания, что сказывается определенным образом на характере регулирования соответствующих общественных отношений, разрешении конкретных жизненных ситуаций.

Осуществление всякого рода поведенческих акций, юридически значимых процессов связаны с уровнем правовых знаний, юридическим опытом, представлениями, оценками системы права, ее компонентов, правовой действительности в целом, которые исходят от носителей соответствующего правосознания как субъектов конкретных правоотношений. Это означает, что участники разнообразных общественных отношений ориентируются в реальной правовой действительности соответственно уровню своего правового сознания.

Правосознание индивида постоянно находится под мощным влиянием системы права, действующих нормативно-правовых актов, конкретных норм права, режима законности, правового порядка. В конечном счете, личность выявляет как позитивные, так и отрицательные стороны правовой действительности. Разумеется, эта оценка носит сугубо субъективный характер, поскольку зависит от уровня правового сознания данной личности. В правосознании каждого индивида в той или иной мере находят преломление различного рода потребности общественного и личностного характера, духовно-нравственные компоненты жизнедеятельности членов общества.

Прямо или косвенно личность, будучи субъектом права, обращает внимание на такие правовые явления как правотворчество, правовая информация, правоприменительная деятельность, правонарушения, юридическая ответственность и т. д. Все это влияет на содержание жизненных целей, задач, устремлений и не протекает вне правосознания конкретного индивида. Однако реакция личности, касающаяся различного рода правовых обстоятельств, обусловлена состоянием ее сложившегося правосознания, которое быть совершенным, недостаточно развитым или деформированным. Поэтому и оценка одних и тех же правовых явлений у различных людей может быть совершенно иной.

В условиях становления и функционирования структур гражданского общества и основ правовой государственности вызывают благоприятные условия для более целенаправленного и интенсивного совершенствования и повышения уровня правового сознания значительной части членов общества, поскольку в позитивном направлении меняются целевые жизненные установки, затрагивающие интересы и потребности каждой заинтересованной личности. Поскольку учреждения гражданского общества и структуры правовой государственности в значительной мере делают ставку на ценности права, нравственности, справедливости, то это не может не найти должного отражения в правосознании значительной части членов общества.

Для формирования должного уровня правосознания личности решающую роль в первую очередь играют истинные ценности права как наиболее значимый компонент системы права, правовой действительности. Обеспечение достойной жизни личности – главная закономерность гражданского общества и ценностный приоритет права. Условия своего достойного существования человек, в конечном счете, находит в ценностях права [1, с. 155]. Разнообразные формы и способы обнаружения, признания и внедрения ценностей права в соответствующие общественные отношения и сферы правовой жизни общества не могут быть незамеченными членами общества как действительными и потенциальными субъектами права, что влияет на содержание и состояние их правового мышления, правового мировоззрения и правового сознания.

Актуальность и практическая возможность достижения субъектами права необходимого уровня правового сознания могут иметь место лишь в условиях демократизации общественной жизни, функционирования зрелых институтов гражданского общества, поскольку в таком

обществе личность признается истинной ценностью со всеми вытекающими из этого позитивными результатами.

В условиях функционирования гражданского общества усиливается многогранная, в том числе правовая, активность членов общества, уверенных в достижении своих жизненных интересов и потребностей. Общественные отношения упорядочиваются, а сложные жизненные обстоятельства успешно разрешаются принципами и нормами нравственности, политическими нормами, нормами общественных организаций, иными видами социальных норм, а в случае необходимости – посредством норм права. Поэтому личность постоянно вовлекается в мир права, становится участником правовой действительности, а ее правовое сознание подвергается определенному юридическому влиянию со всеми его значимыми особенностями.

Гражданское общество представляет собой сложную систему общественных отношений, определенная часть которых может быть успешно урегулирована только на основе права, действующих законов и норм права. Поэтому определенные социальные нормы неюридического свойства выполняют лишь вспомогательную роль при разрешении сложных жизненных проблем. А это означает, что значительная часть членов общества фиксирует в своем правовом мышлении и правовом сознании сущностную роль компонентов правового регулирования. При этом личность приобретает необходимый юридический опыт, анализирует систему действующего законодательства, начинает более уверенно действовать в соответствующих областях правовой действительности, решая собственные жизненные проблемы, что непременно находит отражение и в содержании правового сознания.

Гражданское общество в процессе своего функционирования и члены общества в ходе своей многогранной жизнедеятельности испытывают естественную потребность в правовом потенциале как наиболее надежном, оперативном и эффективном средстве разрешения приоритетных жизненных обстоятельств. Жизненные запросы личности не могут быть в полной степени удовлетворены вне тех возможностей, которыми обладает потенциал права. Личность постепенно усматривает и те наиболее ценностные аспекты права, которые наиболее плодотворно влияют на ее жизнедеятельность и автоматически вносят необходимые коррективы в ее правовое сознание. Выявление, признание и освоение практически значимых ценностей права приобретают актуальный характер и становятся жизненной потребностью членов гражданского общества, что должно находить поддержку и понимание учреждений гражданского общества и структур государственной власти.

Практически значимая потребность в праве, его ценностном потенциале проявляет себя в первую очередь в тех сферах политической, экономической, социальной, духовно-культурной жизнедеятельности гражданского общества и его членов, которые связаны с достойным образом существования человека, обеспечением и защитой его естественных и неотчуждаемых прав и свобод, удовлетворением его приоритетных интересов и потребностей. Без использования требуемых правовых инструментов и средств многие значимые жизненные устремления личности не могут быть достигнуты, остаются иллюзорными.

Формально можно декларировать и провозглашать самые благие цели и намерения, но если они не облечены в надежные правовые формы и юридические процессы и механизмы, то они утрачивают свое практическое предназначение. Поэтому в правовом сознании конкретного человека, арсенале его юридического багажа находит отражение то обстоятельство, что возникающие сложные жизненные обстоятельства могут быть успешно преодолены только при опоре на конкретные законы, нормы права, которые в итоге обретают ценностный характер.

Благодаря своему постоянно развивающемуся правовому сознанию, фиксирующему все значимые особенности правовой действительности, личность получает реальную возможность становиться уверенным и активным субъектом конкретных правовых отношений. При этом личность обогащается опытом находить именно те правовые средства, которые необходимы для успешного разрешения определенных жизненных ситуаций с наименьшими издержками для себя. В процессе освоения личностью различных нюансов правовой действительности ее правовое сознание становится адекватным правомерному поведению и достигнутым практическим результатам этой личности как субъекта права. В итоге обнаруживаются и определенные ценности используемых правовых средств.

Хотя гражданское общество в процессе своего функционирования в значительной степени опирается на общественные правила поведения и потенциал общественного порядка,

однако члены этого общества являются действительными и потенциальными субъектами многочисленных правовых отношений, поэтому постоянно соприкасаются с действующими законами и нормами права. В итоге действующие субъекты права получают возможность судить о качестве указанных правовых средств и делать выводы относительно того, какие из используемых компонентов системы права обладают наиболее качественными показателями, а какие из них нуждаются в совершенствовании, существенном изменении. Таким образом, даже опосредованно идет анализ действующего законодательства и его оценка с позиций наличия или отсутствия практических ценностей в сферах действия потенциала права. Тем самым обогащается и содержание правового сознания соответствующей личности.

Правовая активность личности и позитивные изменения в ее правовом сознании во многом обусловлены тем, что усложняются сами общественные отношения, более весомыми становятся жизненные притязания и устремления членов общества. Каждый человек стремится более успешно и гарантированно обеспечить и сохранить свое достойное существование в быстро меняющихся и развивающихся жизненных обстоятельствах.

Членам общества приходится постоянно проявлять заботу о наличии и использовании своих приоритетных прав и свобод, обуславливающих жизненное благополучие каждой заинтересованной личности. В связи с этим члены общества проявляют правовую активность с тем, чтобы реализовать свои жизненные намерения в политической, экономической, социальной и других областях действительности, руководствуясь полученными правовыми знаниями, уровнем правосознания, навыками правовой культуры, приобретенным юридическим опытом.

Жизнедеятельность каждого члена гражданского общества соотносится как общезначимыми правилами общежития, так и общеобязательными нормами права, что побуждает личность фиксировать внимание на более строгих и неукоснительных предписаниях норм права. Поэтому правовое сознание личности как разновидность общественного сознания находится постоянно в более активном, динамичном состоянии и отражает в себе все значимые нюансы правовой действительности.

В связи с этим личность более обстоятельно и ответственно контролирует свои юридические поведенческие акции, чем многовариантные правила общественного поведения, что и придает правовому сознанию более самостоятельный и практически значимый характер, чем другим видам общественного сознания. Так, руководствуясь моральным (нравственным) сознанием, человек может пренебречь силой общественного мнения. Пренебрежение требованиями конкретных норм права влечет непереносимую юридическую ответственность, о чем не в последнюю очередь сигнализирует и определенный уровень правового сознания соответствующей личности.

В процессе своего функционирования гражданское общество стремится дистанцироваться от сугубо государственных акций, брать на себя повышенную ответственность, связанную с обеспечением должного качества жизнедеятельности членов общества, но оно нуждается и в необходимом сотрудничестве с соответствующими органами государственной власти, что вызывает необходимость подключения силы права и его ценностей к определенным общественным отношениям. В итоге соответствующие члены общества становятся субъектами права, вовлекаются в конкретные правовые отношения и руководствуются своим правовым сознанием, мотивируя и осуществляя свое правовое поведение.

Таким образом, личность, находясь в системе координат гражданского общества, одновременно соприкасается и с определенными сторонами правовой действительности. Поэтому ее правовое мышление, правовое сознание, правовые знания, юридический опыт постоянно обогащаются и позволяют личности обнаруживать подлинные ценности права, делать на них ставку в процессе регулирования общественных отношений, разрешения конкретных жизненных ситуаций. В процессе вовлечения в определенные стороны правовой действительности и выявления ценностей права члены общества в своем большинстве мотивируют и осуществляют осознанное правомерное поведение, что становится достижением, ценностью гражданского общества.

В наибольшей степени ценности права, как и сила и роль системы права в целом, проявляют себя в процессе реализации и охраны естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека. Их обеспечение и защита представляют для каждой личности самый жизненно важный, приоритетный смысл, поскольку в решающей степени обуславливают реальное достоинство ее существования.

Вне рамок прав и свобод все другие жизненные интересы и потребности приобретают для личности второстепенный характер, поскольку утрачивают свою ценностную притягательность, ведут личность к правовой пассивности. В итоге утрачивается стремление личности к поиску и использованию ценностей права. Ведь полноценная жизнедеятельность личности в гражданском обществе непременно обусловлена состоянием ее приоритетных прав и свобод. Вне этой благоприятной жизненной среды осуществляются процессы торможения правовой инициативы личности в плане использования ценностей права, что вносит некоторые элементы деформации и в содержание ее правового сознания как ориентира наиболее значимых жизненных целей.

Чтобы реализация прав и свобод человека сохраняла свою актуальность и практическую направленность, гражданскому обществу и его учреждениям необходимо поддерживать четко налаженное сотрудничество с органами государственной власти, отстаивать должный режим законности, вносить свою лепту в укрепление общественного порядка, естественно соотносимого с потенциалом правового порядка. Только на такой основе проявляют себя ценности права, а каждая заинтересованная личность получает доступ к соответствующим правам и свободам, иным жизненным интересам, что и инициирует ее правовую активность, наполняет правовое сознание содержанием ценностного свойства.

Опираясь в необходимых случаях на потенциал права, гражданское общество стимулирует формирование тех благоприятных жизненных условий, благодаря которым члены общества могут проявлять требуемую правовую активность и добиваться реализации интересующих их прав и свобод, используя при этом конституционные и иные ценности права. При этом стержневым и, безусловно, ценностным является конституционное положение о том, что личность, ее права и свободы признаются высшей ценностью. Из этого следует, что система законодательства в целом, отрасли права, основополагающие законы призваны отдавать приоритет тем конкретным нормам права, которые адресованы соответствующим механизмам реализации прав и свобод человека и гражданина. В таких нормах права и заключен их ценностный потенциал, что является благоприятной правовой средой, позитивно аккумулирующей правовое сознание членов гражданского общества.

Истинные ценности права, адресованные приоритетным жизненным интересам и потребностям каждого члена гражданского общества, становятся надежной практической основой, стимулирующей активную деятельность той или иной личности, которая стремится посредством конкретных предписаний норм права достичь поставленных целей и результатов. В итоге осуществляется процесс реализации соответствующих прав и свобод при одновременном исполнении личностью требуемых юридических обязанностей, поскольку права и свободы всегда находятся в состоянии органического единства.

Соответствующие правотворческие структуры государственной власти призваны ориентироваться на издание и совершенствование тех нормативно-правовых актов и норм права, которые обуславливают полноценную и достойную жизнедеятельность значительной части членов гражданского общества. При этом приоритет должен отдаваться правовым законам, которые преломляют идеи и принципы естественного (природного) права в правовую действительность, в рамках которой каждая заинтересованная личность получает возможность реализации соответствующих прав и свобод.

Следует особо подчеркнуть, что сочетание целей и задач институтов и учреждений гражданского общества и интересов и потребностей каждой личности должно находить однозначное отражение и в системе действующего законодательства как той среде, которая аккумулирует ценности права и переносит их в соответствующие области политической, социальной, культурно-образовательной, правовой действительности. В конечном счете, это позитивно сказывается на особенностях реализации естественных прав и свобод человека. Внедряемые в правовую действительность ценности права становятся надежным гарантом того, что каждый заинтересованный член общества может достичь желаемых прав и свобод.

По своей сущности гражданское общество в наибольшей степени заинтересовано в наличии совершенной и эффективной системы законодательства, основанной на правовых законах и иных ценностях права, приоритетно отстаивающих высшие жизненные интересы и потребности практически каждого человека. Личность как субъект права своим осознанным правомерным поведением всецело признает свое позитивное отношение к обнаруженным им ценностям права и усматривает в этом практический подход к освоению предоставленных жизненных возможностей.

К неперенным ценностям права, признаваемым институтами гражданского общества и большинством членов этого общества, в первую очередь относятся основополагающие из них. Это: действительное равенство всех членов общества, социальная и юридическая свобода человека, практически значимая частная собственность, система жизненно значимых договоров, надежные конструкции защиты самой системы права [2, с. 228]. Все эти ценности права находят, прежде всего, конституционное закрепление и затем конкретизируются в различных нормативно-правовых актах, где особое место должно отводиться истинно правовым законам, в которых личность и усматривает важные для себя ценности права, связанные с реализацией ее прав и свобод. Именно такая правовая действительность является стимулом для развития правового сознания каждой личности, которая в той или иной степени соприкасается с ценностями права и реализует их сущностный потенциал.

Предоставляемые государством и обществом надежные гарантии, касающиеся реализации политических, экономических, социальных, образовательных, культурных, религиозных прав и свобод человека и гражданина, относятся к числу несомненных ценностей права, поскольку в антидемократическом обществе права и свободы человека весьма ограничены и никакими гарантиями не обеспечены.

Система права и система законодательства обретают ценностное содержание только тогда, когда идеи естественного права находят внедрение в позитивном праве, т. е. в системе действующего законодательства, правовых законах. На такой основе предпочтение отдается естественным жизненным интересам, потребностям, правам, свободам человека и гражданина, что обретает реальность в подлинном гражданском обществе.

Только гражданское общество всецело заинтересовано в наличии правовой системы, способной интегрировать ценностный потенциал права в те общественные отношения, в рамках которых человек находит и реализует те интересы и потребности, которые обуславливают его достойное существование как венец проявления истинных ценностей права, правовых законов. Этими обстоятельствами обусловлено заметное развитие правового сознания каждой личности как участника разнообразных правовых отношений.

Гарантированное закрепление в правовых законах эффективных юридических механизмов, обуславливающих достижение членами гражданского общества своих естественных и неотчуждаемых прав и свобод, формирует надежную ценностную правовую базу, которая опирается на режим правовой законности и структуры должного правового порядка. Это позволяет каждой личности посредством своей правовой активности и в соответствии с надежным уровнем правового сознания, мотивирующим предсказуемое правомерное поведение, достигать жизненно важных рубежей, не посягая на права и свободы других членов общества, что имеет принципиальное значение в условиях функционирования гражданского общества. Такая правовая среда содействует укреплению экономического, социального, культурно-образовательного, правового статуса личности, инициирует ее к дальнейшим активным действиям, которые лежат у истоков ее приоритетных жизненных интересов. Подспудно правовое сознание личности наполняется новым позитивным содержанием.

Ценности, заложенные в системе права и системе законодательства, дают возможность личности как субъекту права полноценно, творчески, динамично осваивать все правовые выгоды и преимущества. Это плодотворно влияет на жизненный статус личности, позволяет ей успешно преодолевать возникающие социальные и правовые конфликты, четко исполнять юридические обязанности, вести себя правомерно в соответствующих жизненных обстоятельствах, понимая, что именно такое поведение позволяет ей избежать последствия всякого рода жизненных невзгод.

При наличии и использовании ценностей права жизненный статус личности естественным образом согласуется с многогранной правовой действительностью, которая постоянно аккумулирует эти ценности и тем самым вносит соответствующие коррективы в систему основополагающих общественных отношений. Личность как участник этих отношений испытывает влияние данных ценностей права и адекватно им соотнобразует свои поведенческие акции в собственных интересах, что позитивно сказывается на укреплении и развитии ее правового сознания и усилении юридического опыта, позволяя все более активно и уверенно вступать и в сложные общественные отношения, регулируемые нормами права.

Ценности права, правовые законы обуславливают необходимый политический, социальный, духовно-нравственный, культурно-образовательный, правовой микроклимат, преобразующий

содержание наиболее значимых общественных отношений, инициирующий социальную и правовую активность членов гражданского общества. В итоге каждая личность получает значимую дополнительную возможность удовлетворения определенных жизненных намерений, руководствуясь потенциалом правового сознания, правовой культуры, юридического опыта, что, в конечном счете, повышает эффективность правового упорядочения многих общественных отношений.

У членов общества как действующих субъектов этих отношений складывается чувство уважения к осваиваемым ценностям права, формируется вера в реальную силу права как того общественного явления, которое в соотношении с принципами естественного права способно предоставлять благоприятные условия гражданскому обществу и его членам для решения самых существенных жизненных проблем. На такой ценностной основе укрепляется режим правовой законности, усиливается потенциал правового порядка, утверждается осознанное предсказуемое массовое правомерное поведение субъектов права как носителей зрелого уровня правового мышления и правового сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999.
2. Гегель Г.В. Философия права. М., 1990.
3. Гранат Л.Н. Правовое сознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. Академический курс. М., 2001.

REFERENCES

1. Velichko A.M. State ideals of Russia and the West. Parallels of legal cultures. St. Petersburg, 1999.
2. Hegel G.V. Philosophy of law. Moscow, 1990.
3. Granat L.N. Legal consciousness and legal education // General theory of state and law. Academic course. Moscow, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Паршина Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент, ректор, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусства. Ростовский институт защиты предпринимателя. 344029, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Сержантова, 2/104.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Parshina Anna Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor, rector, corresponding member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts. Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurs. 2/104, Sergeantova St., Rostov-on-Don 344029 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 55–64.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 55–64.

Научная статья

УДК 34.08

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ: УСИЛЕНИЕ ИЛИ ПОСЛАБЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сумина Екатерина Анатольевна

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация

katren-sum@yandex.ru

Введение: актуальность темы исследования заключается в особенностях ответственности государственных служащих, что обусловлено, во-первых, их правовым статусом, во-вторых, политикой государства, направленной на усиление мер ответственности, следствием чего является повышенный уровень требований к служащим по сравнению с иными субъектами, осуществляющими трудовую функцию. Цель исследования: изучить меры, виды, основания ответственности государственных служащих и разработать предложения по оптимизации действующего законодательства для уменьшения количества случаев совершения ими правонарушений (бездействий).

Материалы и методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный, материалистической диалектики, сравнительно-правового исследования, статистический.

Результаты исследования: специфика государственной службы, ее социальная направленность и значимость обусловили особенности запретов и ограничений, разработанных федеральным законодателем для служащих, а также виды и меру их ответственности. Представитель нанимателя вправе привлечь такого служащего только к дисциплинарной ответственности, к остальным видам ответственности они могут привлекаться только специальными органами. Наложение ответственности на государственных служащих вызваны особыми основаниями, не только неисполнением должностных обязанностей, но и неисполнением запретов и ограничений, что влечет увольнение с такой службы в результате утраты доверия. Основным проблемным вопросом, следующим из выше изложенного, становится: стоит ли усиливать такую ответственность либо расширить гарантии служащих для предотвращения неправомерного поведения?

Выводы и заключения: следует расширить гарантии, предоставляемые государственным служащим действующим законодательством и отменить часть запретов и ограничений, а именно: обязать представителя нанимателя индексировать все выплаты: заработную плату, пенсии за выслугу лет; установить всем служащим основной отпуск сроком 45 календарных дней; установить в качестве гарантии бесплатный проезд по территории РФ в обоих направлениях одним из видов транспорта единожды в год для служащих и их несовершеннолетних детей; отменить запрет на предпринимательскую деятельность; отменить обязанность по предоставлению сведений о доходах, имуществе и т. д. на супруга (супругу) и детей служащего; исключить обязанность по предоставлению сведений работодателем о новом трудоустройстве служащего.

Ключевые слова: государственный служащий, ответственность, виды ответственности, обязанности, запреты, ограничения.

Для цитирования: Сумина Е. А. Современные аспекты ответственности государственных служащих в России: усиление или послабление ответственности / Е. А. Сумина // Юрист-Правоведъ : научн.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 55–64.

Original paper

MODERN ASPECTS OF THE RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS IN RUSSIA: STRENGTHENING OR WEAKENING OF RESPONSIBILITY

Sumina Ekaterina Anatolevna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the relevance of the research topic lies in the peculiarities of the responsibility of civil servants, which is due, firstly, to their legal status, and secondly, to state policy aimed at strengthening liability

measures, which results in an increased level of requirements for employees compared to other subjects, performing a labor function. Purpose of the study: to study the measures, types, and grounds of responsibility of civil servants and to develop proposals for optimizing the current legislation to reduce the number of cases of unlawful actions (inactions) committed by them.

Materials and methods: analysis, synthesis, induction, deduction, systemic, materialistic dialectics, comparative legal research, statistical.

Results of the study: the specifics of the civil service, its social orientation and significance determined the features of the prohibitions and restrictions developed by the federal legislator for employees, as well as the types and extent of their responsibility. The employer's representative has the right to bring such an employee only to disciplinary liability; they can be brought to other types of liability only by special bodies. The imposition of liability on civil servants is caused by special grounds, not only for failure to fulfill official duties, but also for failure to comply with prohibitions and restrictions, which entails dismissal from such service as a result of loss of confidence. The main problematic question that follows from the above is: is it worth strengthening such responsibility or expanding the guarantees of employees to prevent unlawful behavior?

Findings and conclusions: it is necessary to expand the guarantees provided to civil servants by current legislation and cancel some of the prohibitions and restrictions, namely: oblige the employer's representative to index all payments: wages, long-service pensions; establish a basic vacation of 45 calendar days for all employees; establish as a guarantee free travel across the territory of the Russian Federation in both directions by one of the modes of transport once a year for employees and their minor children; lift the ban on business activities; cancel the obligation to provide information about income, property, etc. for the spouse and children of the employee; exclude the obligation for the employer to provide information about the employee's new employment.

Keywords: civil servant, responsibility, types of responsibility, duties, prohibitions, restrictions.

For citation: Sumina E. A. Modern aspects of the responsibility of civil servants in Russia: strengthening or weakening of responsibility / E. A. Sumina // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 55–64.

Государственный служащий – это, в первую очередь, представитель публичной власти. Данные граждане от лица государства (его субъектов) наделены особыми властными полномочиями, что выделяет их из другого трудоспособного населения Российской Федерации. Еще в XVII в. Т. Гоббс определил государственного служащего как лицо государства [1].

Определение понятия государственного служащего содержит ст. 10 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹ – это гражданин РФ, профессиональная служебная деятельность которого осуществляется на должности федеральной государственной службы или государственной гражданской службы субъекта РФ за вознаграждение в денежной форме (содержание или довольствие) из средств федерального бюджета. При этом в соответствии с п. 1 Указа Президента РФ от 25.08.2021 № 493², государственные служащие могут быть и гражданами иного государства в случае, если прекращение гражданства иностранного государства невозможно по независящим от указанных лиц причинам и вправе замещать только те должности, которые не требуют допуска к соответствующей тайне. Невозможность прекращения подданства иностранного государства признается Комиссией по вопросам гражданства, созданной при Президенте России. Но именно на государственных служащих – бипатридов возлагается обязанность по принятию всех возможных мер с целью прекращения иностранного гражданства, а также уклонение от принятия документов, удостоверяющих личность иностранного государства либо от выполнения иных действий в качестве гражданина иного государства [11, с. 10–18].

Положения ст. 13 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³ (далее – ФЗ О государственной гражданской службе)

¹ О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке замещения должностей государственной и муниципальной службы гражданами Российской Федерации, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства, которое не прекращено по не зависящим от них причинам: Указ Президента РФ от 25 августа 2021 г. № 493. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

дополняет предыдущее понятие обязательством гражданином по прохождению службы на основании акта о назначении на должность и заключения контракта. В научной среде теории предлагают варианты формулировки понятия «государственный гражданский служащий», исходя из вышеуказанных законодательных определений [9]. Анализ указанных определений позволяет выделить признаки государственного служащего: гражданство РФ, профессиональное исполнение обязанностей в государственной должности, вознаграждение из соответствующего бюджета.

Ответственность – это элемент правового статуса государственного служащего. Кроме прав и обязанностей, на данных лиц законодательство возлагает определенную ответственность. Рассмотрим понятие ответственности и ее виды для государственных служащих.

Х.В. Идрисов понимает под юридической ответственностью меру государственного принуждения, которая применяется к субъекту в случае нарушения им нормы права. Данная мера направлена на претерпевание правонарушителем определенных лишений личного, организационного и имущественного характера [6, с. 8–10]. В.К. Цечоев и А.Р. Швандерова юридическую ответственность определяют аналогичным образом, добавляя социальный аспект – юридическое и общественное осуждение поведения правонарушителя и не включают организационный характер лишений [21, с. 117].

Ю.И. Абакумова, О.Р. Афанасьева, А.В. Борисов выделяют в юридической ответственности основной признак – участие государства, обязательность принуждения со стороны государственных органов к исполнению установленных государством норм права, что является реакцией на правонарушение [18, с. 196]. По нашему мнению, понятие «ответственность» должно совместить указанные теоретиками признаки, обобщив их.

Предлагается определить данный термин как принуждение государства к определенным лишениям, выражающееся как юридическое осуждение правонарушителя. Основным элементом наступления юридической ответственности является наличие состава правонарушения: субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона [20, с. 104].

Федеральный закон «О государственной гражданской службе» содержит общие нормы об ответственности служащих, заостряя внимание на дисциплинарных взысканиях (с. 59) и, отсылая к иному законодательству (ст. 68).

Государственные служащие, выполняя функции государственного управления, выступают в качестве субъектов публичного права и несут юридическую ответственность на общих основаниях, предусмотренных для всех граждан Российской Федерации. Однако специфика их деятельности, обусловленная особым статусом, влечет за собой возникновение специальных видов юридической ответственности.

На последнем виде ответственности предлагаем заострить внимание.

Дисциплинарная ответственность для рассматриваемых субъектов применяется в месячный срок со дня его обнаружения и до истечения шестимесячного срока. При этом бремя доказывания совершения служащим проступка, явившегося поводом к привлечению его к дисциплинарной ответственности, законодательство возлагает на нанимателя (ст. 192 ТК РФ) [5, с. 54–59]. Из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [14, с. 13] следует, что при привлечении к дисциплинарной ответственности нужно учитывать уважительность причин нарушения служащим его трудовых обязанностей.

В Постановлении Верховного Суда РФ № 36-АД17-8 разъясняется, что наложение дисциплинарных взысканий к служащим является правом, а не обязанностью работодателя, и применяться такие меры должны в результате служебной проверки на основании доклада в комиссию по урегулированию конфликтов интересов, которая должна дать рекомендации о необходимости либо отсутствии необходимости привлечения к дисциплинарной ответственности. В ходе указанной проверки устанавливается факт правонарушения, вина служащего, характер и размер вреда, а также обстоятельства, послужившие основанием проверки. В целях защиты прав служащих перед такой проверкой на нанимателя закон возлагает обязанность затребовать с лица, совершившего проступок, объяснение в письменной форме. Копия акта (приказа) о наложении взыскания вручается служащему под роспись. Срок ознакомления с актом о дисциплинарном взыскании составляет 5 дней.

Штрафные санкции в специальном законодательстве у государственных гражданских служащих не предусмотрены, тем более они не установлены Трудовым Кодексом [4, с. 36–38]. Ответственность для них введена в рамках производства по делам об административных

правонарушениях, например, за оскорбление со стороны служащих во время исполнения ими полномочий (должностных обязанностей). Санкции варьируются от 50 000 до 100 000 руб. или налагают дисквалификацию на срок до года. За повторное нарушение грозит штраф от 100 000 до 150 000 руб. или дисквалификация на срок до двух лет ч. 4, 5 ст. 5.61 Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)⁴. Статья 5.63 КоАП РФ предусматривает штрафные санкции для должностных лиц, предоставляющих государственные услуги, в случае их непредоставления либо предоставление с нарушением установленных сроков. П. 3 указанной статьи устанавливает административную ответственность за нарушение должностным лицом порядка оказания услуги соответствующими органами, срока ответа на жалобу либо отказ от ее рассмотрения (штраф составляет от 20000 до 30000 руб. при совершении правонарушения впервые)⁵. В общем КоАП РФ содержится не меньше 20 составов правонарушений, в которых особым субъектом выступают государственные служащие. Данные правонарушения касаются контрактных систем закупок товаров, работ, услуг, незаконного предоставления информации и т. д. (ст. 7.29–7.32, 13.11, 13.14, 15.21, 19.28, 19.29 [22, с. 11–14]).

Специальная ответственность в гражданском праве для государственных служащих предусмотрена ст. 1069 ГК РФ⁶, закрепляющей санкции за причинение вреда государственными органами (должностными лицами), включая издание незаконного правового акта. Только вред возмещается согласно ГК за счет соответствующего бюджета, а не лица.

Уголовная ответственность за преступления, совершенные государственными служащими, установлена гл. 30 УК РФ⁷. Одним из наиболее распространенных оснований привлечения к уголовной ответственности является диспозиция ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, что означает их использование вне интересов службы в угоду личным целям, следствие данных действий выражается в нарушении интересов каких-либо субъектов. Пределы санкций в данной норме варьируются от штрафа до лишения свободы.

Итак, ответственность государственных служащих подразделяется на общую и специальную, распространяющуюся на должностных лиц разного уровня. Действующее законодательство позволяет выделить особые основания ответственности служащих.

К особым основаниям ответственности для государственного служащего следует отнести нарушения, указанные в ст. 59.1. ФЗ «О государственной гражданской службе», а именно несоблюдение:

1) ограничений и запретов;

Статьей 17 ФЗ «О государственной гражданской службе» устанавливаются следующие запреты для служащих:

– замещать должность в случае избрания на оплачиваемую: иную государственную должность, в органе профсоюза, в органе зарубежных некоммерческих неправительственных организаций;

– осуществлять предпринимательскую деятельность (самостоятельно и через третьих лиц) и иную (без соответствующего разрешения нанимателя), оплачиваемую за счет средств иностранных субъектов, если это не предусмотрено международным договором РФ или ее законодательством;

– исполнять полномочия поверенного по делам третьих лиц в государственном органе, где он является служащим (при отсутствии иных указаний закона);

– получать вознаграждение, связанное с исполнением служебных полномочий. Запрет на получение вознаграждения служащими не исключает возможность принесения в дар. Например, подарок могут преподнести проверяемые лица служащему по поводу празднования дня рожде-

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации ч. 1: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, ч. 2: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, ч. 3 от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ния и т. д. Следовательно, нужно учитывать, что вручение подарка от заинтересованного лица предполагает развитие конфликта интересов. При этом следует отличать подарок от взятки. Мотивами дарения считается уважение, симпатия, чувство благодарности к одаряемому, но он не порождает встречных обязательств у одаряемого. Иной мотив у взятки – корыстный умысел, направленный на получение правовой, имущественной, коммерческой и иной выгоды. Взятка предполагает именно исполнение обязательств одаряемым для получения обогащения взяткодателем [12, с. 7];

– осуществлять поездки за пределы РФ во исполнение служебных обязанностей при финансировании третьих лиц;

– использовать во внеслужебных целях любое имущество, переданное вопреки указанным целям;

– распространять конфиденциальные сведения и иную служебную информацию ни во время службы, ни по окончании ее;

– допускать публичные выступления, суждения и оценки относительно государственных служащих (исключение – если это не относится к обязанностям служащего);

– осуществлять прием наград и иных знаков отличия без письменного разрешения нанимателя (исключение – научные) от иностранных, международных субъектов, политических партий, иных объединений;

– использовать должностное положение в рамках избирательных процедур и субъектов (исключение – если это не относится к обязанностям служащего), создавать структуры указанных объединений в органах службы;

– прекращать исполнение служебных обязанностей для разрешения служебного спора;

– открывать и содержать счета (вклады) и финансовые инструменты за пределами РФ. Данный запрет распространяется не только на государственных служащих, но и на их супругов и несовершеннолетних детей.

На диаграмме 1 отображена статистика за 2021–2022 гг. привлечения к ответственности государственных служащих органов внутренних дел Российской Федерации в связи с нарушением ими запретов и ограничений, предусмотренных ФЗ «О государственной службе»

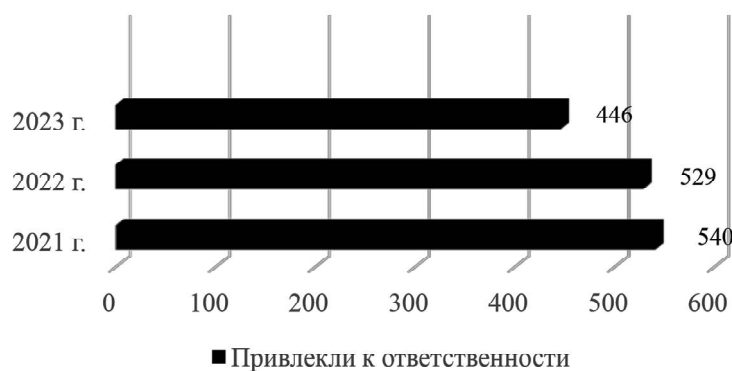

Диаграмма 1. Количество государственных служащих ОВД РФ, привлеченных к ответственности за нарушение запретов и ограничений в 2021–2023 гг. [7]

При этом для государственного служащего из нарушения вышеуказанных запретов и ограничений в п. 1 ст. 59.2. специального закона изложены непосредственные основания, влекущие утрату доверия к государственному служащему и, как следствие, увольнение его со службы. К ним относятся:

– конфликт интересов;

– непредоставление (предоставление недостоверных) сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на себя, супруга (супругу) и несовершеннолетних детей;

– управление коммерческой организацией (кроме случаев, установленных федеральным законом);

– предпринимательская деятельность;

– вхождение в орган иностранных некоммерческих неправительственных организаций;

– счета и финансовые инструменты в иностранных банках.

На диаграмме 2 представлено количество государственных служащих органов внутренних дел РФ, уволенных со службы в связи с неправомерным поведением.

Диаграмма 2. Количество государственных служащих ОВД РФ, понесших ответственность в виде увольнения со службы в 2021–2023 гг. [7]

2) требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов;

Конфликт интересов согласно ст. 10 ФЗ от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» сводится к личной заинтересованности служащего при исполнении служебных обязанностей последнего (возможность получения доходов, выгоды, преимущества), как для самого служащего, так и для его близких родственников, друзей и иных органов и лиц, с которыми служащего либо его родственников и друзей связывают имущественные или иные отношения. Конфликт интересов, по мнению М.В. Преснякова, предусматривает для служащего дополнительные обязанности и правовые ограничения, рассматривая обязанность по уведомлению представителя нанимателя о конфликте интересов, как ограничение на неприкосновенность частной жизни [17, с. 20–27].

Для предотвращения и урегулирования конфликта интересов служащие должны принять следующие меры:

- уведомить нанимателя о конфликте интересов (ч. 2 ст. 11 Закона № 273-ФЗ);
- осуществить самоотвод в необходимом случае (ч. 5 ст. 11 Закона № 273-ФЗ). Процедура указанного самоотвода пока не установлена;
- отказаться от выгоды, повлекшей такой конфликт (ст. 11 Закона 273-ФЗ);

3) неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством в целях противодействия коррупции.

Вопрос об ответственности государственных служащих за нарушение требований законодательства о противодействии коррупции не имеет однозначного ответа, т. к. отсутствуют: понятие «коррупционное правонарушение», что отражается на квалификации данного деяния, единообразии в практическом применении мер дисциплинарного взыскания за нарушение требований коррупционного законодательства. В отсутствие единого подхода используются разъясняющие письма Министерства труда и социальной защиты РФ, неустоявшаяся судебная практика. Тем не менее, судебная практика за последние 10 лет показала, что инициаторами большинства обращений в суд стали сами служащие, оспаривавшие решение нанимателя об увольнении по причине утраты доверия [16, с. 73–78].

Определенные разъяснения в сфере коррупционных правонарушений разработало Мин. труда РФ, согласно которому не является коррупционным:

- нарушение запрета или неисполнение обязанности в связи с чрезвычайными и непреодолимыми обстоятельствами, препятствовавшими представлению соответствующих сведений или получению требуемой информации;
- ошибочное указание сведений, подлежащих предоставлению работодателю, когда неточность в сведениях возникла не по вине служащего, что может быть подтверждено документально или следует из его пояснений. Судебная практика правомерным признает увольнение в случае, если в справке о доходах не отражена дата представления сведений и (или) скрытая

сумма дохода составляет более 100 тыс. руб. [10, с. 159–169]. Например, в Верховный Суд РФ обратился Б., уволенный с государственной службы в связи с утратой доверия. Согласно информации, поступившей представителю нанимателя, Б. сокрыл доходы и банковский счет, на который в течение года поступило 22 млн рублей. По результатам проверки, проведенной работодателем, Б. был уволен. Суд поддержал последнего, отказав в удовлетворении требований истца и, признав увольнение законным, соответствующим характеру и тяжести совершенного проступка [13, с. 4];

– заполнение служащим Справки с некорректными данными, позволяющими определить достоверно представленную информацию, не искажающую действительность (например, некорректное указание наименования, адреса кредитной организации);

– представление служащим уточненных сведений, содержащих достоверные данные, в установленный законодательством срок в случае их самостоятельного обнаружения.

Еще одним особым основанием является получение подарка. Исключением стали канцелярские принадлежности, предоставленные для обеспечения осуществления полномочий на мероприятии⁸, а также стоимостью до 3 000 руб. (пп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ). Мин. труда РФ [19] подчеркивает, что получение дорогих подарков государственными служащими даже во время личных мероприятий от подчиненных (подконтрольных) лиц может их опорочить и вызвать сомнения в их честности и беспристрастности.

Служащие обязаны уведомлять работодателя о полученных подарках в связи с официальными мероприятиями. При получении подарка стоимостью до 3 000 руб. нанимателю направляется уведомление о получении подарка с подтверждающими документами о его цене в течение 3-х рабочих дней со дня получения (подарок остается у одаряемого). При превышении цены подарка в 3 000 руб. или отсутствии подтверждающих его стоимость документов, он сдается вместе с уведомлением представителю нанимателя в пятидневный срок. При этом ответственность за причинение вреда подарку остается до его передачи на служащем. Спорная цена подарка определяется экспертным путем. При стоимости подарка свыше 3 000 руб. право на его выкуп остается за одаряемым в течение двух месячного срока со дня сдачи⁹.

Следует отметить, что выделение особых оснований из общих оснований привлечения к ответственности государственных служащих вполне оправдано их спецификой. Например, иные работники не несут ответственность за сделанный им подарок и не выясняют его стоимость, а также отсутствует порядок возврата подарков, сделанных иным работникам. Усиленная ответственность за правонарушения, имеющие коррупционную составляющую, для рассматриваемых субъектов грозит увольнением в связи с утратой доверия и влечет впоследствии занесение в соответствующий реестр, что не позволяет в дальнейшем рассчитывать на государственную службу.

Таким образом, к видам ответственности, которая налагается на государственных служащих, относятся: дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовно-правовая.

Н.Н. Дерюга и А.Н. Дерюга считают, что вид наказания должен соответствовать совершенному правонарушению: слишком мягкий порождает чувство безнаказанности и пренебрежительного отношения к закону и правоприменителю, а слишком тяжелый приводит к озлобленности и способствует возникновению нигилистических взглядов [2, с. 4–14]. М.Б. Добрабаба, высказываясь по рассматриваемому вопросу, полагает, что препятствием к совершению дисциплинарных поступков служащими является опасение получения определенных видов наказания, например, неприменение в период действия дисциплинарного взыскания мер поощрения [3, с. 38–43]. При этом в научной литературе поднимается вопрос о постоянном увеличении числа запретов, ограничений, обязанностей и практическом отсутствии для служащих стимулов, нацеленных на позитивное правомерное поведение [8].

Усиление мер ответственности, увеличение числа запретов и ограничений, возрастание обязанностей государственных служащих, четкая регулировка поведения, не соответствующая размеру их вознаграждения и дополнительным гарантиям, предоставляемым зако-

⁸ О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации: постановление Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Там же.

ном, является, по нашему мнению, основной проблемой, влекущей иные, такие, как получение подарков и неуведомление о них наймодателя, взятки, использование должностного положения в личных целях, осуществление предпринимательской деятельности через подставных лиц и т. д. Разрешить данную проблему возможно только конкурентоспособным вознаграждением, в размере, исчисленном для государственных служащих субъектов РФ, исходя из размера средней заработной платы Москвы (данная унификация, по нашему мнению, будет соответствовать принципу справедливости и равноправия субъектов на территории РФ, которые закреплены в Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Еще одной проблемой является неоднозначность гарантий и их снижение – уменьшение календарных дней отдыха (с 45 до 30 дней основного отпуска), увеличение минимального стажа государственной службы для назначения государственной пенсии за выслугу лет (с 15 до 20 лет с 2026 г.). Разрешить данную проблему возможно только на законодательном уровне восстановлением измененных гарантий в первоначальном виде.

Следующая проблема – обязанность предоставления справки о доходах на супруга и несовершеннолетних детей. Данная норма, по нашему мнению, подлежит пересмотру, т. к. выполнить обязанность не представляется возможным в случае безвестного отсутствия супруга, отсутствии информации о его месте жительства или нежелании последним предоставлять такие сведения. Для решения данной проблемы, необходимо четко определить критерии, по которым справка о доходах члена семьи должна быть обязательной. Например, это может быть необходимость получения социальных выплат, установление алиментов и т. д. Также, можно ограничить круг лиц, на которых распространяется требование о предоставлении справки о доходах, например, только на родителей несовершеннолетних детей, получающих алименты, или только на супругов в случае развода.

Еще одним проблемным вопросом, по мнению автора, является обязанность по предоставлению информации о последующем месте работы уволившегося служащего. Данная обязанность возлагается не на уволившегося сотрудника, а на нового работодателя, но цель ее введения может быть оправдана только в случае допуска бывшего служащего к государственной тайне, в ином случае ее обоснование отсутствует. Следовательно, предлагается исключить данную обязанность в отношении государственных служащих.

Подводя итог, стоит отметить направление политики законодателя на расширение оснований для привлечения к ответственности государственных служащих. У данных лиц увеличивается количество обязанностей, запретов, санкций, но уменьшается материальное обеспечение, что приводит к утрате заинтересованности в выполнении своих обязанностей на основе принципов добросовестности и добропорядочности. Необходимо также разработать систему новых льгот для государственных служащих, что приведет к стабилизации профессиональных кадров на местах, укрепит систему государственной службы и предотвратит совершение государственными служащими противоправных действий (бездействий), влекущих ответственность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьев Н.И., Галкин В.А., Мокеев М.М. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. 2018. № 2.
3. Добробаба М.Б. Условия и факторы эффективности применения дисциплинарных взысканий на государственной службе // Административное право и процесс. 2021. № 10.
4. Загидуллин М.Р. Судебный штраф как мера юридической ответственности в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2020. № 7.
5. Зарипова М. О наложении дисциплинарного взыскания на госслужащего // Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений. 2022. № 10.
6. Идрисов Х.В. Об отдельных видах юридической ответственности: сущность, подходы к определению, специфика реализации в сфере государственной гражданской службы // Российская юстиция. 2020. № 6.

7. Информационно-справочные материалы о состоянии кадрового обеспечения в органах внутренних дел Российской Федерации по линии профилактики коррупционных правонарушений по итогам 2021, 2022, 2023 гг. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/anticorr/realization> (дата обращения: 12.05.2024).
8. Козлов Т.Л. Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2020. № 5.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А.Ф. Ноздрачева. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Кузнецов В.И., Трунцевский Ю.В., Ломакина Л.А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1.
11. Куревина Л.В. Об изменениях для служащих с иностранным гражданством // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2021. № 10.
12. Могут ли госслужащие получать подарки? // Азбука права: электронный журнал. 2022. № 5.
13. Обзор практики по рассмотрению в 2012–2013 гг. дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2014. № 9.
14. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Официальные документы в образовании. 2016. № 5.
15. По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 3 ч. 4 ст. 5 и п. 5 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова: постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Поплавская В. Анализ судебной практики по вопросам привлечения государственных (муниципальных) служащих к дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия за нарушения требований законодательства о противодействии коррупции // Административное право. 2019. № 4.
17. Пресняков М.В. «Частные» механизмы противодействия коррупции: оптимизация и пределы экспансии антикоррупционных практик // Административное право и процесс. 2022. № 9.
18. Процедуры в конкурентном праве / под ред. С.А. Пузыревского. М., 2019.
19. Рекомендации по соблюдению государственными (муниципальными) служащими норм этики в целях противодействия коррупции и иным правонарушениям: письмо Минтруда России от 11 октября 2017 г. № 18-4/10/В-7931. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Селезнев В.А. Административная ответственность субъектов контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. 2021. № 11.
21. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М., 2017.
22. Шапоров Р.А. Особенности применения мер юридической ответственности за совершение муниципальными служащими преступлений коррупционной направленности // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 2.

REFERENCES

1. Vorobyov N.I., Galkin V.A., Mokeev M.M. Commentary on the Federal Law of 27.07.2004 № 79-FZ «On the State Civil Service of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Deryuga N.N., Deryuga A.N. Legal outline of administrative penology: problems of the current state // Administrative law and process. 2018. № 2.
3. Dobrobaba M.B. Conditions and factors for the effectiveness of applying disciplinary sanctions in the public service // Administrative law and process. 2021. № 10.

4. Zagidullin M.R. Judicial fine as a measure of legal liability in administrative proceedings // Russian justice. 2020. № 7.
5. Zaripova M. On the imposition of disciplinary action on a civil servant // Audits and inspections of the financial and economic activities of state (municipal) institutions. 2022. № 10.
6. Idrisov H.V. On certain types of legal liability: essence, approaches to definition, specifics of implementation in the sphere of public civil service // Russian Justice. 2020. № 6.
7. Information and reference materials on the state of staffing in the internal affairs bodies of the Russian Federation in the area of prevention of corruption offenses based on the results of 2021, 2022, 2023. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/anticorr/realization> (date of access: 12.05.2024).
8. Kozlov T.L. Prospects for the development of Russian anti-corruption legislation // Journal of Russian Law. 2020. № 5.
9. Commentary on the Federal Law «On the State Civil Service of the Russian Federation» (article-by-article) / ed. A.F. Nozdracheva. Access from the legal system «ConsultantPlus».
10. Kuznetsov V.I., Truntsevsky Yu.V., Lomakina L.A. Dismissal of public civil servants due to loss of confidence: problems of theory and practice // Journal of Russian Law. 2020. № 1.
11. Kurevina L.V. On changes for employees with foreign citizenship // Personnel department of a state (municipal) institution. 2021. № 10.
12. Can government employees receive gifts? // ABC of Law: electronic journal. 2022. № 5.
13. Review of review practice in 2012–2013. cases on disputes related to bringing state and municipal employees to disciplinary liability for committing corruption offenses // Bulletin of Labor and Social Legislation of the Russian Federation. 2014. № 9.
14. On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.03.2004 № 2 // Official documents in education. 2016. № 5.
15. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 2 of Art. 20.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, clause 3, part 4, art. 5 and paragraph 5, part 3, art. 7 of the Federal Law «On meetings, rallies, demonstrations, processions and pickets» in connection with the complaint of citizen S.A. Katkov»: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.05.2012 № 12-P. Access from the legal system «ConsultantPlus».
16. Poplavskaya V. Analysis of judicial practice on the issues of bringing state (municipal) employees to disciplinary liability in the form of dismissal due to loss of confidence for violations of the requirements of the anti-corruption legislation // Administrative Law. 2019. № 4.
17. Presnyakov M.V. «Private» anti-corruption mechanisms: optimization and limits of expansion of anti-corruption practices // Administrative law and process. 2022. № 9.
18. Procedures in competition law / ed. S.A. Puzyrevsky. Moscow, 2019.
19. Recommendations for compliance by state (municipal) employees with ethical standards in order to combat corruption and other offenses: letter of the Ministry of Labor of Russia dated 11.10.2017 № 18-4/10/B-7931. Access from the legal system «ConsultantPlus».
20. Seleznev V.A. Administrative responsibility of subjects of control and supervisory activities // Journal of Russian Law. 2021. № 11.
21. Tsechoev V.K., Shvanderova A.R. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2017.
22. Shaporov R.A. Features of the application of legal liability measures for the commission of corruption-related crimes by municipal employees // Municipal service: legal issues. 2018. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сумина Екатерина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами. Академия управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
ORCID: 0000-0002-2069-1510

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sumina Ekaterina Anatolyevna, PhD in Law, Associate professor of the Department of Psychology, Pedagogy and organization of work with personnel. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 65–69.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 65–69.

Научная статья

УДК 342.9

К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ В ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА АВТОМОБИЛЕЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОТИВОУГОННОЙ МАРКИРОВКИ КАК СРЕДСТВУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УГОНОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Шкеля Олег Викторович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация

oleg_wkelia@mail.ru

Осяк Андрей Николаевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

osannik@rambler.ru

Былинин Игорь Александрович

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация

bylinin.igor@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемы внедрения в технологический процесс производства автомобилей на заводах-изготовителях, расположенных в Российской Федерации, системы нанесения дополнительной идентификационной маркировки не только кузова, но и другие узлы, агрегаты и детали транспортного средства.

Материалы и методы: в рамках проведенного исследования использовалась вся система всеобщих принципов познания, общенаучных и специальных методов исследования, применяемых к изучению различных аспектов правовой реальности (диалектика, логический, формально-юридический, герменевтический подход, системный метод, функциональный метод).

Результаты исследования: маркировка повысит эффективность и ускорит работу правоохранительных органов по идентификации транспорта при выполнении служебных обязанностей: проведении оперативно-розыскных мероприятий, контроле за дорожным движением, осуществлении регистрационных действий с транспортом и в других случаях. Для преступников такое маркирование транспорта сделает абсолютно не выгодным его хищение с целью легализации, как целиком, так и по частям.

Выводы и заключения: разработка и внедрение такого процесса на всех российских автозаводах должно облегчить усилия государства по противодействию автоугонам, выявлению похищенного и контрабандного автотранспорта.

Ключевые слова: автомобиль, хищения транспорта, правоохранительные органы, предупреждение преступлений, охранные системы, розыск автомобилей, противоугонная маркировка.

Для цитирования: Шкеля О. В., Осяк А. Н., Былинин И. А. К проблеме внедрения в процесс производства автомобилей дополнительной противоугонной маркировки как средству предупреждения угонов транспортных средств // О. В. Шкеля, А. Н. Осяк, И. А. Былинин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 65–69.

Original paper

ON THE PROBLEM OF INTRODUCING ADDITIONAL ANTI- THEFT MARKINGS INTO THE CAR MANUFACTURING PROCESS AS A MEANS OF PREVENTING VEHICLE THEFT

Shkelya Oleg Viktorovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Osyak Andrey Nikolaevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Bylinin Igor Alexandrovich

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Introduction: the article discusses the problems of introducing into the technological process of automobile production at manufacturing plants located in the Russian Federation, a system for applying additional identification markings not only to the body, but also to other components, assemblies and parts of the vehicle.

Materials and methods: within the framework of the study, the entire system of universal principles of knowledge, general scientific and special research methods applied to the study of various aspects of legal reality (dialectics, logical, formal legal, hermeneutic approach, systemic method, functional method) was used.

Results of the study: marking will increase the efficiency and speed up the work of law enforcement agencies in identifying vehicles when performing official duties: conducting operational search activities, monitoring traffic, carrying out registration actions with vehicles and in other cases. For criminals, such marking of transport will make it absolutely unprofitable to steal it for the purpose of legalization, both in whole and in parts.

Findings and conclusions: the development and implementation of such a process at all Russian automobile factories should facilitate the state's efforts to combat auto thefts and identify stolen and smuggled vehicles.

Keywords: car, vehicle theft, law enforcement agencies, crime prevention, security systems, car search, anti-theft marking.

For citation: Shkelya O. V., Osyak A. N., Bylinin I. A. On the problem of introducing additional anti-theft markings into the car manufacturing process as a means of preventing vehicle theft // O. V. Shkelya, A. N. Osyak, I. A. Bylinin // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 65–69.

Современный период развития России как независимого государства характеризуется множеством проблем, часть из которых вызвана криминальной ситуацией, сложившейся в стране. Несмотря на активные действия правоохранительных органов, показатели некоторых видов преступлений упорно не снижаются, а преступники начинают вести себя все более изобретательно, стремясь достичь своей цели. Наиболее остро это проявляется в сфере корыстной преступности, где предметом преступления выступает автотранспортное средство. С каждым годом преступления в сфере хищения автотранспорта становятся резонанснее, а преступники идут на различные меры: применяют технологические инструменты, вводят владельцев транспорта в заблуждение, переодеваясь в сотрудников правоохранительных органов, используют дорогостоящее автоматическое оружие. Кроме того, похитители транспорта в мегаполисах отлично ориентируются на местности, имеют налаженные связи сбыта краденых машин и стараются не оставлять следов. В таких ситуациях правоохранительные органы не всегда успевают вовремя среагировать, а разработанные ими мероприятия по предупреждению и пресечению таких преступлений быстро утрачивают актуальность.

Несомненно, с появлением автомобильного транспорта человечество приобрело огромные блага, выражающиеся в увеличении скорости передвижения и объемов перемещаемых грузов. Автомобилями, а вернее их моделями, стали измеряться целые эпохи. Выпуск новой марки или модели автопроизводители не редко приурочивают к каким-либо памятным датам или годовщинам. Так, в Советском союзе появилась легендарная автомашина М-20 «Победа» и массовый автомобиль относительно доступный для рабочего класса – «Москвич».

Современные автоконцерны, стараясь занять мировой рынок, спешат разработать и вывести на продажу потребителям все более совершенные и иной раз немислимые модели своих авто, удивляющие дизайном, скоростными характеристиками и технологичностью.

В то же время наряду с положительной стороной автомобилизации человечество получило и ряд проблем, которые с каждым годом становятся системными, и не замечать их уже не получается. Так, развитие автопарка неизбежно привело к негативным воздействиям на экологию и здоровье населения, необходимости привлечения колоссальных средств для строительства автомобильных дорог достаточного уровня, высокому росту смертности и получения инвалидности в большинстве своем работоспособным населением в результате дорожно-транспортных происшествий. В градостроительстве должны учитываться перспективы роста количества транспорта, пропускные способности дорог, увеличение количества парковочных мест в спальных районах и промышленно-деловых зонах.

Вместе с тем любой автовладелец часто задумывается о том, как обезопасить свой автомобиль от преступных посягательств, сделать невозможным проникновение в него, хищение из него вещей или его деталей, а тем более – предотвратить незаконное завладение самим транспортным средством. Большинство автовладельцев нашей страны на сегодняшний день по тем или иным причинам не могут позволить себе новый автомобиль и вынуждены

прибегать к услугам вторичного рынка, где есть большая вероятность приобрести транспорт с «криминальной историей». Осветим данную проблему в настоящей статье.

Хищение транспорта и оборот прибыли, полученной преступным миром от легализации похищенного и криминального транспорта, уже ни одно десятилетие являются проблемой любого развитого государства. Незаконные завладения автомобилями начали свою историю 130 лет назад с первой зарегистрированной в мире кражи автомобиля в Париже, как предполагается, преступление завершилось получением прибыли от сбыта похищенного. То есть, не присвоением, а именно продажей с целью обогащения.

На сегодняшний день преступные посягательства на транспорт уголовным законом разделены на несколько видов: угоны, кражи, к отдельным направлениям следует отнести грабежи, разбои и мошенничество с целью завладения ими. Но во всех случаях, когда преступники намерены получить прибыль, преступная цепь заканчивается продажей транспорта и получением материальной выгоды.

Предупреждение преступлений (не только корыстной направленности) является одной из основных задач деятельности правоохранительных органов. Помимо оперативного раскрытия преступлений правоохранительные органы должны еще и адекватно противодействовать их возможному совершению в будущем [1, с. 35].

Согласно анализу, проведенному ФГКУ «Всероссийский НИИ МВД России» [2], на территории страны в 2018 г. было зарегистрировано 19 460 заявлений об угонах транспортных средств, в 2019 г. – 18 895, в 2020 г. – 17 287, в 2021 г. – 14 887, а в 2022 г. – уже 13 501 таких преступлений. Общее количество незаконных завладений транспортом за этот же период сократилось с более чем 40 тыс. до 22,5 тыс. преступлений.

Приведенная статистика показывает, на снижение числа угонов (незаконных завладений без цели хищения), совершаемых, как правило, в отношении транспорта, не оборудованного противоугонными устройствами. В отличие от «лихих» 90-х, когда транспорт преимущественно имел только заводские запирающие устройства дверей и руля, сегодня автомобили становятся все более совершенными, разработчики продумывают системы охраны и блокировки, создающие проблемы «угонщикам-профессионалам», а для «дилетантов» такой транспорт вообще не по силам. На сегодняшний день производители охранных систем для автотранспорта представляют огромный выбор механического, электронного и спутникового оборудования. К сожалению, преступники так же не отстают и стремятся «идти в ногу» со временем, меняют методы и тактику совершения завладений, способы перегона и укрытия, легализации.

И если с завладения без цели хищения все понятно – угнали незащищенный автомобиль, покатались и бросили, то с кражами дорогих и престижных авто все намного сложнее. Угонщики стараются отключить охранную систему, запустить двигатель, переместить транспорт в подготовленное место и провести дальнейшие действия, связанные с получением преступной прибыли. Именно последняя стадия этого алгоритма и должна стать ключевой для внимания правоохранительных органов. Ведь если сделать сбыт похищенного транспорта целиком или по запасным частям невозможным или малоприбыльным, то преступления такого вида станут просто неинтересными в преступной среде. Противоугонные системы всех уровней создают угонщикам проблемы, но они уже научились обходить их, глушить сигналы радиомаяков, обнаруживать и изымать блоки спутниковых систем и т. д. Следовательно, остается только сделать проблемой реализацию похищенного авто.

Для того чтобы быстро и полно раскрыть любое преступление и изобличить виновных лиц при расследовании, необходимо знать определенные уголовно-правовые и криминалистические особенности отдельных видов преступлений, методические принципы их расследования и особенности применения рекомендаций криминалистической техники и тактики в специфических условиях предупреждения и профилактики различных видов преступлений.

А. Резцов подчеркивает, что предупреждение отдельных видов преступлений представляет собой систему оптимальных приемов и средств деятельности следователя в специфических условиях расследования различных видов преступлений, разработанную для наилучшего решения задач следствия на определенной теоретической и методической основе с учетом уголовно-процессуальных требований уголовно-правовой и криминалистической характеристик преступлений [3, стр. 39].

Безусловно, розыск автомобилей после хищения будет значительно облегчен, если они будут «сообщать о себе» в правоохранительные органы, охранным предприятиям или владельцам посредством радиооборудования или спутниковых устройств. Но, к сожалению,

лишь мизерная доля транспорта в России оснащена такими устройствами и единственным способом идентификации остаются запомненные автовладельцем особые приметы и характерные признаки (дефекты кузова, лакокрасочного покрытия, стекол, зеркал заднего вида, следы самостоятельного ремонта или модифицирования).

При этом лучшую пользу будут приносить приметы, скрытые от посторонних глаз, т. к. ни для кого уже не секрет, что преступники делают все, чтобы скрыть историю автомобиля: изменяют идентификационную маркировку, видимые приметы и нестандартные детали, устраняют повреждения, даже перекрашивают кузов, заменяют государственные регистрационные знаки.

Вместе с тем, как показывает практика, что мало кто из владельцев может описать приметы в необходимом для ориентирования объеме. В современных реалиях развития автопрома многие склонны к частой смене – купле-продаже – транспорта и порой даже не успевают запомнить присвоенный Госавтоинспекцией номерной знак, а тем более успеть запомнить или создать приметы.

Поэтому, путь даже не эффективным на первый взгляд, способом профилактики хищений авто будет являться скрытая или видимая частично маркировка всех деталей, узлов и агрегатов.

Наибольший эффект в маркировании автотранспорта может быть достигнут при ее нанесении заводами в процессе изготовления. Если автомобиль (все его основные части: все детали кузова, стекла, двигатель, коробка переключения передач и элементы ходовой части) будет промаркирован, он утратит интерес у угонщиков. Для изменения всех маркировок придется существенно потратиться, возможно даже перекрашивать кузов, менять двигатель и дорогостоящие элементы трансмиссии. Разборка и продажа автомобиля по частям также станет рискованным делом. Все это делает нецелесообразным хищение для получения преступной прибыли от реализации похищенного транспорта.

В свою очередь сотрудникам Госавтоинспекции при проведении оперативно-розыскных мероприятий по задержанию похищенного транспорта, надзоре за дорожным движением или при проведении регистрационных действий с транспортом значительно легче будет идентифицировать транспорт, повысится эффективность работы по пресечению эксплуатации и легализации криминального транспорта, что так же не «на руку» преступникам.

В качестве примера эффективной маркировки можно привести внедряющуюся за рубежом с 2000 г., а в России с 2003 г. дополнительную противоугонную маркировку, основанную на технологии разработанной компанией DataDot Technology Ltd (Австралия). Такая маркировка сегодня активно применяется в Австралии, Великобритании, Голландии, Греции, Индонезии, Китае, Канаде, Малайзии, Новой Зеландии, Тайване, США и ряде других стран.

Новизна и эффективность маркировки, основанной на принципе «Дата-Дот», заключается в нанесении на основные узлы, агрегаты и детали автомобиля полимерного прозрачного клея с 10 тыс. микроточек. При этом состав светится в ультрафиолетовом свете. На каждой точке, представляющей из себя полиэстеровые диски диаметром $1,2 \pm 0,1$ мм, толщина основы 0,1 мм нанесен индивидуальный номер (ПИН), что позволяет легко идентифицировать как автомобиль целиком, так и отделенные от него детали. Размер символов, выполненных из серебряных частиц размером 0,2–0,5 микрон, позволяет разметить на одной такой точке до 50 строк. Срок их службы составляет более 20 лет. Попытки удалить 10 тыс. таких точек бессмысленны. Даже если предположить, что злоумышленники произведут существенные финансовые затраты и полностью перекрасят кузов, поменяют салон, стекла, фары и фонари, полимерный клей с идентификационными точками все равно останется на других элементах конструкции.

Преимуществами такой маркировки является ее технологичность, но при этом легкость маркирования, в том числе в процессе конвейерной сборки транспорта, сложность уничтожения и невысокая стоимость, а также простота идентификации, в том числе отдельных запасных частей.

Нанесение состава допускается различными по технологии способами: полным окунанием узлов и агрегатов ТС в раствор или с применением автоматических или ручных пульверизаторов либо ручное при помощи кистей, разбрызгивателем и т. д. Полное высыхание полимера занимает около четырех часов. Весь процесс маркирования занимает сутки, в которые входит время нанесения маркировки, сушки, документирования и занесения информации в единую базу данных.

Ввиду длительности процедуры маркировки заводы-изготовители не желают включать его в технологический процесс из-за увеличения времени на сборку, а соответственно – потери в прибыли.

Нанесение маркировки по желанию владельца является единичным случаем и не может должным образом повлиять на профилактику преступлений, связанных с криминальным автобизнесом. Ведь максимальный эффект от такой маркировки может быть достигнут только в случае, когда сотрудник полиции, проверяя транспорт, или гражданин, приобретая подержанный автомобиль, знает, что он промаркирован и данную маркировку легко найти и проверить.

Подводя итог, следует отметить, что тайные хищения транспорта в мегаполисах причиняют немалый ущерб государству, интересам его граждан, негосударственным организациям. В настоящее время борьбе и противодействию данной преступности уделяется огромное внимание, поскольку государство обязалось гарантировать гражданам нормальные условия жизни и развития, а также провозгласило принцип равной защиты для всех. Чтобы предупреждение тайных хищений и угонов автотранспорта в мегаполисах стало эффективным, требуется определение мер безопасности и мер, снижающих заинтересованность в совершении преступлений. Для разработки мер безопасности требуются повышение уровня защищенности транспорта, разработка и внедрение новых охранных систем и укрепление специальных и доступных мест для защиты автомобильного транспорта. Меры, снижающие заинтересованность, должны базироваться на двух факторах – ужесточении ответственности и усложнении маркировочных элементов транспорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адамян Р.Э. Особенности предупреждения тайного хищения автотранспорта в мегаполисе // Российский следователь. 2016. № 16.
2. Аналитический обзор «Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития» / Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации. М., 2023.
3. Резцов А. Работа в новых условиях // Законность. 2009. № 4.

REFERENCES

1. Adamyan R.E. Features of preventing the secret theft of vehicles in a megalopolis // Russian investigator. 2016. № 16.
2. Analytical review «Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation based on the results of 2022 and expected trends in its development» / All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2023.
3. Reztsov A. Work in new conditions // Legality. 2009. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шкеля Олег Викторович, заместитель начальника кафедры Безопасности дорожного движения. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, Ярославская, д. 128.

Осяк Андрей Николаевич, начальник кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Былинин Игорь Александрович, старший преподаватель кафедры Организации деятельности ГИБДД. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shkelya Oleg Viktorovich, deputy head of the Department of Road Safety. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Osyak Andrey Nikolaevich, head of the department of administrative law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Bylinin Igor Aleksandrovich, senior lecturer of the Department of Organization of Traffic Police Activities. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2, Ignatova St., Oryol 302027 Russian Federation.

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 70–74.
Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 70–74.

Научная статья

УДК 347.77

КРИТЕРИИ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ И ДРУГИЕ БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Гнетнев Игорь Геннадьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
gig802@ya.ru

Лисунова Диана Сергеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
lisunovadi@mail.ru

Введение: товарный знак – явление древнее, он не только служит интересам современной рыночной экономики, но и несет в себе ценную культурную составляющую эпохи, в которой он создан. Исследователи проявляли интерес к товарным знакам в различные периоды развития научной мысли. Данный элемент, присущий товарам или услугам, и сегодня выполняет ряд функций, которые были назначены ему еще в колыбели развития. Кроме того, добавились новые функции и характеристики, изучая которые можно прийти к довольно любопытным выводам.

Материалы и методы: материальную базу данной научной статьи для реализации ретроспективного подхода составили разнообразные исторические и современные источники. В ходе работы над исследованием авторы обращались к индукции, дедукции, синтезу и анализу.

Результаты исследования: внимание авторов уделено проработке исторической связи современного товарного знака с истоками данного явления. Охраноспособность, как одна из важнейших характеристик товарного знака, выступает здесь в ряду центральных элементов, подвергнутых анализу.

Выводы и заключения: авторы обоснованно настаивают на том, что товарный знак на современном этапе вносит весомый вклад в развитие конкурентоспособной и социально ориентированной экономики. Отмечается, что товарный знак способен успешно справляться с наиболее важными задачами только в случае, если он обладает базовыми характеристиками, повышающими его правовую значимость.

Ключевые слова: товарный знак, охраноспособность товарного знака, оборотоспособность товарного знака, рыночная экономика, конкурентоспособность.

Для цитирования: Гнетнев И. Г., Лисунова Д. С. Критерии охраноспособности и другие базовые характеристики товарного знака / И. Г. Гнетнев, Д. С. Лисунова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 70–74.

Original paper

CRITERIA OF PROTECTABILITY AND OTHER BASIC CHARACTERISTICS OF A TRADEMARK

Gnetnev Igor Gennadievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Lisunova Diana Sergeevna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: a trademark is an ancient phenomenon, it not only serves the interests of the modern market economy, but also carries a valuable cultural component of the era in which it was created. Researchers have

shown interest in trademarks in various periods of the development of scientific thought. This element, inherent in goods or services, today performs a number of functions that were assigned to it in the cradle of its development. In addition, new functions and characteristics have been added, the study of which can lead to quite interesting conclusions.

Materials and methods: the material base of this scientific article for the implementation of the retrospective approach consisted of various historical and modern sources. In the course of work on the study, the author turned to induction, deduction, synthesis and analysis.

Results of the study: the authors' attention is paid to the elaboration of the historical connection of a modern trademark with the origins of this phenomenon. Protectability, as one of the most important characteristics of a trademark, appears here among the central elements subjected to analysis. Conclusions and findings: the authors rightly insist that a trademark at the present stage makes a significant contribution to the development of a competitive and socially oriented economy. It is noted that a trademark is able to successfully cope with the most important tasks only if it has basic characteristics that increase its legal significance.

Keywords: trademark, protectability of a trademark, tradability of a trademark, market economy, competitiveness.

For citation: Gnetnev I. G., Lisunova D. S. Criteria of protectability and other basic characteristics of a trademark / I. G. Gnetnev, D. S. Lisunova // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 70–74.

Человеческое мышление в формате XXI в. являет собой достаточно развитую систему, которая способна считать огромное количество разнообразных знаковых элементов. Природа же товарных знаков такова, что они не могут называться уникальными явлениями действительности. Они входят в массив всего того, что в ходе многовековой научной эволюции изобретено и зафиксировано человеческой мыслью.

Можно сказать, что концепция товарных знаков является ровесницей человеческой цивилизации. Конкуренция существовала издревле, поэтому римляне, египтяне, греки, китайцы и представители других древних колыбелей человечества использовали оригинальные личные отметки и клейма, чтобы их товары указывали на место своего происхождения. Однако специфическая правовая база, регулирующая отношения в данной сфере, появилась лишь в Средневековой Европе и в период раннего Нового времени. Торговым ассоциациям была чрезвычайно важна их деловая репутация, потому они и стремились обеспечить свою узнаваемость и защититься от подделок. Поскольку юридическая мысль движется со скоростью, не меньшей, чем научно-технический прогресс, уместно предположить, что в целях реализации превентивных мер в различные эпохи прилагаются определенные усилия [1]. Дабы рынок, производители и потребители были защищены, существуют некие принципы, устанавливающие необходимый порядок.

Так, в 1266 г. в Англии появился первый национальный нормативный правовой акт о товарных знаках «Закон о маркировке пекарей». Он устанавливал стандарты для качества хлеба. Гораздо позднее, в 1883 г., была разработана Парижская конвенция, главной задачей которой стало упорядочение взаимоотношений по части приоритетности, а также регулирование конкуренции. Затем в 1891 г. в Мадриде было принято Соглашение, утверждающее международный порядок регистрации товарных знаков. В конце прошлого века, в 1994 г. был принят Договор о законах по товарным знакам. Он наделен полномочием унифицировать национальное законодательство и привести существующие нормы к правовому балансу. Например, благодаря статье 2 данного акта мы можем сложить четкое представление о том, что же такое этот самый «товарный знак». Итак, в Договоре обозначено, что товарным знаком являются визуальные или объемные обозначения, относящиеся к товарам. При этом голограммы, звуковые и обонятельные знаки не входят в зону ответственности данного Договора.

Законодательная база, ныне действующая в Российской Федерации, представляет товарный знак как некое обозначение, необходимое для индивидуализации товаров, которые представлены на рынке юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами [2; 3]. Что важно, данное обозначение обязательно должно быть зарегистрировано в установленном законом порядке. Согласно положениям статей 1477 и 1482 Гражданского кодекса Российской Федерации, товарный знак должен быть выражен способом, доступным для восприятия органами чувств человека. Кроме того, товарный знак должен быть способен определенно идентифицировать различные товары [4].

Если мы обратимся к общемировой практике, станет совершенно ясно, что в большинстве стран используются схожие определения. К примеру, в Швейцарии принято считать, что основная функция товарного знака состоит в обеспечении отличий товаров или услуг одного предприятия от товаров или услуг других предприятий. В Китае в 2019 г. появилась новая редакция Закона КНР о товарных знаках, где указано, что товарный знак, как любой другой знак, обладающий заметными характеристиками и отвечающий нормам действующего законодательства, способен отличать товары одного субъекта от товаров других. Нормативные базы Канады, Австралии и Германии утверждают товарный знак в качестве отдельного знака или же целой комбинации, которые позволяют их владельцу отличать свою продукцию от товаров других лиц. Эти основные принципы, тождественно звучащие в различных интерпретациях, вполне соответствуют международным стандартам, которые провозглашены Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС).

Кроме того, важно отметить, что товарные знаки обладают двумя важнейшими характеристиками: дистинктивностью и детерминированностью. Первая отвечает за обеспечение отличий между товарами и услугами различных производителей и поставщиков, а вторая позволяет не допустить введения потребителей в заблуждение относительно происхождения.

Еще в начале прошлого века научная среда за рубежом ратовала за необходимость комплексного изучения понятия «товарный знак». Отмечалась необходимость учесть его изначальное назначение – защиту не только производителей, но и потребителей, а также и в целом конкурентного рынка. Ряд исследователей обратил свое внимание на саму природу средства индивидуализации, на особенности тех символов, которые могут быть нанесены на товары, т. е. на композиционные черты товарных знаков. Адепты современной концепции, например, Л.А. Хейман, описывая товарный знак, главным образом упоминают о характеристиках, которым он не должен соответствовать. Им видится такой подход эффективным в части создания четкой описательной картины товарного знака: «не может быть вводным в заблуждение, постыдным или пренебрежительным». Что примечательно, здесь ученый явно указал критерии охраноспособности.

Среди точек зрения, сконцентрированных в российской правовой среде, есть иные, более глобальные подходы. Для формулирования определения товарного знака они указывают все особенности правового регулирования данного явления. Отмечается назначение (например, исключительно для коммерческого использования в предпринимательской деятельности), способ использования (размещение на продукции или упаковке), продолжительность охраны (срочный характер), оборотоспособность (выступает ли предметом соглашения) и тому подобные смысловые обороты. Стоит отметить, что в объективном научном понимании обозначенные свойства не несут исключительных отличий, потому как нередко относятся и к другим средствам индивидуализации. Стало быть, они не упрощают понимание предмета изучения, а ведут по ложному следу.

Если обратиться к обобщению, то мы понимаем, что исследователи интересуются тремя основными чертами товарных знаков: новизной, уникальностью и легальностью. Так, И.Е. Мамяева считала, что товарный знак непременно обладает новизной и именно благодаря ему товары одного производителя отличаются от предложений другого. При этом важно заметить, что юридическую силу имеют только те товарные знаки, которые зарегистрированы в установленном порядке. Такой подход имеет право называться состоятельным, поскольку затрагивает фундаментальные критерии охраноспособности. Одновременно с этим не следует упускать из виду, что критерий новизны для товарного знака не аналогичен критерию, относящемуся к патентному праву.

Весь масштабный комплекс критериев охраны товарных знаков можно разделить на два типа: абсолютных и относительных оснований для отказа в государственной регистрации. В первом случае речь идет о защите публичных интересов, государства, общества или отдельных социальных формирований. Во втором прямо сказано о защите индивидуальных прав и законных интересов. Эта классификация получила широкую известность и звание доктринальной в науке и зарубежном праве. INPI (Institut national de la propriété industrielle) в соответствии с положениями статей Кодекса интеллектуальной собственности Франции отдельно отмечает абсолютные и относительные основания для отказа в регистрации товарного знака. Законодатель обозначенного государства отказался от использования этих терминов в тексте нормативного акта. Он явно подразумевает их, ведь основания приведены в двух статьях

(les articles L.711-2 et L.711-3). Еще одна любопытная с точки зрения науки ситуация. В Законе о товарных знаках Китая нет системного подхода, в отличие от Франции. Однако их доктрина тоже не игнорирует абсолютные и относительные основания для отказа в регистрации товарного знака.

Статья 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации регламентирует веские основания для отказа в регистрации товарного знака. Утверждается необходимость в отличие от других названий, описаний и общеизвестных характеристик. Законодатель считает недопустимым введение потребителей в заблуждение, поэтому прямо указывает на то, что товар не может вызывать ассоциации с другой продукцией. О.А. Рузакова среди абсолютных причин для отказа в регистрации товарного знака приводит следующие:

- отсутствие дистантивности (нет характерных отличий от иных);
- официальное название является элементом товарного знака;
- права потребителей и общественных интересов не соблюдены;
- права владельцев объектов культурного или природного наследия нарушены [5].

Общественный интерес в абсолютных критериях можно установить по характеру товарного знака: он должен быть узнаваем общественностью и потребителями. Товарный знак обязательно должен быть отличим от прочих, у него должно быть символическое значение, что позволяет не только ограничить использование формального названия, но и исключить наличие тех компонентов, которые могут быть недопустимыми. Критерии охраны такого товарного знака могут быть определены путем тщательного изучения самого знака, без усложнения анализа сравнением с другими товарными знаками. Решение об отказе в регистрации товарного знака принимается довольно легко: учитывается только то, есть ли основания для отказа, или же их нет. Имеют место и другие критерии охраны, предполагающие сравнение посредством использования конкурирующих методов персонализации в частных интересах. В связи с этим процедура усложняется. При этом критерии носят название относительных, потому что находятся в тесной взаимосвязи с другой интеллектуальной собственностью.

У абсолютных и относительных условий охраноспособности, а также критериев новизны и отличимости есть важный функционал, имеющий значение государственного уровня. Они обеспечивают функциональность системы государственной регистрации товарных знаков. У потребителя не должно возникать искаженных представлений о товаре, он должен получать именно тот предмет, товар или услугу, которую запланировал. Именно в этом и заключается необходимость непохожести товарных знаков, исключение путаницы. Новизна, как абсолютное основание, гарантирует, что знак зарегистрирован только этим правообладателем, т. е. товар оригинален, а производитель заботится о своей репутации. Отличительность (различимость) – довольно широкое, собирательное понятие. Оно относится и к абсолютным, и к относительным критериям. От него напрямую зависит, что товарный знак, о котором идет речь, является таковым, чтобы идентифицировать именно определенные товары и только их.

В научной литературе нет однозначности при рассмотрении различимости товарного знака как автономного признака охраноспособности. Например, А.П. Сергеев не возводит это требование в какой-то особый ранг. А.Н. Григорьев и Н.И. Коняев, которые внесли не меньший вклад в развитие данной научной области, уверенно говорят, что различимость – это один из важнейших критериев.

На наш взгляд, если применять принцип абсолютной новизны, который запрещает использовать то, что ранее было применено кем-либо, возможен вариант абсурдной ситуации. Деструктивность ее проявится в прямом вреде для рынка. Например, товарный знак «табурет» может быть одновременно длительно и прочно известен в одной категории изделий, и при этом новым в другой сфере. При этом его положение на рынке окажется не устойчивым, грозит монополия, при которой право выпускать табуреты окажется в руках одного производителя.

Объективным будет заявить, что к условиям охраноспособности товарных знаков нужно причислить оригинальность. Именно она является более точной характеристикой, нежели новизна. Оригинальность отражает творческий подход и обеспечивает уникальность, что, в свою очередь, способно дать страховку потребителю от подделок и обобщенных понятий. Оригинальность включает в себя другие важные аспекты. Речь идет и о новизне, и о различимости, которые формируют образ товара или услуги в представлении потребителей.

Критерий относительной новизны исключает возможность смешения образов товарных знаков, которые являются родственными по отношению друг к другу. Оригинальность несет в себе черты самобытности, что препятствует появлению распространенных и универсальных терминов, вводящих потребителя в заблуждение. Различимость товарных знаков зиждется на возможности четко идентифицировать производителей товаров и отличать их друг от друга. За счет этого у потребителя складывается объективное представление, лояльность, выбор, предпочтение. Происходит адекватная конкуренция, честная борьба производителя за предпочтение потребителя. Явление, которое очень нужно современной рыночной экономике, которая стремится быть социально ориентированной. Иной она быть не может, поскольку, согласно положениям Конституции Российской Федерации, наше государство является правовым и характеризуется демократичной формой правления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019.
2. Роспатент. Официальный сайт. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/faq/chto-takoe-tovarnyy-znak-i-znak-obsluzhivaniya> (дата обращения: 25.06.2024).
3. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 4.07.2022. № 27. Ст. 4594.
4. Панкова М.Н. Понятие товарного знака как средства индивидуализации // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4.
5. Рузакова О.А. Интеллектуальная собственность и ноу-хау: учебно-практическое пособие. М., 2011.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. The Impact of Scientific and Technological Progress on the Modernization of General Theoretical Provisions of Forensic Science // Forensic Science: Current Issues of Theory and Practice: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2019.
2. Rospatent. Official website. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/faq/chto-takoe-tovarnyy-znak-i-znak-obsluzhivaniya> (date of access: 25.06.2024).
3. Federal Law of June 28, 2022 № 193-FZ «On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation» // SZ RF. 4.07.2022. № 27. Art. 4594.
4. Pankova M.N. The concept of a trademark as a means of individualization // Actual problems of Russian law. 2011. № 4.
5. Ruzakova O.A. Intellectual property and know-how: a teaching aid. Moscow, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гнетнев Игорь Геннадьевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Лисунова Диана Сергеевна, аспирант. Московский государственный университет имени Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Колмогорова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gnetnev Igor Gennadievich, PhD in Law, Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Lisunova Diana Sergeevna, Post graduate student. Lomonosov Moscow State University. 1, Kolmogorova St., Moscow 119991 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 75–79.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 75–79.

Научная статья

УДК 342

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТНИКАМ СВО И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Рыбалка Елена Александровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

alena-61-rus@mail.ru

Введение: сегодня государство на постоянной основе проводит работу по созданию новых и модернизации уже действующих мер социальной поддержки участникам СВО и членам их семей. Учитывая, что практика их обеспечения складывается в режиме реального времени, отмечаем, что данная деятельность несовершенна и не лишена определенных недостатков. В связи с этим назрела необходимость детально разобраться в предлагаемом государством перечне, «прощупать уязвимые места» и определить основные векторы развития политики страны по данному направлению.

Материалы и методы: фундамент научного исследования составляют нормы отечественного законодательства, устанавливающие основополагающие положения о социальных гарантиях реализации прав участников СВО и членов их семей.

Работа основывается на выводах, полученных в результате применения сравнительно-правового метода и метода правового моделирования. Кроме того, были использованы такие методы, как описание, анализ, синтез и индукция.

Результаты исследования: автором проводится анализ мер социальной поддержки участникам СВО и членам их семей, и тезисно изложены основные положения о самых распространенных из них. Определены проблемы, с которыми сталкивается данная категория граждан на практике, а также сформулированы векторы развития политики государства в их решении.

Выводы и заключения: учитывая масштаб и уникальность в историческом и технологическом аспектах СВО, отмечаем широкий охват аудитории, которая вовлечена в ее проведение. Изложенное обуславливает множество проблем, связанных, в том числе с оказанием мер социальной поддержки участникам СВО. Их преодоление носит длительный характер и «универсальной панацеи» не существует. Однако государство предпринимает всевозможные варианты поддержки нашим Героям и членам их семей. Ведется активная работа по данному направлению, и ее прекращение не планируется.

Ключевые слова: участник Специальной военной операции, компенсация, льготы, гарантии, семья.

Для цитирования: Рыбалка Е. А. Меры социальной поддержки участникам СВО и членам их семей: проблемы и перспективы их реализации / Е. А. Рыбалка // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 75–79.

Original paper

SOCIAL SUPPORT MEASURES FOR THE PARTICIPANTS OF THE SVO AND THEIR FAMILY MEMBERS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF THEIR IMPLEMENTATION

Rybalka Elena Alexandrovna

Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: today the state is constantly working to create new and modernize existing social support measures for SVO participants and members of their families. Considering that the practice of providing them is developing in real time, we note that this activity is imperfect and is not without certain shortcomings. In this regard, there is a need to understand in detail the list proposed by the state, to «probe the vulnerabilities» and determine the main vectors for the development of the country's policy in this area.

Materials and methods: the foundation of scientific research is the norms of domestic legislation that establish fundamental provisions on social guarantees for the implementation of the rights of participants in the SVO and members of their families.

The work is based on conclusions obtained as a result of the application of the comparative legal method and the method of legal modeling. In addition, methods such as description, analysis, synthesis and induction were used.

Results of the study: the author analyzes social support measures for SVO participants and members of their families, and outlines the main provisions about the most common of them. The problems that this category of citizens face in practice are identified, and the vectors for the development of state policy in solving them are formulated.

Findings and conclusions: given the scale and uniqueness in the historical and technological aspects of the SVO, we note the wide coverage of the audience that is involved in its implementation. The foregoing causes many problems, including those related to the provision of social support measures to SVO participants. Overcoming them takes a long time and there is no «universal panacea». However, the state is taking all possible options to support our Heroes and their family members. Active work is underway in this area, and there are no plans to stop it.

Keywords: participant of the Special Military Operation, compensation, benefits, guarantees, family.

For citation: Rybalka E. A. Social support measures for the participants of the SVO and their family members: problems and prospects of their implementation / E. A. Rybalka // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 75–79.

Февраль 2022 года бесповоротно изменил ход истории. Сегодня, как и во время Великой Отечественной войны, в России нет такой семьи, в которой не был бы памятен свой Герой, будь это родной и близкий человек или знакомый: сосед, коллега по работе...

Однако в отличие от периода 1941–1945 гг. в настоящее время государство оказывает колоссальную поддержку участникам Специальной военной операции (далее – СВО) и членам их семей. Даже за 2 года этот перечень мер, оказываемых властью на всех ее уровнях, увеличился в геометрической прогрессии.

Деятельность по разработке нормативно-правовой базы, предусматривающей новые беспрецедентные по своему содержанию и количеству меры поддержки, в том числе социальной, не останавливается. В связи с этим на практике возникают определенные трудности организационного характера, связанные непосредственно с их получением.

Обращает внимание тот факт, что государство не только оказывает всеобъемлющую помощь данной категории граждан, но и ведет активную полномасштабную работу по ее информированию посредством телевидения, социальных сетей, рекламы в общественном транспорте и различных СМИ. В частности, отмечаем содержательность наполнения такой платформы, как «Объясняем.ру», размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данный сайт содержит раздел «меры поддержки», в котором в самостоятельную группу выделен подраздел «Военнослужащим», предусматривающий 30 тематических блоков о государственной поддержке участников СВО.

Кроме того, каждому автоматически предлагается подписаться на специальный телеграмм-канал в целях постоянного мониторинга новостей относительно вопросов поддержки [1].

При этом, учитывая, что перечень таких мер и процедура их реализации постоянно модернизируются, приходим к выводу о необходимости проведения более усиленной работы по предоставлению актуальной информации заинтересованным лицам об имеющихся у них правах, а также упрощения процедуры их реализации в целях оперативного оказания содействия нашим Защитникам Родины.

Итак, какие меры социальной поддержки следует выделить?

Каждому участнику СВО может быть присвоен статус «Ветеран боевых действий» (далее – статус ВБД), на основании которого ему полагается получение социальных гарантий.

По своей специфике (отраслевому предназначению) разделим их на категории:

1. Гарантии в сфере ЖКХ (реализации жилищных прав).

К ним, в частности, относится возможность получения компенсации в размере 50 % за расходы, понесенные лицом на оплату жилых помещений. Так, если участник СВО снимает квартиру, то он всецело может рассчитывать на так называемый «кэшбэк», равный половине его затрат. Если же у него есть жилье в собственности, то оплаченные им услуги по его содержанию также будут компенсированы в пятидесятипроцентном размере.

Кроме того, представляет интерес льгота по приобретению садовых / огородных земельных участков в первоочередном порядке, а также наличие преимущества в случае желая участника СВО вступить, например, в жилищный / гаражный кооператив.

2. Гарантии в сфере здравоохранения.

Среди них следует выделить возможности получения после того, как вышел на пенсию, медицинской помощи в тех медицинских организациях, в которых во время службы проходил лечение, и протезирования (за исключением зубных протезов).

3. Гарантии в сфере образования.

Они реализуются посредством получения (дополнительного) профессионального обучения за счет средств работодателя.

4. Гарантии, выраженные в приоритетном пользовании всевозможных видов услуг в сфере культуры и спорта.

Данные льготы положены лицам, имеющим статус ВБД, не только вышедшим на пенсию, но и даже если они продолжают нести службу. Обязательное условие – участие в СВО.

5. Трудовые гарантии в части предоставления ежегодного отпуска и отпуска без сохранения заработной платы до 35 календарных дней в году [2].

В вопросе обеспечения участников СВО трудовыми гарантиями краеугольным камнем является мобилизация, которая обусловила необходимость сохранения рабочих мест непосредственно мобилизованным.

Неважно, заключен срочный или постоянный договор, служебный контракт, или идет испытательный срок, такая гарантия распространяется на всех работников. Ее «фундамент» – изданный работодателем приказ о приостановлении трудового договора, на основании которого работнику причитаются установленные законом выплаты. Кроме того, несмотря на тот факт, что в данный период деятельность по специальности фактически не осуществляется, в стаж он включается [3].

Также может быть приостановлено исполнение социального контракта. Так, указанный контракт предназначен для ведения предпринимательской деятельности / личного подсобного хозяйства. В его основе лежит бизнес-план, выполняется он за счет полученных от государства выплат.

Учитывая, что социальный контракт в условиях мобилизации не может быть исполнен лицом, государство предусмотрело возможность для лица, заключившего такой контракт, его приостановить / прекратить. Для этого ему необходимо обратиться в орган социальной защиты, с которым заключен социальный контракт, с приложением документов, подтверждающих факт мобилизации [4].

В продолжение – трудовые гарантии семьям, один из родителей в которой участник СВО и имеет(ют)ся ребенок (дети) до 14 лет. В данном случае второго родителя без его согласия не могут обязать к ночной / сверхурочной работе, а также привлечь его работать в выходной / праздничные дни и направить в командировку.

Относительно семей, в которых ребенку (детям) нет еще 18 лет, законодатель определяет для них преимущество сохранения места работы при сокращении [3].

В части семейных прав отмечаем получение единого пособия на детей. Доходы, полученные участником СВО (мобилизованным), не принимаются в расчет при проведении оценки нуждаемости его семьи в целом.

Обратиться с соответствующим заявлением может как беременная женщина (при условии, что она встала на учет) и родители, дети которых не достигли 17 лет [5].

Кроме того, разберем ряд мер поддержки, которые распространяются на определенный круг участников СВО и (или) срок их предоставления ограничен.

На фоне прочих мер государственной поддержки, в частности, выделяется стопроцентная компенсация пенсии за выслугу лет, срок получения которой ограничен 2024 годом и на реализацию которой Правительство Российской Федерации выделило 4 млрд рублей.

Отмечаем, что на данную меру поддержки могут претендовать военнослужащие, являвшиеся пенсионерами таких силовых структур, как МВД, ФСИН, МЧС и т. д., в период до мобилизации или заключения контракта [6].

Возвращаясь в 2023 год, подчеркиваем значимость и пользу (в том числе психологическую) ранее указанной меры поддержки – обучение на безвозмездной основе участников СВО востребованным специальностям. При этом такая возможность имеется и у членов их семей, в случае если непосредственно сам участник погиб при выполнении задач.

Организация обучения возложена на ФГБОУ ДПО ИРПО, ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте Российской Федерации» и ФГАУ ОУ ВО «НИ ТГУ». При этом затраты, понесенные образовательными учреждениями, возмещаются государством посредством предоставления им грантов. Субсидия таким организациям предоставляется только после трудоустройства граждан, прошедших обучение.

Основой получения такой меры поддержки является заключение двух/трехстороннего договора, подписанного непосредственно гражданином, оператором образовательной программы и будущим работодателем (если планируется работать по найму) [7].

Как отмечалось выше, государство не прекращает генерировать все новые и новые меры поддержки. В качестве подтверждения можно привести меру, получение которой назначено с 01.09.2024, – льготный проезд работников Крайнего Севера. Следует подчеркнуть специальный субъектный состав. Данную меру государственной поддержки вправе получить гражданин Российской Федерации, который на основании трудового договора осуществляет трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Обращаясь к нормам трудового законодательства, отмечаем, что трудовой договор по месту работы с указанным лицом, являющимся одновременно мобилизованным или подписавшим соответствующий контракт, хоть и приостанавливается, но сохраняется. Ему будет возвращена стоимость проезда (включая багаж) и к месту отпуска, и обратно. К особенностям относится: возможность получения льготы единожды в два года, льгота предоставляется за счет работодателя.

Среди новаторских мер государственной поддержки однозначно полезной является выдача средств реабилитации, предусматривающая возможность каждому участнику СВО получить технические средства реабилитации. Безусловно, основным условием является наличие определенных обстоятельств – получение инвалидности из-за травм, приобретенных во время выполнения поставленных задач СВО / увечья (при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольческих формированиях).

Такая льгота предоставляется в обход традиционному заявительному характеру, т. е. без подачи соответствующего заявления с помощью электронного сертификата.

Более того, законодатель предоставляет альтернативные варианты получения данной льготы: посредством вышеуказанного электронного сертификата и в случае отказа от него путем получения компенсации за приобретенные им самостоятельно средства реабилитации или в подразделении Социального фонда [8].

Законодатель не ограничивается приведенными в работе примерами мер социальной поддержки, с полным их пакетом, как отмечалось в начале исследования, можно ознакомиться на портале «Объясняем.РФ». Однако нельзя умолчать о таких мерах государственной поддержки, предназначенных для сельхоз-производителей, самозанятых, ИП, некоторых лицензиатов, ООО и т. д.

После того, как определены «конкретные границы» помощи, оказываемой государством участникам СВО, следует определить конкретные проблемы, с которыми они сталкиваются на практике:

1. Неравенство в правах военнослужащих (например, в получении единовременной и ежемесячных выплат).
2. Недостаточность проводимой работы по адаптации участников СВО, предусматривающей медицинский, психологический и юридический аспекты.
3. Недостатки в проведении комплексной реабилитации.
4. «Затягивание» процедуры признания участника СВО, получившего ранения, инвалидом и получения соответствующего удостоверения.
5. Недостатки в обеспечении гуманитарной помощи и т. д.

Несмотря на наличие указанных проблем, положительно оцениваем работу, которую сегодня проводит государство. Ключевым моментом являются сами бойцы. Кто, если не они, расскажут о своих насущных вопросах. В связи с этим ежедневно на разных площадках и уровнях проводятся конференции и иные мероприятия, а также создаются специальные проекты, организации и фонды, деятельность которых направлена на повышение эффективности реализуемых Правительством Российской Федерации мер поддержки и оказание адресной помощи участникам СВО.

Резюмируя изложенное, приходим к выводу, что отмеченные проблемы не разрешатся в одночасье, их преодоление носит длительный характер, и окончание Специальной военной операции не станет «точкой». Однако выбранный вектор безоговорочно приведет Россию к Победе во всех смыслах этого слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Меры Правительства РФ по поддержке экономики и граждан. Официальный сайт Объясняем.РФ. URL: <https://объясняем.рф/measures/voenno-sluzhashchim/> (дата обращения: 10.06.2024).

2. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 07.10.2022 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 2522 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 г. № 1933 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Исполнение социального контракта. Официальный сайт Объясняем.РФ. URL: <https://объясняем.рф/measures/voennosluzhashchim/ispol-nenie-sotsialnogo-kontrakta/> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Распоряжение Правительства РФ от 22.02.2024 № 421-р. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 № 669 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Правительства РФ от 27.01.2024 № 69 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2008 г. № 240». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Measures of the Government of the Russian Federation to support the economy and citizens. Official website Explain.RF. URL: <https://explain.rf/measures/voenno-sluzhashchim/> (date of access: 10.06.2024).
2. Federal Law of 12.01.1995 № 5-FZ «On Veterans» (as amended on 06.04.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Federal Law of 07.10.2022 № 376-FZ «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.12.2022 № 2522 «On introducing amendments to Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.10.2022 № 1933 and recognizing as invalid certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. Execution of the social contract. Official website Explain.RF. URL: <https://explain.rf/measures/voennosluzhashchim/ispol-nenie-sotsialnogo-kontrakta/> (date of access: 10.06.2024).
6. Order of the Government of the Russian Federation dated 22.02.2024 № 421-r. Access from the legal system «ConsultantPlus».
7. Decree of the Government of the Russian Federation of 28.04.2023 № 669 «On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and the recognition as invalid of certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. Decree of the Government of the Russian Federation of 27.01.2024 № 69 «On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of 07.04.2008 № 240». Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбалка Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybalka Elena Alexandrovna, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 80–86.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 80–86.

Научная статья

УДК 347.4

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Смоленский Михаил Борисович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
rta-sf@mail.ru

Казанков Владимир Юрьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
kazanbox77@mail.ru

Введение: договор доверительного управления имуществом, прежде всего, является документом, в котором оговариваются условия сделки между владельцем имущественного объекта и управляющим, в силу которой владелец передает имущество в управление с целью извлечения доходов, а управляющий имеет право на вознаграждение за свою работу. Получателем выгод могут быть как владелец переданного имущества, так и другое определенное им лицо, именуемое в дальнейшем выгодоприобретателем. Однако в настоящее время в науке гражданского права договор доверительного управления имуществом недостаточно полно исследован. Среди ученых не существует единства мнений относительно правовой природы данного договора. Поэтому в настоящем исследовании рассматриваются проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием отношений, возникающих из договора доверительного управления имуществом, а также по взаимоотношениям, возникающим между выгодоприобретателем и управляющим.

Материалы и методы: за методологическую основу в представленном исследовании принят диалектический метод познания. При проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. Проведен критический анализ законодательства, регламентирующего условия договора доверительного управления имуществом.

Результаты исследования: проведен анализ вопросов, связанных с заключением и эффективностью выполнения обязанностей и использования прав, возникающих из договора доверительного управления имуществом, взаимоотношениям между выгодоприобретателем и управляющим, с целью минимизации возможных убытков, улучшения качества управления имуществом.

Выводы и заключения: определен круг проблем, существующих при заключении договора доверительного управления имуществом, предложены направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики применения регулирующих норм, системы регистрации определения прав, обязанностей и ответственности управляющего при заключении договора доверительного управления имуществом.

Ключевые слова: доверительное управление, управление имуществом, выгодоприобретатель, система регистрации договоров, договор.

Для цитирования: Смоленский М. Б., Казанков В. Ю. Особенности правового регулирования отношений, возникающих из договора доверительного управления имуществом в Российской Федерации / М. Б. Смоленский, В. Ю. Казанков // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 80–86.

Original paper

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF RELATIONS ARISING FROM THE CONTRACT OF TRUST MANAGEMENT OF PROPERTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Smolensky Mikhail Borisovich

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kazankov Vladimir Yurievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: a property trust agreement is, first of all, a document that stipulates the terms of the transaction between the owner of the property and the manager, by virtue of which the owner transfers the property for management in order to generate income, and the manager has the right to remuneration for his work. The recipient of benefits may be either the owner of the transferred property or another person specified by him, hereinafter referred to as the beneficiary. However, at present, in the science of civil law, the property trust agreement has not been sufficiently studied. There is no consensus among scientists regarding the legal nature of this agreement. Therefore, this study examines problematic issues related to the legal regulation of relations arising from the property trust agreement, as well as the relationships arising between the beneficiary and the manager.

Materials and methods: the dialectical method of cognition is adopted as a methodological basis in the presented study. Formal legal, comparative legal, systemic and structural methods were used in the study. A critical analysis of the legislation regulating the terms of the property trust agreement is carried out.

Results of the study: an analysis of issues related to the conclusion and the effectiveness of the performance of duties and the use of rights arising from a property trust agreement, the relationship between the beneficiary and the manager, in order to minimize potential losses and improve the quality of property management was carried out.

Findings and conclusions: the range of problems that exist when concluding a property trust agreement was determined, directions for improving the legislation and law enforcement practice of applying regulatory norms, the registration system for determining the rights, duties and responsibilities of the manager when concluding a property trust agreement were proposed.

Keywords: trust management, property management, beneficiary, contract registration system, agreement.

For citation: Smolensky M. B., Kazankov V. Yu. Features of the legal regulation of relations arising from the contract of trust management of property in the Russian Federation / M. B. Smolensky, V. Yu. Kazankov // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 80–86.

Основные правила ответственности при доверительном управлении при неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательств указаны в п. 1 ст. 1022 Гражданского кодекса РФ, где речь идет о возмещении упущенной выгоды, либо убытков, если только они не образовались вследствие непреодолимой силы, либо действий субъектов договора доверительного управления. Основания ответственности претерпевают неодобрительные замечания юристов. Так, Л.Ю. Михеева довольно категорично заявляет о том, что первый и второй пункты ст. 1022 Гражданского кодекса РФ содержат тексты, практически взаимоисключающие друг друга [1]. Однако в абзаце 1 п. 1 ст. 1022 ГК РФ не имеется в виду вина (невиновность) управляющего, а речь идет только о его ответственности.

В общеправовых отношениях основанием ответственности в юридической литературе называют преступления (действия, бездействие). Значение пар. 1 ст. 1 ГК РФ 1022 в случае ненадлежащего исполнения обязанностей управляющим (без должного внимания) ограничена ответственность в отношении выгодоприобретателя и управляющего.

В том случае, если доверительный управляющий превышает или нарушает переданные ему полномочия, необходимо точно определить стоимость имущества, по которой будут исполнены его обязательства. Поскольку управляющий обязан лично исполнять обязательства, ответственность переходит на его имущество. Если этого недостаточно, то долг может быть погашен за счет имущества учредителя, которое еще не передано в управление доверительного управления (п. 3 ст. 1022 ГК РФ).

Особенность этого правила подразумевает ответственность управляющего, а затем и учредителя управления, как если бы оно было связано с «ответственностью» отдельного имущества.

Отдельные исследователи считают, что не ясно, кто должен нести ответственность, если доверительный управляющий заключает сделку с третьим лицом, долг которого погашается перед их имуществом учредителями [2]. Известный российский цивилист Е.А. Суханов отмечает, что двухэтапная альтернативная ответственность, когда управляющий обязан отвечать по долгу дочерней компании, может привлечь и учредителя, выступающего в качестве доверительного управляющего в его интересах [3].

Представляется, что в случае доверительного управления имуществом, погашение долга не является ответственностью. В данном случае по исполнению обязательств, следовательно, действует императивная норма ст. 1020 Гражданского кодекса РФ. Следовательно, свои обязанности управляющий исполняет за счет доверенного ему имущества. В то же время вопреки общему правилу субсидиарной ответственности (ст. 399 ГК РФ) учредитель может

нести ответственность только в тех случаях, когда имущества недостаточно для обращения взыскания. То есть, кредиторы должны сначала предъявить свои требования доверительному управляющему и только потом учредителю управления.

В том случае, когда доверительным управляющим является гражданин, не являющийся предпринимателем, или некоммерческая организация, ответственность основывается на принципе вины (п. 1 ст. 401 ГК РФ).

Изложенное в п. 3 ст. 1022 Гражданского кодекса РФ правило не распространяется на договоры доверительного управления имуществом лиц, безвестно отсутствующих, определяемые органами опеки и попечительства. В противном случае, взыскание распространилось бы на имущество государственного органа, в собственности которого не находится имущество, которое поручено опекать. В то же время, учитывая повышенный риск того, что учредитель доверительного управления принимает на себя альтернативную ответственность в отношении обязанностей доверительного управляющего, в доверительном акте допускается норма, в которой может быть указана возможность предоставления залога, который доверительный управляющий может использовать для обеспечения возмещения возможных убытков доверительного управляющего или выгодоприобретателя (ст. 1022 ГК РФ). Следует также отметить, что гл. 53 Гражданского кодекса РФ больше не содержит норм, регулирующих ответственность другого лица, указанного в договоре, – учредителя. Однако он может быть привлечен к ответственности на основании общих оснований и условий ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств в гражданских правоотношениях (гл. 25 ГК РФ).

Гражданско-правовые договоры могут быть расторгнуты в соответствии с определенными правилами. В частности, расторжение договора доверительного управления (ст. 450 ГК РФ) с согласия или по требованию стороны, а также, если такой отказ допускается законом, в одностороннем порядке отказывает в его принудительном исполнении [4]. При передаче сделки в доверительное управление и действия от своего имени доверительный управляющий обязан указать, что он является и действует сам (п. 3 ст. 1012 ГК РФ). Если действия не требуют письменной формы и другая сторона знает, что доверительный управляющий их выполняет, то в документе ставится отметка «Д.У.». Тогда требования действовать от своего имени выполнены.

В судебной практике спор возникает по следующим направлениям: можно ли использовать пометку «Д» при заключении договора на управление имуществом, кроме отметки, указывающей на статус доверенного лица. В то же время определение правовых последствий сделки доверительного управляющего зависит от выводов судебных органов. Так, в силу абзац 2 п. 3 ст. 1012 ГК РФ, если отсутствует указание о том, что доверительный управляющий действует в данном качестве, таковой будет нести обязанности перед третьим лицом, лично и отвечать перед данным лицом, только принадлежащим ему имуществом. Хотя общее правило, изложенное в ст. 3 ГК РФ 1022, указывает на то, что обязательство в отношении управления трастовым долгом возникает через погашение имущества.

Объекты доверительного управления перечислены в ст. 1013 ГК РФ. Согласно данной норме к ним относятся:

- 1) недвижимое имущество;
- 2) движимое имущество;
- 3) предприятия как имущественные комплексы;
- 4) ценные бумаги, включая акции, облигации, депозиты;
- 5) интеллектуальная собственность, такая как авторские права, патенты, товарные знаки;
- 6) финансовые активы, включая средства на банковских счетах, доли в инвестиционных фондах, паи в паевых инвестиционных фондах;
- 7) иные имущественные права и активы, которые могут быть переданы в управление доверенному лицу.

Порядок совершения доверительным управляющим сделками с имуществом, переданным в его распоряжение, содержит правила его регистрации (п. 3 ст. 1012 ГК РФ). Согласно этим правилам, доверительный управляющий, заключая договор от своего имени, указывает в договоре свою позицию [5]. Если не требуется, чтобы конкретные действия имели письменное оформление, другая сторона поставлена в известность о действиях доверительного управляющего, то в документах делается пометка «Д.У.» [6].

В дополнение к п. 2 ст. 1022 Гражданского кодекса РФ, если ситуация четко указывает на то, что управляющий превысил свои полномочия, доверительный управляющий несет персональную ответственность за совершение сделки. Сделка, совершенная с участием третьих лиц, и они об этом не знали, а доверительный управляющий, своими полномочиями злоупотребивший,

должен знать, то долги по обязательствам в отношениях по доверительному управлению имуществом погашаются за счет этого имущества. Если этого недостаточно, то будет продано имущество доверительного управляющего и учредителя управления, которое осталось за пределами доверительного управления. Важно отметить, что учредитель управления имеет право обязать доверительного управляющего возместить все вытекающие из этого убытки.

Рассматриваемый вид договора по правилам ГК РФ (ст. 1017) должен заключаться в письменной форме. Письменная форма договора доверительного управления имуществом также способствует обеспечению юридической безопасности сторон. Заключение договора в письменной форме и наличие подписей сторон являются доказательством их серьезного намерения соблюдать условия сделки и действовать согласно закону. Данному виду договора также присуща государственная регистрация (п. 2 ст. 1017 ГК РФ). Как следует из статьи 1017 ГК РФ, незаключенные в письменной форме договора доверительного управления имуществом или по какой-либо причине отсутствие государственной регистрации дела влечет за собой аннулирование договора, что подтверждается судебной практикой [7].

В ряде случаев Гражданский кодекс РФ определяет объем основных условий при регулировании договоров. Например, он определяет основные условия применительно к договору управления имуществом (ст. 1016 ГК РФ).

В то же время Гражданский кодекс РФ предусматривает исключения из общих правил, регулирующих договоры доверительного управления денежными средствами и ценными бумагами [8]. Эти соглашения о доверительном управлении регулируются Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» [9].

Договор, касающийся имущества доверительного управляющего, является истинным и юридическим действием, но само имущество, например, управление, заключая и этот вид договора на исполнение способа передачи не влияет. Так как только прямое доверительное управление, передача имущества зависит от особенностей управления (недвижимостью, ценными бумагами и т. д.). Вместе с тем правовая доктрина указывает на следующие проблемы: например, в случае заключения договора доверительного управления имуществом наследодателя трудно определить круг наследников, а нормы ст. 1016 Гражданского кодекса РФ предусматривают, что имя наследодателя (выгодоприобретателя) является обязательным условием. В соответствии со ст. 1023 Гражданского кодекса РФ доверительный управляющий имеет право на вознаграждение и ожидает, что его дополнительные расходы будут погашены из доходов от использования имущества [10], на что обращено внимание в сложившейся судебной практике.

Размер и форма вознаграждения, выплачиваемого управляющему, являются основным условием исследуемого договора. Однако закон не уточняет, как должно рассчитываться вознаграждение. Вместе с тем в Постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 29.11.2018 № 02АП-8536/2018 по делу № А17-10241/2017 суд указал, что размер и форма вознаграждения управляющего были согласованы в дополнительном соглашении в виде условий, касающихся оплаты финансовых расходов, связанных со стороной 2 (ответчиком) в сумме, не превышающей 90 %, полученной 1 стороной. Это позволяет предположить, что обе стороны могут договориться о размере вознаграждения в процентах от полученного дохода.

Договор доверительного управления имуществом не заключается более чем на 5 лет. При этом отдельные виды имущества могут быть переданы в доверительное управление в разное время, предусмотренное законом (п. 2 ст. 1016 Гражданского кодекса РФ).

Если ни одна из сторон не изъявила желания расторгнуть договор, он может быть продлен на тот же срок и на тех же условиях, как это предусмотрено договором (ст. 1016 Гражданского кодекса РФ).

Правовая регламентация доверительного управления имуществом предполагает споры в судах по моменту заключения соответствующего договора. В частности, суды по-разному истолковывают п. 1 ст. 1012 и 1017 Гражданского кодекса РФ. Статья 1012 определяет истинную структуру договора доверительного управления, отражая что договор был заключен в момент передачи объекта управления. Вторая статья (1017) указывает на необходимость государственной регистрации таких передач (п. 2 ст. 1017 ГК РФ). Договор доверительного управления, в противном случае, будет недействительным (п. 3 ст. 1017 ГК РФ).

Договорное управление и исключительная потребность в нем в большей степени необходимо для корпоративного права. Развитие современной российской экономики привело к возникновению новых социально-экономических явлений, требующих точного нормативного оформления в столь сложный переходный период. Корпорации являются основными участниками гражданских правоотношений в условиях современного гражданского оборота.

Современное состояние корпоративного права учитывает наиболее выгодный подход, согласно которому руководящий орган и его представительские функции, управленческая деятельность допускают «гибридный» подход.

Анализ правоприменительной практики показывает, что проблема применения норм базируется на паритетности. Абзац 3 п. 1 ст. 69 Закона № 69 «Об акционерных обществах» признает сложность договорных отношений между предприятием и управляющей организацией с правом передачи их единоличному исполнительному органу. Несмотря на важность рассматриваемого вида договора для российской правовой системы, он имеет ряд серьезных проблем правового регулирования:

Первая проблема заключается в недостаточной четкости и подробности положений, касающихся доверительного управления имуществом. Несмотря на то, что Гражданский кодекс РФ содержит основные нормы, регулирующие данную сферу, они достаточно общие. Это может привести к различным интерпретациям и разногласиям между сторонами, что усложняет реализацию данного института.

Вторая проблема связана с отсутствием единой системы регистрации доверительного управления имуществом. Сейчас существует несколько регистров, в которых можно зарегистрировать доверительное управление. Однако данные регистры не синхронизированы между собой, что может привести к потере информации или возникновению проблем при идентификации имущества, находящегося под управлением доверительного управляющего.

Третья проблема заключается в неопределенности вопросов ограничения прав доверительного управляющего. В частности, существует неопределенность в выделении круга полномочий и прав управляющего, а также вопросов возможности обременения имущества, находящегося под управлением доверительного управляющего.

Четвертой проблемой является недостаточная защита интересов владельца имущества. Существует риск неправомерного распоряжения имуществом со стороны доверительного управляющего. Правовые механизмы для защиты интересов владельца не всегда эффективны, что может привести к серьезным негативным последствиям для владельца имущества.

Помимо этого, еще одной актуальной правовой проблемой для данного вида договора выступает проблема ответственности управляющей организации хозяйственного общества. Одним из основных аспектов данной проблемы может быть неполнота или некорректность условий договора, что может привести к нежелательным последствиям для доверителя. Например, в случае неправильного выполнения обязанностей управляющей организацией, доверитель может понести финансовые потери или не получить ожидаемых результатов.

Другим важным аспектом проблемы гражданско-правовой ответственности является возможность злоупотребления полномочиями со стороны управляющей организации. Некоторые управляющие организации могут использовать свое положение для собственной выгоды, не учитывая интересы доверителя и не выполняя своих обязанностей должным образом. В таких случаях возникает проблема защиты прав и интересов доверителя, а также вопрос о наличии эффективного механизма контроля за деятельностью управляющей организации.

Эффективная гражданско-правовая ответственность управляющей организации по договору доверительного управления требует установления четких правил и норм, которые бы гарантировали защиту прав и интересов доверителя. Необходимо разработать механизмы контроля и наказания за нарушение обязательств со стороны управляющей организации. Важным условием является также информационная прозрачность деятельности управляющей организации, чтобы доверитель имел возможность оценить результаты работы управляющей организации и принять обоснованные решения, на что обращается внимание в сложившейся судебной практике [11].

Моделирование договорных отношений управленческих обязательств через договорную призму управления другими лицами в корпоративном праве решает принципиально важную прикладную проблему, связанную с введением ответственности хозяйствующих субъектов в договорах, что значительно упрощает соответствующий механизм возмещения причиненного ущерба.

Концепция доверительного управления имуществом предполагает, что третья сторона (управляющий) принимает на себя ответственность за управление имуществом, принадлежащим другой стороне (доверитель). Однако для эффективного ведения бизнеса или финансовых операций, управляющему необходимо осуществлять определенные управленческие расходы. Такие как зарплата персонала, аренда помещений, реклама и т. д.

Проблема заключается в том, что налоговое законодательство не всегда относит данные расходы к экономически обоснованным и не позволяет их полностью учесть при налогообложении. Это может привести к увеличению налоговой нагрузки на управляющую сторону и несправедливому облаганию налогами.

Основной причиной возникновения данной проблемы является отсутствие четкого определения термина «экономически обоснованные расходы» в налоговом законодательстве. Каждая сторона может иметь свое представление о том, какие расходы являются обязательными и должны быть признаны экономически обоснованными. Кроме того, налоговые органы могут интерпретировать законодательство по-разному, что также может привести к несогласованному обложению управленческих расходов.

Одним из важных аспектов решения данной проблемы является разработка общих критериев и правил признания управленческих расходов экономически обоснованными. Для этого необходимо установить прозрачные критерии и ограничения, которые определяют, какие расходы могут быть учтены, а какие – нет. Это поможет уменьшить возможность произвольного решения налоговых органов и снизить уровень субъективности при оценке расходов.

Другим возможным решением проблемы может быть обязательное проведение аудита управленческих расходов для определения их экономической обоснованности. Аудит поможет убедить налоговые органы в том, что расходы были осуществлены в интересах доверительного управления имуществом и соответствуют нормам законодательства.

Также необходимо уделить внимание регулированию договоров доверительного управления имуществом, в которых должны быть прописаны четкие условия и процедуры признания управленческих расходов экономически обоснованными, чтобы избежать споров и разногласий в будущем. Это позволит обеим сторонам иметь ясное представление о том, какие расходы могут быть учтены, и исключить возможность неправомерного обложения налогами.

В то же время передача имущества в доверительное управление не означает, что его право собственности переходит к доверительному управляющему. Общее правило отношений доверительного управления гласит, что оно создано для получения дохода от использования имущества, находящегося в доверительном управлении. Это положение дает основания полагать, что договор должен включать определенный минимальный уровень дохода и порядок его передачи уполномоченному лицу. Таким образом, приходим к следующим выводам:

Во-первых, в настоящее время правовое регулирование договоров доверительного управления имуществом является недостаточно развитым и не удовлетворяет потребностям участников таких договоров. Об этом говорит большое количество проблем, которые складываются в правоприменительной практике.

Во-вторых, отсутствие четкой и подробной нормативной базы для договоров доверительного управления имуществом ведет к неопределенности и неоднозначности в понимании и применении правил и условий таких договоров.

В-третьих, обязательно надо провести работы по совершенствованию законодательства в отношении договоров доверительного управления имуществом, чтобы обеспечить более ясное и точное регулирование прав и обязанностей сторон.

В-четвертых, необходимо улучшить контроль за нарушение обязательств со стороны управляющей организации и при этом обязательно необходимо учитывать международный опыт и лучшие мировые практики в области договоров доверительного управления имуществом при разработке и внесении изменений в законодательство России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом. М., 1999.
2. Гражданское право России. Обязательственное право: курс лекций / М.И. Брагинский, Н.И. Клейн, Т.Л. Левшина и др. М., 2004.
3. Суханов Е.А. О Системе гражданского (частного) права. Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы. М., 2019.
4. Радченко И.В. Некоторые вопросы прекращения договора доверительного управления наследственным имуществом. Нотариальный вестник. 2022. № 7.
5. Беляев Р.В. Новеллы наследственного права о доверительном управлении наследственным имуществом // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 5. Т. 14.
6. Борисов А.Е. Комментарий к Письму Минфина России от 14.05.2019 № 03-07-11/34191 «НДС по услугам доверительного управления имуществом» // Нормативные акты для бухгалтера. 2019. № 12.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8.

8. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / В.А. Багаев и др. М., 2018. Выпуск 24.
9. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. Ст. 1918.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 616-О. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Скловский К.И. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных». М., 2011.

REFERENCES

1. Mikheeva L.Yu. Trust management of property. Moscow, 1999.
2. Civil law of Russia. Law of obligations: course of lectures / M.I. Braginsky, N.I. Klein, T.L. Levshina et al. Moscow, 2004.
3. Sukhanov E.A. On the System of civil (private) law. Arbitration and regulation of international commercial turnover: Russian, foreign and cross-border approaches. Moscow, 2019.
4. Radchenko I.V. Some issues of termination of the trust management agreement for inherited property. Notarial Bulletin. 2022. № 7.
5. Belyaev R.V. Novels of inheritance law on trust management of inherited property // Gaps in Russian legislation. 2021. № 5. V. 14.
6. Borisov A.E. Commentary on the Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 14.05.2019 № 03-07-11/34191 «VAT on property trust management services» // Regulatory acts for an accountant. 2019. № 12.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 № 25 «On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 8.
8. Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial and arbitration practice) / V.A. Bagayev et al. Moscow, 2018. Issue 24.
9. Federal Law of 22.04.1996 № 39-FZ (as amended on 25.12.2023) «On the Securities Market» (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. Art. 1918.
10. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2017 № 616-О. The document was not published. Access from the legal system «ConsultantPlus».
11. Sklovsky K.I. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 29.04.2010 № 10/22 «On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights». Moscow, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Михаил Борисович, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

Казанков Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника факультета заочного обучения. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smolensky Mikhail Borisovich, Grand PhD in Sociology, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law. Rostov State Transport University. 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Kazankov Vladimir Yurievich, PhD in Law, Deputy Head of the Faculty of Correspondence Education. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 87–92.
Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 87–92.

Научная статья

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Акиев Арби Русланович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Melhi530@mail.ru

Введение: охрана семьи, материнства и детства, провозглашенная в Конституции Российской Федерации, обязывает государство уделять особое внимание защите интересов семьи и ее членов от противоправных посягательств. При этом рост преступных посягательств против семьи и несовершеннолетних за последние 5 лет свидетельствует как о необходимости совершенствования правоохранительной работы в целом, так и системы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рассматриваемой группы.

Материалы и методы: теоретической и эмпирической базой исследования являются ранее проведенные исследования ученых-криминалистов, статистические сведения, а также анализ правоприменительной практики. Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный, а также ряд других методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, описание.

Результаты исследования: проанализированы имеющиеся в криминалистической науке подходы к определению понятия высокотехнологичных преступлений, предложено авторское видение данной дефиниции. На основе проведенного исследования отмечается интеграция цифровых технологий с информационными и психологическими приемами и методами воздействия на поведение несовершеннолетних и иных лиц, при совершении преступлений рассматриваемой группы, в том числе методов «социальной инженерии». Кроме того, результаты исследования позволили подтвердить высказанное в научной литературе мнение, что высокотехнологичные преступления, как правило, являются полноструктурными. Это, несомненно, нужно учитывать в практической деятельности по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Выводы и заключения: на основе анализа различных преступных проявлений против интересов семьи и несовершеннолетних, осуществленных с использованием высоких технологий, автор выделяет ряд криминалистически значимых признаков таких деяний на всех этапах их совершения (подготовки, совершения и сокрытия).

Ключевые слова: высокотехнологичная преступность, способы совершения преступлений, криминалистически значимые признаки, цифровые следы преступлений, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, преступления против семьи и несовершеннолетних.

Для цитирования: Акиев А. Р. Криминалистические особенности высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних / А. Р. Акиев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 87–92.

Original paper

CRIMINALISTIC FEATURES OF HIGH- TECH CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS

Akiev Arbi Ruslanovich

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Introduction: the protection of family, motherhood and childhood, proclaimed in the Constitution of the Russian Federation, obliges the state to pay special attention to protecting the interests of the family and its members from unlawful encroachments. At the same time, the growth of criminal encroachments against the

family and minors over the past 5 years indicates both the need to improve law enforcement work in general and the system of forensic support for the disclosure, investigation and prevention of crimes of the group in question.

Materials and methods: the theoretical and empirical basis of the study are previously conducted studies of forensic scientists, statistical data, as well as an analysis of law enforcement practice. The methodological basis of the study is dialectical, logical, systemic, as well as a number of other methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, description.

Results of the study: the approaches to defining the concept of high-tech crimes available in forensic science are analyzed, the author's vision of this definition is proposed. Based on the conducted research, the integration of digital technologies with information and psychological techniques and methods of influencing the behavior of minors and other persons, when committing crimes of the group in question, including the methods of «social engineering» is noted. In addition, the results of the study confirmed the opinion expressed in the scientific literature that high-tech crimes, as a rule, are full-structured. This, undoubtedly, must be taken into account in practical activities for their disclosure, investigation and prevention.

Findings and conclusions: based on the analysis of various criminal manifestations against the interests of the family and minors, carried out using high technologies, the author identifies a number of forensically significant signs of such acts at all stages of their commission (preparation, commission and concealment).

Keywords: high-tech crime, methods of committing crimes, forensically significant signs, digital traces of crimes, involvement of a minor in the commission of a crime, crimes against the family and minors.

For citation: Akiev A. R. Criminalistic features of high-tech crimes against the family and minors / A. R. Akiev // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 87–92.

Охрана интересов семьи, материнства и детства, возведенная законодателем в ранг конституционных положений, обязывает государство обеспечить их должной правовой защитой, в том числе уголовно-правовыми средствами. Но, несмотря на имеющиеся уголовно-правовые запреты, призванные выполнять, в том числе, общепреventивные задачи, количество преступных посягательств на интересы семьи и несовершеннолетних не только не снижается, но и показывает в отдельные годы рост, что следует из статистических данных МВД России. Так, в 2020 г. в России было совершено 47 503, в 2021 – 58 814, 2022 – 59 093, а в 2023 – 57 621 преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Отдельно следует привести и общее количество преступных посягательств по всем главам Особенной части УК РФ, совершенных в отношении несовершеннолетних, которые частично будут охватывать данные, приведенные выше. В 2020 г. было совершено 90 374 преступления против несовершеннолетних, в 2021 г. – 103 335 и практически идентичное количество преступлений в 2022 г. – 10 185, в 2023 г. оно снизилось до 98 833 тысяч преступлений.

Эффективное противодействие преступности против семьи и несовершеннолетних в современных условиях вряд ли возможно без своевременного реагирования на появление новых способов и технологий осуществления рассматриваемой преступной деятельности, в том числе имеющих высокотехнологичный характер. Познание таких преступлений и разработка комплексных мер криминалистического обеспечения их раскрытия, расследования и предупреждения выступает актуальной задачей криминалистики.

В последние годы в уголовно-правовых науках все чаще используются термины «высокотехнологичная преступность», «высокотехнологичные преступления». Как правило, в уголовно-правовой, криминологической и криминалистической науках эти термины выступают как синонимы преступлений, совершенных с использованием компьютерных (цифровых) и телекоммуникационных технологий (киберпреступности) [1;2;3;4].

Важную роль в познании способов преступлений отдельных групп и видов играет их систематизация. На это обстоятельство обоснованно обратили внимание А.В. Варданян и О.П. Грибунов, подчеркнув, что систематизация способов преступлений является актуальнейшей задачей теоретико-прикладной направленности [5]. В основу выделения таких деяний в самостоятельную группу могут быть положены особенности способа (технологии) их совершения [6, с. 34].

В.В. Поляков считает, что высокотехнологичные преступления совершаются путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях программных, программно-аппаратных или аппаратных средств, с использованием дистанционного доступа к объекту преступного посягательства, сопровождаемые противодействием расследованию [7, с. 156].

Применительно к приведенным позициям представляется необходимым дать некоторые пояснения. Термин «высокие технологии» определяется по-разному в разных сферах экономической и социальной деятельности, технической, медицинской, экономической и других науках. Приводимые определения, как правило, предполагают их правомерное применение и социально полезную роль. Очевидно, что подобные технологии активно приспособляются и используются в различных видах преступной деятельности. Как следствие, высокие технологии в преступной деятельности – это результат разработки, внедрения и (или) приспособления новейших технологий производства или коммуникации в достижении криминальных целей, основанных на соответствующих данных, знаниях и опыте, осуществляемых с использованием различных современных технических средств и материалов. Преступления против семьи и несовершеннолетних здесь не являются исключением.

Как показывают проводимые исследования, доля высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних составила более 70 % от общего числа изученных деяний по материалам уголовных дел. Преступная деятельность против семьи и несовершеннолетних охватывается как деяниями, предусмотренными нормами гл. 20 УК РФ, так и рядом других составов преступлений, например, ст. 134, 137, 240.1, 242.1, 242.2 УК РФ.

Высокие технологии, используемые в преступной деятельности, не ограничиваются только IT-сферой. Во-первых, в преступных целях могут использоваться новейшие производственные технологии (например, при производстве или изготовлении фальшивых денег, наркотических или психотропных средств, лекарственных средств и медицинских изделий, незаконном производстве алкогольной, табачной, немаркированной продукции и прочих товаров). Во-вторых, во многих случаях цифровые технологии интегрируются с информационными и психологическими приемами и методами, имеющими цель воздействия на психику человека, деформации его социальных установок и ценностей, правосознания, вовлечения его в противоправную деятельность, действия, угрожающие жизни и здоровью, понуждения к сокрытию преступлений и иному противодействию работе правоохранительных органов.

Приемы и методы психологического воздействия и обработки, используемые при совершении преступлений против семьи и несовершеннолетних, в криминалистической науке последних лет стали обозначаться термином «социальная инженерия» [8, с. 11; 9, с. 48; 10, с. 81; 11, с. 134]. Чаще всего этот термин применяется в криминалистике в связи с изучением и описанием дистанционных форм и способов мошенничества или неправомерного доступа к компьютерной информации. Сама по себе социальная инженерия представляет собой один из разделов социальной психологии, направленный на то, чтобы внедрять в сознание людей некоторую модель поведения и тем самым манипулировать их поступками, а методы социальной инженерии рассматриваются как технологии [12]. Наиболее ярко криминальная интеграция цифровых, коммуникационных и психологических технологий и методов проявляется при совершении преступлений в отношении несовершеннолетних, что подтверждается рядом криминалистических и криминологических научных исследований последних лет. Как следствие, на высокотехнологичность преступлений против семьи и несовершеннолетних могут указывать разработка или приискание технологий психологического воздействия на жертв преступлений (программ, методичек, сценариев и пр.), реализуемых в дальнейшем с учетом индивидуальных особенностей подбираемых жертв.

Как показали результаты проведенных исследований, высокотехнологичные способы совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних на сегодняшний день реализуются при дистанционном вовлечении несовершеннолетних в совершение конкретных преступлений; подборе и воздействии на несовершеннолетних и других лиц с целью побуждения их действовать в криминальных интересах преступников или в рамках общей противоправной идеологии; действиях, направленных на разрушение духовно-нравственных ценностей и моральных установок поведения, взглядов, убеждений в сфере семейных отношений.

Использование современных высоких технологий при совершении преступлений против семьи и несовершеннолетних существенно увеличивает их криминальную результативность и охват. При этом способ совершения высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних, как правило, является полноструктурным, при этом все элементы его структуры взаимосвязаны вплоть до того, что фактически могут быть неотделимыми друг от друга [13]. По полученным в ходе эмпирического исследования данным 98 % преступлений

рассматриваемой категории, совершенных с использованием высоких технологий, являлись полноструктурными.

Представляется возможным выделить ряд криминалистически значимых признаков высокотехнологичных способов совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних. В их числе закономерная повторяемость способа (его элементов) в различных эпизодах преступной деятельности, совершаемых одними и теми же лицами (преступными формированиями). Например, в 2021 г. правоохранительными органами установлен житель Хабаровского края, который с использованием современных компьютерных и телекоммуникационных технологий в период предшествовавших двух лет совершил серию преступлений в отношении 68 девочек, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В структуре способа преступлений многократно повторялся один и тот же алгоритм действий: получив от несовершеннолетней фотографии интимного характера, преступник начинал шантажировать ее и угрожать, что распространит (опубликует) ранее полученные материалы в социальных сетях, разошлет знакомым, если жертва не будет присылать ему новые подобные фото и видео.

Другим признаком выступает доминирующее использование при реализации таких способов компьютерных средств и средств цифровой коммуникации (стационарных и переносных компьютерных устройств, смартфонов и др.), социальных сетей, мессенджеров и других ресурсов сети Интернет, в том числе его теневого сегмента. Действия преступников могут дополняться разработкой специальных программных продуктов, сайтов и страниц в социальных сетях, изготовления видеороликов и другой программно-цифровой продукции, используемой для реализации преступного замысла. Так, правоохранительными органами уже фиксируются случаи создания и копирования компьютерных игр, популярных среди молодежи, имитирующих совершение террористических актов, массовых убийств, диверсий и других преступлений, а также фактически представляющих собой ориентированные на подростков методики обучения высокотехнологичным способам их совершения (например, изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств из легкодоступных материалов, мест их закладки на различных объектах, маскировки и пр.). Другим примером является создание и распространение преступниками психолого-цифровых программ (заданий) по вовлечению подростков в суицидальные группы (как правило, в социальных сетях или мессенджерах) и последующее управление их поведением вплоть до последнего «игрового задания» – совершения суицида.

Все более активное развитие цифровых и других технологий и возможностей их приспособления в криминальных целях позволяет прогнозировать появление новых высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних в будущем.

Необходимо отметить активную высокотехнологичную трансформацию способов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и другую антиобщественную деятельность. Как показывает статистика, в течение 2023 г. правоохранительными органами было зафиксировано около 4 тысяч высокотехнологичных преступлений, которые были совершены несовершеннолетними, при этом в 2020 г. было выявлено только 54 таких случая. Преступники (нередко организованные преступные сообщества, действующие с территории других государств), вовлекают несовершеннолетних в мошенничество, отводя им роли технического сопровождения преступной деятельности на территории России, сбора или обналичивания похищаемых денежных средств. Так, в г. Санкт-Петербург задержан несовершеннолетний, который осуществлял действия по поддержанию функционирования оборудования для подмены номеров, используемых для совершения мошенничеств в отношении граждан России с территории Украины. Вознаграждение за криминальные услуги ему перечислялось ежемесячно в криптовалюте.

Дистанционно вовлеченные в преступные деяния несовершеннолетние, по сути, являются «расходным материалом» для организаторов и других членов подобных преступных формирований, нередко остающихся неустановленными и не привлеченными к уголовной ответственности [14].

Криминалистически значимым признаком способа совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних может являться сбор информации о потенциальных потерпевших и иных данных по открытым цифровым ресурсам (OSINT-разведка). Полученную информацию преступники используют для конкретизации жертв, составления их возможного психологического портрета, поиска уязвимостей, данных для возможного подкупа, шантажа, угроз близким, а также подбор наиболее подходящих к личности потерпевшего методик установления контакта и последующего воздействия, исходя из криминальных целей.

При совершении преступлений против семьи и несовершеннолетних, соответствующие криминальные функции (роли) могут выполнять отдельные члены (группы) либо под них привлекаются наемники (например, осуществляющие психологическую обработку подростков и их вербовку для совершения противоправных действий через социальные сети, мессенджеры и другие ресурсы сети Интернет, формирование цифровых баз данных о лицах, подходящих для последующего вовлечения в рассматриваемую преступную деятельность, преимущественно несовершеннолетних). Так действовал О., проживавший в Германии, и с ее территории через различные ресурсы сети Интернет осуществлявший вовлечение несовершеннолетних на территории России в различные виды преступной деятельности.

Еще одним криминалистически значимым признаком высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних выступают типичные следы их реализации. Особое значение имеют цифровые следы и другая компьютерная информация, отображающие факт и последствие применения преступниками современных технологий обмена электронными данными и использования средств телекоммуникации.

Представляется, что изучение и описание типичных следов высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних – это объект самостоятельного исследования. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что, будучи осведомленными о возможных следах применения высокотехнологичных способов подготовки и совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, злоумышленники заранее продумывают и совершают действия по сокрытию рассматриваемых преступных деяний.

Подводя итог изложенному, представляется возможным сделать вывод, что высокотехнологичные преступления против семьи и несовершеннолетних получают все большее распространение в структуре преступности этого вида. Абсолютное большинство способов их совершения являются полноструктурным, охватывают объединенный единым криминальным замыслом и использованием компьютерных, телекоммуникационных, психологических и других современных средств и технологий комплекс действий по подготовке, непосредственно совершению и сокрытию таких деяний. Продолжающаяся активная цифровизация процессов обмена информацией и социального общения позволяет прогнозировать появление новых и трансформацию существующих высокотехнологичных способов преступлений против семьи и несовершеннолетних и выступает фактором, определяющим задачу противодействия таким деяниям в числе приоритетных для современной криминалистики и других уголовно-правовых наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бычков В.В., Прорвич В.А. Особенности формирования алгоритмов выявления, раскрытия и расследования «высокотехнологичных» преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием сети Интернет // Российский журнал правовых исследований. 2021. № 1. Т. 8.
2. Ищенко Е.П. Криминалистические аспекты расследования киберпреступлений // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. Симферополь, 2017.
3. Смолин С.В. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступлений // Уголовное право. 2014. № 4.
4. Велиев М.Г. Тенденции развития правового регулирования борьбы с высокотехнологичными преступлениями в Российской Федерации // Интернаука. 2023. № 39-3(309).
5. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).
6. Головин А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.
7. Поляков В.В. Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4(28).
8. Головин А.Ю., Головина Е.В. Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2.
9. Кравченко А.В. Психологические механизмы социальной инженерии при совершении преступлений // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 1.

10. Старостенко Н.И. Криминалистический аспект техник социальной инженерии при совершении преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1(47).
11. Янгаева М.О. Социальная инженерия как способ совершения киберпреступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42).
12. Грызунов В.В., Шкреба О.С. Особенности применения технологических методов в социальной инженерии // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2018. № 4(46).
13. Поляков В.В. Структура и содержание способа совершения высокотехнологичных преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1.
14. Головин А.Ю., Акиев А.Р., Головина Е.В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2(76).

REFERENCES

1. Bychkov V.V., Prorvich V.A. Features of the formation of algorithms for identifying, solving and investigating «high-tech» crimes of an extremist nature committed using the Internet // Russian Journal of Legal Research. 2021. № 1. Vol. 8.
2. Ishchenko E.P. Forensic aspects of the investigation of cybercrimes // Criminal proceedings: procedural theory and forensic practice. Simferopol, 2017.
3. Smolin S.V. Criminal-legal fight against high-tech methods and means of committing crimes // Criminal law. 2014. № 4.
4. Veliev M.G. Trends in the development of legal regulation of the fight against high-tech crimes in the Russian Federation // Internauka. 2023. № 39-3 (309).
5. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern Doctrine of Methodological and Forensic Support for Investigation of Certain Types of Crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (81).
6. Golovin A. Yu. Basic Forensic Classifications of Crimes // Bulletin of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2013. № 2-2.
7. Polyakov V. V. The Concept of «High-Tech Crimes» in Forensic Science // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. № 4 (28).
8. Golovin A. Yu., Golovina E. V. Social Engineering in the Mechanism of Criminal Activity in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies // Bulletin of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2021. № 2.
9. Kravchenko A. V. Psychological mechanisms of social engineering in the commission of crimes // Psychology and pedagogy of service activity. 2019. № 1.
10. Starostenko N.I. Forensic aspect of social engineering techniques in the commission of crimes // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (47).
11. Yangaeva M.O. Social engineering as a way to commit cybercrimes // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (42).
12. Gryzunov V.V., Shkreba O.S. Features of the application of technological methods in social engineering // Technical and technological problems of service. 2018. № 4 (46).
13. Polyakov V.V. Structure and content of the method of committing high-tech crimes // Russian law: education, practice, science. 2023. № 1.
14. Golovin A.Yu., Akiyev A.R., Golovina E.V. Remote involvement of minors in criminal activity as an object of forensic research // Legal state: theory and practice. 2024. № 2(76).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акиев Арби Русланович, кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.
ORCID: 0000-0001-6540-9606

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akiyev Arbi Ruslanovich, PhD in Law, Head of the Department of Criminalistics. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilyutov Pilot St., St. Petersburg 198206 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 93–99.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 93–99.

Научная статья

УДК 343.57:004

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПОСРЕДСТВОМ МЕССЕНДЖЕРОВ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Ананьян Екатерина Николаевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

katleon8182@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются актуальные для современного общества преступления в части сбыта наркотических средств, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, появление и развитие которых интегрировано в современном мире во все сферы жизни человека, в том числе и преступную. В связи с этим инновационными стали методы «купли-продажи» наркотических средств, разнообразие способов их реализации посредством информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе посредством мессенджеров и социальных сетей.

Материалы и методы: при написании статьи применялся общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, анализа, познавательные и сравнительно-правовые методы, проведен анализ российского законодательства, научных трудов ряда исследователей.

Результаты исследования: автором проанализированы и исследованы способы незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого посредством мессенджеров и социальных сетей. Приводятся мнения различных авторов, исследовавших указанную проблему. Сформулированы рекомендации по повышению эффективности расследования данной группы преступлений.

Выводы и заключения: знание отличительных признаков вышеуказанного способа незаконного сбыта наркотических средств и его закономерностей в структуре механизма преступления значительно снизит время его расследования, определит направление расследования, а также необходимую тактику поиска преступника, что повысит эффективность организации следственных действий и оперативных мероприятий.

Ключевые слова: криминалистическая методика, бесконтактный способ сбыта наркотиков, информационно-телекоммуникационные технологии, мессенджеры, социальные сети, анонимизация в сети Интернет.

Для цитирования: Ананьян Е. Н. Проблемные аспекты деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого посредством мессенджеров и социальных сетей / Е. Н. Ананьян // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 93–99.

Original paper

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ACTIVITY ON IDENTIFICATION AND DISCLOSURE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS CARRIED OUT THROUGH MESSENGERS AND SOCIAL NETWORKS

Ananyan Ekaterina Nikolaevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines crimes that are relevant for modern society in terms of the sale of narcotic drugs, committed using information and telecommunication technologies, the emergence and development of which is integrated in the modern world into all spheres of human life, including criminality. In this regard, methods of «purchase and sale» of narcotic drugs, a variety of ways to sell them through information and telecommunication technologies, including through instant messengers and social networks, have become innovative.

Materials and methods: when writing the article, the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, was used, as well as methods of logical deduction, analysis, cognitive and comparative legal methods, an analysis of Russian legislation and scientific works of a number of researchers was carried out.

Results of the study: analyzed and examined by the author methods of illegal sale of narcotic drugs carried out through instant messengers and social networks. The opinions of various authors who have studied this problem are given. Recommendations have been formulated to improve the efficiency of the investigation of this group of crimes.

Findings and conclusions: knowledge of the distinctive features of the above method of illegal sale of narcotic drugs and its patterns in the structure of the crime mechanism will significantly reduce the time of its investigation, determine the direction of the investigation, as well as the necessary tactics of searching for the criminal, which will increase the efficiency of organizing investigative actions and operational activities.

Keywords: forensic methodology, contactless method of drug sales, information and telecommunication technologies, instant messengers, social networks, anonymization on the Internet.

For citation: Ananyan E. N. Problematic aspects of the activity on identification and disclosure illegal sale of narcotic drugs carried out through messengers and social networks // E. N. Ananyan // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 93–99.

В современном мире в условиях высокой информатизации общества наблюдается огромный рост преступлений, связанных с бесконтактным способом сбыта наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе мессенджеров и социальных сетей.

«Онлайн-наркотизм представляет собой отдельный сектор криминального бизнеса со сформированной структурой, системой отношений, традициями и особой криминальной субкультурой, особенно активно распространяемой среди несовершеннолетних» [1, с. 17].

Так, в Ростовской области в сфере информационно-телекоммуникационных технологий выявлено 3 885 наркопреступлений, что на 19,0 % выше предыдущего года (2022 г. – 3 264; 2021 г. – 2 590). В том числе – 2 669 преступлений, связанных со сбытом наркотиков с использованием возможности сети Интернет (2022 г. – 2 041; 2021 г. – 1 492), прирост составил 30,8 %. На 17,2 % повысилось количество раскрытых уголовных дел в сфере IT – технологий 2 073 (2022 г. – 1 769). При этом сбытов наркотических средств указанной категории раскрыто 886 (2022 г. – 640). Данные статистики свидетельствуют о продолжении роста количества преступлений, совершаемых с использованием бесконтактных интернет-схем сбыта наркотических средств путем «закладок», а также безналичных форм оплаты за них посредством виртуальных электронных счетов.

Кроме того, количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение наркопреступлений, по сравнению с 2022 годом, снизилось на 4,6 % и составило 2 539 человек (2022 г. – 2 662; 2021 г. – 2 872) [2].

Проанализировав судебную статистику, представляется очевидным отметить, что по рассматриваемой категории преступлений в настоящее время весьма затруднительно установить лиц, причастных к преступному деянию. В основном к уголовной ответственности привлекаются так называемые «бегунки» – наркоманы-посредники, которые выступают связями между наркодилером и лицом, употребляющим наркотик. Деятельность сотрудников правоохранительных органов по установлению личности непосредственного сбытчика-распространителя наркотических средств связана с определенными трудностями, особенно при сбыте наркотиков посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Представляется значимым выделить проблемные аспекты, возникающие в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов при выявлении и раскрытии незаконного сбыта наркотических средств посредством социальных сетей, мессенджеров.

Так, С.Я. Лебедев, говорит «о явной неготовности нашего законодателя и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены [3, с. 23]», в том числе при раскрытии и расследовании преступлений в IT-сфере.

По мнению Е.С. Бикеева, серьезной проблемой является недостаточное ведение борьбы с оборотом наркотических средств в сети Интернет, в связи с повышением сложности отслеживания ситуации на рынке нелегальных наркотических средств внутри государства [4, с. 18].

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что данная категория преступлений имеет свои особенности: анонимный доступ к ресурсам, т. е. сокрытие идентификационной информации пользователей сетевого киберпространства; исключение доступа к сведениям о первоначальном пользователе; отсутствие контроля обмена информацией в реальном времени, защищенного системой безопасности; возможность остаться неавторизованным при

регистрации; совершение преступления из любой точки земли за счет доступа к сети Интернет, использование приложений, защищенных сквозным шифрованием; невозможность опознания преступника в связи с отсутствием свидетелей преступления; отражение преступного посягательства на многочисленных объектах виртуальной среды; нахождение зачастую всех участников противоправного деяния под юрисдикцией различных государств; расчеты с наркобытчиками осуществляются по средствам безналичного расчета с применением анонимных электронных кошельков.

Отличием дистанционного способа сбыта наркотических средств от традиционного является «профессионализм» наркодилера. Среди преступников, совершающих преступления в сети Интернет, наибольшая часть это высококвалифицированные IT-специалисты, программисты, имеющие высокие знания и навыки в сфере IT-технологий, выступающих в роли руководителей остальных членов группы.

Таким образом, для функционирования мессенджеров, посредством которых осуществляется распространение наркотических средств и психотропных веществ, а также их прекурсоров, преступники создают целую системную иерархию. В нее входит множество лиц, выполняющих специальные обязанности, которые не требуются при распространении наркотиков офлайн. В данном случае необходимо выделить несколько категорий преступников.

1. Организаторы. Помимо общих функций, которые свойственны для всего незаконного оборота наркотических средств, вне зависимости от того, в каком режиме они осуществляются – офлайн или онлайн, организаторы осуществляют и ряд специальных функций. В частности, они могут являться создателями отдельных телеграм-каналов, иных аккаунтов в других мессенджерах, социальных сетях. Они также могут администрировать интернет-магазины, созданные в Darknet.

2. Операторы. Они являются доверенными лицами организатора, ведут соответствующие телеграм-каналы и иные информационные ресурсы, необходимые для распространения наркотических средств, обеспечивают их непрерывную и бесперебойную работу. В их обязанности входит общение с клиентами, ответы на их вопросы, достижение договоренности по купле-продаже наркотиков, контроль за поступлением денежных средств, направление информации о месте нахождения закладки.

3. Промоутеры (трафаретчики), задача которых делать надписи на стенах с адресами интернет-магазинов и интернет-ботов по продаже наркотиков, а также клеить и расклеивать листовки, стикеры, вешать плакаты на веревках, обвязанных вокруг деревьев.

4. Закладчики – распространители запрещенных веществ, готовят тайники (закладки) и сообщают оператору об их местонахождении.

При осуществлении своих преступных замыслов злоумышленники активно используют виртуальную частную сеть (ZoogVPN, AdGuard VPN, 4ebur.net, TheOnionRouter и др.), позволяющую шифровать IP-адрес, что дает им возможность оставаться незамеченными. Благодаря данным программам, преступники получают доступ к таким сегментам глобальной сети, как TOR, Darknet. С их помощью возможно попасть на рынки, осуществляющие торговлю наркотиками: Wayaway, Hydra, LegalRC. TOR предлагает пользователям высокие стандарты конфиденциальности и представляет возможность выхода на onion-сайты – упрощенные версии веб-сайтов [5, с. 76].

Также распространение наркотических средств, психотропных веществ на современном этапе осуществляется при помощи различных мобильных приложений, которые позволяют обмениваться мгновенными текстовыми сообщениями, а также медиафайлами (например, геоточками). Основное предназначение данных приложений в обеспечении плотного и оперативного контакта покупателей и продавцов наркотических средств, связи лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков (операторов, закладчиков и др.), а также вовлечении новых потребителей и участников незаконного оборота наркотических средств, посредством рекламы, пропаганды потребления наркотиков.

Одним из наиболее часто используемых мессенджеров при распространении наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, помимо WhatsApp, Viber, ICQ, CoverMe, Brosix, «ВКонтакте» является Telegram, гарантирующий анонимность за счет широкого набора функций. С точки зрения функционала, мессенджер представлен рядом вкладок, каждая из которых имеет форму чата. В целом, в Telegram существует пять видов таких чатов.

Первый вид – диалоги. Это наиболее стандартизированный вид чата, который имеется практически у всех других мобильных приложений схожего вектора использования (например, Viber, WhatsApp). В диалогах имеются функции отметки о прочтении сообщения, предпросмотра ссылок. Все эти возможности могут использоваться в целях распространения наркотических средств. Например, посредством отдельных видов эмодзи и гиф-анимации закладки сообщают клиенту (как напрямую, так и через операторов) о том, что закладка произведена и можно ее извлекать. Это позволяет зашифровывать диалоги не так явно, как при использовании специализированных текстовых формулировок и сообщений.

Второй вид – это группы численности до 5 тысяч человек и так называемые «супер» группы численностью свыше 5 тысяч человек.

Третий вид – это сохраненные сообщения (вкладка «Избранное»), сюда можно загружать файлы любого объема и формата.

Четвертый вид – Telegram-каналы, в которых можно делиться контентом анонимно, без возможности получить обратную связь от читателей. Принципиально Telegram отличается от других мессенджеров возможностью ведения публичных каналов.

Основными направлениями использования Telegram в распространении наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ следует считать:

- 1) заключение сделок по купле-продаже наркотиков;
- 2) сопровождение ранее заключенных в Darknet сделок по купле-продаже наркотиков;
- 3) пропаганду потребления наркотиков, вовлечение новых потребителей, поиск и вербовка участников незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Популярность Telegram настолько высока, что на современном этапе данный мессенджер начал использоваться не только для информационного и технического сопровождения ранее заключенных в Darknet сделок, но и для непосредственного заключения самих сделок. То есть, Telegram из средства общения продавца и покупателя относительно деталей о местонахождении закладки превратился в самостоятельную информационную среду и площадку, на которой осуществляются абсолютно все операции по распространению наркотиков, начиная от достижения договоренности и заключения сделки, заканчивая отчетами о проделанной работе.

В целом процесс заключения сделок по купле-продаже наркотиков в Telegram осуществляется посредством двух основных форм.

Первая форма – это покупка напрямую у продавца. Для такой покупки в целях безопасности под каждую сделку создается отдельный секретный чат в мессенджере, где переписка между продавцом и покупателем сохраняется только на телефонах собеседников. Таким образом, функция обеспечивает полную защиту переписки от посторонних.

Второе, отдельное направление использования Telegram при распространении наркотиков – это пропаганда наркотиков и реклама телеграм-каналов, в которых можно заключить сделку купли-продажи.

Также Telegram используется для вербовки и вовлечения в распространение наркотиков новых участников. При этом может присутствовать как целенаправленная вербовка, так и самостоятельный поиск самими будущими преступниками возможности организовать такую деятельность. Telegram помимо прямого назначения используется и в таких направлениях, как: пропаганда потребления наркотиков, вербовка новых участников преступной деятельности, организация деятельности интернет-магазинов на базе телеграм-каналов и чат-ботов.

Пятый вид – чаты с ботами. Это программы-роботы, которые могут задавать вопросы пользователю, а также получать обратную связь и выполнять другие задачи.

Так, по мнению Е.Л. Глушкова, дистанционный способ сбыта и распространения наркотических средств можно представить в виде последовательных действий, начинающихся с приобретения преступниками наркотических средств, их фасовки, обработки заказов и доставка конечному потребителю по средствам интернет-платформ [6, с. 59]. В связи с этим схему приобретения наркотических средств можно представить следующим способом: покупатель выбирает нужную ему дозу на определенном сайте и делает предзаказ. Так, следует сказать, что наиболее популярными биржами для наркосбытчиков являются такие, как Binance, KuCoin, Bitflip, Yobit, Exmou, где отсутствует обязательная верификация и транзакции проводятся на условиях анонимности [7, с. 183].

У каждого из участников преступных групп, сообществ и организаций, занимающихся распространением наркотических средств посредством использования мессенджеров, четкое

распределение обязанностей, свое «поле для деятельности». Часто деятельность осуществляется вне зависимости друг от друга, в условиях анонимности и отсутствия личностных контактов между собой.

Закладчик делает тайник необходимой дозой наркотика и отправляет координаты «клада» потенциальному покупателю посредством различных интернет-приложений. Установить месторасположение наркотического средства возможно через такие сервисы, как «Privnote», «Posting», «Radikal», «OneTimeSecret» и другие, позволяющие после прочтения полученных по ссылкам сообщений безвозвратно удалять их через определенный отправителем непродолжительный период времени [8, с. 13].

Покупатель забирает закладку и рассчитывается с помощью различных электронных платежных сервисов: «Яндекс. Деньги», «QIWI-банк», «E-port», «Кукуруза », «PayMaster» и других с использованием виртуальных денег.

В преступной цепочке незаконного оборота наркотиков закладка занимает место одного из низовых звеньев. Низовым его следует считать в связи с тем, что посредством закладки осуществляется практически конечное действие по незаконному обороту наркотического средства, его бесконтактная передача покупателю.

По своему механизму, реализация «закладок» (как способ распространения наркотических средств) осуществляется следующим образом. Этот момент может осуществляться, как до оплаты данной конкретной закладки покупателем, так и после нее. После оплаты оператор или сам закладчик связывается с покупателем и передает ему координаты места нахождения закладки. Как правило, это текстовое описание, а также передача геолокации с точными координатами. Также может направляться фото тайника. Чтобы говорить о наличии в действиях закладчика признаков преступления, необходимо устанавливать именно момент передачи указанных сведений.

Примером вышеизложенного могут быть сведения из материалов уголовного дела № 1-35/2020, где было установлено, что Д.А. Мельников, выполняя роль закладчика, оборудовал тайники с наркотиками и выгружал информацию о них на электронную страницу интернет-магазина, деятельность которого велась на сайте «Hydra». Оплата наркотиков осуществлялась покупателями путем перевода денежных средств с использованием пиринговой платежной интернет-системы. Крупные партии наркотиков Д.А. Мельников получал бесконтактным способом вне города от другого закладчика, который оборудовал тайники бесконтактным способом вне города, в лесных массивах и иных малопосещаемых местах, присылая Д.А. Мельникову сведения о местонахождении наркотиков с указанием географических координат. Согласно установленным настройкам в приложении средств сотовой связи вся переписка преступной группы удалялась по истечении 6 суток [9, с. 68].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить существенную роль мессенджеров, социальных сетей в распространении наркотических средств на современном этапе. Потому как именно информационное сопровождение заключенных сделок купли-продажи наркотических средств можно сопоставить с благоприятной средой для развития преступных схем, препятствующих установлению всех звеньев преступной цепи, всех ее участников.

Так, согласимся с мнением А.Б. Петруниной, которая указывает следующие факторы, отражающие специфику противодействия расследованию преступлений данного вида:

- организованный характер преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков;
- специфику предмета преступного посягательства преступлений этого вида – наркотические средства, психотропные вещества и связанные с ними предметы;
- доступность международного почтового оборота (через Интернет) и иные возможности доставки информации, связанной с осуществлением противодействия;
- специфику субъектов совершения преступлений рассматриваемого вида» [10, с. 24].

Противодействие раскрытию и расследованию рассматриваемые нами категории преступлений направлено на сокрытие характера преступной деятельности, predания отдельным ее формам законности (например, продажа наркотических средств под видом продуктов питания).

На основании вышеизложенного, предлагается следующий комплекс мероприятий, направленных на преодоление противодействия раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотических средств посредством социальных сетей и мессенджеров:

- 1) разработать механизм по деанонимизации (потери анонимного статуса) поставщиков наркотических средств на интернет-площадках, в социальных сетях, мессенджерах;

2) усилить взаимодействие между следователями и оперативными подразделениями «К» МВД России, в полномочия которых входит выявление, пресечение и раскрытие такого рода преступлений, регламентировав вопросы взаимодействия ведомственным нормативным актом;

3) совершенствовать программы дополнительного профессионального обучения, как действующих сотрудников органов внутренних дел, так и обучающихся в образовательных организациях МВД России в области развития цифровых компетенций в сфере профессиональной деятельности;

4) осуществлять постоянный мониторинг и анализ данных, разработать программное обеспечение для сбора и анализа данных о продажах наркотических средств по типу системы «Прозрачный блокчейн»;

5) применять алгоритмы машинного обучения для выявления и блокировки онлайн-контента, связанного с продажей или распространением наркотиков;

6) ускорить документооборот между правоохранительными органами и Росфинмониторингом, в связи с осуществлением незаконного оборота наркотических средств в системе электронных платежей;

7) расширить полномочия сотрудников оперативных подразделений, наделив их правом временного блокирования доступа к интернет сайтам с подозрительным контентом за счет современных технологий (по типу метода Парсинга).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидоренко Э.Л. Наркопреступность в сети Интернет: современные криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 4.

2. О результатах мониторинга наркоситуации и проведения рейтинговой оценки эффективности деятельности муниципальных образований в Ростовской области по реализации государственной антинаркотической политики за 2023 год. URL: <https://www.donland.ru/result-report/2124/> (дата обращения: 01.07.2024).

3. Лебедев С.Я. Цифровая безопасность – цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4(55).

4. Бикеева Е.С. Незаконный оборот наркотиков в Интернете // Пробелы в Российском законодательстве. Юридический журнал. 2019 № 1.

5. Минзянова Д.Ф., Фарахiev Д.М. Инновационный подход к раскрытию и предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в Интернет-пространстве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1(13). Т. 7.

6. Глушков Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2.

7. Тимофеев С.В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств: проблемы противодействия и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4(8).

8. Методика расследования незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов: учебное пособие / С.И. Земцова, О.А. Суров, П.В. Галушин. Красноярск, 2019.

9. Уголовное дело № 1-35/2020 по обвинению Мельникова // Архив Ленинградского районного суда г. Калининграда.

10. Петрунина А.Б. Противодействие расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и криминалистические методы его выявления и преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Sidorenko E.L. Drug crime on the Internet: modern criminological trends // Narcocontrol. 2018. № 4.

2. On the results of monitoring the drug situation and conducting a rating assessment of the effectiveness of the activities of municipalities in the Rostov region in implementing the state anti-drug policy for 2023. URL: <https://www.donland.ru/result-report/2124/> (date of access: 01.07.2024).

3. Lebedev S.Ya. Digital security – a digital criminal legal resource // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2019. № 4(55).
4. Bikeeva E.S. Illegal drug trafficking on the Internet // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2019 № 1.
5. Minzyanova D.F., Farakhiev D.M. An innovative approach to the detection and prevention of crimes in the field of illicit drug trafficking committed on the Internet // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1(13). Т. 7.
6. Glushkov E.L. Sale of narcotic drugs in a non-contact manner via the Internet: ways of identification and disclosure // Problems of law enforcement. 2018. № 2.
7. Timofeev S.V. The use of information and telecommunication technologies in the contactless sale of narcotic drugs: problems of counteraction and ways to solve them // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 4(8).
8. Methodology for investigating the illegal sale of synthetic drugs committed using online stores: textbook / S.I. Zemtsova, O.A. Surov, P.V. Galushin. Krasnoyarsk, 2019.
9. Criminal case № 1-35/2020 on charges of Melnikov // Archive of the Leningradsky District Court of Kaliningrad.
10. Petrunina A.B. Countering the investigation of crimes in the field of drug trafficking and forensic methods of identifying and overcoming it: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьян Екатерина Николаевна, адъюнкт адъюнктуры. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ananyan Ekaterina Nikolaevna, Adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правовед. 2024. № 3(110). С. 100–106.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 100–106.

Научная статья

УДК 343.01

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Антонченко Вадим Викторович

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России, Владивосток, Российская Федерация

antovadim@yandex.ru

Введение: восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания обладает системными неустранимыми дефектами понимания, обусловленными невозможностью корректного и однозначного применения терминов доктрины естественного права в рамках доминирующего сегодня юридического позитивизма.

Материалы и методы: в статье использованы общенаучные и специальные методы познания: метод описания и интерпретации, универсальный диалектический метод познания объективной реальности, а также ценностно-правовой подход.

Результаты исследования: понятие справедливости относится не к правовой, а к психоэмоциональной сфере общественного бытия и этике, регулирование которых средствами уголовного права является проблематичным. Термин «социальная справедливость» также чужд области уголовного права, поскольку он характеризует приемлемые в обществе принципы распределения благ и защиты обделенных данными благами индивидов, т. е. связан с социологическим и политологическим знанием. Обладая указанными свойствами, термин «восстановление социальной справедливости», применяемый для обозначения одной из целей наказания, призван скрыть суть наказания, которая сегодня состоит в возмездии преступнику за причиненный преступлением вред. Вместе с тем возмездие (месть, кара) как причинение ответного вреда не является ни эффективным, ни рациональным методом борьбы с преступностью.

Выводы и заключения: уголовно-правовое воздействие должно делать акцент не на наказании (которое как средство исправления не исключается, но должно соответствовать современным представлениям о гуманизме и правах человека), а на возмещении вреда, причиненного преступлением, и предупреждении преступного поведения в будущем.

Ключевые слова: право, законодательство, уголовная политика, преступление, наказание, исправление, справедливость, социальная справедливость, гуманизация.

Для цитирования: Антонченко В. В. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания / В. В. Антонченко // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 100–106.

Original paper

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE AS A PURPOSE OF CRIMINAL PUNISHMENT

Antonchenko Vadim Viktorovich

The Far Eastern Fire and Rescue Academy is a branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russian Federation

Introduction: the restoration of social justice as a goal of criminal punishment has systemic, irremovable defects of understanding due to the impossibility of correct and unambiguous application of the terms of the doctrine of natural law within the framework of today's dominant legal positivism.

Materials and methods: the article uses general scientific and special methods of cognition: the method of description and interpretation, the universal dialectical method of cognition of objective reality, as well as the value-legal approach.

Results of the study: the concept of justice refers not to the legal, but to the psycho-emotional sphere of social life and ethics, the regulation of which by means of criminal law is problematic. The term «social justice»

is also alien to the field of criminal law, since it characterizes the socially acceptable principles of distribution of benefits and the protection of individuals deprived of these benefits, i.e., it is associated with sociological and political science knowledge. Having these properties, the term «restoration of social justice», used to designate one of the purposes of punishment, is intended to hide the essence of punishment, which today consists of retribution to the criminal for the harm caused by the crime. At the same time, retribution (revenge, punishment) as causing retaliatory harm is neither an effective nor a rational method of fighting crime.

Findings and conclusions: criminal law should focus not on punishment (which is not excluded as a means of correction, but must correspond to modern ideas about humanism and human rights), but on compensation for harm caused by the crime and the prevention of criminal behavior in the future.

Keywords: law, legislation, criminal policy, crime, punishment, correction, justice, social justice, humanization.

For citation: Antonchenko V. V. Restoration of social justice as a purpose of criminal punishment / V. V. Antonchenko // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 100–106.

Восстановлению социальной справедливости, как одной из целей уголовного наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ, посвящено немало научных исследований. Понятие справедливости и ее роль в социальных отношениях получило осмысление еще в трудах Ч. Беккариа, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В дореволюционной России этой сфере посвящены работы Н.С. Таганцева, Л.Е. Владимирова, И.Я. Фойницкого. В советское время данную тему изучали Н.А. Беляев, Ю.Д. Блувштейн, И.М. Гальперин, С.Б. Боронбеков, Н.Н. Вопленко, Б.С. Никифоров и др. На диссертационном уровне вопросы справедливости наказания нашли отражение в исследованиях Б.В. Епифанова, Л.Л. Кругликова, В.В. Похмелкина, С.Б. Карамашева. Вместе с тем исследование представлений о справедливости наказания как таковой и социальной справедливости как цели наказания не теряет и, видимо, не потеряет своей актуальности до тех пор, пока совершаются преступления и виновные привлекаются к ответственности.

В уголовном законе дважды упоминается понятие справедливости и один раз – социальной справедливости. Справедливость относится к принципам действующего Уголовного кодекса: в ст. 6 УК РФ указано, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Кроме того, ч. 2 ст. 43 УК РФ устанавливает, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений; ч. 1 ст. 60 УК РФ определяет, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание¹.

Справедливость является базовым понятием доктрины естественного права, которая признает за индивидом высшие права, действующие для него по факту рождения и не зависящие от государства. Надпозитивный характер права представляется сегодня стержневой идеей для построения цивилизованного общества и государства, вместе с тем право не может существовать вне своей объективированной формы, поэтому естественно – правовой подход не отменяет «позитивизм» как таковой [2, с. 123–131]. Тем не менее, в рамках доминирующей сегодня доктрины позитивистского правопонимания понятие справедливости, не обладая достаточно определенным содержанием, не является в полной мере правовой категорией, представляется оценочным, т. е. не конкретизируемым законодателем и уточняемым при применении уголовного закона [6]. Чрезмерная неопределенность и гибкость подобных оценочных понятий, не обладающих достаточно ясным содержанием, в условиях господствующего нормативизма является препятствием к их практическому использованию, что неизбежно подрывают авторитет права [5, с. 203–208].

Нельзя согласиться с мнением Э. В. Лядова о том, что социальная справедливость является более широким, емким понятием, чем принцип справедливости [13, с. 215–218]. Прилагательное «социальная» отграничивает этот вид справедливости от иных видов (ретрибутивной, дистрибутивной, деонтической, либертарной и т. д.), а, значит, наделяет его особенными признаками в рамках более широкого понятия справедливости как таковой. Социальная справедливость является ключевым понятием этической теории Дж. Роллза и относится к политической философии, рассматривающей сферы законности политической власти, права

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

и обязанности основных институтов общества, приемлемые для социума принципы распределения благ, защиту индивидов, не получающих преимуществ по сравнению с другими людьми и т. п. [17]. Таким образом, понятие социальной справедливости относится к области морали, нравственности и политики более, чем к области права, и еще менее оно относится к области уголовного права и проблеме уголовного наказания.

Рассуждать о том, что уголовное наказание должно восстановить социальную справедливость, попранную в результате совершения преступления, теоретически возможно [22, с. 109], но сложно представить, каким образом наказание может выполнить эту задачу практически: как лишение свободы, штраф или любой иной вид наказания способны восстановить справедливость, нарушенную в результате убийства, изнасилования, причинения вреда здоровью и т. д.? Лишение свободы, также как и, например, отрубание головы преступнику (применявшееся, в частности, в Европе до 1977 г. [26]), совершившему убийство, никаким образом неспособно «восстановить справедливость» или возместить причиненный преступлением вред. Цель такого наказания лежит в иррациональной области психо-эмоциональных реакций родных и близких (а, в случае публичности подобного действия, и толпы, всегда одобряющей такие зрелищные мероприятия [25]), требующих возмездия за совершенное преступное деяние. На обыденном уровне правопонимания, отличающимся бессистемным и поверхностным характером, представление о справедливости в контексте наказания неразрывно связано с понятиями кары, отмщения, воздаяния за содеянное. Между тем, данный принцип, сохранившийся в обыденном как индивидуальном, так и групповом правосознании, современным правом отрицается. Ученые давно согласились с тем, что цивилизованное государство и общество не может мстить преступнику. Одновременно с этим существует мнение, что государство не только имеет право, но и обязано карать, воздавать за причиненный преступным деянием вред [11]. А.А. Тер-Акопов, считает, что цель у наказания одна – справедливое возмездие, полагая формулировку закона о восстановлении социальной справедливости ошибочной [18].

Мсть – это чувство и ответная психо-эмоциональная реакция на то, что потерпевший считает несправедливым, это агрессия, направленная на обидчика. Понятие возмездия этимологически и содержательно родственно понятию мести. Мсть может представлять из себя более жестокие и опасные деяния, чем то, что явилось ее основанием. Примером подобного является обычай кровной мести, не только доминировавший в обычном праве большинства древних народов, но и сохраняющийся в некоторых регионах наряду с публичным правом и в наши дни (Албания, Сербия, Италия, Йемен, Япония, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Грузия, Азербайджан, некоторые национальные республики постсоветского пространства (Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Чечня) [9; 15]. В отличие от мести, возмездие наделяется обыденным сознанием свойствами некоего высшего порядка; человек или государство, совершающие его – лишь инструмент в руках божественной воли, судьбы, провидения: варианты зависят от предпочтений интерпретатора, обладающего склонностью к мистификации реальности, и не отягощенного специальными правовыми и иными знаниями. То, что любое наказание, так или иначе, является мстью преступнику, осознается учеными; при этом одобрение данного подхода к уголовно-правовому воздействию на личность вовсе не исключено [16, с. 29–37].

Э. Фромм справедливо замечает, что агрессивность из мести – это ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или его близким. Но эта реакция не имеет ничего общего с обороной от агрессии: во-первых, если вред уже причинен, то говорить о защите уже поздно; во-вторых, ответная агрессия из мести может отличаться еще большей жестокостью, чем спровоцировавшее ее преступное деяние [19]. Таким образом, мщение преступнику иррационально, оно не достигает и не может достичь цели восстановления социальной справедливости, однако оно вполне способно ожесточить нравы и поднять градус общественного озлобления.

Истории о серийных маньяках, педофилах, растерзанных детях, массовых убийствах и т. п. будоражат общественное мнение и оказывают однозначное воздействие на эмоциональную сферу любого психически здорового индивида. Однако общественная польза такого воздействия представляется сомнительной. Криминальная «невинность» как индивида, так и социума утрачивается и в результате ненужной драматизации подобных девиантных деяний: если подобное существует, значит, оно возможно в реальности и не является табу. Наказание из мести, кары или возмездия должно быть связано со страданием а, значит, жестоким. Возможность таких наказаний (особенно смертной казни) также снимает табу с неприкосновенности

человека, но уже в сознании правопослушных граждан. Легальная возможность установления границ «прикосновенности» к человеку через жестокое наказание, создаваемая государством в индивидуальном и общественном сознании, может видоизменяться, перемещаться и размываться, порождая новые круги ненависти и агрессии.

Несколько тысячелетий существует мнение о полезности наказания. Эта полезность в общественном сознании связывается с представлением о том, что чем жестче наказание, тем эффективнее его общепреентивный эффект. Преступников казнили и калечили многочисленными устрашающими методами: рубили головы, четвертовали, сжигали заживо, сажали на кол, ломали руки и ноги, забивали кнутом и клеймили. На сегодняшний день наука не располагает данными о том, что все эти меры имели какой-либо положительный эффект; преступления не исчезли: как и тысячи лет назад, в наши дни также совершаются убийства, изнасилования, грабежи и иные подобные деяния. Одно это заставляет сделать вывод о том, что общепреентивное назначение наказания как меры, направленной на предотвращение преступлений другими лицами, представляется явно переоцененным. Осознание этого в цивилизованных странах привело, например, к запрету публичного исполнения казней. Так, последняя публичная казнь на гильотине во Франции в 1939 г. была ознaменована крайне непристойным поведением толпы: зрители прорывались через оцепление, чтобы смочить носовые платки в крови казненного для сувениров. Именно после этого публичные казни во Франции, как не сдерживающие преступность, а пробуждающие низменные инстинкты, были запрещены [23].

Частнопреентивное воздействие наказания на преступника сегодня также сложно оценить: в наши дни наука не обладает методами, способными достоверно оценить формирование у личности уважительного отношения к основополагающим нравственным ценностям или искренность раскаяния за совершенное неправомерное деяние. Более того, поскольку раскаяние является личностным психоэмоциональным актом, то вряд ли его можно достичь правовыми средствами. Сами судьи, как показывает их опрос, отрицают исправление как цель уголовного наказания (в отличие от осужденных, 17,1 % которых признают эту цель) [10].

Насильственные преступления против жизни и половой неприкосновенности составляют незначительную долю среди всех деяний, криминализованных законодателем. В структуре преступности большое место занимают неумышленные деяния, а также преступления с формальным составом, при которых наступление вредных последствий неочевидно или вообще отсутствует. В отношении указанных преступлений ни о возмездии, ни о восстановлении социальной справедливости (коль она не нарушена) говорить и вовсе не приходится. Более того, большинство насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного или иного опьянения, которое не позволяет рационально взвесить плюсы и минусы своего поведения. Это же относится к влиянию на деяния человека психических (в том числе кратковременных) расстройств. Данные факторы, явно недооценены криминологами как детерминанты преступного поведения, вместе с этим их роль в условиях тюрьмы существенно возрастает: исследования показывают, что расстройством личности в местах лишения свободы страдают 65% мужчин и 42 % женщин [22]. Эти факты свидетельствуют о том, что превентивная функция наказания, как минимум, несвободна от обоснованной критики.

Сегодня имеются очевидные свидетельства того, что в государствах, где ценность гуманизма осознается социумом, где его принципы воплощены в повседневную жизнь, количество преступлений значительно ниже, чем в иных странах. Существует устойчивая связь: чем жестче уголовная политика, чем тяжелее наказания и хуже условия их отбывания, тем выше в обществе уровень преступности, тем больше совершается тяжких преступлений против личности. Обоснованность данного вывода подтверждается статистически: по данным Управления ООН по наркотикам и преступности, среднее количество умышленных убийств в год на 100 тысяч человек составляет: в Норвегии – 0,51, в Швеции – 1,08, во Франции – 1,35, в США – 5,35, в России – 7,0².

Законность не является элементом или признаком справедливости. Закон имеет, в лучшем случае, лишь некоторое отношение к справедливости. Законными с точки зрения позитивного права было рабство, колониализм, апартеид; законными были геноциды (Индонезия, 1965–1966 гг.; Бангладеш, 1971 г.; Камбоджа, 1975–1979 гг.; Руанда, 1994 г.; Босния и Герцеговина, 1992–1995 гг.; Конго, 1996–1997 гг.). Холокост и геноцид цыган полностью соответствовали немецкому законодательству 1933–1945 гг.; более того, законодательная база для начала преследований цыган была создана задолго до захвата Германии нацистской тоталитарной

² Сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: <https://www.unodc.org/> (дата обращения: 20.08.2023).

диктатурой (Закон Баварии 1926 г. «О борьбе с цыганами, бродягами и туеядцами») [7]. Излишне напоминать о том, что следование подобной «законности» и вытекающей из нее «справедливости» несет многочисленные жертвы среди населения, ведет к деградации общества и разрушению государства.

Представляется, что основные усилия в правоохранительной сфере современное государство должно направлять не на некое «восстановление социальной справедливости», существо которого не способно раскрыть ни законодательство, ни практика правоприменения, а на восстановление прав и защиту интересов лиц, пострадавших от преступления [19, с. 143]. Жесткая позиция правоохранительных органов по пресечению преступлений, эффективные меры по изоляции преступника, предотвращающие совершение им новых преступлений, бескомпромиссность государства в вопросах возмещения причиненного преступлением вреда не имеют никакого отношения ни к благодущию, в котором зачастую обвиняют сторонников гуманизации уголовной политики, ни к мести, возмездию либо восстановлению социальной справедливости. Эта позиция рациональности, именно она соответствует облику современного правового государства и общества, освобожденного от архаичных представлений о борьбе с преступностью.

Назначение справедливого (с точки зрения потерпевшего – достаточно жестокого наказания) является важным исключительно с эмоциональной точки зрения. Насколько эта справедливость с позиции потерпевшего совпадает с ее общественной оценкой, да и со взглядами преступника, которые, коль скоро целью наказания является его исправление, мы обязаны учитывать? Представляется, что компенсация причиненного вреда (хотя бы в той степени, в которой этот вред вообще можно компенсировать) потерпевшему, устранение вредных последствий (если их можно устранить) и ограждение его от преступных посягательств в будущем является более значимым для общества и потерпевшего, чем удовлетворение эмоций. При этом эмоции потерпевшего можно было бы в какой-то степени удовлетворить назначением компенсации в рамках гражданского иска, который надлежит полагать обязательным элементом уголовного дела.

Невозможно не согласиться с тем, что права и интересы потерпевших должны быть восстановлены, материальный и моральный вред возмещен как можно в большем объеме [3, с. 24–34]. Однако сегодня законодательство не содержит правил определения размера компенсации морального вреда, практика же определения его по усмотрению суда неоднозначна, но явным образом свидетельствует о крайне заниженной оценке жизни и здоровья человека. Более того, даже при причинении вреда жизни и здоровью, потерпевшему приходится прилагать значительные (и не всегда достигающие цели) усилия для доказательства причиненных ему нравственных или физических страданий, что вряд ли можно считать надлежащим элементом процесса «восстановления социальной справедливости».

Уголовное право в России сохраняет элементы потестарной культуры в которой человек не принадлежит себе и не является договороспособным, а рассматривается как часть по отношению к государству и обществу [20, с. 3–5]. Государство и общество не могут сегодня и, видимо, не смогут никогда отказаться от наказания как естественной реакции на совершение противоправных действий. Однако, защищая правопорядок, государство должно рационально определить: что есть преступление и каким должно быть наказание. Ушли в прошлое (далеко не везде) калечащие и унижающие человеческое достоинство наказания, реальная действительность не стала от этого менее безопасной. Дальнейшее следование человечества по пути цивилизационного развития требует осознания бессмысленности и бесперспективности любого наказания, причиняющего страдания. Да, подобные наказания могут утешить, но они не в состоянии исправить и ресоциализовать преступника. Устрашение же как метод психологического воздействия неотделимо от озлобления и ожесточения индивида – весьма существенных факторов, не только препятствующих достижению целей наказания, но и провоцирующих рецидивную преступность.

Сила государства – в его способности не только ставить перед собой и обществом общественные цели, но и достигать их. Целью уголовного законодательства и уголовной политики является максимально возможное искоренение (сдерживание) преступности. Для достижения определенного результата борьба с преступностью должна вестись на принципах рациональности и целесообразности. Справедливость наказания всегда связывается с его мерой, т. е. причинением преступнику определенного негативного воздействия на его личность. Такой подход содержит в себе элементы мести и устрашения. Ни то, ни другое не способно воспитать уважительное отношение к человеку и обществу, ресоциализовать

преступника. Представляется, что чем жестче наказание, тем отрицательнее оно воздействует на его правосознание. Этот вывод полностью подтверждается цифрами рецидивной преступности. Рационально и нравственно приемлемым разрешением уголовно-правового конфликта должны быть не мотивы воздаяния, а цель возмещения вреда, причиненного преступлением (хотя бы в той его части, в которой подобное возмещение вообще возможно). При таком подходе на первое место в уголовном процессе выступает не фигура преступника, а личность потерпевшего, интересы которого должны быть защищены в полном объеме.

Предупреждение совершения новых преступлений лицами, уже совершившими какие-либо преступления, не исключает применения к ним средств исправительного и воспитательного воздействия, однако их формат должен быть связан не с наказанием, причиняющим страдания, а с мерами по их изоляции, надзору и контролю. Гуманизация уголовной политики – это не прощение преступника, это гуманизация всего общества, создание в социуме таких условий, которые способствовали бы благотворным изменениям общественного правосознания, пусть не исключая преступность из социальной реальности (поскольку исключить ее вовсе невозможно – слишком разнообразны и многочисленны ее детерминанты), но существенным образом ее сокращающим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов О.А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 5.
2. Антонченко В.В. Право и закон // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 2(22). Т. 6.
3. Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 5.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2023.
5. Беляева О.М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1.
6. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.
7. Брухфельд С., Левин П.А. Цыгане и расистские идеи // Передайте об этом детям вашим... = Om detta me ni berätta. М., 1998.
8. Дементьев С.И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов, 1981.
9. Диасамидзе Г.И. Убийство на почве кровной мести по Советскому уголовному праву (по материалам Аджарской АССР): дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.
10. Карамашев С.Б. Восстановление справедливости как цель уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
11. Карпец И.И. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.
12. Коган В.М. Содержание наказания и его цели // Актуальные проблемы уголовного права. 1988.
13. Лядов Э.В. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12.
14. Махмуд С.М. Уголовная ответственность по мотиву кровной мести в Республике Йемен: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
15. Пилецкий С.Г. Месть и возмездие: социальная эволюция с обратной связью // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2.
16. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева. М., 2010.
17. Тер-Акопов А.А. Нравственность и право: сборник избранных научных статей // Российский военно-правовой сборник. 2005. № 6.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. М., 2007.
19. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М., 2007.
20. Четвернин В.А. Институциональная теория права // Научные исследования лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 13.
21. Яковлев Я. М. Об изучении личности преступника // Советское государство и право. 1962. № 11.
20. Fazel S., Danesh J. (2002) Serious mental disorder in 23 000 prisoners: a systematic review of 62 surveys. 16 February 2002. The Lancet.

23. Ferracci-Porri M. *Beaux Ténibres – La Pulsion du Mal d'Eugène Weidmann*. Editions Normant, 2008.
24. Flanner, Janet (1972), *Paris was Yesterday*, The Viking Press.
25. Mercer, Jeremy (2008), *When the Guillotine Fell*, Saint Martin's Press.

REFERENCES

1. Antonov O.A. Restoring social justice as the goal of implementing criminal liability // *Yurist-Pravoved*. 2009. № 5.
2. Antonchenko V.V. Law and law // *Current problems of state and law*. 2022. № 2 (22). Т. 6.
3. Arendarenko A.V. The principle of social justice in the system of criminal law of the Russian Federation // *Advocate*. 2007. № 5.
4. Beccaria Ch. *On crimes and punishments*. Moscow, 2023.
5. Belyaeva O.M. Valuation concepts and categories in Russian law // *Current problems of economics and law*. 2013. № 1.
6. Brainin Ya.M. *Criminal law and its application*. Moscow, 1967.
7. Bruchfeld S., Levin P.A. *Gypsies and racist ideas // Tell your children about this... = Om detta me ni berätta*. Moscow, 1998.
8. Dementyev S.I. *Imprisonment. Criminal law and correctional labor aspects*. Rostov, 1981.
9. Diasamidze G.I. *Murder based on blood feud according to Soviet criminal law (based on materials from the Adjara Autonomous Soviet Socialist Republic): dis. ... PhD in Law*. Sverdlovsk, 1974.
10. Karamashev S.B. *Restoring justice as the goal of criminal punishment: abstract. dis. ... PhD in Law*. Krasnoyarsk, 2004.
11. Karpets I.I. *Social, legal and criminological problems*. Moscow, 1973.
12. Kogan V.M. *The content of punishment and its goals // Current problems of criminal law*. 1988.
13. Lyadov E.V. *Restoring social justice as the goal of criminal punishment // Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2017. № 12.
14. Mahmud S.M. *Criminal liability based on blood feud in the Republic of Yemen: dis. ... PhD in Law*. Moscow, 1998.
15. Piletsky S.G. *Revenge and retribution: social evolution with feedback // Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2010. № 2.
16. Rawls J. *Theory of Justice* / trans. from English V.V. Tselishcheva. Moscow, 2010.
17. Ter-Akopov A.A. *Morality and law: collection of selected scientific articles // Russian military legal collection*. 2005. № 6.
18. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness* / trans. from English Moscow, 2007.
19. Cherednichenko E.E. *Principles of criminal legislation: concept, system, problems of legislative regulation*. Moscow, 2007.
20. Chetvernin V.A. *Institutional theory of law // Scientific research of the Laboratory of Legal Theory of the National Research University Higher School of Economics*. 2013. № 13.
21. Yakovlev Ya. M. *On the study of the personality of a criminal // Soviet state and law*. 1962. № 11.
22. Fazel S., Danesh J. (2002) *Serious mental disorder in 23,000 prisoners: a systematic review of 62 surveys*. 16 February 2002. *The Lancet*.
23. Ferracci-Porri M. *Beaux Ténibres – La Pulsion du Mal d'Eugène Weidmann*. Editions Normant, 2008.
24. Flanner, Janet (1972), *Paris was Yesterday*, The Viking Press.
25. Mercer, Jeremy (2008), *When the Guillotine Fell*, Saint Martin's Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по учебно-научной работе. Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 690922, Российская Федерация, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 27.
ORCID: 0000-0002-0319-562X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonchenko Vadim Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head. The Far Eastern Fire and Rescue Academy is a branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 27, Ajax village, Russky Island, Vladivostok 690922 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 107–112.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 107–112.

Научная статья

УДК 343.13

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДКА ИЗБРАНИЯ ЗАЛОГА В ОТНОШЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО

Болдырева Элеонора Арменовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

elchonok007@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты основания и порядка избрания в отношении обвиняемого такой меры пресечения, как залог, анализируются проблемные аспекты реализации и разрабатываются некоторые пути ликвидации законодательных пробелов в исследуемой области.

Материалы и методы: правовую основу исследования образуют нормы действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующие основания и порядок реализации залога, как меры пресечения.

Методологической основой исследования служит общий диалектический метод научного познания, являющийся универсальным, методы сравнения, анализа, описания, обобщения, дедукции и индукции.

Результаты исследования: удалось опередить теоретическую и практическую значимость необходимости восполнения законодательных пробелов, возникающих при избрании залога в качестве меры пресечения по отношению к обвиняемому.

Выводы и заключения: российское законодательство требует разработки четких регламентаций отдельных положений по рассматриваемой проблеме. При этом нет механизма внедрения научных разработок в исследуемом вопросе к практическому применению. Немногие научные исследователи, такие как Н.Е. Краснова, Н.М. Патока, А.И. Порошев посвятили свои труды исследуемой проблематике. Однако в этих разработках рассматривались отдельные, фундаментальные положения применения залога. А нарастающие тенденции к расширению практики применения залога требуют всестороннего исследования проблем, с учетом существующих правовых реалий, с целью систематизации имеющихся наработок в этой сфере. Считаем целесообразным рассмотрение проблемных аспектов вышеуказанного следственного действия в рамках данного исследования.

Ключевые слова: залог, мера пресечения, принудительные меры, имущество, наложения ареста, процессуальное законодательство.

Для цитирования: Болдырева Э. А. Теоретические и практические аспекты основания и порядка избрания залога в отношении обвиняемого / Э. А. Болдырева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 107–112.

Original paper

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE BASIS AND PROCEDURE FOR THE ELECTION OF BAIL IN RELATION TO THE ACCUSED

Boldyreva Eleonora Armenovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the theoretical and practical aspects of the basis and procedure for electing such a preventive measure as bail against the accused, analyzes the problematic aspects of implementation and develops some ways to eliminate legislative gaps in the area under study.

Materials and methods: the legal basis of the study is formed by the norms of the current criminal procedural legislation of the Russian Federation, regulating the grounds and procedure for the implementation of bail as a preventive measure.

The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal, methods of comparison, analysis, description, generalization, deduction and induction.

Results of the study: it was possible to get ahead of the theoretical and practical significance of the need to fill the legislative gaps that arise when choosing bail as a preventive measure in relation to the accused.

Findings and conclusions: Russian legislation requires the development of clear regulations for individual provisions on the issue under consideration. At the same time, there is no mechanism for introducing scientific developments in the issue under study into practical application. Few scientific researchers, such as N.E. Krasnova, N.M. Patoka, A.I. Poroshev devoted their works to the issues under study. However, these developments considered separate, fundamental provisions for the use of collateral. And the growing trends towards expanding the practice of using bail require a comprehensive study of the problems, taking into account existing legal realities, in order to systematize existing developments in this area. We consider it appropriate to consider the problematic aspects of the above investigative action within the framework of this study.

Keywords: bail, preventive measure, coercive measures, property, seizure, procedural legislation.

For citation: Boldyreva E. A. Theoretical and practical aspects of the basis and procedure for the election of bail in relation to the accused / E. A. Boldyreva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 107–112.

Применение залога регламентировано правовыми нормами, цель которых – создать систему принудительных мер, ограничивающих имущественные права граждан в соответствии с целями и задачами уголовного судопроизводства. Это мера уголовно-процессуального пресечения в сфере имущественных прав, которая реализуется через применение принудительных мер в отношении имущества граждан [5, с. 8]

Действие имущественных правовых норм направлено на организацию деятельности специальных субъектов по использованию и хранению имущества и ценностей, а также их защиты от противоправных посягательств и регулирования общественных отношений в этой сфере.

Как и любая другая мера пресечения залог может быть изменен на более мягкую или более строгую меру при появлении новых обстоятельств для избрания меры пресечения, либо же вообще отменен при прекращении необходимости его применения.

Меры принуждения имущественного характера по уголовно-процессуальному законодательству классифицируются в зависимости от основания их применения:

- меры собственно имущественного характера. В этом аспекте меры делятся на меры пресечения и иные меры. Вот именно к мерам пресечения и относится залог. Но сюда же и относятся личное поручительство или присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), при предусмотренной материальной ответственности при ненадлежащем исполнении обязанностей в ходе применения данных мер. Арест на имущество или штрафные санкции относятся к иным мерам;

- меры имущественного характера, исходящие из процессуального статуса лица, подлежащего к применению меры пресечения. В этом аспекте они делятся на применяемые к обвиняемому (подозреваемому) и применяемые к иным участникам уголовного судопроизводства. К обвиняемым (подозреваемым) применяются залог, личное поручительство, арест имущества и присмотр за несовершеннолетним. Ко второй группе субъектов применяются штрафы;

- меры имущественного характера, определяемые из временных критериев наступления ограничений. Эта формулировка предполагает две формы наступления ограничений. Первая незамедлительная, т. е. действует с момента принятия решения о применении меры пресечения, например, залог. Во втором случае действие меры начинается с момента нарушения обязательств по исполнению тех или иных обязанностей по исполнению меры пресечения, например, личное поручительство [6, с. 28];

- меры имущественного характера, учитывающие последствия их применения. В этом аспекте предполагается двухэтапность действия меры: сначала ограничение имущественных прав, а потом лишение. В отношении залога это выглядит так: при его применении возникает ограничение в правах использования имущества, а в случае нарушения обязательств лишение права – конфискация имущества. Но залог может быть и возвращен в случае надлежащего исполнения всех обязательств в период действия этой меры.

В научных разработках в сфере реализации залога, как меры пресечения, в уголовном судопроизводстве можно встретить некоторые рекомендации по его применению.

Одна из них регламентирует преступления, за совершение которых законодательством РФ предусмотрена имущественная ответственность, а также возможность или предъявление

гражданского иска по совершенному преступлению будут являться основанием для рассмотрения в качестве меры пресечения залога.

Несомненно, если есть основания полагать, что лицо скроется от правосудия или уже предпринимало попытки скрыться, или продолжит преступную деятельность, находясь на свободе, а равно как препятствовало или будет препятствовать судопроизводству путем уничтожения или изменения доказательств, или же путем воздействия на участников процесса, исключает применение залога в качестве меры пресечения.

Критерии к избранию залога в виде меры пресечения: характер деяния, личностные характеристики привлекаемого к ответственности и его материальный статус. Но это основные критерии. Помимо этого, исходя из анализа судебной практики, судами также учитываются возраст и состояние здоровья, семейное и трудовое положение, условия проживания и наличие собственного жилья и т. д.

Принятие дознавателем, следователем, прокурором и судом решения о применении к обвиняемому той или иной меры пресечения – это избрание меры пресечения. А применение меры пресечения – это выполнение процессуальных действий, осуществляемых с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения.

Законодательство РФ допускает исключительные случаи применения мер пресечения по отношению к подозреваемому. Но при этом отводится 10 суток с момента вынесения решения судом о применении меры пресечения, подозреваемому должно быть предъявлено обвинение. Нарушение этих временных норм приводит к немедленной отмене меры пресечения [5, с. 27].

Со стороны должностных лиц, поддерживающих обвинение, для избрания меры пресечения выносится постановление. Суд, учитывая совершенное преступление и обосновывая свое решение, выносит определение о применении той или иной меры пресечения.

Меры пресечения – особые меры процессуального принуждения при производстве по делу, применяемые к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому. Цель применения данных мер – обеспечение успешного предварительного расследования и последующего судебного разбирательства. Их применение ограничивается моментом вступления приговора в законную силу, и они не имеют карательной или воспитательной направленности, т. к. меры пресечения применяются за нарушение того или иного процессуального положения, а не за совершенное противоправное деяние, их нельзя относить и мерам ответственности.

Залог, как альтернатива применению ареста, является одной из семи мер пресечения. Однако процедура принятия залога не регламентирована законодательно.

Одним из преимуществ применения залога является возможность использования залоговых средств для частичной компенсации расходов по розыску и задержанию обвиняемого, в случае если он скроется от правосудия.

Залог пришел в российское уголовное судопроизводство из законодательств западных стран и стал возможен с развитием рыночных отношений. Так, анализ мировой судебной практики показывает, что заключение под стражу отнюдь не панацея обеспечения достижения целей уголовного судопроизводства. И даже наоборот, в большинстве случаев достижению этих целей способствует отсутствие ограничения свободы подозреваемого или обвиняемого.

По сути, при избрании и применении залога происходит некое подобие заключения договора двух, а иногда и трехстороннего. Одной стороной в этом договоре выступает суд, другой – обвиняемый и, в некоторых случаях, залогодатель. Ст. 106 УПК РФ регламентирует пункты данного договора, соглашение по которым должно быть достигнуто сторонами [2]:

- согласовывается залоговая сумма и предмет залога для принятия решения судом о применении данной меры пресечения и вынесения определения о его применении;
- все обстоятельства по делу доведены до обвиняемого и залогодателя, разъяснены сущность обвинения и действия залоговых обязательств. Обвиняемый или залогодатель, в свою очередь, обязуются внести залоговую сумму на депозит суда или предоставить залоговое имущество;
- обязательно согласие обвиняемого или залогодателя на обращение залоговой суммы или имущества в пользу государства при ненадлежащем исполнении обязанностей обвиняемым в период действия меры пресечения в виде залога.

Ход дальнейших действий зависит от того, кто выступает в качестве залогодателя: подозреваемый (обвиняемый) или третье лицо.

В первом случае сначала выносится постановление с обоснованием применения рассматриваемой меры пресечения и размера залога. Суд на основании постановления выносит мотивированное определение с обязательным указанием состава противоправного деяния и обоснованность применения данной меры пресечения. Такой порядок действий обосновывает как само применение залога в качестве меры пресечения, так и его размеры.

Действия при участии третьего лица практически соответствуют действиям при первом варианте. Но третьему лицу необходимо досконально разъяснить все тонкости применения этой меры пресечения: ознакомить с сущностью обвинений, порядок действий по внесению залога, и особенно, возможные последствия при неисполнении обязательств при применении данной меры пресечения. Не предусмотрено законодательно, но на наш взгляд, оптимальным было бы эти разъяснения заканчивать подписью залогодателя об ознакомлении.

Все обязательства подозреваемого (обвиняемого) должны быть отражены сначала в постановлении об избрании меры пресечения, а потом и в определении суда о применении данной меры. Обязательным является предупреждение подозреваемого (обвиняемого) о применении к нему более строгой меры пресечения в случае ненадлежащего исполнения обязательств.

На наш взгляд, предлагаемый порядок действий не совсем корректный. В нем не просматривается принцип состязательности сторон. Целесообразней было бы, если ходатайство об избрании меры пресечения в виде залога исходило бы от подозреваемого (обвиняемого) или от линии защиты. А органы, поддерживающие обвинение, выходили бы с обоснованным ходатайством об избрании меры пресечения, оптимальной с их точки зрения. Суд, рассмотрев оба ходатайства, пришел бы к выводу и принял бы обоснованное и справедливое решение об избрании той или иной меры.

Целесообразным было бы законодательно обязать суды привлекать в судебные заседания по фактам нарушения обязательств залогодателя, в случае если таковым является третье лицо.

Много вопросов вокруг возможности наложения ареста на залоговое имущество и средства. ГПК РФ регламентирует возможность наложения ареста для обеспечения удовлетворения по иску на имущество ответчика и других лиц. Однако для предотвращения возникновения казусов по этому вопросу необходимы, как нам кажется, дополнения в ст. 106 УПК РФ в части закрепления залога как собственности подозреваемого (обвиняемого), а также предусмотреть формулировки, предполагающие возможность использования залога в качестве компенсации материального и морального вреда потерпевшим, при подачи ими искового заявления, и возможность реализации ими права регрессного требования [2].

Новый закон о залоге, несомненно, прогресс в правовых взаимоотношениях в этой сфере. Однако отдельные положения закона вызывают много вопросов и содержат спорные положения. Эффективность применения его в практической деятельности весьма сомнительна. Большинство исследователей в качестве основного недостатка нового закона рассматривают его несостоятельность в плане применения в отношении преступлений тяжкого и особо тяжкого составов.

Более глубокая разработка нового закона, регламентировавшая бы его применение по разным видам преступлений, позволила бы снизить количество обращений в суд со стороны потерпевших ввиду мягкости принятого судебного решения по совершенным в отношении них преступлениям. Мнение потерпевших при принятии решений судами и вынесении ими приговоров должно учитываться и по преступлениям небольшой и средней тяжести, в случаях избрания мер пресечения, не связанных с ограничением свободы, в соответствии с прогрессирующей тенденцией исключения излишнего рвения в применении ограничивающих свободу санкций [7, с. 34].

Полагать, что суды будут при каждом рассмотрении анализировать положения нового закона – не логично. Положения принятого закона будут применяться наравне с другими процессуальными нормами. Это может привести к самым негативным последствиям.

На наш взгляд, пробелами нового закона воспользуются многие преступные деятели. Они внесут любые средства для того чтобы оказаться на свободе. А за этим последуют либо новые преступления, или они скроются от правосудия.

На свободе эти же преступные элементы будут предпринимать попытки к уничтожению или трансформированию доказательственной базы. Но самое опасное – это возможность воздействия на участников судопроизводства. В зависимости от тяжести противоправного деяния, формы таких воздействий будут весьма вариативны и криминальны. Возможно это

будет подкуп должностного лица или свидетеля, это самое минимальное, что может угрожать участнику. Но ведь возможны шантаж, воздействие через похищение или угрозы родственникам. В самом пиковом случае – меры физического воздействия, вплоть до устранения. Результатом таких противоправных действий будет нарастание количества уголовных дел, обвинение в суде по которым станет несостоятельным.

Есть мнение, что для расширения количества залогодателей и укрепления института залога было бы целесообразным закрепить помимо моральной еще и гражданскую ответственность подозреваемого (обвиняемого) перед залогодателем. Как видится исследователям, эта ответственность необходима в случаях конфискации имущества залогодателя по фактам неисполнения обязательств подозреваемым (обвиняемым) в период действия залога. Для закрепления гражданской ответственности предусмотрен договор, заключаемый до внесения залога.

Считаем, что одним из целесообразных решений было бы принятие положений о страховании залогового имущества или средств в случаях, когда в качестве залогодателя выступает третье лицо. Понижения рисков задействования своих материальных средств в сомнительных предприятиях как раз бы и снизило страхи людей по внесению залогов за знакомых, друзей, родственников. Однако особенности страхового бизнеса в нашей стране могут привести к непомерным суммам страхового взноса для получения страховой премии по возникшим обстоятельствам. В этом случае необходимо определить фиксированный размер страхового взноса, например, в процентном отношении от залоговой суммы. В нашем понимании это наиболее эффективный способ развития института залога в стране.

Одной из отрицательных сторон нового закона о залоге выступает то, что потерпевшие не станут обращаться с заявлениями в правоохранительные органы о совершенных в отношении них противоправных деяниях, и это происходит уже сейчас. Законодательно необходимо закрепить норму, в которой будет предусмотрено, что залог в качестве меры пресечения по тяжким и особо тяжким делам применяться не должен.

Финальным замечанием к новому закону будет то, что в нем не предусмотрены возможности учета мнения потерпевшего при применении залога в виде меры пресечения. Необходимо законодательно вменить судам в обязанность учитывать мнение потерпевшего при применении меры пресечения залог в новой редакции закона. В этом же ракурсе необходимо внести дополнения и в ст. 106 УПК РФ.

Все вышесказанное говорит о том, что новый закон о залоге не совершенен. Многие его положения спорные, не точные, требующие серьезной доработки и переработки. Залог – это мера пресечения, направленная не на саму личность, а на материальные блага, ограничению подвергаются имущественные права, а не личные. Залог не несет никаких гарантий надлежащего исполнения обязательств подозреваемым (обвиняемым) и не исключает возможностей скрыться от правоохранительных органов и суда. Действие этой меры пресечения основано на страхе утраты своих материальных благ и материальных благ залогодателя при невыполнении стандартов поведения, определенных должностными лицами или судом. Это мера не столько физического, сколько морально-психического воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Попова С.Е. Участие суда в выборе и применении мер пресечения. Краснодар, 2020.
4. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Тамирова С.И. Актуальные проблемы и особенности применения мер уголовно-процессуального пресечения // Адвокатские вести. 2018. № 8.
6. Цуканова С.Е. Применение мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

7. Шаталова Н.А. Применение залога следователями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-FKZ, dated 30.12.2008 № 7-FKZ, dated 05.02.2014 № 2 -FKZ, dated 21.07.2014 № 11-FKZ) // Collections of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 30.03.2015) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (part I). Art. 4921.
3. Popova S.E. Participation of the court in the selection and application of preventive measures. Krasnodar, 2020.
4. Ryzhakov A.P. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. Tamirova S.I. Current problems and features of the application of measures of criminal procedural suppression // Lawyer news. 2018. № 8.
6. Tsukanova S.E. Application of measures of procedural coercion: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Moscow, 2019.
7. Shatalova N.A. Application of bail by investigators of internal affairs bodies: abstract. dis. ... PhD in Law. St. Petersburg, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болдырева Элеонора Арменовна, преподаватель кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boldyreva Eleonora Armenovna, lecturer of the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 113–118.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 113–118.

Научная статья

УДК 336.221

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАС РФ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ НА ТОРГАХ

Брюхнов Александр Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

lexandr@mail.ru

Королевская Ольга Ивановна

Российский государственный университет правосудия, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

olay_2002@list.ru

Напханенко Игорь Павлович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Nip1966@yandex.ru

Введение: в соответствии со Стратегией развития экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 № 208, предотвращение картельных сговоров является одной из основных задач государства в сфере экономики.

Материалы и методы: основной научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий.

Методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно правовой анализ научной и специальной литературы и др.

Результаты исследования: рассматриваются особенности правоприменительной деятельности Федеральной антимонопольной службы России, судебная практика рассмотрения дел, связанных с нарушением антимонопольного законодательства на торгах, заключением картельных соглашений хозяйствующими субъектами.

Выводы и заключения: не допускается расширительное толкование норм закона, устанавливающих исключение для определенных участников закупочных процедур и торгов. Презумпции и фикции не могут быть положены в основу доказывания существования картельного сговора. Запрет «per se», используемый в разъясняющих актах антимонопольных органов, не отменяет доказывания вышеуказанных фактов картельного сговора.

Ключевые слова: картельный сговор, торги, антимонопольное законодательство, ответственность.

Для цитирования: Брюхнов А. А., Королевская О. И., Напханенко И. П. Особенности деятельности ФАС РФ в сфере регулирования и защиты конкуренции на торгах / А. А. Брюхнов, О. И. Королевская, И. П. Напханенко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 113–118.

Original paper

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL ANTIMONOPOLY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF REGULATION AND PROTECTION OF COMPETITION AT AUCTIONS

Bryukhnov Alexander Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Korolevskaya Olga Ivanovna

Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation

Napkhanenko Igor Pavlovich

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in accordance with the Strategy for the Development of Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208, the prevention of cartel agreements is one of the main tasks of the state in the economic sphere.

Materials and methods: the main scientific article was the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals.

Methods: historical, comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.

Results of the study: the peculiarities of law enforcement activities of the Federal Antimonopoly Service of Russia, judicial practice of considering cases related to violation of antimonopoly legislation at auctions, and the conclusion of cartel agreements by business entities are considered.

Findings and conclusions: a broad interpretation of the law that establishes an exception for certain participants in procurement procedures and tenders is not allowed. Presumptions and fictions cannot be used as the basis for proving the existence of a cartel agreement. The «per se» prohibition used in explanatory acts of antimonopoly authorities does not cancel the proof of the above facts of cartel agreement.

Keywords: cartel agreement, bidding, antimonopoly legislation, liability.

For citation: Bryukhnov A. A., Korolevskaya O. I., Napkhanenko I. P. Features of the activities of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation in the field of regulation and protection of competition at auctions / A. A. Bryukhnov, O. I. Korolevskaya, I. P. Napkhanenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 113–118.

Административно-правовое регулирование деятельности хозяйствующих субъектов преобладает в постоянной трансформации, что затрагивает не только правовое поле, под которым мы понимаем законодательную регламентацию отношений участников рынка, но и правоприменительную практику судов и Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС РФ). Правовое регулирование в рамках принятого в 2023 г. «пятого антимонопольного пакета» затронуло сферу цифровых рынков и деятельности маркетплейсов. Согласно данным ФАС РФ, некоторым крупным компаниям уже были выданы предупреждения о прекращении навязывания кабальных условий контрагентам. Вектор антиконкурентных правонарушений сместился в сторону цифровых технологий не только с учетом недобросовестных действий и злоупотреблений доминирующим положением на рынке цифровых торговых площадок, иные экономические процессы также подвержены цифровизации. В связи с этим был принят Федеральный закон от 04.08.2023 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Данный закон внес изменения в примечания 4 к статье 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), согласно которымотягчающим обстоятельством при заключении картельного соглашения является использование программы, в автоматическом режиме совершающей действия или принимающей решения без участия человека.

В настоящее время на рассмотрении Государственной Думы РФ находится законопроект, подготовленный ФАС РФ, касающийся усиления уголовной ответственности за картельные преступления.

Согласно данным ФАС РФ, в 2023 г. картельные сговоры были выявлены в 72 субъектах РФ. Указанные правонарушения совершаются на рынках дорожного строительства, фармацевтики, продуктов питания и в жилищно-коммунальной сфере. В 2023 г. минимальная (начальная) цена контрактов, которая устанавливалась при проведении торгов, в ходе которых были выявлены нарушения антимонопольного законодательства, составила 52 млрд рублей, всего было вынесено 32 решения по таким делам, остальные еще находятся в производстве. ФАС РФ указывает на практику выявления нарушений законодательства в сфере защиты конкуренции, в том числе и в секторе национальных проектов [1].

В настоящее время ФАС РФ создает информационную систему «Антикартель» и подготовила предложения по установлению ответственности для участников торгов за предоставление недостоверных сведений и мнимых контрактах в целях подтверждения опыта или для оценки заявки. ФАС РФ начал работу над ведением реестра предоставленных недостоверных договоров.

Наличие антикартельного соглашения подтверждается следующей совокупностью фактов: соглашение между хозяйствующими субъектами в письменной или устной форме, изменения ценовых стратегий в ходе торгов, причинно-следственная связь между достижением соглашения и результатами торгов, негативное влияние на конкуренцию. Не следует квалифицировать

деяние, как заключение картельного соглашения на торгах, что является правонарушением в сфере конкурентных отношений и запрещено соответствующим законодательством, если не доказана вышеуказанная совокупность фактов. Отметим, что прямой формулировки «негативное влияние на конкуренцию» в данном случае не используется законодателем в качестве основного фактора по таким делам, т. к. в силу закона картельные соглашения запрещены, если влияют на ценовую политику, ведут к разделу товарного рынка, сокращению производства товара или отказу от заключения договоров с определенными продавцами или заказчиками. Однако данные последствия негативно влияют на конкуренцию.

Верховный суд РФ указывает на необходимость выяснения реальных условий заключения сделки, в том числе, не обусловлено ли поведение субъектов одинаковой оценкой рыночной ситуации или иными экономическими факторами [2].

Согласимся с мнением О.А. Беляевой, что презумпции и фикции не могут быть положены в основу доказывания существования картельного сговора [3]. Запрет *per se*, используемый в разъясняющих актах антимонопольных органов, не отменяет доказывания вышеуказанных фактов картельного сговора. Данный запрет упоминается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 12-П, как обладающий безусловной степенью и к нему отнесены соглашения, связанные с установлением или поддержанием цен, надбавок и доплат на торгах, иные картельные сговоры [4]. Конституционный Суд также указал на пагубное влияние подобных действий, сговоров и соглашений на публично значимые отношения, связанные с конкуренцией.

На практике конкретные действия хозяйствующих субъектов сложно определить как картельный сговор, как в части установления цены на торгах, так и при последующем заключении вертикальных соглашений. Например, ФАС РФ усмотрел в действиях хозяйствующих субъектов при участии в закупках работ по реконструкции здания следующее:

- участники отказались от конкурентной борьбы. Один из участников предложил цену в размере начальной минимальной цены контракта, но не подтвердил квалификацию, что позволило второму участнику побелить при снижении цены;
- участники подали заявки с незначительной разницей во времени;
- оба субъекта использовали единую инфраструктуру для ведения хозяйственной деятельности, т. к. входили в группу лиц на основании договора консорциума.

В результате обжалования решения ФАС РФ, кассационная инстанция поддержала выводы суда первой инстанции о том, что причиной подобного поведения стала низкая рентабельность работ, соответственно, здесь усматривался риск признания торгов не состоявшимися в отсутствие иных заявок, на основании чего один участник пригласил другое общество, которое входило с ним в одну группу, при этом начальная минимальная цена контракта совпадала с себестоимостью работ – этот факт был подтвержден экспертизой. Таким образом, действия участников не позволяли им извлечь выгоду и не повлияли на конкуренцию. Постановлением суда был подчеркнут формальный подход к оценке действий участников закупки [5].

В то же время в судебной практике есть решение, связанное с привлечением к ответственности двух акционерных обществ, которые входили в одну группу и совместно участвовали в аукционах для поддержания выгодной цены контракта. Согласно материалам дела, выполнение работ по объектам, являющимся предметом закупок, было начато до проведения открытых аукционов в электронной форме. В апелляционной жалобе акционерные общества ссылались на иммунитет, который предоставляется лицам, входящим в одну группу при условии, что одно из них находится под контролем другого или под контролем одного лица, либо органа, осуществляющего функции исполнительного органа юридического лица. Однако в судебном порядке законный иммунитет не был доказан ни по одному из критериев в отношении обществ, обвиняемых в заключении картельного соглашения. Заявители обратились в Конституционный Суд РФ с жалобой о проверке конституционности ч. 8 ст. 11 и п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции». В Постановлении по этому делу Конституционный Суд РФ подтвердил конституционность обжалуемых законодательных положений и отметил, что статья 11 Федерального закона «О защите конкуренции», устанавливающая иммунитет, не подлежит расширительному толкованию. Интересным представляется заключение Конституционного Суда РФ о том, что в данном случае участие в торгах в подобной форме при неконкурентном участии не является единственно возможной стратегией для хозяйствующих субъектов, и факт нераспространения на них законного иммунитета не может рассматриваться как дискриминация или несоразмерное ограничение прав.

Административная практика ФАС РФ в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд охватывает не только картельные сговоры, но и иные правонарушения в сфере действия федерального законодательства о контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Например, заказчик не должен указывать в проектной документации конкретный товарный знак строительных материалов без условия о возможности применения аналогичных товаров. В Постановлении ФАС России от 26.04.2024 по делу № 28/04/7.30-1013/2024 указано, что при проведении открытого конкурса в электронной форме на право заключения контракта на выполнение работ по ремонту фасадов административного здания заказчик в проектной документации установил указание на товарные знаки «Ceresit», «Группа компаний «БИРСС» без условий о возможности использования эквивалентных товаров, что нарушает законодательство о контрактной системе. Предполагаем, что указанное в практике правонарушение косвенно влияет на ограничение конкуренции.

Постановлением ФАС России от 11.04.2024 по делу № 28/04/7.31.1-895/2024 был привлечен к административной ответственности оператор электронной площадки, который направил участнику закупки недостоверные сведения в части присвоенных баллов. Оператором электронной площадки в адрес участника конкурса направлено уведомление о том, что по результатам рассмотрения первых частей заявок ему присвоено 40 баллов. Вместе с тем в протоколе рассмотрения и оценки первых частей заявок содержатся иные сведения, что является нарушением со стороны оператора.

Вопрос о малозначительности деяния в данном случае попадает в предмет административного усмотрения сотрудников ФАС РФ, уполномоченных рассматривать дела об административном правонарушении. Следует исследовать обстоятельства дела и установить условия, при которых присваивались баллы участникам закупки и сроки устранения нарушений оператором электронной площадки.

Среди правонарушений, совершаемых заказчиками, следует отметить установление даты окончания срока подачи заявок на участие в закупке на нерабочий день в нарушение законодательства о контрактной системе. С одной стороны, возникает вопрос – насколько данное обстоятельство мешает проведению открытого конкурса и причиняет ущерб участникам закупки, не является ли оно малозначительным, с другой стороны – усматривается прямое нарушение п. 21 ч. 1 ст. 42 Закона о контрактной системе.

В своей практике ФАС РФ указывает, что наличие опыта выполнения работ по строительству объектов капитального строительства не может быть подтвержден договором субподряда. Необходимые документы для подтверждения опыта выполнения работ содержатся в Постановлении Правительства РФ, в соответствии с которым при выполнении работ по строительству объекта капитального строительства требуется опыт исполнения договора строительного подряда. Подтверждающим документом является исполненный договор, акт приемки объекта капитального строительства, разрешение на ввод объекта капитального строительства в эксплуатацию.

В Постановлении ФАС России от 21.03.2024 по делу № 28/04/7.30-212/2024 указано, что в качестве подтверждающих опыт документов победителем закупки были предоставлены копии договора на выполнение подрядных работ, заключенных между ООО «Регстрой» и победителем, акт о завершении работ по договору подряда и разрешение на ввод объекта, выданного казенному предприятию, который не являлся заказчиком по договору. Заказчиком выступал генеральный подрядчик – ООО «Регстрой». ФАС РФ отмечает, что если победитель выполняет отдельные этапы и виды работ в качестве субподрядчика, то предоставленный им договор субподряда не может свидетельствовать о наличии опыта выполнения работ по строительству и реконструкции объекта капитального строительства.

В данном случае возникает вопрос о правовой квалификации договора субподряда, который по смыслу статей Гражданского кодекса РФ относится к договору подряда. Считаем, что для принятия решения о ненадлежащей документации или недостаточности опыта в подобном случае надлежит исследовать договор на предмет объема выполненных субподрядчиком работ.

Следует отметить, что при проведении открытого конкурса по государственному заказу для заключения договора подряда не следует устанавливать требования по нескольким позициям, если речь идет о выполнении монтажно-строительных работ по договору подряда, касающегося объекта капитального строительства. Такой подход, установленный подзаконным актом высшего органа исполнительной власти, нам видится верным в силу сложности

и объема выполняемых работ и необходимости достигнуть соответствия всем законодательным нормам, установленным для выполнения строительного подряда такого рода.

Следующим нарушением со стороны заказчиков при проведении открытого конкурса в электронной форме является не включение в проект контракта обязательного условия об уменьшении суммы, которая выплачивается исполнителю на размер обязательных платежей в бюджетную систему России. Данное условие является обязательным и его игнорирование может привести к административной ответственности за неисполнение требований законодательства, регулирующего контрактную систему.

В данном исследовании выявлены основные черты и направления деятельности ФАС РФ по борьбе с картелями и особенности правоприменительной практики антимонопольного органа при выявлении нарушений со стороны заказчика при проведении торгов и аукционов для государственных и муниципальных нужд. В ходе проведенного анализа судебной практики и правоприменительной практики ФАС РФ в сфере противодействия правонарушениям, связанным с контрактной системой для государственных и муниципальных нужд, следует отметить, что административное усмотрение сотрудников ФАС РФ находится в пределах, установленных не только санкциями процессуальных кодексов, но и федерального законодательства, регулирующего порядок проведения торгов и аукционов, в том числе организуемых в электронной форме на соответствующих площадках. Суды при оценке доказательств картельного сговора исходят во избежание формального подхода из необходимости определения конкретных обстоятельств дела и оценки рынка, а также определения уровня рентабельности сделки в рамках закупок для государственных и муниципальных нужд. При этом необходимо понимать, что не допускается расширительное толкование норм закона, устанавливающих исключение для определённых участников закупочных процедур и торгов. Презумпции и фикции не могут быть положены в основу доказывания существования картельного сговора. Запрет «*per se*», используемый в разъясняющих актах антимонопольных органов, не отменяет доказывания вышеуказанных фактов картельного сговора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сайт ФАС РФ. URL: <https://fas.gov.ru/tags/1/> (дата обращения: 28.05.2024).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Беляева О. Картельный сговор в закупке: доказательства и фикции // Прогосзаказ.рф. 2022. № 4.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 12-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202303310001> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Постановление АС Московского округа от 02.11.2023 по делу № А40-248476/2022. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Постановление ФАС России от 26.04.2024 по делу № 28/04/7.30-1013/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
7. Постановление ФАС России от 25.04.2024 по делу № 28/04/7.30-1003/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
8. Постановление ФАС России от 11.04.2024 по делу № 28/04/7.31.1-895/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
9. Постановление ФАС России от 25.04.2024 по делу № 28/04/7.30-1018/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
10. Постановление ФАС России от 10.04.2024 по делу № 28/04/7.30-923/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
11. Постановление ФАС России от 21.03.2024 по делу № 28/04/7.30-212/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
12. Постановление ФАС России от 07.03.2024 по делу № 28/04/7.30-586/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
13. Постановление ФАС России от 20.03.2024 по делу № 28/04/7.30-635/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).

REFERENCES

1. Website of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation. URL: <https://fas.gov.ru/tags/1/> (date of access: 28.05.2024).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.03.2021 № 2 «On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by courts». URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
3. Belyaeva O. Cartel collusion in procurement: evidence and fiction // Progoszakaz.rf. 2022. № 4.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.03.2023 № 12-P. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202303310001> (date of access: 01.02.2024).
5. Resolution of the Moscow District Court dated 02.11.2023 in case № A40-248476/2022. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
6. Resolution of the FAS of Russia dated 26.04.2024 in case № 28/04/7.30-1013/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
7. Resolution of the FAS of Russia dated 25.04.2024 in case № 28/04/7.30-1003/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
8. Resolution of the FAS of Russia dated 11.04.2024 in case № 28/04/7.31.1-895/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
9. Resolution of the FAS of Russia dated 25.04.2024 in case № 28/04/7.30-1018/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
10. Resolution of the FAS of Russia dated 10.04.2024 in case № 28/04/7.30-923/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
11. Resolution of the FAS of Russia dated 21.04.2024 in case № 28/04/7.30-212/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
12. Resolution of the FAS of Russia dated 07.04.2024 in case № 28/04/7.30-586/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).
13. Resolution of the FAS of Russia dated 20.04.2024 in case № 28/04/7.30-635/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брюхнов Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Королевская Ольга Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Российский государственный университет правосудия. 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

Напханенко Игорь Павлович, кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bryukhnov Alexander Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Korolevskaya Olga Ivanovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Russian State University of Justice. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Naphanenko Igor Pavlovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Engineering. 2, Rostov Infantry Regiment square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 119–124.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 119–124.

Научная статья

УДК 343.41

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЯХ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Бунова Ирина Ивановна

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация

bynva@rambler.ru

Введение: экспоненциальная цифровизация внесла значительные коррективы в обеспечение неприкосновенности частной жизни человека в современных условиях. Уголовное право призвано гарантировать человеку неприкосновенность его частной жизни, которая в силу эволюционирования современных способов совершения преступлений (посредством использования цифровых технологий) не позволяет чувствовать себя защищенным. Цифровой прогресс порождает неопределенность в применении отдельных норм уголовного права (ст. 137 УК РФ) и требует внесения своевременных изменений в нормативные акты, позволяющие эффективно сдерживать рост преступности.

Материалы и методы: определены кругом решаемых научных задач, которые ориентированы на выявление теоретических проблем в части обеспечения уголовно-правовых гарантий неприкосновенности частной жизни человека, правильное разрешение которых будет способствовать положительной динамике правоприменительной практики. При подготовке статьи применялся общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, познавательные и сравнительно-правовые методы. Проведен анализ российского законодательства, судебной практики, научных трудов ряда исследователей.

Результаты исследования: автором исследованы вопросы обеспечения уголовно-правовых гарантий неприкосновенности частной жизни человека в современных условиях цифровизации общества. Выявлены наиболее распространенные формы собирания сведений о частной жизни потерпевшего. Проанализировано действующее законодательство, отмечены тенденции увеличения санкций за совершение преступлений, нарушающих неприкосновенность частной жизни, в части защиты персональных данных личности. Проанализированы мнения ученых, исследовавших обозначенную проблему. Сформулированы и обоснованы предложения по совершенствованию законодательства.

Выводы и заключения: представленный материал лишь частично отражает глубину назревшей проблемы и перспективу масштабных негативных общественно-опасных последствий, которые могут повлечь нарушение незыблемости гарантий неприкосновенности частной жизни человека в условиях всемирной цифровизации общества. Представляется целесообразным подвергнуть комплексному анализу возникшие противоречия между возможностями действующего законодательства и ограничениями их реализации в современной правоприменительной практике. Предложено внести уточнение в содержание ст. 137 УК РФ.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, права человека, персональные данные, уголовно-правовые гарантии, цифровизация общества.

Для цитирования: Бунова И. И. Об уголовно-правовых гарантиях неприкосновенности частной жизни человека в современных условиях цифровизации общества / И. И. Бунова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 119–124.

Original paper

ON CRIMINAL LEGAL GUARANTEES OF HUMAN PRIVACY IN MODERN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Bunova Irina Ivanovna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: exponential digitalization has made significant adjustments to ensuring the inviolability of human privacy in modern conditions. Criminal law is designed to guarantee a person the inviolability of his private life, which, due to the evolution of modern methods of committing crimes (through the use of digital technologies), does not allow one to feel protected. Digital progress gives rise to uncertainty in the application of certain norms of criminal law (Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation) and requires timely amendments to regulations that can effectively curb the growth of crime.

Materials and methods: are determined by the range of scientific problems to be solved, which are aimed at identifying theoretical problems in terms of ensuring criminal-legal guarantees of the inviolability of human privacy, the correct resolution of which will contribute to the positive dynamics of law enforcement practice. In preparing the article, the general dialectical method of scientific knowledge was used, as well as the methods of logical deduction, induction, analysis, cognitive and comparative legal methods. An analysis of Russian legislation, judicial practice, and scientific works of a number of researchers was carried out.

Results of the study: the author has studied the issues of ensuring criminal-legal guarantees of the inviolability of a person's private life in the modern conditions of digitalization of society. The most common forms of collecting information about the private life of the victim have been identified. The current legislation has been analyzed, trends in increasing sanctions for committing crimes that violate the inviolability of private life, in terms of protecting personal data of an individual, have been noted. The opinions of scientists who have studied the designated problem have been analyzed. Proposals for improving the legislation have been formulated and substantiated.

Findings and conclusions: the presented material only partially reflects the depth of the pressing problem and the prospect of large-scale negative socially dangerous consequences that may entail a violation of the inviolability of guarantees of the inviolability of a person's private life in the context of the global digitalization of society. It seems appropriate to subject to a comprehensive analysis the contradictions that have arisen between the possibilities of the current legislation and the limitations of their implementation in modern law enforcement practice. It is proposed to clarify the content of Art. 137 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: privacy, human rights, personal data, criminal law guarantees, digitalization of society.

For citation: Bunova I. I. On criminal legal guarantees of human privacy in modern conditions of digitalization of society / I. I. Bunova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 119–124.

Процессы стремительного проникновения цифровых технологий в жизнедеятельность человека, несомненно, оказывают влияние на трансформацию общественных отношений, образ жизни каждого отдельно взятого индивида. В связи с этим возникает закономерный вопрос о гарантиях, посредством которых каждый человек сможет полноценно реализовать в реалиях сегодняшнего дня свои личные права на неприкосновенность частной жизни.

Основным гарантом обеспечения личного права человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну выступает Конституция Российской Федерации (ст. 23). Уголовно-правовая охрана права человека обеспечивается статьей 137 УК РФ. В случае ее нарушения посредством преступного посягательства предусмотрена уголовная ответственность.

Уголовно-правовые гарантии неприкосновенности частной жизни человека обеспечиваются комплексной системой соблюдения уголовно-правовых условий охраны, обеспечения и реализации данного права.

Вопросу уголовно-правовых гарантий неприкосновенности частной жизни лица, как одному из наиболее актуальных в современных условиях цифровизации общества, уделяется особое внимание, как на теоретическом, так и практическом уровне. Ведущие ученые и практикующие юристы вносят свои конструктивные предложения по вопросу охраны персональных данных человека, разрабатывают механизмы реализации и полноценного обеспечения его прав в сфере неприкосновенности частной жизни.

В своем суждении В.Д. Зорькин совершенно верно отметил, что «люди не успевают за происходящими изменениями в эпоху цифровизации, не могут адекватно воспринимать происходящие изменения, в том числе и в праве» [3, с. 12].

В то время как динамичное развитие информационно-цифрового пространства открывает все новые возможности для доступа и использования преступным элементом персональных данных человека, правоприменителю становится все сложнее обеспечить гарантированную государством неприкосновенность его частной жизни. Особо негативным моментом на сегодняшний день служит публичное распространение сведений посредством цифровых платформ и социальных сетей, ориентированных на широкую аудиторию.

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что наиболее распространенными формами получения информации является использование средств видеофиксации в целях получения сведений о частной жизни¹, получение сведений о детализации телефонных соединений потерпевшего², незаконного доступа к персональным страницам в социальных сетях³.

Вместе с тем проанализированные материалы судебной практики по уголовным делам, предусмотренным ст. 137 УК РФ, позволили сформулировать вывод об игнорировании законодателем значения таких внутренних побуждений при совершении преступления, как корыстная или иная личная заинтересованность, поскольку эти мотивы не являются конститутивными признаками анализируемого состава преступления. В связи с этим правоприменитель не описывает их в процессуальных документах, в том числе и при постановлении приговора.

Обращаясь к статистике, отмечается значительная динамика роста за последние 10 лет числа преступлений, зарегистрированных по ст. 137 УК РФ (2013 г. – 142; 2023 г. – 1 031)⁴.

Высказывается мнение, что «способы нарушения неприкосновенности частой жизни в цифровой среде намного опережают меры защиты этой неприкосновенности. Из этого вытекает довольно пессимистичный вывод, что в условиях информационного общества и широкого использования сети Интернет полное обеспечение права граждан на неприкосновенность частной жизни объективно невозможно» [6, с. 73].

Действительно, погружаясь в цифровую среду, человек по личному желанию или по необходимости вовлечен в процесс передачи личной информации, частично раскрывающей его частную жизнь. Речь идет как о добровольном предоставлении информации, фото и видео материалов о своей личной жизни на открытых цифровых платформах («ВКонтакте», «Телеграмм», «Одноклассники», «Мой мир» и т. п.), так и вынужденном посредством повсеместного использования искусственного интеллекта и сервисов, отслеживающих геолокацию пользователя (Life360, Blink), навигаторов движения (Яндекс Навигатор, Гугл карты, 2 Гис, Навител Навигатор), использования цифровых платформ, собирающих Cookie и т. п.

В связи с этим разделяем мнение А.В. Родионова, который не снимает ответственности с граждан, добровольно предоставляющих о себе личную информацию, «осуществление права на неприкосновенность частной жизни зависит не только от действующего законодательства и научно-технического прогресса, приобретшего сегодня форму повсеместной цифровизации и информатизации, но и от уровня развития граждан, их правовой культуры» [4, с. 92].

Зачастую, беспечно выкладывая в открытый информационный доступ личную информацию и фотографии, человек обнажает свою частную жизнь, предоставляет возможность беспрепятственно отслеживать его местонахождение, использовать его личную информацию, фотографии семьи, детей, имущества, анализировать его материальные возможности и т. п.

Используя цифровые технологии, человек оставляет «цифровые следы», обобщая которые можно создать достаточно полное и четкое представление не только о личности, но о его контактах, интересах, иных персональных данных, таких как место жительства, состав семьи, банковские счета и т. п.

Получая доступ к персональным данным человека, преступники зачастую прибегают к различным формам мошенничества, шантажа, используют дипфейки с целью получения материальной выгоды от потерпевшего.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 15 Свердловского района г. Иркутска от 20 февраля 2017 г. по делу № 1-1/2017 в отношении Г.В.И. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/puy5yE7euvHX/> (дата обращения: 17.02.2024).

² Приговор Мировой судьи судебного участка № 40 Карасунского внутригородского округа гор. Краснодара от 14 февраля 2017 г. делу № 1-2/2017 в отношении Ш.А.В. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/leMWSWEOYxht/> (дата обращения: 17.02.2024).

³ Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. по делу № 7У-10850/2021. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=29898837&case_uid=2e2a0f2f-2676-47aa-aeac168962549419&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2013 год по форме. Сведения за 2023 год. М., 2024. С. 12.

На сегодняшний день можно говорить о том, что человек проигрывает искусственному интеллекту, доверяя ему свои персональные данные, не может, а порой и не пытается спрогнозировать к каким негативным последствиям может привести их доступность.

Следует сказать о необходимости введения неких стандартов цифровой «гигиены», которые будут в себя включать не только обучающий контент, но и ограничивать возможность размещения в открытом доступе личной информации.

Безусловно, на законодательном уровне предпринимаются активные действия по созданию эффективного правового поля, гарантирующего обеспечение надежной охраны неприкосновенности частной жизни человека и защиту его персональных данных. В частности, на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации находится законопроект⁵ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в части «установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные». Внесено предложение скорректировать в сторону увеличения санкции за совершение данных преступлений. Размеры штрафов дифференцировать в зависимости от масштаба утечек.

В пояснительной записке к законопроекту акцентировано внимание на «возросшее число утечек персональных данных граждан нашей страны, которое только за 2022 г. составило более 1 600 млн записей»⁶.

Данный законопроект как нельзя актуален и своевременен в связи с осуществлением сбора информации о личности различными цифровыми платформами, частными корпорациями, активным развитием средств цифрового контроля за личностью.

Реалии сегодняшнего дня обусловлены кластеризацией данного рода преступлений. Создаются профессиональные организованные преступные группы, включающие, в том числе, психологов, деятельность которых направлена на осуществление управляемого воздействия на потерпевшего (потенциального потерпевшего). Персональную информацию, полученную о лице, используют в преступных целях для получения материальной выгоды посредством воздействия в ходе настойчивых телефонных разговоров, смс-оповещений для перехода по ссылкам, взламывания персональных интернет-аккаунтов, мессенджеров и т. п.

Практически каждый человек, имеющий мобильный телефон и личный аккаунт, за последние несколько лет подвергся атакам преступников. Негативной тенденцией сегодняшнего дня следует отметить, что жертвами преимущественно становятся не только люди пожилого возраста, но и дети.

По мнению М.В. Арзамасцева, «реализация уголовной политики в этом направлении требует развернутого анализа наличия основания (общественной опасности) и критериев криминализации конкретных деяний» [1, с. 37].

При этом подчеркнем, что до сих пор отсутствует доктринальный подход к пониманию понятия неприкосновенности частной жизни и его содержательных аспектов, в связи с чем актуализируются вопросы совершенствования активной теоретической работы, выработки практически значимых подходов.

Автором С.А. Стяжкиной высказывается мнение, что «практика применения ст. 137 УК РФ свидетельствует о том, что не всегда однозначно судами оцениваются такие понятия, как «личная тайна», «семейная тайна», «частная жизнь лица». Кроме того, остаются нерешенными вопросы правил квалификации состава нарушения неприкосновенности частной жизни лица [...]» [5, с. 538].

Следует сказать, что в юридической литературе дефиниция «частная (личная) жизнь» вбирает в себя весьма широкий круг отношений. Однако ни в современной уголовно-правовой доктрине, ни в законодательстве в настоящее время нет точного закрепления категории «частная жизнь».

⁵ Законопроект Федерального Закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

⁶ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 28.02.2023).

Еще в Определении Конституционного суда Российской Федерации от 09.06.2005 № 248-О было установлено, что право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера.

Обозначенные в Определении Конституционного суда Российской Федерации гарантии ранее были гармонично интегрированы в жизнедеятельность человека и имели право на существование, в отличие от реальной действительности сегодняшнего дня.

Так, по мнению А. Гринфилда, с которым трудно поспорить, «за последние десятилетия повседневная жизнь, скрытая в не всегда заметных деталях, совершенно преобразилась. Технологии в том или ином виде (камеры наружного наблюдения, нейросети, невидимые машинные алгоритмы, регулирующие нашу повседневность и оцифровывающие социальные практики) опосредовали все, что мы делаем» [2, с. 17].

Представляется, что активное внедрение государством цифровых технологий, современных «умных» программ, осуществляющих мониторинг населения и его потребностей, является данностью сегодняшнего дня и необходимым критерием соответствия глобальным вызовам времени и грядущего мироустройства.

Резюмируя, приходим к выводу, что динамичное развитие цифровых технологий с каждым днем будет приобретать все новые формы, продолжать активное внедрение в нашу жизнь, оптимизируя временные затраты, предоставляя новые сервисы и услуги. Принимая современные условия цифровизации общества, человек неизбежно идет на компромисс, выбирая между гарантиями неприкосновенности частной жизни и удобством современных цифровых сервисов, пользуясь которыми он соглашается с условиями предоставления информации о своей частной жизни.

Обозначенная динамика может привести к снижению уровня и качества уголовно-правовой охраны прав человека ввиду повсеместно возникающих угроз нарушения неприкосновенности его личной жизни.

Целесообразно отметить уязвимость права человека на защиту своих персональных данных в полноценном его обеспечении, в связи с чем необходима более конкретная законодательная регламентация и расширенное толкование нормы права (с учетом перспективного прогнозирования и оценки общественной опасности данного вида преступных деяний). Речь идет о введении превентивного запрета до наступления общественно опасных последствий.

Уголовное право не может препятствовать цифровому прогрессу, но может обозначить его границы, гарантируя внутри неприкосновенность личности и его частной жизни. Необходимо развитие законодательства и создание нормативного поля комфортной цифровой среды.

Проведенный анализ позволил сформулировать предложение о необходимости внесения уточнения в часть 1 ст. 137 УК РФ, предусмотрев мотив, внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, в целях *«корыстной или иной личной заинтересованности»*.

Своевременное внесение изменений законодателем в действующие нормативные правовые акты не только будут гарантировать человеку соблюдение его прав на неприкосновенность частной жизни, но и выступят предупреждающим барьером, обозначающим рубеж охраны данных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арзамазцев М.В. Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий // Правоведение. 2022. № 1. Т. 66.
2. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.
3. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6.
4. Родионов А.В. Актуальные проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни // Актуальные проблемы гуманитарных наук в техническом вузе. 2017. № 21. С. 92-96.
5. Стяжкина С.А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 4. Т. 29.
6. Супрович И.В., Быкова А.Г. Проблемы реализации права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Символ науки. 2021. № 11-2.

REFERENCES

1. Arzamastsev M.V. Criminal-legal guarantees of human dignity and the development of biotechnology // Jurisprudence. 2022. № 1. Vol. 66.
2. Greenfield A. Radical technologies: the structure of everyday life. Moscow, 2018.
3. Zorkin V.D. Providentia or about the law of the future in the era of digitalization // State and Law. 2020. № 6.
4. Rodionov A.V. Actual problems of realization of the right to privacy // Actual problems of humanitarian sciences in a technical university. 2017. № 21.
5. Styazhkina S.A. Criminal-legal protection of a person's private life // Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law». 2019. № 4. Vol. 29.
6. Suprovich I.V., Bykova A.G. Problems of realization of the human and civil right to privacy in the Russian Federation // Symbol of Science. 2021. № 11-2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бунова Ирина Ивановна, кандидат юридических наук, докторант. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bunova Irina Ivanovna, PhD in Law, doctoral student. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskich St., Moscow 125993 Russian Federation.

Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 125–131.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 125–131.

Научная статья

УДК 343.97: 343.988

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вакуленко Наталья Алексеевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

foroposha@mail.ru

Введение: в условиях современности совершение преступлений экономической направленности активно препятствует эффективной работе экономики государства. Борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой занимает ведущее место среди задач государства.

По справедливому утверждению В.В. Лунеева, «экономическая преступность самая интеллектуальная, самая мощная, самая распространенная, самая скрытая, самая организованная и самая опасная криминальная деятельность, которой не брезгают даже короли, президенты, премьер-министры и другие высокопоставленные особы. Экономические преступления являются существенной частью корыстной преступности, непосредственно связанной с экономическими отношениями в стране и в мире» [6].

Материалы и методы: общенаучные методы познания, в том числе объективности, системности, индукции, дедукции, анализ теоретических и нормативных правовых источников, контент-анализ СМИ, обобщение и анализ правоприменительной практики, статистические методы.

Результаты исследования: теоретическая значимость публикации состоит в возможности выделить и проанализировать репрезентативные характеристики личности экономического преступника, осуществить методическое обеспечение деятельности, направленной на усовершенствование мер профилактики преступлений, совершаемых лицами, склонными к осуществлению криминальных деяний экономической направленности, и привлечению их к ответственности.

Практическая значимость публикации заключается в возможности использования ее результатов в профилактической деятельности в отношении экономических преступлений, поскольку повышенный показатели «цены» и индекса латентности данных преступлений, непрофессионализм сотрудников, уполномоченных вести расследование таких уголовных дел, сложности превенции ввиду масштабности проявлений, снижают индекс ее эффективности.

Выводы и заключения: против экономической преступности, как социального явления должна действовать четкая система социального противодействия, которая допускает единство общесоциального и специально-криминологического предупреждения экономической преступности.

Экономический преступник – это преимущественно лица мужского пола в возрасте 41–50 лет, имеющие высшее образование, руководители либо индивидуальные предприниматели, имеющие семью и детей. Для личности экономического преступника характерны намного более высокий уровень образования, интеллект, более зрелый средний возраст. Они наиболее социально адаптированы, стремятся к соблюдению принятых норм, производят впечатление благоразумных, доброжелательных, общительных, имеющих широкий круг интересов. Им свойственны большой опыт межличностных контактов, высокая предприимчивость и умение находить правильную линию поведения.

Реализуя задачу анализа личности экономического преступника, пришли к выводу, что его свойства и качества взаимосвязаны и взаимообусловлены, т. е. складываются в определенную систему, позволяющую сконцентрировать внимание правоохранительных органов, в частности Министерства внутренних дел Российской Федерации, на изменении и дополнении мер по профилактике, предотвращению, предупреждению и пресечению преступлений данного вида.

Ключевые слова: экономическая преступность, преступник, сфера экономики, социально-демографические, уголовно-правовые, морально-нравственные, показатели преступности, состояние преступности, тенденции, криминогенная активность, меры профилактики, информативные характеристики.

Для цитирования: Вакуленко Н. А. Репрезентативные криминологические параметры экономического преступника в современной России / Н. А. Вакуленко // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 125–131.

Original paper

REPRESENTATIVE CRIMINOLOGICAL PARAMETERS
OF AN ECONOMIC CRIMINAL IN MODERN RUSSIA

Vakulenko Natalya Alekseevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
foroposha@mail.ru

Introduction: in modern conditions, the commission of economic crimes actively hinders the efficient operation of the state economy. The fight against the misuse and theft of public funds, corruption, shadow and criminal economy occupies a leading place among the tasks of the state.

According to the fair statement of V.V. Lunev, «economic crime is the most intellectual, the most powerful, the most widespread, the most hidden, the most organized and the most dangerous criminal activity, which even kings, presidents, prime ministers and other high-ranking persons do not disdain. Economic crimes are a significant part of mercenary crime, directly related to economic relations in the country and in the world» [6].

Materials and methods: general scientific methods of cognition, including objectivity, systematicity, induction, deduction, analysis of theoretical and regulatory legal sources, content analysis of the media, generalization and analysis of law enforcement practice, statistical methods.

Results of the study: the theoretical significance of the publication lies in the possibility of identifying and analyzing representative characteristics of the personality of an economic criminal, implementing methodological support for activities aimed at improving measures to prevent crimes committed by individuals prone to committing criminal acts of an economic nature, and bringing them to justice.

The practical significance of the publication lies in the possibility of using its results in preventive activities with respect to economic crimes, since the increased indicators of the «price» and latency index of these crimes, the unprofessionalism of employees authorized to investigate such criminal cases, the complexity of prevention due to the scale of manifestations, reduce the index of its effectiveness.

Findings and conclusions: a clear system of social counteraction should operate against economic crime as a social phenomenon, which allows for the unity of general social and special criminological prevention of economic crime.

An economic criminal is predominantly a male person aged 41-50 years, with higher education, managers or individual entrepreneurs with a family and children. The personality of an economic criminal is characterized by a much higher level of education, intelligence, and a more mature average age. They are the most socially adapted, strive to comply with accepted norms, give the impression of being reasonable, friendly, sociable, and having a wide range of interests. They are characterized by extensive experience in interpersonal contacts, high enterprise, and the ability to find the right line of behavior.

In implementing the task of analyzing the personality of an economic criminal, we came to the conclusion that his properties and qualities are interconnected and interdependent, i. e. they form a certain system that allows focusing the attention of law enforcement agencies, in particular the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, on changing and supplementing measures to prevent, prevent, prevent and suppress crimes of this type.

Keywords: economic crime, criminal, economic sphere, socio-demographic, criminal-legal, moral and ethical, crime indicators, state of crime, trends, criminogenic activity, preventive measures, informative characteristics.

For citation: Vakulenko N. A. Representative criminological parameters of an economic criminal in modern Russia / N. A. Vakulenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 125–131.

На текущий момент времени на российскую экономику оказывают негативное влияние следующие внешнеэкономические факторы: беспрецедентные санкции и торговые блокады. Адаптация к новым условиям происходит следующим образом: российская экономика заново выстраивает логистические цепочки: прекращение потока получения товаров из Европы приводит к возникновению альтернативных вариантов ввоза товаров в Казахстан с последующей доставкой в Россию, укрепляя партнерские отношения с дружественными странами.

Безусловно, нас интересуют не столько деструктивные трансформации в сфере экономики, сколько криминальные проявления лиц в данной области. Так, в период с 2019 по 2023 гг. в России были зарегистрированы следующие показатели по количеству выявленных преступлений экономической направленности: в 2019 – 104 927 преступлений, в 2020 – 105 480, в 2021 – 117 707,

в 2022 – 111 429, в 2023 – 105 257 [8]. На протяжении трех лет прирост по данному виду преступлений стабильно выражается в положительном параметре, причем, в 2021 г. он составил 11,6 % по отношению к 2020 г., и лишь в 2022 г. количество зарегистрированных преступлений снизилось на 5,3 % по отношению к 2021 г. 2023 г. сохранил тенденцию на снижение количества зарегистрированных преступлений, прирост которых снизился на 5,5 % [8].

На примере показателя структуры экономической преступности за 2023 г. (см. рис. 1) можем сделать следующие выводы: удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности составляет 36,6 %; на 0,5 % им уступают преступления против собственности.

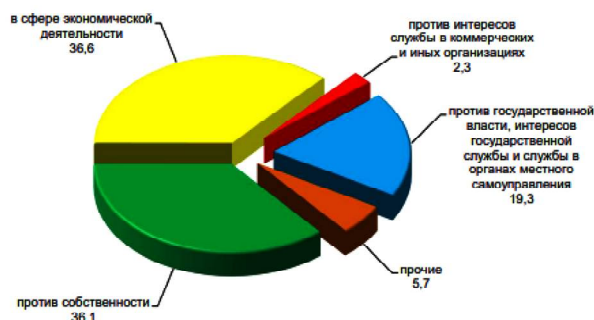

Рис. 1. Структура преступлений экономической направленности за период с января по декабрь 2023 г. [8]

Рассматривая налоговые преступления отдельно в структуре преступлений экономической деятельности, отслеживаем следующие данные: в 2019 г. было зафиксировано 4 503 преступления, в 2020 г. – 4 872(+8,2 %), в 2021 – 5 543 (+13,8 %), в 2022 – 5 264 преступления, в 2023 – 4 747 преступлений. Очевидна тенденция снижения количества зарегистрированных преступлений в 2022 и 2023 гг., которая может быть связана с изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве, изменившими порядок возбуждения уголовных дел по данному виду преступности [8].

«Цена» экономической преступности характеризуется следующими показателями: в 2019 г. ущерб составил 447 186 909 руб., в 2020 г. нанесен ущерб государству в размере 339 475 250 руб. 2021 год оказался рекордным – для экономики государства преступления экономической направленности нанесли ущерб в размере 641 926 275 руб. Такие высокие показатели материального ущерба подчеркивают актуальность проблемы, приносящей непоправимый вред экономике нашего государства. Изучение неоднозначных тенденций изменения «цены» экономической преступности позволит более детально рассмотреть причинный комплекс, детерминирующий возникновение экономической преступности и принять меры по снижению уровня преступности данного вида.

Проблема противодействия преступлениям в сфере экономики остается актуальной, т. к. она осложняется рядом факторов. Во-первых, профессионализм экономических преступников растет, во-вторых, существует ряд проблем, связанных непосредственно с организацией работы по предупреждению, предотвращению и пресечению преступлений в сфере экономики, в-третьих, низкая раскрываемость уголовных дел (именно ряд преступлений из раздела VIII УК РФ) связана с необходимостью специальных знаний лиц, занимающихся раскрытием преступлений.

В настоящее время в криминологии проблема детерминации экономической преступности занимает ведущее место как в теории, так в практической деятельности.

Как писал Аристотель (384–322 до н. э.), «Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости» [6].

Прежде чем перейти к наиболее значимым репрезентативным криминологическим параметрам личности экономического преступника, необходимо обратиться к самому понятию «личность преступника».

Ю.М. Антонян справедливо считает, что понять преступника и проанализировать его поведение невозможно без изучения его психологических и нравственных характеристик, механизмов его поведения и среды, где формировалась личность преступника. В I главе монографии «Основные понятия и черты личности» Ю.М. Антонян рассматривает личность преступника, процесс ее формирования и мотивацию преступного поведения. Под личностью преступника автор понимает совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми [2, с. 8].

Кроме того, нельзя не выделить биологические причины, которые в совокупности с процессом социализации дают формирование преступной личности. Например, если речь идет о мошеннике, который в ходе взаимодействия с другими людьми приобрел свойства, типичные для личности такого типа преступника (стремление самоутвердиться в социуме), то без биологических данных (сильный интеллект) исполнение задумки его преступления окажется нереальным. Таким образом, детерминанты для формирования личности преступника – это совокупность социальных, биологических и иных факторов, вытекающих при их совместном синтезе.

Рассматривая личность преступника, совершающего преступления в сфере экономики, обозначаем данный тип преступника, в зависимости от его мотивации, как корыстный. Но следует заметить, что характеристика личности, совершающего преступления экономической направленности, будет различаться с характеристикой личности, которая совершает преступления против собственности.

Сравнив такой социально-демографический параметр личности, как возраст преступников, получили следующие статистические данные:

1) лица, совершающие кражу, имеют высокую криминальную активность в возрасте от 18 до 30 лет, на их долю приходится почти 60 % всех совершенных краж, по данным Ю.М. Антоняна, основной контингент воров составляют лица молодого и среднего возраста (до 40 лет) [1, с. 126];

2) наиболее криминогенно активными среди лиц, совершивших вымогательство, являются лица в возрасте 21–30 лет; лица старше 40 лет являются наименее криминально активными;

3) коэффициент плотности преступников, совершивших разбой в возрастной категории 41–50 лет незначителен.

Для лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности, характерен другой пик возрастной активности – 41–50 лет. Основная доля экономических преступников – это лица, имеющие довольно богатый жизненный опыт в силу своего зрелого возраста.

Необходимо также провести сравнение, касающееся еще одного социально-демографического признака – образования. Уровень образования различных категорий преступников различается. За 2021 год представлены следующие данные, демонстрирующие общее соотношение уровня образования по всем видам преступлений на территории Российской Федерации: начальное и основное общее образование – 235 392 человека (34,0 %), среднее общее – 1384 96 человек (20,0 %), среднее профессиональное – 246787 человек (35,6 %), высшее профессиональное – 71638 человек (10,3 %) [9]. Самая многочисленная категория людей, совершающих преступления – граждане со средним профессиональным образованием. Коэффициент преступников, имеющих высшее образование, минимален по представленным данным.

Для рассматриваемого типа преступника характерно наличие высшего образования. Так, по проанализированному нами данным, около 65,5 % лиц имели высшее образование, а 27,5 % – средне-специальное образование [7].

Характеризовать социальное положение и профессиональную принадлежность экономического преступника можно следующим образом: это, как правило, руководители организаций, директора фирм или бухгалтеры компаний. Наличие высшего образования позволяет состоять на такого рода должностях. Основными фигурантами дел обычно выступают руководитель и бухгалтер. Соучастие бухгалтера позволяет руководителю применять различные сложные методы и приемы сокрытия объектов налогообложения и отражать заведомо ложную информацию в документах бухгалтерской отчетности. В роли других соучастников можно наблюдать заместителей руководителя, товароведов, экспедиторов и кладовщиков. Это зачастую устойчивая группа, преследующая за собой цель в виде получения материальных благ, которая прячется за подставными лицами или фирмами-однодневками.

Вымогатели часто имеют устойчивое стремление к паразитарному образу жизни. Они, как правило, не имеют постоянной профессии и места работы, а ищут жертву среди обеспеченной группы граждан самостоятельно, добывая дополнительно информацию о заинтересовавших их субъектах покушения. Экономический преступник характеризуется наличием постоянного места работы и закрепленной за ним должностью. Поиск жертвы сводится для такого преступника к минимуму, т. к. в большинстве преступлений посягательство совершается на бюджет государства, а не на конкретную личность.

Сравнивая мотивы совершения кражи и преступлений 22 главы УК РФ, общим будет выступать корысть. Но для личности, совершающей преступления в сфере экономической деятельности, может выступать и мотив самоутверждения с целью достижения социально значимой роли в обществе. При совпадении мотивов важно будет не только получение материальных благ, но и завоевание престижа, авторитета среди коллег и близких. На примере

личности преступника, совершающего легализацию денежных средств, приобретенных преступным путем, можем выделить следующую социальную черту – респектабельное положение в обществе, стабильную некриминальную репутацию и высокий социальный статус. Репутация выступает в роли защиты от некоторых внешних рисков, а также дает возможность заниматься криминальной активностью довольно длительное время [4, с. 169].

Мотивы совершения преступления взаимосвязаны со второй категорией, входящей в структуру личности преступника, – нравственно-психологические признаки. Это довольно широкий спектр характеристик, включающий в себя внутреннюю позицию преступника к совершаемым им преступлениям, а также взгляды преступника на свою жизненную позицию. В отличие от других категорий корыстных преступников, таких как воры и вымогатели, потребность в совершении экономического преступления будет не такой примитивной, направленной на удовлетворение первичных биологических потребностей (голод, пребывание в тепле). Важно понимать, что экономический преступник чувствует самоутверждение за счет того, что смог обойти законодательные нормы, созданные государством, и получить благодаря этому материальную прибыль. Такой преступник четко осознает свою независимость и вседозволенность к действиям такого характера, которые нарушают законодательные нормы государства.

По мнению Э. Фромма, «когда изменчивость рынка и рыночных отношений выступает основной мерой в системе ценностей человека, то чувства самоуважения и достоинства в нравственной составляющей личности разрушаются» [5, с. 35]. Автор предлагает свою социально-психологическую типологию личности. Первая категория характеризуется тем, что безопасность личности – это экономия. Скупость и жадность, по мнению автора, завладевает преступником настолько, что она распространяется не только на предметы материального мира, но и на его чувства. Эмоциональная сухость и неспособность проявления чувств является следствием развития чувства жадности у преступника. Второй тип личности характеризуется тем, что имеет большой энтузиазм к познанию и образованию, но презрительно относится к непрактичному мышлению, которое не имеет ценности на рынке.

Уголовно-правовые признаки экономического преступника рассмотрим на примере личности осужденных за налоговые преступления. 46,7 % лиц, осужденных за налоговые преступления, привлечены к уголовной ответственности по совокупности и за другие деяния: мошенничество (35,7 %), убийство, дача взятки (около 14,3 %), насильственные действия сексуального характера (7,1 %). 82,8 % налоговых преступлений совершается без применения соучастия [3, с. 473].

Анализ показателей судимости предоставляет следующие выводы о налоговом преступнике: основная доля осужденных за налоговые преступления имеет одну судимость (около 81 %), данная категория преступников не подвержена рецидиву. Такой низкий показатель рецидивной преступности определяется фактом того, что существует ряд требований, предъявляемых к лицам, являющихся кандидатами на занятие определенных должностей. Наличие судимости не позволяет ему занять ранее закрепленную за преступником должность.

Поведение осужденных за налоговые преступления характеризуется положительно (на 6,6 % больше, чем поведение преступников, совершивших другие деяния). Абсолютное большинство осужденных не имеет взысканий (около 73,3 %).

Далее рассмотрим личность экономического преступника, применяя типологию личности преступника по глубине и интенсивности антисоциальной направленности.

1. «Случайный» преступник. К ним относятся те лица, которые совершили преступления небольшой тяжести впервые. Поступок, совершенный ими, противоречит социальной направленности, но в целом она у данных лиц характеризуется с положительной стороны. Пример – осуществление предпринимательской деятельности без лицензии (ст. 171 УК РФ). При допросе на этапе следствия, лица ссылаются на ряд следующих обстоятельств, отвечая на вопросы об отсутствии требуемой лицензии:

1.1. они выполняли незначительный объем работы (оказания услуг), поэтому было нецелесообразным получать лицензию;

1.2. ранее существовала лицензия, но истек срок ее действия.

Еще один пример случайного преступника – лица, не возвратившие на территорию Российской Федерации культурные ценности (ст. 190 УК РФ).

2. Ситуативный тип по своим характеристикам схож со случайным типом преступника. Это личности, впервые вставшие на преступный путь вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств. В других сферах общественной жизни такие преступники характеризуются с положительной стороны, правосознание довольно устойчиво. К преступникам данного

типа могут относиться лица, нарушившие правила сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192 УК РФ), совершившие подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 205.5. УК РФ) или подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ).

3. Неустойчивый тип характеризуется противоположным образом с вышеперечисленными типами преступников. Личность уже имеет ряд деформаций, которые связаны с его социальной направленностью. Факт нестабильности данного типа свидетельствует о том, что его действия могут вызвать последствия разного характера: как благоприятные, так и негативные. Основным признаком, отличающим данный тип преступника от выше перечисленных, является привлечение лица к ответственности за административные или дисциплинарные проступки.

4. Злостный и особо злостный тип преступника – характеризуется наличием стойкой отрицательной деформацией. Личность, которая имеет четкие взгляды на продолжение своей криминальной деятельности, так как это основной источник получения доходов для нее, будет неоднократно совершать преступления, который носят длящийся характер. Особо злостный тип, параллельно с ранее не судимыми лицами, включает в себя категорию лиц, кто неоднократно совершает деяния экономической направленности, в том числе и ранее судимые преступники. Это лица, занимающиеся изготовлением или сбытом поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ), манипулированием рынком (ст. 185.3 УК РФ), незаконной организацией и проведением азартных игр (ст.171.3 УК РФ). В данную группу также относятся все лица, совершающие преступления в сфере налогообложения. Ст. 199 УК РФ охватывает период в пределах трех финансовых лет, что указывает на длящийся характер совершения преступления.

Таким образом, портрет личности экономического преступника представлен следующим образом. Это субъект преимущественно мужского пола в возрасте 41–50 лет, имеющий высшее образование, руководитель либо индивидуальный предприниматель, имеющий семью и детей. Для личности экономического преступника в отличие от личности преступников других категорий характерны намного более высокий уровень образования, интеллект, более зрелый средний возраст. Уголовно-правовая характеристика доказывает факт того, что присутствует низкая вероятность, что ранее преступник был судим за совершение преступлений. Они наиболее социально адаптированы, стремятся к соблюдению принятых норм, производят впечатление благообразных, доброжелательных, общительных, имеющих широкий круг интересов. Им свойственны большой опыт межличностных контактов, высокая предприимчивость и умение находить правильную линию поведения. Кроме того, надо отметить, что для личности экономического преступника, в отличие от личностей других категорий преступников, свойственно стремление утвердить себя на социальном уровне: излишнее желание быть хитрее системы государства, оказаться на престижном социальном статусе, оставаясь в маске законопослушного гражданина – именно в таких аспектах выражается данное стремление экономических преступников.

В условиях современности преступность экономической направленности характеризуется следующими параметрами. Удельный вес преступлений экономической направленности в общей структуре преступности остается неизменным: в среднем этот показатель за последние 5 лет составляет 5 %, что составляет лишь 1/20 часть всех зарегистрированных преступлений. Статистические данные о таком качественном показателе экономической преступности, как ее цена, позволяют сделать выводы о характере нанесенного ущерба данными преступлениями. Так, рекордный ущерб для экономики государства в 2021 был нанесен именно преступлениями экономической направленности: общий материальный ущерб для государства и общества по всем видам преступлений составил в том году 834,5 млрд рублей, из которых 642 млрд рублей был нанесен преступлениями экономической направленности, что составляет около 76 % от всего материального ущерба. Такое несоответствие между низким количественным показателем преступности (5 % от всех зарегистрированных преступлений) и ее высоким качественным показателем (цена материального ущерба составляет 76 % от всего размера ущерба преступности) определяет высокую степень общественной опасности экономической преступности и подчеркивает ее высокий урон, наносящий удар для экономического благосостояния государства. Лидером по количеству зарегистрированных преступлений является Центральный федеральный округ, в частности, столица государства. Можем подчеркнуть тесную корреляционную связь между данным фактом и наличием в Москве множества субъектов экономических отношений, а также большого финансового поля для экономической деятельности.

Основываясь в превенции преступлений в сфере экономики на наиболее репрезентативных свойствах и качествах личности преступника рассматриваемого вида, представится возможным

в перспективе не только грамотно и полно выявлять факторы, детерминирующие подобные криминальные деяния, но и обеспечить эффективность профилактической работы в отношении экономических преступников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998.
2. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Основные понятия и черты личности. М., 2018.
3. Гришко Л.Е., Прысь И.Е. Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. 2018. № 4.
4. Дорж Энхтур Криминологическая характеристика лиц, занимающихся легализацией (отмыванием) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем (на материалах России и Монголии) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60).
5. Ким А.У., Деулин Д.В. Направленность личности, склонной к совершению экономических преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2(101).
6. Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей / Всероссийский криминологический журнал. URL: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/LuneevVV.O_kriminalizacii_jekonomicheskikh_prestuplenij_predprinimatelej.pdf (дата обращения: 29.06.2024).
7. Марданов А.Б. Сравнительный анализ личности экономического преступника с личностями различных категорий преступников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-lichnosti-ekonomicheskogo-prestupnika-s-lichnostyami-razlichnyh-kategoriy-prestupnikov/viewer> (дата обращения: 29.06.2024).
8. Основные статистические показатели преступности в Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.06.2024).
9. Социальный портрет преступности за 2021 год. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 10.06.2024).

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. Criminal behavior and mental anomalies. Moscow, 1998.
2. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Basic concepts and personality traits. Moscow, 2018.
3. Grishko L.E., Prys I.E. Personality of a person convicted of economic crimes: on the example of the personality of those convicted of tax crimes // HUMAN: crime and punishment. 2018. № 4.
4. Dorzh Enkhtur Criminological characteristics of persons engaged in the legalization (laundering) of funds or property acquired by criminal means (based on materials from Russia and Mongolia) // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (60).
5. Kim A.U., Deulin D.V. Orientation of a person prone to committing economic crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (101).
6. Luneev V.V. On the criminalization of economic crimes of entrepreneurs / All-Russian Criminological Journal. URL: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/LuneevVV.O_kriminalizacii_jekonomicheskikh_prestuplenij_predprinimatelej.pdf (date of access: 29.06.2024).
7. Mardanov A.B. Comparative analysis of the personality of an economic criminal with the personalities of various categories of criminals. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-lichnosti-ekonomicheskogo-prestupnika-s-lichnostyami-razlichnyh-kategoriy-prestupnikov/viewer> (date of access: 29.06.2024).
8. Main statistical indicators of crime in the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (date of access: 29.06.2024).
9. Social portrait of crime for 2021. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (date of access: 10.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вакуленко Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vakulenko Natalya Alekseevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 132–136.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 132–136.

Научная статья

УДК 343.97:343.34:004

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОИЗАЦИИ: ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

davo-davo23@mail.ru

Введение: фейки – это ложная информация, вызывающая ажиотаж вокруг несуществующего информационного повода. Современные технологии и механизмы распространения в СМИ и социальных сетях позволяют фейковым новостям быстро набирать популярность. Они являются опасным инструментом воздействия на массовое сознание людей. Фейковые новости создаются с целью перехвата политической повестки и создания резонанса вокруг определенного информационного вброса.

Материалы и методы: в процессе исследования автор опирался на совокупность общепризнанных и наиболее эффективных методов научного познания: положений диалектики, системно-структурного, формально-логического, конкретно-социологического методов; осуществлял анализ и синтез, применял индукцию и дедукцию, а также обращался к таким когнитивным приемам, как наблюдение, сравнение, обобщение и др.

Результаты исследования: автором обозначены основные негативные последствия распространения фейковых новостей в Российской Федерации.

Выводы и заключения: фейковые новости представляют собой прямую угрозу национальной безопасности России. Для поддержания социально-политической стабильности в Российской Федерации необходимо сдерживание и ограничение хождения фейков в СМИ. В данном аспекте такое развитие процессов цифровизации и глобализации для нашей страны является опасным.

Ключевые слова: политика, фейк, фейковые новости, пропаганда, информация, информационная война, безопасность, национальная угроза, национальная безопасность.

Для цитирования: Григорян Д. К. Фейковые новости в эпоху цифроизации: технологии противодействия распространению / Д. К. Григорян // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 132–136.

Original paper

FAKE NEWS IN THE ERA OF DIGITALIZATION: TECHNOLOGIES FOR COUNTERING PROLIFERATION

Grigoryan David Kromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: fakes are false information that causes a stir around a non-existent news item. Modern technologies and mechanisms of distribution in the media and social networks allow fake news to quickly gain popularity. They are a dangerous tool for influencing the mass consciousness of people. Fake news is created in order to intercept the political agenda and create resonance around a certain information leak.

Materials and methods: in the course of the research, the author relied on a set of generally recognized and most effective methods of scientific knowledge: the provisions of dialectics, system-structural, formal-logical, concrete-sociological methods; carried out analysis and synthesis, applied induction and deduction, and also turned to such cognitive techniques as observation, comparison, generalization, etc.

Results of the study: the author identified the main negative consequences of the spread of fake news in the Russian Federation.

Findings and conclusions: fake news pose a direct threat to Russia's national security. In order to maintain socio-political stability in the Russian Federation, it is necessary to contain and limit the circulation of fakes in the media. In this aspect, such development of digitalization and globalization processes is dangerous for our country.

Keywords: politics, fake, fake news, propaganda, information, information war, security, national threat, national security.

For citation: Grigoryan D.K. Fake news in the era of digitalization: technologies for countering proliferation / D. K. Grigoryan // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 132–136.

В современных действующих реалиях особенно актуальна проблема появления и активного распространения фейковой информации. Она деструктивно воздействует на информационное пространство, поэтому вопрос о защите российского общества от ложной информации особенно актуален. Fake news (фейковые новости) – вброс заранее подготовленной информации, который создается специально с целью провокации и резонанса в обществе. Содержит как ложную, так и истинную информацию, но вырванную из контекста (беседы, интервью, диалога).

Сегодня фейковые новости сопровождают любую сенсационную информацию или значимое событие, например, террористический акт. Они способны и нацелены на провоцирование страха и паники среди населения, распространение слухов и дестабилизацию внутриполитической обстановки. Эпоха цифровизации позволяет использовать фейки в политической сфере как инструмент информационной войны. Поэтому каждое государство стремится разработать эффективные методы и подходы для борьбы с фейковыми новостями и минимизировать их воздействие на общество.

Решение данной проблемы затруднено тем, что в современной юридической и политической науке отсутствуют глубинные профессиональные исследования, посвященные именно методам и технологиям противодействия распространению фейковых новостей и их влиянию.

В российской литературе термин «фейковые новости» впервые стал использоваться после такого события, как избирательная кампания Президента США Дональда Трампа, т. е. с конца 2016 г. Тогда в США говорили о прямом влиянии Москвы на американскую политическую жизнь и оказании реальной поддержки кандидату от республиканцев Трампу.

Российская Федерация уделяет внимание проблеме фейковых новостей и их влиянию на общество, что выражается в законодательном регулировании информационного пространства и противодействии распространению фейковых новостей. Фейковые новости и их влияние – явления малоизученные, требующие глубокого и фундаментального аналитического осмысления. Необходимо уметь выяснять их характер, значимость и степень влияния на общественные процессы.

Иностранные СМИ, которые являются одними из создателей фейков о России, также считают, что дезинформация оказывает существенное влияние на общественное мнение, особенно во время политических выборов либо кризисных ситуаций. Фейковая деятельность может достигать такого уровня значимости, что люди перестают идентифицировать ложную информацию.

Исследователи из Мельбурнского университета считают, что фейки серьезно угрожают демократии, поскольку они манипулируют общественным сознанием в определенном направлении, формируют мировосприятие, заменяя надежную и точную информацию на ложную. В условиях информационного изобилия каждый день появляется множество пропагандистских материалов и фейковых новостей, что вызывает трудности в отделении достоверной информации от заведомо ошибочной.

Проблемой борьбы с фейками озабочены во многих странах земного шара, в том числе и в Российской Федерации. Распространение фейковой информации запрещено в СМИ, телекоммуникационных сетях (кабельное телевидение, телефонные сети), Интернете и т. п. Распространение недостоверной информации влечет за собой не только административную ответственность, но и уголовную.

7 марта 2019 г. на пленарном заседании Государственная Дума Российской Федерации приняла в окончательном чтении правки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и изменения в Кодекс об административных правонарушениях, направленные на противодействие фейковым новостям. В соответствии с данным законом, фейки – это «информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу

создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

4 марта 2022 года Президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал соответствующий закон. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Он предусматривает ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных сил России в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит три статьи за публичное распространение заведомо ложной информации: статья 207.1., 207.2., 207.3. УК РФ. За нарушение перечисленных статей полагается штраф в размере от трехсот тысяч рублей до пяти миллионов рублей. Если распространение ложной информации привело к тяжким последствиям, то преступник наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет. В кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации мера воздействия на распространение ложной информации в СМИ представлена статьей 13.15 частями 9,10. Нарушение влечет за собой наложение административного штрафа от тридцати тысяч рублей до пяти миллионов с конфискацией предмета административного нарушения (в зависимости от статьи кодекса).

Фейковые новости и их распространение в СМИ и социальных сетях необходимо контролировать на государственном уровне, а особенно в нынешних политических реалиях. Цель фейковой новости – создание ажиотажа вокруг ложного информационного повода, который был намеренно вброшен и содержит провокационную информацию резонансного характера. Основная задача – захватить внимание общества и информационную повестку, чтобы фейк стал навязчивой идеей, подчиняющей себе сознание людей, которые попали под его влияние. Если общественность начинает активно обсуждать фейковую новость, то главная цель достигнута. В нашей стране эта проблема приобрела особую актуальность, поскольку фейковые новости широко применяются в информационной войне против Российской Федерации. Побеждает в этой войне тот, кто сможет создать и распространить наиболее резонансные фейки, которые будут восприняты аудиторией. Распространение ложных новостей осуществляется довольно простыми механизмами: провокационная информация, сильно воздействуя на эмоции целевой аудитории, начинает быстро распространяться в обществе. Человек, подвергшийся влиянию фейковой новости, испытывает эмоциональное возбуждение и стремится поделиться этой информацией со своим окружением. Таким образом он становится источником распространения фейка на новую аудиторию, вовлекая все большее количество людей. В конечном итоге фейки начинают крутиться по сетям и различным каналам, передаваясь от одного человека к другому, вызывая цепную реакцию. В Российской Федерации уполномоченные на то государственные органы блокируют интернет-ресурсы, распространяющие недостоверную информацию.

Еще одним способом распространения фейковой информации с целью создать панику среди населения являются преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий. Преступники, используя информационно-коммуникационные технологии, занимаются информационными вбросами и иными видами противоправных действий, которые регламентируются уголовным кодексом Российской Федерации как преступления. Подобным видом преступных действий в период специальной военной операции активно занимается Центр информационно-психологических операций, эти центры – часть сил специальных операций Украины. Их задача – провести психологические диверсии среди российского населения. Ведется борьба с российской средствами массовой информации путем манипулирования чувствами, эмоциями и страхом. Они занимаются сбором и анализом информации, которая может дискредитировать противника в информационном пространстве, испортить имидж. На основе полученных данных центр информационно-психологических операций ВСУ готовит информационно-психологические диверсии. С 2020 года по всей России стали раздаваться звонки от лица «службы безопасности Сбербанка», отделений МВД России и т. д. Основной целью было не только похитить накопления граждан РФ, но и оказать психологическое давление – запугать. Учащаются случаи звонков с информацией о заминировании

торговых центров, учебных заведений и т. п. Все эти действия направлены на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в России.

В условиях информационной войны фейковые новости (в качестве одного из ее инструментов) влекут за собой серьезную угрозу национальной безопасности. Следовательно, возникает необходимость борьбы с фейками. Для этого нужно разработать рекомендации по формированию в Российской Федерации государственной системы противодействия распространению фейковых новостей, а также ограничить каналы их распространения. Например, с июня 2022 года в России был запущен проект «Лапша Медиа» – это фактчекинговая платформа для борьбы с фейками. Принцип платформы заключается в том, что ее сотрудники собирают непроверенные новости и рассматривают, и обсуждают их со специалистами. В процессе проверки новости на достоверность используются официальные документы, научные исследования, обращения к первоисточникам и экспертам в различных областях. Проект открытый и доступный для всех пользователей. Данный ресурс аргументированно доказывает фейки и демонстрирует методы борьбы с ними. Так, 06.06.2024 «Лапша Медиа» опровергнул новость о том, что обломки российских ПВО прилетели по жилым домам в Луганске. Данную информацию опровергли Минобороны России, поскольку атака на мирный квартал была совершена украинской стороной с применением западного вооружения. Характер повреждения стен дома не соответствует повреждениям от ПВО. На примере деятельности «Лапша Медиа» становится понятно, насколько важно создание независимых организаций, которые занимаются проверкой информации, это позволяет снизить хождение фейковых новостей в Интернете, т. е. сократить распространение информации.

Чтобы оценить степень распространения фейковой информации в Интернете стоит обратиться к статистике. АНО «Диалог» (центр компетенций в сфере интернет-коммуникаций) провел независимое исследование, согласно которому количество фейков в сети Интернет в 2021 году составляло 1,7 тыс., а в 2024 году увеличилось до 4-х тысяч. За последний месяц 40 % россиян сталкивались с информацией, которая оказывалась недостоверной. Основными площадками для распространения лживых новостей в России являются Telegram, «Одноклассники», «ВКонтакте». С началом специальной военной операции число фейков возросло с геометрической прогрессией. Тематика фейков преимущественно связана с СВО, поскольку они стали инструментом информационной войны. Развитые технологии и активное использование интернет-ресурсов пользователями делают проблему фейковых новостей наиболее актуальной. Так, например, 08.06.2024 у социальной сети Telegram случился массовый сбой в работе, это породило фейк о том, что российские правоохранительные органы, на постоянной основе, читали личные сообщения россиян. Эту информацию опровергла глава Лиги безопасного интернета – Екатерина Мизулина. Ее блог в данном мессенджере является достаточно популярным среди населения нашей страны, таким образом, личный блог политического лидера может являться эффективным средством борьбы с фейками.

Каким образом происходит борьба с фейками в других государствах? Одной из первых стран, которая предприняла попытку ввести уголовную ответственность за фейковую информацию, была Малайзия в 2018 году. Уголовное наказание – штраф или лишение свободы сроком на шесть лет.

Далее ответственность за распространение ложной информации ввела Германия, так называемый закон о Facebook (*признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ*), согласно которому все пользователи социальных сетей должны следить за выкладываемым контентом. Цель – борьба с пропагандистским материалом, который противоречит конституционному строю Германии.

В Китае усилили контроль за новостными СМИ и интернет-источниками. В правоохранительных структурах для этого задействованы отдельные сотрудники, которые следят за кибербезопасностью на различных сайтах и площадках. В последние годы страны Европы и Азии активно борются с распространением фейковых новостей, поскольку данное явление угрожает национальной безопасности, демократии и подрывает общественное доверие. Таким образом, главный способ борьбы с фейковой информацией в других странах – меры уголовного характера.

К сожалению, не существует определенного или проверенного метода, который работает во всех случаях для борьбы с фейками, это сложный, многогранный и длительный процесс. Существуют различные причины, по которым фейковая информация привлекательна, и методы

опровержения этих причин соответственно различаются. Полезно иметь множество инструментов для реагирования, в первую очередь механизмы государственного регулирования. Важно принимать меры по повышению осведомленности населения о том, как отличить достоверную информацию от недостоверной. В долгосрочной перспективе в обществе должно укорениться врожденное сопротивление фейкам. То есть, у людей со временем должен выработаться «иммунитет» на дезинформацию, с помощью которого они будут инстинктивно определять: является ли информация, которую они видят, подлинной и достоверной. Необходимо развивать навыки критического мышления и информационную грамотность – это важные компоненты борьбы с восприимчивостью дезинформации. Таким образом, фейковые новости представляют собой прямую угрозу национальной безопасности России. Для поддержания социально-политической стабильности в Российской Федерации необходимо сдерживание и ограничение распространение фейков в СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Статья 8. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Григорян Д.К., Горшколепов С.С. Институциональные ограничения со стороны власти при регулировании распространения заведомо ложной информации: на примере данных о коронавирусной инфекции // Теории и проблемы политических исследований. 2021. № 3А. Том 10.
4. Каримова А.М. Закон о фейках в России: основные положения и проблемные аспекты регулирования. 2022.
5. Манойло А.В. Фейковые новости как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления. 2019.

REFERENCES

1. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation.
2. Federal Law of 27.07.2006 № 149-FZ (as amended on 12.12.2023) «On Information, Information Technologies and Information Protection». Article 8. Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Grigoryan D.K., Gorshkolepov S.S. Institutional restrictions on the part of the authorities in regulating the dissemination of knowingly false information: on the example of data on coronavirus infection // Theories and Problems of Political Research. 2021. № 3A. Vol. 10.
4. Karimova A.M. The law on fakes in Russia: basic provisions and problematic aspects of regulation. 2022.
5. Manoilo A.V. Fake news as a threat to national security and an instrument of information management. 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Давид Кромвелович, кандидат политических наук, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan David Kromvelovich, PhD in Political Sciences, Head of the Department of Information Support of Internal Affairs. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 137–141.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 137–141.

Научная статья

УДК 343.3

АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Дятлов Георгий Александрович

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

gadyatlov@sevsu.ru

Введение: противозаконные деяния приносят вред всему социуму. От них страдают не только государственные интересы, но и наносится ущерб финансовой системе государства, вызывают процессы разделения в обществе. Нелегальная работа предпринимателей во все времена считалась незаконной, нарушающей заданный регламент экономических процессов. При обнаружении подобного незаконного деяния, кроме экономических взысканий, признанные нарушителями граждане привлекались к ответственности уголовной или административной направленности.

Материалы и методы: методологическую основу работы составили методы анализа и синтеза информации, а также нормативные правовые акты, которые регулируют уголовно-правовые нормы в сфере экономической преступности и предпринимательства.

Результаты исследования: на законодательном уровне имеется смешение сфер правового регулирования, в первую очередь сферы действия уголовного и гражданского права. В ряде случаев масштаб криминальности предпринимательства сильно преувеличивается, равно как и противоречивость данного фактора гражданско-правовым основам. Это обосновано ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Выводы и заключения: ответственность за нарушение порядка ведения предпринимательской деятельности должна наступать в административном порядке, с возможностью использования гражданско-правовых норм по возмещению убытков сторонам в связи с данной незаконной предпринимательской деятельностью. Главным должно выступать не жесткость наказания, а необходимость возмещения причиненного ущерба государству и частным лицам.

Ключевые слова: экономические преступления, уголовно-правовые нормы, финансовые преступления, незаконное предпринимательство, легализация денежных средств, уклонение от уплаты налогов, ответственность.

Для цитирования: Дятлов Г. А. Анализ уголовно-правовых аспектов незаконного предпринимательства в системе экономической преступности / Г. А. Дятлов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 137–141.

Original paper

ANALYSIS OF THE CRIMINAL LAW ASPECTS OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP IN THE ECONOMIC CRIME SYSTEM

Dyatlov Georgy Alexandrovich

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: Illegal acts harm the entire society. They not only harm state interests, but also damage the financial system of the state, and cause divisions in society. Illegal work of entrepreneurs has always been considered illegal, violating the established regulations of economic processes. When such an illegal act was detected, in addition to economic penalties, citizens recognized as violators were brought to criminal or administrative liability.

Materials and methods: the methodological basis of the work was formed by methods of analysis and synthesis of information, as well as regulatory legal acts that regulate criminal law in the field of economic crime and entrepreneurship.

Results of the study: at the legislative level, there is a mixture of spheres of legal regulation, primarily the scope of criminal and civil law. In some cases, the scale of criminality of entrepreneurship is greatly exaggerated,

as is the inconsistency of this factor with civil law foundations. This is justified by Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Findings and conclusions: liability for violation of the procedure for conducting business activities should be imposed administratively, with the possibility of using civil law norms to compensate for losses to the parties in connection with this illegal business activity. The main thing should not be the severity of the punishment, but the need to compensate for the damage caused to the state and individuals.

Keywords: economic crimes, criminal law norms, financial crimes, illegal entrepreneurship, money laundering, tax evasion, liability.

For citation: Dyatlov G. A. Analysis of the criminal law aspects of illegal entrepreneurship in the economic crime system / G. A. Dyatlov // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 137–141.

До сегодняшнего дня точного определения данного рода преступных деяний нет. Сам термин «преступление» трактуется во всех законодательных актах однозначно, при этом имеет практически идентичное наполнение. Споры касаются только возможности причисления деятельности в области экономики к разряду серьезных преступлений. Если принимать во внимание нормативы ст. 2 ГК РФ ч. 3, п. 1, то предпринимательство – это занятие, которое человек осуществляет сам, принимая во внимание и учитывая все вероятные риски. Граждане, занимающиеся этой деятельностью, обязаны зафиксировать свою занятость в органах власти [2, с. 199]. Это обязательное требование, которое прописано в ГК РФ.

В перечне вопросов, которыми занимается УК РФ, одним из важных аспектов является защита экономики страны от преступных деяний. В ст. 22 данного законодательного документа указывается, что большинство преступных деяний, которые относятся к экономической сфере, являются определенной угрозой для общества, государства, и оцениваются УК РФ в качестве опасных [1]. Именно в разделе 4 этого документа полностью прописаны нормативы преступных деяний из экономической сферы деятельности. В гл. 21 данного документа перечислены преступления, совершающиеся против собственности людей или организаций. В главе 22 присутствует список преступных деяний, которые совершаются во вред экономики страны и общества. Глава 23 содержит перечень противозаконных действий, наносящих вред компаниям. Нужно добавить, что 22 глава данного кодекса считается самой масштабной и включает 39 пунктов, в которых подробно описывается состав преступных деяний, за которые можно понести наказание [1].

Чтобы разбирать дела, относящиеся к сфере экономики, необходимо знать основы разных сопряженных сфер: финансов, бухучета, документооборота, банковской сферы, проведения экспертиз разного характера. Получается, что рассмотрение данного рода преступных деяний необходимо поручать квалифицированному в данной области персоналу [3, с. 100].

Преступные деяния из сферы экономики имеют собственные отличительные черты. Однако между ними всеми можно провести аналогию [4, с. 20]:

- почти все из них не определены данным законом, а имеют отсылку к другим статьям; данный факт часто является препятствием в присвоении определенного рода преступлениям квалифицирующих признаков, поскольку перед этим необходимо проанализировать огромный объем информации и выбрать норматив, к которому все данные относятся;

- практически каждое деяние данного рода имеет под собой финансовую базу, однако в соответствии со ст. 169 не разрешено мешать развитию предпринимательства в РФ, а в ст. 170 перечислены нарушения и нормы постановления на кадастровый учет земельных участков. В ст. 175 зафиксирована деятельность, связанная с покупкой и реализацией недвижимости, предметов, полученных неправомочным способом. Статья 178 позиционирует запреты в сфере конкурентности: о предотвращении, исключении или нивелировании ее полностью. 181 статья трактует нормы производства и применения клейм, 186 статья – фальшивомонетничество;

- почти в каждой из них подчеркивается намеренность данного рода деятельности;

- кроме уголовного наказания за перечисленные деяния может быть наложено – административное; это принимается во внимание, когда выясняется мера юридического наказания (например, когда в поле зрения закона попадают такие нарушения, как предпринимательство без государственного разрешения, преступное пользование чужой торговой маркой, недобросовестность предпринимателя в отношении банковских займов или других услуг, использование процедуры банкротства обманным путем и т. д.).

В самом наименовании закона и в содержании многих его норм есть такие понятия как «предпринимательская и экономическая деятельность». Насколько эти тезисы являются взаимозаменяемыми, спорят многие знатоки. С точки зрения уголовного права, не имеет смысла ставить эти тезисы на одну ступень. Это утверждение обосновано гл. 22 УК РФ [1]. Также в Конституции РФ, а точнее в ст. 34 указано, что любой гражданин обладает правами на беспрепятственное использование личных вещей и средств для ведения экономической деятельности предпринимательского характера, не возбраняющейся законодательством нашей страны. Получается, что предпринимательство – это одна из ветвей экономической деятельности, несущей общественно полезную нагрузку. Допустим, в ст. 171 прописаны признаки того, какую предпринимательскую деятельность можно считать незаконной. Статья 171.1 позиционирует нарушения, связанные с незаконными манипуляциями в областях транспортировки, реализации продукции без торговых марок. В 172 статье говорится о том, что такое незаконная работа организаций банковской сферы. Статья 174 определяет, на каких основаниях позиционируется вынесение приговора в сфере фальшивомонетничества и подделки документов. Объектами данного сегмента преступных деяний считаются гражданско- и административно-правовые отношения, исключая их в определенных областях ведения предпринимательской деятельности.

Чтобы выявить и подтвердить необходимость наложения уголовного наказания в данном конкретном случае, нужно понимать природу предпринимательства. Если определенные признаки преступного деяния присутствуют, то это влечет за собой наложение наказания в виде уголовной ответственности по другим нормативам Уголовного кодекса РФ, но не по его статье 171 [1]. Органы власти не всегда могут выявить, насколько та или иная работа приносит гражданину финансовую выгоду. Однако этот факт присутствует в ст. 2 ГК РФ и его необходимо выявлять в обязательном порядке. При всем этом, выяснить данный факт не всегда представляется возможным, поскольку расшифровка его признаков имеет свои разночтения. Допустим, одной из трудно решаемых задач следователей нужно назвать ту, при которой приходится выявлять признаки сделки в разрезе совершенного деяния. Ряд юридических деятелей уверены, что работа, основной целью которой является регулярное получение финансов, классифицируется с точки зрения заключения множества последовательных сделок. Именно это и можно в конечном итоге назвать предпринимательством [6, с. 10].

Самым верным приверженцем данной теории можно считать Т.Д. Устинову, которая в своих трудах утверждает, что не узаконенная предпринимательская деятельность, о которой говорится в ст. 171 УК РФ – это совокупность аналогичных действий, которые предприниматель совершает в рамках своей работы и получает в результате финансовые выгоды на постоянной основе [1]. Только в данном случае упор делается именно на множество однородных действий, тогда, как и единственную заключенную предпринимателем сделку можно классифицировать как его деятельность. В последнем случае речь идет об утверждениях М.Г. Жилкина [7, с. 35]. Так, он говорит, что предпринимательством можно назвать механизм методично реализуемых действий, итогом которых является получение предпринимателем финансовой выгоды. Такая работа может быть основана на множестве или одной единственной сделке. Подобного мнения придерживаются и научные деятели, изучающие ГК РФ.

Не узаконенная предпринимательская деятельность в качестве преступной позиционируется в ст. 171 УК РФ. В этом документе она представлена как предпринимательство без постановки на учет в регулирующих органах. То есть, человек, занимающийся предпринимательством, не подал соответствующие документы и сведения о своей работе, не получил на нее официального разрешения или нарушил лицензионные требования. Данный факт нанес урон социуму либо стране, что является последствием получения крупной прибыли.

Чтобы разграничить понятия «криминальная деятельность» и «не криминальная деятельность», регулирующие органы применяют следующие определения [8, с. 122]:

- государственные инстанции не имеют права излишне вмешиваться в работу индивидуальных предпринимателей;
- государственные органы призваны обеспечивать защиту ИП путем применения законодательных актов и гарантировать беспрепятственность осуществления его работы;
- государственные органы обязаны выявлять недобросовестных ИП;
- государственные органы обязаны блюсти интересы страны и безопасность ее экономического развития.

Если не регулировать данную сферу экономики, то государство лишается возможности точно знать, какая продукция и услуги предлагаются своими гражданами, просчитать масштабы товарооборота становится невозможно, а также вести перечень людей, занятых в предпринимательстве. Если страна не имеет перечисленных сведений, становится невозможно проводить продуманную политику в сферах экономики, финансов и налогообложения. Тогда как социальная угроза незаконной предпринимательской деятельности заключается не только в том, что она приносит вред всему обществу, но и в том, что она вредит самим владельцам бизнеса. Этот факт можно объяснить тем, что в их деятельность зачастую вмешивается организованная преступность. В данном случае предприниматель начинает прятать свою прибыль, легализуя средства с использованием серых мошеннических схем, вывозя их за границу и укрываясь от налогов.

С юридической точки зрения объект незаконной предпринимательской деятельности – это именно система ее реализации. То есть, не сложившиеся отношения с государством, социумом, органами регулирования, а именно необходимость регистрации собственного бизнеса, его легализация, лицензирование и т. д. Получается, что данный факт не имеет отношения к покушению на собственность предпринимателя и ограничение его в правах, а именно требование соблюдать закон и порядок в ведении своего дела. Данный факт подтверждается в ст. 171 УК РФ, где для подобных действий предусмотрена административная, а не уголовная ответственность [1].

Перечень преступных деяний, касающихся незаконного предпринимательства, представлен в ст. 171 УК РФ. Гораздо правильнее причислить их к проступкам, относящимся к разряду нарушения порядка взаимоотношений в экономической и общественной сферах. Этим фактом и руководствовался регулятор, когда предусматривал для них административную меру наказания.

Получается, что в гл. 22 УК РФ находятся нормативы для преступных деяний, классифицирующихся не по единому виду провинности, а по нескольким, каждый из которых является объектом недобросовестного ведения предпринимательской деятельности, что идет в разрез с интересами государства. Отметим, что в Особенной части Кодекса РФ не предусмотрена отдельная статья за преступления в сфере экономики. Однако есть нормативы о преступлениях административного характера в областях экономики, финансов, предпринимательства, налогов и сборов, активов, таможенного дела.

Нужно заметить, что подобный законодательный документ с точки зрения справедливости демонстрирует реально действующую правовую систему РФ и позволяет точно определить основу прописанных в нем нарушений.

Предметом настоящих рассуждений, как уже ранее было указано, является одна из норм уголовного закона, регламентирующая ответственность за ведение незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 Кодекса РФ) [1]. Проведение аналитической работы в отношении актуальной судебно-следственной практики указывает на наличие ошибок в практическом применении представленной нормы, это обуславливается искаженным пониманием ее сущности и неверным толкованием признаков, входящих в состав деяния. Изучив решения судов, основанные на применении нормы ст. 171 УК РФ, можно сделать вывод, что в большинстве случаев вынесенных приговоров по данным делам, лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 171, наказываются штрафом от 100 000 руб. [1].

В соответствии со ст. 171 УК РФ, нужно сказать, что в законодательной базе присутствует переплетение понятий из областей уголовного и права. По большому счету, не узаконенное предпринимательство излишне криминализируется и в ряде аспектов идет в разрез с нормативами ГК, равно как и в ситуациях, перечисленных в ст. 171 УК РФ.

Таким образом, возникает потребность в декриминализации нормы УК РФ, ставшей предметом настоящих рассуждений. Ответственность за нарушение порядка ведения предпринимательской деятельности должна наступать в административном порядке, с возможностью использования гражданско-правовых норм по возмещению убытков сторонам в связи с данной незаконной предпринимательской деятельностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство и смежные составы. СПб., 2022.
3. Александрова В.В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: дис ... канд. юрид. наук. М., 2018.
4. Батютина Т.Ю. Роль норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.
5. Беларева О.А. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2020.
6. Быкова А.Г. «О социальном характере предпринимательской деятельности» // Предпринимательское право. Прил. «Бизнес и право в России и за рубежом». 2019. № 3.
7. Жилкин М.Г., Земцова А.В. К вопросу о применении норм об уголовной ответственности за криминальные банкротства // Общество и право. 2017. № 4(62).
8. Расторопова О.В., Нечаев А.Д. Преступления экономической направленности: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2.
9. Хачатрян А.С. Договорное регулирование корпоративных отношений. М., 2022.
10. Ященко А.С. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений // Вестник БГУ. 2015. № 3.

REFERENCES

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, № 25, art. 2954. Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Aistova L.S. Illegal entrepreneurship and related offenses. St. Petersburg, 2022.
3. Aleksandrova V.V. Crimes in the sphere of economy: problems of correlation and distinction with civil offenses: diss ... PhD in Law. Moscow, 2018.
4. Batyutina T.Yu. The role of civil law norms in the process of qualification of crimes in the sphere of economic activity: author's abstract. diss ... PhD in Law. Krasnodar, 2019.
5. Belareva O.A. Criminal-legal characteristics of illegal entrepreneurship (Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation): author's abstract. dis. ... PhD in Law. Tomsk, 2020.
6. Bykova A.G. «On the social nature of entrepreneurial activity» // Entrepreneurial law. Appendix «Business and law in Russia and abroad». 2019. № 3.
7. Zhilkin M.G., Zemtsova A.V. On the issue of applying the rules on criminal liability for criminal bankruptcies // Society and law. 2017. № 4 (62).
8. Rastoropova O.V., Nechaev A.D. Economic crimes: concept, features, system // Gaps in Russian legislation. 2017. № 2.
9. Khachatryan A.S. Contractual regulation of corporate relations. Moscow, 2022.
10. Yashchenko A.S. Intentional bankruptcy: problems of qualification and delineation of related crimes // Bulletin of BSU. 2015. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дятлов Георгий Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института. Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
ORCID: 0000-0001-7708-4386

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dyatlov Georgy Alexandrovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Law Institute. Sevastopol State University. 33, University St., Sevastopol 299053 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 142–149.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 142–149.

Научная статья

УДК 343.985.7

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Еремин Сергей Германович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация

sg-eremin@mail.ru

Введение: в статье рассмотрены некоторые особенности допроса подозреваемых лиц, его тактико-психологические приемы, способствующие эффективности расследования преступлений, совершаемых при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности. Раскрывается специфика допроса подозреваемых лиц на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере, связанной с незаконной предпринимательской деятельностью. Освещены пути успешного решения задач начального этапа расследования данной категории дел, для которого характерно разрешение обширного круга вопросов, касающихся различных секторов экономики, требующих от инициатора допроса (дознателя, следователя) глубоких специальных познаний в различных ее областях.

Материалы и методы: в основу исследования положены общенаучные методы синтеза, анализа, что позволило изложить необходимые действия дознателя, следователя при подготовке к допросу, предложить комплекс специфических вопросов, задаваемых при допросе подозреваемого по рассматриваемой категории уголовных дел.

Результаты исследования: отражены проблемы инициаторов раскрытия и расследования преступлений, возникающие в процессе допроса подозреваемых лиц по делам рассматриваемой категории, указаны пути эффективности установления психологического контакта с допрашиваемыми подозреваемыми. Определена очередность их допроса и порядок предъявления ряда важных документов (регистрационных, лицензионных, бухгалтерских учетно-отчетных, актов инвентаризаций, ревизий, налоговых проверок, объяснений и протоколов допросов свидетелей и иных проходящих по делу лиц, а также криминалистически значимой информации и доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Выводы и заключения: автор раскрыл проблемы дознателей и следователей в части образования их трудностей по установлению эффективного психологического контакта с допрашиваемыми подозреваемыми. В таких случаях, как правило, допрос происходит в условиях конфликтной ситуации, образуется «психологическая борьба», заключающаяся в эмоциональном напряжении между инициатором допроса и подозреваемым лицом.

Ключевые слова: допрос, подозреваемое в преступлении лицо, тактический прием, психологический прием, криминалистически значимая информация, доказывание, преступления, незаконная предпринимательская деятельность.

Для цитирования: Еремин С. Г. Особенности тактики допроса подозреваемых в незаконной предпринимательской деятельности / С. Г. Еремин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 142–149.

Original paper

FEATURES OF THE TACTICS OF INTERROGATION OF SUSPECTS IN ILLEGAL ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Eremin Sergey Germanovich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article considers some features of interrogation of suspects, its tactical and psychological techniques that contribute to the effectiveness of the investigation of crimes committed in the implementation of illegal entrepreneurial activity. The specifics of interrogation of suspects at the initial stage of investigation of crimes in the sphere related to illegal entrepreneurial activity are revealed. The ways of successful solution of

tasks of the initial stage of investigation of this category of cases are highlighted, which is characterized by the resolution of a wide range of issues related to various sectors of the economy, requiring from the initiator of interrogation (inquiry officer, investigator) deep specialized knowledge in its various areas.

Materials and methods: the study is based on general scientific methods of synthesis, analysis, which made it possible to outline the necessary actions of the inquiry officer, investigator in preparation for interrogation, to propose a set of specific questions asked during interrogation of a suspect in the category of criminal cases under consideration.

Results of the study: the problems of initiators of disclosure and investigation of crimes arising in the process of interrogation of suspects in cases of the category under consideration are reflected, the ways of effective establishment of psychological contact with interrogated suspects are indicated. The order of their interrogation and the procedure for presenting a number of important documents (registration, licensing, accounting and reporting, acts of inventories, audits, tax audits, explanations and protocols of interrogations of witnesses and other persons involved in the case, as well as forensically significant information and evidence obtained in the course of operational-search activities are determined.

Findings and conclusions: the author revealed the problems of investigators and interrogators in terms of the formation of their difficulties in establishing effective psychological contact with the interrogated suspects. In such cases, as a rule, the interrogation takes place in a conflict situation, a «psychological struggle» is formed, consisting in emotional tension between the initiator of the interrogation and the suspect.

Keywords: interrogation, person suspected of a crime, tactical technique, psychological technique, forensically significant information, proof, crimes, illegal entrepreneurial activity.

For citation: Eremin S. G. Features of the tactics of interrogation of suspects in illegal entrepreneurial activity / S. G. Eremin // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 142–149.

Доподлинно известно, что ни один процесс раскрытия и расследования преступлений любых видов не обходится без установления, задержания и допроса лиц, подозреваемых в преступном деянии. Очевидной является специфика допроса подозреваемых лиц на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере экономики, в частности, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью. Это обусловлено задачами начального этапа расследования данной категории дел, для которого характерно разрешение обширного круга вопросов, касающихся различных секторов экономики, неизбежно требующих от инициатора допроса (дознателя, следователя) глубоких специальных познаний в разноаспектных областях криминалистики, экономики, бухгалтерского учета, судебной бухгалтерии, товароведения, ценообразования и др.

Согласно ст. 46, 49–51 УПК РФ, в случае возбуждения уголовного дела в отношении подозреваемого лица с момента его задержания на допустимых законом 48 часов или избрания ему меры пресечения (до предъявления обвинения) либо уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223. 1 УПК РФ) лицо находится в процессуальном статусе подозреваемого. В связи с таким статусом при допросе лица в качестве подозреваемого предусмотрено обязательное присутствие защитника или при согласии подозреваемого – доверитель, назначенный органом дознания либо следствия [1]. Напомним, что защитником является адвокат, которому выписан соответствующий документ – ордер на защиту конкретного лица. В обязанности защитника входит контроль за любыми нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства в ходе проводимого дознавателем, следователем допроса подозреваемого.

Успех в получении криминалистически значимой информации и доказательств при допросе приносят избранные эффективные тактико-психологические приемы, которые, по справедливому утверждению А.Ф. Лубина, являются «не правилами, не императивными требованиями, существующими в плоскости «правильно – неправильно», а в плоскости «причина – следствие» [2, с. 246]. Вне всякого сомнения, допрос подозреваемых по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, является не только одним из важных, но и сложных следственных действий. По справедливому мнению Е.И. Замылина, «процесс установления истины не ограничивается получением признательных показаний от допрашиваемого, выяснением обстоятельств по делу, но и решает другую, не менее важную задачу – оказание положительного воспитательного воздействия» [3, с. 30].

Цель допроса подозреваемых по исследуемым уголовным делам в сфере незаконной предпринимательской деятельности состоит в получении от допрашиваемых правдивых показаний о характере и масштабе преступной деятельности, составе участников преступной группы, сумме причиненного ущерба, местах нахождения похищенного имущества, влияющих на принятие решения об избрании меры пресечения.

Успешное расследование преступлений, связанных с незаконным предпринимательством, невозможно без соблюдения специальных тактико-психологических приемов допроса подозреваемых, что во многом обусловлено особенностями следственных ситуаций, избранной подозреваемым лицом позиции – содействия или противодействия органам дознания, следствия, имеющимся объемом веских доказательств, которыми располагает дознаватель, следователь на момент допроса. До сих пор неоспоримым является вывод А.Е. Ямпольского о том, что «успех допроса зависит и от того, насколько эффективно следователь подготовился к нему» [4, с. 23].

Изучив материалы уголовных дел, приходим к выводу, что при подготовке к допросу подозреваемого дознавателю, следователю, в первую очередь, необходимо: а) изучить материалы уголовного дела; б) определить предмет показаний подозреваемого; в) изучить социальные и психологические качества личности подозреваемого; г) обозначить круг лиц, участвующих в допросе (защитник, переводчик и др.) и принять меры к их явке; д) избрать время и место допроса, способ и очередность вызова на допрос лиц (если в деле участвуют несколько подозреваемых); подготовить доказательства для их использования в нужный момент во время допроса; подготовить необходимые средства фиксации показаний (бланки протоколов допроса подозреваемого, аудио- и видеоаппаратуру).

Готовясь к допросу, дознавателю, следователю нужно знать правила регистрации и специфику субъектов предпринимательства, порядок и условия получения соответствующих лицензий (разрешений) на занятие предпринимательской деятельностью. Во избежание возможных затруднений дознавателю, следователю требуется ознакомиться с положениями законодательства, которые были нарушены, изучить нормативные акты, регулирующие деятельность предпринимателей, при необходимости проконсультироваться со специалистами в различных областях знаний, интересующих следствие.

Дознавателю, следователю важно усвоить предмет допроса каждого вызываемого для этой цели подозреваемого, а если у него нет четкого представления об обстоятельствах, подлежащих установлению, то они, как это нередко бывает, останутся невыясненными. В таком случае в показаниях будут зафиксированы не относящиеся к делу сведения и окажется, что положить в основу обвинения или оправдания подозреваемых нечего – проще говоря, допрос прошел «впустую», не принес желаемых результатов. Тщательное детальное изучение социально-демографических данных, психологических, психофизиологических качеств подозреваемого вне всякого сомнения будет способствовать установлению с ним психологического контакта.

В научных трудах по криминалистике и психологии ученые оперируют многими дефинициями «психологического контакта». Нам импонирует определение данного понятия, сформулированного известным ученым-криминалистом Н.И. Порубовым, который отмечает: «Психологический контакт – это система взаимодействия людей в процессе их общения, основанного на доверии; информационный процесс, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга» [5, с. 73].

Представляется, что установление психологического контакта заключается в успешном поиске и установлении дознавателем, следователем бесконфликтной, доверительной, открытой личностной, информационной, поведенческой, психофизиологической связи между участниками общения.

Думается, Л. Шейнин прав: «Тактический путь установления контакта сводится, прежде всего, к тому, что следователь при допросе обвиняемого обращается к добрым началам, нередко живущим, хоть и в дремлющем состоянии, в душе человека, совершившего преступление» [6, с. 262].

Следственно-судебной практикой не раз приобретался положительный опыт того, что умелое использование дознавателем, следователем при допросе психологических, психических, интеллектуальных особенностей личности преступника, его окружения реально обуславливало быстрое установление доверительного контакта с подозреваемым лицом.

При этом надлежит воздействовать на положительные стороны личности подозреваемого, стремиться убедить его в бессмысленности запирательства, избличение подтверждать конкретной информацией и доказательствами, разъяснить, что дальнейшее отрицание причастности к преступлению только осложнит участь. Однако не лишним будет учесть справедливое предостережение Б.И. Исмаилова о том, что «чрезмерное давление на подозреваемого во время допроса для побуждения к даче показаний может привести к получению ложного признания, данного допрашиваемым с целью исключения дальнейшего давления» [7, с. 73].

Криминалистически значимую информацию о личности допрашиваемого инициаторы допроса должны получить из материалов оперативно-розыскной деятельности и уголовного дела. Полагаем, тактико-психологические особенности состоят в том, что прежде целесообразно допросить подозреваемых, показания которых более достоверны, либо лиц, участвовавших в преступлении во «второстепенной» роли, а также вовлеченных в преступную группу путем подкупа, шантажа, угрозы или реального применения физического насилия. При этом важно знать взаимоотношения между соучастниками преступления (более мягкий подход к тем, кто совершил преступления впервые, или несколько жесткий к повторно совершившим преступное деяние. Такой подход позволяет проанализировать степень доказанности участия в преступлении каждого подозреваемого. Н.М. Гаврилина скорее всего права, когда считает, что «допрос соучастников лучше провести одновременно разными следователями, но так, чтобы преступники знали факт допроса, но не его содержание» [8 с. 40].

Рекомендуем составлять план допроса подозреваемого, в который включен перечень обстоятельств, подлежащих установлению, вопросы, которые следует задать допрашиваемому, предусмотрев их последовательность, доказательства, подлежащие предъявлению. Вопросы не должны быть сложными, непонятными подозреваемому, двусмысленными, наводящими, не следует выделять их повышением или понижением тона голоса и жестами пальцев рук.

Так, по делам о рассматриваемых преступлениях Ф.П. Поздняков рекомендует получить ответы на вопросы: а) кто и когда организовал преступную деятельность; б) где и кем осуществлялась купля-продажа товаров и продуктов, ставших предметом преступления; оформлялись ли такие операции фиктивными документами (договорами, накладными и пр.); каковы были наименование, вид, цена и стоимость товаров и продуктов, где и как они хранились, кому реализовывались; кто, кому, и в каком размере сдавал выручку наличных денег, полученных с продаж, кто снимал показания со счетчиков кассового аппарата, терминала при оплате банковской картой, и др. [9, с. 24–29].

Изучив и проанализировав уголовные дела о преступлениях в сфере незаконной предпринимательской деятельности, следует отметить, что в процессе ее осуществления правовые документы (договора, бухгалтерского учета, отчеты в налоговые органы и др.) практически всегда не оформляются, а если и присутствуют, то в основном подложные. Считаем целесообразным предложить следующий комплекс вопросов, задаваемых при допросе подозреваемого:

- имело ли место обращение в органы исполнительной власти за получением лицензии (разрешения на занятие предпринимательской деятельностью, если да, то каким ее видом;
- был ли зарегистрирован допрашиваемый в качестве предпринимателя, если нет, то по какой причине;
- с какого времени осуществляется незаконная предпринимательская деятельность, кто ее организовал;
- на чьи средства была организована незаконная предпринимательская деятельность;
- где, кем и как велась купля-продажа товаров, продуктов, оформлялись ли торговые сделки документами учета (договорами, актами закупок, счетами-фактурами, доверенностями, транспортными накладными);
- кто транспортировал товары от поставщиков, их наименование, вид, цена, условия упаковки и хранения;
- кто производил расчеты с покупателями в наличной или безналичной форме, где хранилась и кому сдавалась денежная выручка;
- изымались ли денежные средства из выручки торговой организации, если да, то кем, для какой цели и возмещалось ли изъятное;
- передавались ли товары, продукты и денежные средства другим лицам, кому, когда, какие суммы, как они учитывались;

- передавался ли товар, продукты, деньги иным материально ответственным лицам для покрытия их недостач, возвращались ли эти долги;
- с какими юридическими и физическими лицами (банки, ИП, ООО, ИФНС, и др.) было налажено сотрудничество в плане финансово-хозяйственной деятельности;
- заключались и подписывались ли хозяйственные договоры на товарные операции с другими фирмами, и как они выполнялись;
- в каких банках организация имеет расчетный счет, как и кто осуществляет с него получение и сдачу денег;
- за какой период не уплачивались налоги и сборы в бюджет от предпринимательской деятельности, и в каких размерах;
- каким образом и выплачивалась ли работникам организации заработная плата (на банковскую карту или наличными);
- учитывались ли какими-либо бухгалтерскими документами либо «черновыми записями» операции при незаконной предпринимательской деятельности, кем такой учет велся;
- какова сумма дохода получена от незаконной предпринимательской деятельности за определенный период времени, как он распределялся между участниками, на какие цели расходовались деньги.

При допросе подозреваемых лиц дознаватель, следователь должны стремиться к созданию бесконфликтной ситуации, ведь известно, что лишь в случае установления психологического контакта с допрашиваемым можно рассчитывать на получение правдивых показаний, позволяющих положить доказательства в основу обвинения.

Зачастую очевидны проблемы дознавателей и следователей в части наличия трудностей по установлению эффективного психологического контакта с допрашиваемыми. В этих случаях, как правило, допрос происходит в условиях конфликтной ситуации, образуется «психологическая борьба», заключающаяся в эмоциональном напряжении между инициатором допроса и подозреваемым. Сказанное обуславливает необходимость предъявления высоких требований к профессиональной психологической подготовке правоохранителей с учетом его личности, владению способами психологической защиты и психологического воздействия, порой весьма жесткого, избегая провокаций, способных вызвать нервные эмоциональные, психологические срывы у допрашиваемого.

Относительно конфликтных ситуаций, возникающих при допросе подозреваемого, мы приемлем ту классификацию, что обосновали ученые-криминалисты Н.И. Кулагин и Н.И. Порубов, которые выделили такие, которые: а) выражаются в отказе лица общаться с дознавателем, следователем и давать ему вообще какие-либо показания (ст. 51 Конституции РФ); б) проявляются в виде уничтожения или повреждения доказательств преступления, подговора свидетелей, их шантаж и запугивание с намерением склонить к даче «нужных» подозреваемым показаний; в) заключаются в попытках нанесения себе ранений, совершении общественно опасных действий в отношении дознавателя, следователя, попытках освободиться из-под стражи путем побега и иных действиях, направленных на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу [10, с. 7].

Дознавателю, следователю мы можем рекомендовать некоторые эффективные, на наш взгляд, приемы, избобличающие допрашиваемых подозреваемых (обвиняемых) во лжи, способствующие преодолению запертательства, попыткам ввести следствие в заблуждение. В числе таких приемов Р.С. Белкин и И.М. Лузгин выделили:

1) *приемы эмоционального воздействия* (побуждение к раскаянию и чистосердечному признанию; воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого; использование антипатии допрашиваемых к кому-либо из соучастников; использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда допрашиваемый их не ждет);

2) *приемы логического воздействия* (предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого; предъявление доказательств, требующих от допрашиваемого детализации показаний, которая приведет к противоречиям между ним и соучастниками; логический анализ противоречий, имеющих в показаниях допрашиваемого, необъяснимых с точки зрения его показаний о случившемся; логический анализ противоречий между интересами допрашиваемого и интересами его соучастников; доказывание бессмысленности занятой позиции, которая не может помешать установлению истины);

3) *тактические комбинации* (приемы, преследующие цель сокрытия от допрашиваемого осведомленности следствия о тех или иных обстоятельствах дела; метод косвенного допроса; приемы по созданию ситуации, при которой допрашиваемый проговаривается) [11, с. 152–154].

Отбор веских неопровержимых доказательств, своевременное оперирование ими при допросе подозреваемых является одним из действенных способов их изобличения в даче ложных показаний. Так, например, профессор А.А. Закатов, верно отмечает, что «разрушение надежды подследственного на недостаточность собранных против него улик способствует получению полных и правдивых показаний от подозреваемого» [12, с. 108].

Готовясь к допросу подозреваемого, дознаватель, следователь должны изучить и проанализировать, если имелись в наличии: бухгалтерская документация, акты ревизий, аудиторских проверок, видеоматериалы, записи прослушанных телефонных разговоров и иные доказательства для решения вопроса о возможности их предъявления во время допроса. Требуется предусмотреть и возражения по этому поводу от защитника и подозреваемых, пытающихся опровергнуть доказательственные факты. Успех принесут правильно систематизированные и предъявляемые в ходе допроса подозреваемым лицам подложные учредительные, бухгалтерские документы, «черновые записи», расчеты, схемы и графики о преступной предпринимательской деятельности.

Ученые А.П. Резван и А.В. Носов справедливо отмечают, что «в условиях трансформировавшейся преступности, а вместе с тем и личности преступника, почти все подозреваемые и обвиняемые отрицают свою вину, дают противоречащие материалам уголовного дела показания, выдвигают всевозможные оправдательные версии, стремятся ввести следствие в заблуждение» и сами уйти от ответственности [13, с. 345].

Следственно-судебная практика показывает, что многие подозреваемые по делам о незаконной предпринимательской деятельности лица высокообразованные, обладающие хорошими знаниями в области юриспруденции, экономики, способные правильно оценить силу предъявляемых на допросе доказательств. При этом задача дознавателя, следователя «переиграть» преступника, используя весь известный ему арсенал тактико-психологических приемов. Порядок предъявления доказательств будет зависеть от личности подозреваемого, криминалистической значимости доказательственной базы.

Доказательства лучше предъявлять подозреваемому внезапно, что дает ожидаемый эффект, особенно при противоречащих данным фактам, говорить о наличии доказательств до их предъявления нецелесообразно, чтобы исключить возможность подозреваемого психологически подготовиться к изобличению. В то же время несвоевременное предъявление доказательств, без учета логической последовательности их значимости, скорее всего окажется неэффективным. В части изложенного прав А.П. Дербенев, который предлагает «в процессе допроса предъявить сначала самое сильное, решающее доказательство» [14, с. 87].

На усмотрение дознавателя, следователя на допросе может быть предъявлена вся совокупность уличающих доказательств, чтобы сразу убедить в бесполезности отрицания вины. При допросах с предъявлением протоколов прослушивания и звукозаписи, когда наличие у следствия этих материалов является неожиданным для допрашиваемого, следует предварительно получить от него показания, расшифровывающие результаты «закодированных» сведений. Так, С.С. Симонов полагает, что «в зависимости от того, как воспримет допрашиваемый полученные таким путем показания, доказательственная база может существенно расшириться» [15, с. 62].

Если подозреваемый изменил свои показания, достоверность данных им новых сведений следует оценить и проверить путем сопоставления с прежними показаниями, иными доказательствами по делу, в том числе с помощью следственных действий, которые могут подтвердить или опровергнуть правдивость показаний. Изменение отдельных деталей в показаниях может быть результатом забывчивости и подозреваемому лицу необходимо помочь вспомнить эти детали. Однако следователя должно насторожить заученное подробное повторение ранее данных показаний, поскольку это может свидетельствовать о заведомо подготовленном ложном объяснении.

Напомним справедливый вывод С.В. Шепелева вывод о том, что «подозреваемые часто отказываются от данных ранее правдивых показаний, если у них появляется надежда избежать уголовной ответственности за преступление, например, под влиянием советов сокамерников, защитника или других заинтересованных в исходе дела лиц» [16, с. 9].

По завершению дознавателем, следователем допроса подозреваемого составляется протокол, с содержанием которого знакомятся как подозреваемый, так и его защитник. После прочтения протокола допроса подозреваемого они отдельно расписываются за разъяснение прав и обязанностей (еще в начале допроса). После прочтения, в конце протокола допроса подозреваемый собственноручно записывает: «Протокол мной прочитан лично, с моих слов записано правильно, замечаний и дополнений не имею». Данная запись удостоверяется его подписью и подписью защитника.

В заключение отметим, что при расследовании преступлений, совершенных в сфере незаконной предпринимательской деятельности, во время допроса подозреваемого рекомендуется применять классические тактические приемы: использование положительных свойств личности подозреваемого; ассоциация по контрасту, сходности; перифраза; допущение легенды; пресечение лжи; информационный, коммуникативный вакуум; создание преувеличенного представления об осведомленности следователя; форсированный, замедленный темп [17, с. 136]. Такой подход обеспечит дознавателю, следователю занять выигрышную позицию, добиться желаемого результата (получение неопровержимых доказательств в отношении лица, подозреваемого в преступлении).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. от 14 марта 2009 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Криминалистика: курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. Нижний Новгород, 2018.
3. Замылин Е.И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации. Волгоград, 1998.
4. Ямпольский А.Е. Научные основы тактики допроса подозреваемого: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1971.
5. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973.
6. Шейнин Л. Записки следователя. М., 1962.
7. Исмаилов Б.И. Международные стандарты прав человека для органов по поддержанию правопорядка. Ташкент, 2006.
8. Гаврилина Н.М. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) // Вопросы теории и практики раскрытия и расследования преступлений. Волгоград, 2007.
9. Поздняков Ф.П. Расследование хищений в системе торговли: учебное пособие. Волгоград, 1979.
10. Кулагин Н. И., Порубов Н.И. Организация и тактика допроса в условиях конфликтной ситуации. Минск, 1977.
11. Белкина Р.С., Лузгина И.М. Криминалистика. М., 1980.
12. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1999.
13. Криминалистика: учебник / под ред. А.А. Закатова, Б.П. Смагоринского. Волгоград, 2000.
14. Дербенев А.П. О психологических приемах допроса на предварительном следствии // Правоведение, 1981. № 1.
15. Симонов С.С. Использование материалов прослушивания телефонных и иных переговоров при расследовании уголовных дел // Информационный бюллетень СК МВД России. 1998. № 4 (97).
16. Шепелева С.В. Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний. СПб, 2001.
17. Серебров Д.О., Пироженков С.А. Особенности производства допросов при расследовании преступлений в сфере инвестиционной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 6.

REFERENCES

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation (as amended and supplemented on March 14, 2009). Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Forensic Science: Lecture Course / edited by A.F. Lubin. Nizhny Novgorod, 2018.

3. Zamylin E.I. Tactical and Psychological Foundations of Interrogation in a Conflict Situation. Volgograd, 1998.
4. Yampolsky A.E. Scientific Foundations of Tactics of Interrogation of a Suspect: diss. ... PhD in Law. Minsk, 1971.
5. Porubov N.I. Interrogation in Soviet Criminal Proceedings. Minsk, 1973.
6. Sheinin L. Notes of an Investigator. Moscow, 1962.
7. Ismailov B.I. International Human Rights Standards for Law Enforcement Agencies. Tashkent, 2006.
8. Gavrilina N.M. Peculiarities of Tactics of Interrogation of a Suspect (Accused) // Theoretical and Practical Issues of Detection and Investigation of Crimes. Volgograd, 2007.
9. Pozdnyakov F.P. Investigation of Embezzlement in the Trade System: A Textbook. Volgograd, 1979.
10. Kulagin N.I., Porubov N.I. Organization and Tactics of Interrogation in a Conflict Situation. Minsk, 1977.
11. Belkina R.S., Luzgina I.M. Forensic Science. Moscow, 1980.
12. Zakatov A.A. Lies and the Fight Against Them. Volgograd, 1999.
13. Forensic Science: A Textbook / edited by A.A. Zakatov, B.P. Smagorinsky. Volgograd, 2000.
14. Derbenev A.P. On psychological interrogation techniques during preliminary investigation // Jurisprudence, 1981, № 1.
15. Simonov S.S. Use of wiretapping materials and other conversations in the investigation of criminal cases // Information bulletin of the Investigative Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1998. № 4 (97).
16. Shepeleva S.V. Tactics of interrogating persons with an intention to give false testimony. St. Petersburg, 2001.
17. Serebrov D.O., Pirozhenkov S.A. Features of interrogation proceedings during the investigation of crimes in the sphere of investment activities // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Еремин Сергей Германович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД. Волгоградская академия МВД России. Российская Федерация, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eremin Sergey Germanovich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criministics UNK on PS in the IAA. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 150–156.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 150–156.

Научная статья

УДК 343.98

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

Исаханова Елена Вячеславовна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация

elenaisakhanova@yandex.ru

Введение: в статье проведен содержательный анализ организации первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента. Изложено содержание следственных ситуаций и особенности версионной деятельности следователя. Обращено внимание на целесообразность использования специальных знаний при проведении неотложных следственных действий.

Материалы и методы: эмпирическую основу криминалистического исследования составляют материалы уголовных дел, возбужденных по факту оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, а также анализ данных, полученных в процессе анкетирования субъектов расследования. Для достижения поставленных целей и формулирования полученных выводов автором использовался всеобщий диалектический метод познания, методы анализа и синтеза. При изучении деятельности следователя на первоначальном этапе расследования применялись системно-структурный и функциональные методы исследования.

Результаты исследования: обоснована целесообразность использования специальных знаний в области медицины на всем протяжении первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии, в том числе при анализе исходных материалов и сборе криминалистически значимой информации о противоправном событии. Выделены содержательные составляющие следственных ситуаций, формирующихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Предложена криминалистическая формула, обеспечивающая декомпиляцию организационной и содержательной составляющих деятельности, направленной на познание следственной ситуации, выдвижение общей и частных следственных версий, а также формирование оптимального алгоритма действий следователя на первоначальном этапе расследования преступлений.

Выводы и заключения: в целях оптимизации и повышения эффективности первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, предлагается применение сформированных криминалистических рекомендаций по использованию специальных знаний в области медицины, а также разработанной криминалистической декомпиляционной формулы.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, ненадлежащее оказание медицинской помощи, преступления в сфере косметологии, преступления в сфере медицины, первоначальный этап расследования.

Для цитирования: Исаханова Е. В. Вопросы организации первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности / Е. В. Исаханова // Юрист-Правоведъ : научн.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110).– С. 150–156.

Original paper

ISSUES OF ORGANIZING THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF IATROGENIC CRIMES IN THE PROVISION OF COSMETIC SERVICES THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS

Isakhanova Elena Vyacheslavovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article provides a substantive analysis of the organization of the initial stage of investigation of iatrogenic crimes in the field of rendering cosmetology services that do not meet the safety requirements for the life and health of the patient. The content of investigative situations and the features of the investigator's version activities are presented. Attention is drawn to the advisability of using special knowledge when conducting urgent investigative actions.

Materials and methods: the empirical basis of the forensic study is the materials of criminal cases initiated on the fact of rendering cosmetology services that do not meet the safety requirements for the life and health of the patient, as well as the analysis of data obtained in the process of questioning the subjects of the investigation. To achieve the set goals and formulate the obtained conclusions, the author used the general dialectical method of cognition, methods of analysis and synthesis. When studying the investigator's activities at the initial stage of the investigation, systemic-structural and functional research methods were used.

Results of the study: the expediency of using specialized knowledge in the field of medicine throughout the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes in the field of cosmetology, including during the analysis of source materials and the collection of forensically significant information about the illegal event, is substantiated. The substantive components of investigative situations that are formed at the initial stage of the investigation of crimes in the field of providing cosmetology services that do not meet safety requirements are identified. A forensic formula is proposed that ensures decompilation of the organizational and substantive components of the activity aimed at understanding the investigative situation, putting forward general and specific investigative versions, as well as the formation of an optimal algorithm of the investigator's actions at the initial stage of the investigation of crimes.

Findings and conclusions: in order to optimize and improve the efficiency of the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes in the field of providing cosmetology services that do not meet safety requirements for the life and health of the patient, it is proposed to use the formed forensic recommendations on the use of specialized knowledge in the field of medicine, as well as the developed forensic decompilation formula.

Keywords: iatrogenic crimes, improper provision of medical care, crimes in the field of cosmetology, crimes in the field of medicine, initial stage of investigation.

For citation: Isakhanova E. V. Issues of organizing the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes in the provision of cosmetic services that do not meet safety requirements / E. V. Isakhanova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 150–156.

Первоначальный этап расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, имеет высокое криминалистическое, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение, поскольку в ходе неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий разрешаются задачи, связанные с поиском, закреплением и оценкой следов противоправного деяния, изучением исходных материалов, анализом собранной криминалистически значимой информации, установлением наличия состава преступления, выдвижением следственных версий, а также принятием мер по предотвращению противодействия следствию со стороны лиц, причастных к совершению уголовно-наказуемого деяния.

Согласно проведенному анкетированию сотрудников органов предварительного расследования, около 70 % респондентов отметили потребность в методических рекомендациях, раскрывающих организационно-тактические и методические особенности первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии, а также отдельных следственных действий. Данное обстоятельство во многом обусловлено отличиями организации косметологической деятельности, не отвечающей требованиям безопасности, от лицензированной медицинской деятельности в целом, предопределяющими нетипичные для ятрогенных преступлений следовую картину, обстановку и механизм совершения преступления, а также содержание исходных следственных ситуаций.

В связи с этим специфика расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг обуславливает нецелесообразность применения общей методики расследования ятрогенных преступлений и формирует потребность, в том числе в разработке научно-практических подходов, раскрывающих организационные, тактические и методические особенности первоначального этапа расследования данной категории преступлений.

В ходе изучения особенностей первоначального этапа расследования преступлений считаем целесообразным подчеркнуть, что функциональное содержание формирующих его неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, как правило, характеризуется дефицитом времени, недостаточностью, а в некоторых случаях избыточностью

исходной информации, динамичностью развития событий, обуславливающих изменчивостью складывающейся следственной ситуации и необходимостью решения многоцелевой совокупности задач [1, с. 314].

Отмеченные специфические черты первоначального этапа расследования преступлений, предопределяющие сложность и неопределенность реализации комплекса неотложных следственных действий, согласно результатам анализа следственной практики, присущи и процессу расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента. Вместе с тем сложность первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии зачастую обуславливается отсутствием у следователя специальных знаний в области косметологии и пластической хирургии.

В связи с этим полагаем, что данное обстоятельство обуславливает целесообразность привлечения специалистов по профилю «Косметология» и «Пластическая хирургия» на этапе сбора информации, необходимой для установления обстоятельств произошедшего события. При этом, в случае избытка исходных данных, например, при обращении потерпевшего в правоохранительные органы после прохождения им ряда медицинских процедур, направленных на устранение ятрогенных последствий ранее оказанных косметологических услуг, и предоставлении в органы внутренних дел оригиналов (дубликатов, вторых экземпляров) документов, отражающих характер образованных патологий и содержание мер, принятых для их устранения, считаем целесообразным привлечение специалистов в области медицины уже на этапе анализа поступивших на проверку о совершении преступления материалов. Причем наиболее целесообразной и эргономичной формой реализации специальных знаний в области эстетической медицины на этапе проверки сообщения о преступлении считаем предоставление следователю медицинским работником необходимых сведений путем консультации, данной в устной форме.

При обосновании суждения о целесообразности использования специальных знаний в области медицины на этапе проверки сообщения о преступлении следует обратить внимание на то, что привлечение специалистов в отдельных областях медицинских наук на всех этапах расследования ятрогенных преступлений, в том числе первоначальном, является достаточно актуальным организационным подходом в криминалистике, обусловленным несовершенством методики расследования данных преступлений. Отмечается, что даже кратковременная консультация с медицинским работником обеспечивает эффективность следственных действий, направленных на поиск, фиксацию и изучение следов ятрогенного преступления [2, с. 70].

В ходе дальнейшего рассмотрения особенностей первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, считаем целесообразным раскрыть характер и сущность потенциальных следственных ситуаций, складывающихся при проведении неотложных следственных действий.

Влияние следственных ситуаций на функциональное содержание и протяженность первоначального этапа расследования преступлений, а также алгоритм действий следователя отмечается в работах многих ученых криминалистов [3, с. 86; 4, с. 74]. При этом, поддерживая Г.А. Варданян, следует подчеркнуть целесообразность дифференциации исходных следственных ситуаций и поводов для возбуждения уголовного дела, поскольку последние являются юридическим фактором, порождающим уголовно-процессуальные правоотношения, и предшествуют возникновению следственной ситуации [5, с. 110].

Изучение материалов следственной практики позволили выделить типичные поводы для проверки сообщения о преступлении, а при наличии соответствующих оснований – для возбуждения уголовного дела по факту оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, служат:

- заявления лиц, здоровью которых причинен вред в результате ненадлежащего оказания косметологических услуг, либо заявления их родственников (76 %);
- сообщения в органы внутренних дел из медицинских организаций, содержащие сведения о пациентах с признаками причинения вреда жизни или здоровью в результате совершения противоправных действий, а также из средств массовой информации (13 %);
- результаты оперативно-розыскной деятельности, зарегистрированные в установленном законом порядке (6 %);

– материалы прокурорских проверок по факту обращения граждан, пострадавших при проведении косметологических процедур (5 %).

При этом следственные ситуации, складывающиеся в ходе проверки сообщения о совершении ятрогенного преступления в сфере косметологии, как правило, формируются по мере изучения исходных материалов, составляющих типичные поводы для возбуждения уголовного дела, а также собирания, обобщения и анализа криминалистически значимых сведений относительно произошедшего события, путем проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем в ходе изучения следственных ситуаций, формирующихся при проведении неотложных следственных действий, по факту проверки сообщения о ненадлежащем оказании косметологических услуг, повлекших причинение вреда жизни или здоровью пациента, следует отметить их детерминированность совокупностью условий, при которых осуществляется предварительное расследование преступлений [6, с. 71]. При этом считаем целесообразным уточнить, что содержание конкретной следственной ситуации, складывающейся на первоначальном этапе расследования преступлений, отражает организационное, психологическое и иные состояния процесса расследования, а также степень информированности и уровень осведомленности следователя о противоправном событии в конкретный момент времени [7].

Учитывая обозначенные факторы, влияющие на содержание исходных следственных ситуаций, на основании проведенного анализа материалов уголовных дел и решений суда по факту оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья пациента, нами выделены следующие складывающиеся на первоначальном этапе расследования содержательные составляющие следственных ситуаций:

А. В зависимости от неблагоприятных для пациента последствий оказания косметологических услуг:

1) в результате оказания косметологических услуг лицу причинён вред здоровью, не повлекший смерть (легкий, средний, тяжкий), либо косметологические услуги оказывались в обстановке (обстоятельствах), при которой в обычных условиях могли наступить тяжкие последствия;

2) действия, направленные на подготовку или проведение косметологической процедуры, привели к смерти пациента.

Б. В зависимости от места и условий оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента:

1) косметологические услуги, оказывались в медицинской организации, предположительно осуществляющей деятельность в соответствии с положениями, регламентированными соответствующей законодательной и нормативной правовой базой;

2) косметологические услуги, оказывались в условиях (обстановке) явного нарушения положений законодательной и нормативной правовой базы.

В. В зависимости от времени (давности) оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья пациента:

1) обращение в правоохранительные органы поступило в кратчайшие сроки после проведения косметологических процедур, повлекших причинение вреда жизни или здоровью пациента;

2) обращение в правоохранительные органы поступило спустя значительный промежуток времени после оказания косметологических услуг, повлекших причинение вреда жизни или здоровью пациента (проведен ряд медицинских процедур, направленных на устранение ятрогенных последствий).

Г. В зависимости от характера личности, особенности поведения лиц, причастных к оказанию косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья пациента:

1) лицо, оказавшее косметологические услуги, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью пациента, или выполняющее административные функции в медицинской организации, сотрудничает со следствием, полностью или частично подтверждая свою причастность к противоправному деянию и нарушение стандартов оказания медицинской помощи;

2) лицо, вероятно оказавшее косметологические услуги ненадлежащего качества, или выполняющее административные функции в медицинской организации, отрицает свою причастность к совершению противоправного деяния, повлекшего причинение вреда жизни или здоровью, либо указывает на предоставление потерпевшей косметической или иной услуги,

не носящий в соответствии с положениями законодательной и нормативной правовой базой медицинский характер.

При сопоставлении выделенных составляющих следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, со следственными ситуациями, формирующимися при расследовании ятрогенных преступлений в целом, и их отдельных видов в частности, считаем целесообразным отметить подход, при котором следственные ситуации классифицируются в зависимости от известности органам предварительного расследования личности виновного (виновный известен, о виновном имеется ориентировочная информация, виновный неизвестен) [8, с. 120–123]. Полагаем, что применение данного подхода к формированию следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии, не целесообразно, поскольку согласно результатам изучения материалов соответствующих уголовных дел при проведении неотложных следственных действий потерпевшими либо их родственниками, как правило, сообщаются сведения о лице, оказавшем косметологическую услугу, повлекшую причинение вреда жизни или здоровью.

Таким образом, отметим, что выделенные данные в оптимальной для определения эффективного алгоритма действий следователя форме конкретизируют отдельные стороны произошедшего ятрогенного события: обстановка, условия и время совершения деяния, состояние здоровья потерпевшего и его физическая возможность дачи показаний, отношение подозреваемого к совершенному деянию и процессу расследования.

При этом с целью структурированного, всестороннего и прикладного представления следственной ситуации, формирующейся при проверке сообщения о совершении преступления в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента, считаем целесообразным использование следователем следующей криминалистической формулы: $A+B+V+Г$, где А, Б, В и Г представлены одним из элементов, «1» или «2», выделенных содержательных составляющих следственных ситуаций. Иными словами, предложенная криминалистическая формула и структура составляющих следственных ситуаций выступает в качестве типового конструктора следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования рассматриваемых преступлений.

Вместе с тем полагаем, что имеется целесообразность применения предложенной криминалистической формулы для оптимизации первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии путем декомпозиции¹ сложного и многоцелевого алгоритма (программы) действий следователя и деятельности по формированию и выдвижению следственных версий в соответствии с предложенными элементами содержательных составляющих следственных ситуаций.

Так, при изучении исходной криминалистически значимой информации об отдельных содержательных сторонах произошедшего события (А, Б, В, Г) и сопоставлении данных сведений с криминалистической характеристикой ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, следователем могут быть сформированы частные версии относительно:

А. *Неблагоприятных для пациента последствий оказания косметологических услуг:*

1) причиненный вред здоровью пациента не имеет/ имеет ятрогенный характер, то есть не является/ является следствием оказания косметологических услуг (например, причиненный вред является следствием естественного развития какого-либо заболевания либо естественной реакцией организма на качественно оказанные услуги / имел место дефект оказания медицинской помощи и т. п.);

2) причиненный вред здоровью пациента является / не является следствием проведения конкретных косметологических процедур и нарушений медицинских стандартов оказания медицинской помощи.

Б. *Условий (механизме) оказания косметологических услуг:*

1) косметологические услуги оказывались в обстановке, не соответствующей /соответствующей положениям законодательной и нормативной правовой базы (например, в лицензи-

¹ Декомпозиция – это операция мышления, заключающаяся в разделении целого на части.

рованной медицинской организации; в условиях, имитирующих косметологический кабинет; в бытовых условиях и т. п.);

2) вред был причинен в результате: неверного выбора дозировки косметологического препарата; введения веществ, использование которых в косметологических целях противопоказано; использования медицинских препаратов, не зарегистрированных в установленном порядке и т. п.;

3) вред был причинен на стадии подготовки / проведения косметологической процедуры и т. п.

В. Времени оказания косметологических услуг и действий потерпевшего, направленных на устранение неблагоприятных последствий:

1) оказание косметологических услуг совпадает / не совпадает по времени с образованием у потерпевшего патологий;

2) обращение потерпевшего в иные медицинские организации способствовало предупреждению развития тяжких последствий.

Г. Личности и действий лиц, причастных к оказанию косметологических услуг, повлекших причинение вреда здоровью или жизни пациента:

1) лицо, на которое указывает потерпевший, непосредственно проводило / не проводило косметологические процедуры либо выполняло / не выполняло административные функции в медицинской организации;

2) лицо, которое со слов потерпевшего проводило косметологические процедуры, не осуществляло действий, обусловивших наступление ятрогенных последствий;

3) подозреваемый имел / не имел права на оказание косметологических услуг (медицинской помощи);

4) Подозреваемый осознавал / не осознавал возможные неблагоприятные последствия проводимой косметологической процедуры; предпринимал / не предпринимал действия, направленные на их устранение;

5) Подозреваемый предпринимал / не предпринимал действий, направленных на сокрытие следов оказания косметологической процедуры, повлекшей причинение вреда жизни или здоровью пациента и т. п.

При применении предлагаемой криминалистической формулы для декомпозиции деятельности по формированию следственных версий полагаем, что ввиду широкого спектра обстоятельств, подлежащих изучению на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии элементы А, Б, В и Г могут дополняться и содержать несколько частных версий. При этом, совокупность частных версий, представленных элементами А, Б, В и Г, потенциально может формировать общую следственную версию относительно изучаемого деяния. Например, общая следственная версия может быть представлена в следующем виде: $A(1,2)+B(1)+V(1)+G(2,3,4)$.

Полагаем, что применение предлагаемой криминалистической формулы для декомпозиции деятельности следователя на первоначальном этапе расследования будет способствовать формированию оптимального алгоритма действий субъекта расследования, направленного на получение криминалистически значимой информации и проверку выдвинутых частных (общей) следственных версий.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о многоцелевом и динамичном характере первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, неотъемлемым атрибутом которого является использование специальных знаний в области медицины. При этом сформированная криминалистическая формула может способствовать оптимизации деятельности следователя, направленной на познание складывающейся следственной ситуации, выдвижение общей и частных версий о произошедшем событии, а также формирование оптимального алгоритма действий, обеспечивающего всестороннее познание изучаемого события.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Субботина М.В. Задачи первоначального этапа расследования и направления их решения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.

2. Тришина А.М., Тисен О.Н. Первоначальный этап расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 5-2 (74).
3. Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Об основных положениях организации первоначального этапа расследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6.
4. Яворский М.А., Романова Н.В., Тороп С.С. Особенности первоначального этапа расследования преступлений ятрогенного характера // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4 (55).
5. Варданян Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015.
6. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под. ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М., 1997.
7. Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международ. науч.-практ. конференции. Калининград, 2012.
8. Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
9. Иванова Я.И. Методика расследования ятрогенных преступлений, совершаемых в сфере родовспоможения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

REFERENCES

1. Subbotina M. V. Tasks of the initial stage of the investigation and directions for their solution // Gaps in Russian legislation. 2008. № 2.
2. Trishina A. M., Tisen O. N. The initial stage of the investigation of crimes committed by medical workers // Eurasian Union of Scientists. 2020. № 5-2 (74).
3. Zelensky V. D., Kuemzhieva S. A. On the basic provisions for organizing the initial stage of the investigation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 6.
4. Yavorsky M. A., Romanova N. V., Torop S. S. Features of the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes // Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. № 4 (55).
5. Vardanyan G.A. Methodology for investigating crimes related to the production and circulation of drugs, medical devices or biologically active additives that do not meet licensing and permitting requirements and (or) are counterfeit, poor-quality, unregistered: dis. ... PhD in Law. Tula, 2015.
6. Forensic support for the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies / edited by T.V. Averianova and R.S. Belkin. Moscow, 1997.
7. Volchetskaya T.S. Genesis, modern trends and prospects for the development of forensic situationology at the present stage // Situational approach in legal science and law enforcement: materials of the International. scientific and practical conference. Kaliningrad, 2012.
8. Sukharnnikova L.V. Features of the investigation of careless harm to life and health of citizens by medical workers in the course of professional activity: dis. ... PhD in Law. St. Petersburg, 2006.
9. Ivanova Ya.I. Methodology for investigating iatrogenic crimes committed in the field of obstetrics: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исаханова Елена Вячеславовна, адъюнкт. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID: 009-0008-2329-2928

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Isakhanova Elena Vyacheslavovna, adjunct. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 157–164.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 157–164.

Научная статья

УДК 343. 625

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кобец Петр Николаевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация
pkobets37@rambler.ru

Введение: важность исследования данной проблематики была вызвана поиском более результативных направлений по противодействию коррупции. Цель данного исследования состоит в изучении противодействия коррупционным проявлениям и определении перспективных направлений по дальнейшему развитию отечественных антикоррупционных мер.

Материалы и методы: автором применен ряд методов познания, в том числе поиск, логический анализ, сбор статистических данных, системный подход, систематизация и обработка информационных данных. Методологической основой работы выступил научный анализ действующих правовых источников в сфере противодействия коррупционным проявлениям, обобщение статистических и иных информационных данных, в том числе проведенных исследований, изложенных в научных публикациях, подготовленных в течение последних пяти лет по проблематике противодействия коррупционным правонарушениям. На обозначенной эмпирической основе базируются сформулированные выводы и предложения.

Результаты исследования: воспользовавшись различными общенаучными приемами и способами познания, анализируя эмпирические данные, а также используя различные методы, автор провел научное исследование проблемных вопросов в области совершенствования работы, направленной на противодействие коррупционным проявлениям. С учетом проведенного анализа, автором подчеркивается, что на сегодняшний день в Российской Федерации к вопросам противодействия коррупционным проявлениям пытаются подходить на комплексной основе, учитывая различные направления данной деятельности: от вопросов совершенствования законодательных мер, усиления деятельности правоохранителей и органов судебной власти до вопросов общественного контроля, просветительской работы с населением, воспитывая в нем нетерпимость к любым, в том числе бытовым проявлениям коррупционных действий.

Выводы и заключения: автору представляется более правильным и перспективным направлением при разработке основных положений по противодействию коррупционным проявлениям, приоритетное внимание обращать не только на совершенствование законодательных и организационных мер в рассматриваемой сфере, но и в первую очередь – на развитие профилактической работы в данной области с учетом формирования общественной нетерпимости к коррупционной преступности, а также с учетом обязательной просветительской работы с населением.

Ключевые слова: антикоррупционная безопасность, коррупционные вызовы, последствия коррупции, угрозы национальной безопасности, противодействие коррупции, профилактика коррупционных проявлений, законодательные основы, антикоррупционное законодательство.

Для цитирования: Кобец П. Н. Основные направления повышения эффективности антикоррупционной деятельности в Российской Федерации / П. Н. Кобец // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 157–164.

Original paper

MAIN DIRECTIONS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF ANTI- CORRUPTION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kobets Peter Nikolaevich

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the importance of studying this issue was caused by the search for more effective directions for combating corruption. The purpose of this study is to study the fight against corruption and identify promising areas for the further development of domestic anti-corruption measures.

Materials and methods: the author applied a number of methods of cognition, including search, logical analysis, collection of statistical data, a systematic approach, systematization and processing of information data. The methodological basis of the work was a scientific analysis of existing legal sources in the field of combating corruption, generalization of statistical and other information data, including research conducted, presented in scientific publications prepared over the past five years on the issue of combating corruption offenses. The formulated conclusions and proposals are based on the indicated empirical basis.

Results of the study: using various general scientific techniques and methods of cognition, analyzing empirical data, and using various methods, the author conducted a scientific study of problematic issues in the field of improving work aimed at countering corruption. Taking into account the analysis, the author emphasizes that today in the Russian Federation they are trying to approach the issues of countering corruption on a comprehensive basis, taking into account the various areas of this activity: from issues of improving legislative measures, strengthening the activities of law enforcement and judicial authorities to issues of public control, educational work with the population, cultivating intolerance to any, including everyday manifestations of corruption.

Findings and conclusions: the author believes that a more correct and promising direction in developing the basic provisions for combating corruption is to pay priority attention not only to improving legislative and organizational measures in the area under consideration, but also, first of all, to developing preventive work in this area, taking into account the formation of public intolerance to corruption crime, as well as taking into account mandatory educational work with the population.

Keywords: anti-corruption security, corruption challenges, consequences of corruption, threats to national security, combating corruption, prevention of corruption, legislative framework, anti-corruption legislation.

For citation: Kobets P. N. Main directions of increasing the efficiency of anti-corruption activities in the Russian Federation / P. N. Kobets // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 157–164.

По мере того, как развивалась история российской государственности, одновременно с ней происходило изменение, как самих понятий, определяющих коррупционные проявления, так и мер, направленных на их искоренение. Сегодня в Российской Федерации противодействие любым коррупционным проявлениям служит одним из приоритетных направлений современной государственной политики. Анализ источников научной литературы по данной проблематике свидетельствует о том, что многими отечественными учеными и специалистами коррупционные проявления позиционируются как одна из ключевых угроз национальной безопасности и важнейший из барьеров, мешающих эффективному развитию государства [1, с. 471]. К тому же сегодня эти проявления имеют отрицательные социально-экономические последствия, которые искажают задачи и ценности государства, нанося немалый вред развитию экономики, социальной сферы, а также негативно влияя на статус российского государства на мировой арене. Поэтому следует согласиться с многочисленными экспертами, которые отмечают, что коррупция представляет собой большую опасность для российской государственности, ставя под угрозу ее существование, выступая серьезным препятствием в повышении уровня жизни российского общества, поступательных движений в экономических процессах, а также дальнейшем развитии российского гражданского общества.

В настоящее время любые коррупционные проявления препятствуют развитию различных торговых, экономических, международных и иных связей, а также в решении наиболее сложных политических вопросов. Кроме того, они также ведут к подрыву авторитета властей в глазах общества, внутри государства. В связи с этим важность подготовки данной научной работы по большей части была обусловлена тем, что коррупционные проявления были и остаются одними из важных угроз, воздействующих на национальную безопасность нашей страны, и по этой причине им необходимо активно противодействовать.

В Российской Федерации вопросы противодействия коррупционным проявлениям стали одними из важнейших задач. В частности, во время пресс-конференции, проходившей 20 августа 2021 г. в Кремле, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что сама по себе борьба с коррупцией является чрезвычайно важной вещью, поэтому в стране ей уделяют «большое внимание, придают особое значение и будут делать все для искоренения коррупции в самом широком смысле этого слова»¹. Соответственно деятельность российского

¹ Путин: борьба с коррупцией не должна использоваться как инструмент политической борьбы. URL: <https://tass.ru/politika/12181413?ysclid=li651wa8a2394057803> (дата обращения: 08.05.2024).

руководства демонстрирует пристальное внимание к этой важнейшей социальной и экономической проблематике, которая на сегодняшний день представляет одну из первостепенных опасностей для российской государственности.

По большей части это обусловлено тем, что важнейшим из условий в обеспечении эффективной национальной и экономической безопасности является правильно сформированная и адекватно складывающаяся ситуация в сфере противодействия любым коррупционным проявлениям. По обозначенным выше причинам, чтобы снизить влияние коррупционной преступности, необходимо прибегнуть к мониторингу состояния противодействия коррупционным проявлениям в Российской Федерации, предложить меры по дальнейшему совершенствованию предупреждения рассматриваемых противоправных деяний.

Некоторые вопросы, связанные с проблематикой совершенствования противодействия коррупционным проявлениям, рассматривались следующими отечественными специалистами и учеными: О.М. Алиевым, И.М. Борисовым, В.Н. Бондарь, А.В. Виноградовым, В.И. Гладких, У.Н. Гордиенко, А.В. Грачевой, И.М. Дудником, В.А. Егоровым, В.Д. Коваль, В.Н. Ковалевым, К.А. Красновой, Г.Ю. Лесниковым, Е.Н. Малик, С.А. Никифоровым, А.И. Овчаровой, П.В. Озеровым, М.В. Пермьяковым, О.А. Петряниной, С.А. Рогановым, Л.Ф. Сакаевым, А.Н. Сухаренко, А.Н. Халиковым, А.И. Чашиным, Л.В. Шелудановой, Ю.Л. Шепелевой, К.В. Яковенко и др.

В ряде работ обозначенных авторов внимание было уделено исследованию особенностей анализируемых противоправных проявлений, и в том числе их социальной природе. Также указанными выше отечественными специалистами анализировалась специфика коррупционной преступности, имеющая место в различных общественных сферах и экономических отраслях. Кроме того, ими исследовались субъекты и объекты коррупционных правонарушений, а также особенности специфики данного явления в отдельных регионах, городах и муниципальных образованиях, включая сверхкрупные города. Также исследовались и другие немаловажные аспекты, связанные с совершенствованием антикоррупционного противодействия: в процессе развития института общественного контроля; в условиях внешнего санкционного давления; анализировались отдельные направления антикоррупционного образования; оценивались меры по противодействию коррупции для экономики государства и др.

Между тем, все без исключения авторы рассматривают коррупционную проблематику в разрезе основных направлений ее противодействия. Немаловажно и то, что, как правило, в большинстве анализируемых научных работ был сделан акцент на то, что рассматриваемая преступность чрезвычайно многолика и поэтому должна в дальнейшем быть подвержена постоянным комплексным системным исследованиям с целью разработки профилактических мер, направленных на ее минимизацию. В связи с этим проведение настоящего исследования современных подходов по противодействию коррупционным проявлениям обладает особой актуальностью, а также научной и практической значимостью. Весьма примечательно, что, характеризуя рассматриваемые преступные проявления в нашей стране, ряд отечественных специалистов оценивает их в качестве самого доходного системного бизнеса [2, с. 97].

Сегодня российскими властями в максимальной степени предпринимаются все необходимые меры для минимизации рассматриваемых преступных проявлений, чтобы повысить доверие общества к государственным институтам. Неслучайно Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «Искоренение коррупционных проявлений», обозначена как важнейший стратегический национальный приоритет на ближайшие годы².

Однако, несмотря на принимаемые усилия государственного реагирования на коррупционные проявления, они пока что только увеличиваются. Поэтому говорить о постоянном снижении уровня коррупции, судя по приведенным данным общего количества преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в Российской Федерации в период 2018–2023 гг.³ (см. таблица № 1), пока что не приходится.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400. Доступ их справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Состояние преступности за 2018–2023 годы // Министерство внутренних дел РФ. URL <https://мвд.рф/reports?ysclid=leisiwlj93700663896> (дата обращения: 07.05.2024).

Таблица 1

Общее количество преступлений коррупционной направленности зарегистрированных в Российской Федерации в период 2018–2023 гг.

Показатели	Годы					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего зарегистрировано преступлений в РФ	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795	1 947 161
Темп прироста в %	–3,3	1,6	1,0	–1,9	–1,9	–1,0
Преступлений коррупционной направленности	30 495	30 991	30 813	35 051	35 340	36 407
Темп прироста в %	2,9	1,6	–0,6	13,8	0,8	3,0
Связанных со взяточничеством	12 527	13 867	14 548	18 591	19 490	20 279
Темп прироста в %	3,4	10,7	4,9	27,8	4,8	4,0
В том числе получение взятки	3 499	3 988	4 174	5 020	5 540	5 960
Темп прироста в %	9,8	14,0	4,7	20,3	10,4	7,6
Дача взятки	2 612	3 174	3 649	4 499	4 716	5 657
Темп прироста в %	15,0	21,5	15,0	23,3	4,8	20,0
Посредничество во взяточничестве	979	1297	1 451	2 041	1 881	2 256
Темп прироста в %	20,9	32,5	11,9	40,7	–7,8	19,9
Мелкое взяточничество	5 437	5 408	5 274	7 031	7 353	6 406
Темп прироста в %	–6,9	–0,5	–2,5	33,3	4,6	–12,9
Связанные с коммерческим подкупом	968	1 294	1 444	1 457	1 555	2 136
Темп прироста в %	–4,9	33,7	11,6	0,9	6,7	37,4
В том числе коммерческий подкуп	740	990	1 162	1 216	1 270	1 571
Темп прироста в %	–1,9	33,8	17,4	4,6	4,4	23,7
Мелкий коммерческий подкуп	228	304	282	241	285	565
Темп прироста в %	28,1	33,3	–7,2	–14,5	18,3	98,2

Анализируя количественные характеристики регистрируемых коррупционных проявлений, отраженных в статической отчетности о состоянии преступности МВД России за последние шесть лет, очевиден их ежегодный рост по большинству позиций за исключением мелкого взяточничества, динамика которого имеет разнонаправленный характер. В то же время количественный рост рассматриваемых преступных посягательств отечественные эксперты оценивают по-разному. Примечательно, что, изучая работу системы МВД Республики Татарстан на основе разбора сведений по выявленным коррупционным преступлениям в 2021 г., авторским коллективом Университета управления «ТИСБИ» отмечалось, что согласно «дан-ным Сводного отчета о состоянии коррупции и реализации мер в Республике Татарстан, на 10,3 % возросло количество коррупционных преступлений, однако помимо негативных социальных проявлений, это свидетельствует об успешной работе местных правоохранитель-ных органов» [3, с. 95].

В связи с этим можно предположить, что «количественные показатели регистрации преступ-лений коррупционной направленности в Российской Федерации в период 2018–2023 гг. предпо-ложительно связаны: с выполнением мероприятий Национального плана по противодействию коррупции на 2021–2024 гг., утвержденного Указом Президента Российской Федерации от

16 августа 2021 г. № 478»⁴; «улучшением учетно-регистрационной дисциплины, связанной с действующим до 19 июня 2023 г. перечнем статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности перечня преступлений коррупционной направленности, в котором определялись как коррупционные противоправные деяния, так и список преступных посягательств, которые могли быть зарегистрированы в качестве таковых, только при наличии определенных условий в статистической карточке основного преступления»⁵ (в настоящее время действует новый «Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности»⁶); активизацией прокурорского надзора; результативной деятельностью остальных правоохранителей.

Предлагая меры совершенствования рассматриваемых противоправных деяний, важно отметить, что законодательное регулирование, которое «состоит из антикоррупционной нормативно правовой базы в нашей стране в сфере государственной гражданской службы, чрезвычайно разветвленное, представляющее нормативные правовые акты, в которых подробнейшим образом регламентированы виды коррупционных явлений, не являющихся уголовно или административно наказуемыми деяниями, так и устанавливающих меры предупреждения и ответственности за их совершение» [4, с. 95]. В то же время совершенно очевидно, что существенным недостатком данной системы является ее слабая гибкость.

Важно акцентировать внимание на том, что в современной правовой доктрине нашей страны пока не достигнуто консенсуса относительно того, каким образом, и в какой именно форме должно происходить внедрение дифференцированного подхода, определяющего меры ответственности в случае совершения коррупционного деяния и проступка. Обозначенное выше является свидетельством того, что необходимо провести ряд отдельных изменений по нормативному регулированию рассматриваемой сферы.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции», рассматриваемые деяния представляют собой «злоупотребления служебным положением, дачу взяток, получение взяток, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица»⁷. Несмотря на то, что в ряде документов используется понятие коррупционного правонарушения, при этом его законодательного определения не существует. Поэтому с целью обозначенного законодательного пробела, следовало бы разработать понятие коррупционного правонарушения, и дополнить ст. 1 обозначенного выше законодательного акта п. 1.1, которого дополнить обозначенным термином.

Проведенный системный анализ норм антикоррупционного законодательства свидетельствует о том, что оно имеет ряд существенных системных недостатков, требующих устранения, среди которых следует отметить отсутствие специализированного контрольно-надзорного органа, который бы обеспечивал выполнение антикоррупционных законодательных норм. Важно отметить, что на сегодняшний день весьма слаб внутренний и внешний контроль по соблюдению положений антикоррупционных законодательных норм. В том числе отсутствует развитый терминологический аппарат и единые унифицированные подходы по выполнению норм антикоррупционного законодательства [5, с. 29].

⁴ Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». Доступ их справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Указание Генеральной прокуратуры РФ № 738/11, Министерства внутренних дел РФ № 3 от 25 дек. 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Доступ их справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Доступ их справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Доступ их справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Как отмечают отечественные эксперты, что касается мер по внутреннему контролю и его информационному обеспечению, следует акцентировать внимание на фактической невозможности обеспечить полноценный контроль общества по выполнению всех мероприятий в рассматриваемой сфере [6, с. 37].

Проведенный анализ различных научных исследований в сфере противодействия рассматриваемым преступным проявлениям свидетельствует и том, что отдельные научные работы в области борьбы с коррупцией рассматривают лишь некоторые, порой довольно узкие направления, аспекты и сферы этой важнейшей деятельности, к тому же не решая проблемы, связанные с оздоровлением экономических процессов. В то же время, по всей вероятности, не используя комплексную, всеобъемлющую общероссийскую стратегию в сфере борьбы с коррупцией и теневым экономическим сектором, положительный эффект в противодействии коррупции достичь весьма сложно [7, с. 471].

Чтобы антикоррупционные планы или программы реализовывались еще эффективнее, в обязательном порядке следовало бы продумать механизм, позволяющий выделять необходимые материальные ресурсы с целью поддержки скорейшей реализации мероприятий, предусматривающих антикоррупционное воздействие, связанных с вовлечением в данную работу институты гражданского общества, экспертные сообщества, а также иных субъектов рассматриваемой деятельности.

В целях эффективного противодействия коррупционной преступности, важно стремиться к развитию в обществе патриотического сознания посредством укрепления духовно-нравственного воспитания всех представителей российского социума. Также следует заниматься пропагандой непримиримого отношения к любым коррупционным проявлениям в обязательном порядке, избегая толерантного отношения к этому явлению. Кроме того, важна разработка и внедрение эффективных мер по правовому регулированию соответствующих видов наказания в случае совершения коррупционных правонарушений [8, с. 71].

Важнейшей из задач по успешной реализации всех необходимых мер, предусмотренных антикоррупционной политикой государства, должно оставаться формирование среди российского социума решительного нежелания поддаваться на уловки коррумпированных лиц, что приведет к перелому в общественном сознании и положительно скажется на борьбе с коррупцией. Активное воздействие на россиян в нежелании признавать любые коррупционные проявления поможет оказать работа, направленная на повышение их правовой культуры.

В целях профилактического воздействия на коррупционные проявления необходимо принятие разного рода мер предупредительного воздействия. В том числе, следует проводить антикоррупционные экспертизы законопроектов; внедрять правила по длительному безупречному и эффективному исполнению обязанностей на госслужбе; развивать институты общественного и парламентского контроля по соблюдению законодательства о коррупции; «предъявлять в установленных законодательных порядках квалификационные требования к лицам, претендующим на замещение должностей на государственную либо муниципальную службу» [9, с. 158].

В настоящее время существует насущная потребность в проработке и создании действенного механизма, позволяющего обеспечивать прозрачность всей доходной сферы госслужащих. Совершенно очевидно, что процессы по противодействию анализируемой преступности приобретет эффект лишь тогда, когда она будет осуществляться на системном подходе. В связи с этим системные коррупционные проявления, которые в настоящее время стали общенациональным злом, должны быть подвергнуты системному и целостному подходу по их противодействию.

Также необходимо стремиться обеспечивать максимальную прозрачность различных процедур, предоставляющих государственные услуги населению. Кроме того, во все процессы, которые ориентированы на развитие в российском обществе нетерпимости к коррупции, необходимо вовлекать различные политические партии и общественные движения. Чтобы эффективно противодействовать данному феномену необходимо, чтобы основные области госуправления стали открытыми для всего общества.

Российские правоохранители, также, как и иные государственные структуры, должны предпринять все необходимые меры по повышению антикоррупционного контроля, уделив существенное внимание любым мерам, направленным на антикоррупционную защиту нацпроектов, в которых концентрируются колоссальные материальные средства. В том числе им

необходимо использовать положительный зарубежный опыт по данному направлению деятельности [10 с. 156].

С учетом проведенного анализа хотелось бы отметить, что сегодня в Российской Федерации к вопросам противодействия коррупционным проявлениям пытаются подходить на комплексной основе, учитывая различные направления данной деятельности: от вопросов совершенствования законодательных мер, усиления деятельности правоохранителей и органов судебной власти, до вопросов общественного контроля, просветительской работы с населением, воспитывая в нем нетерпимость к любым, в том числе бытовым проявлениям коррупционных действий.

На протяжении ряда лет в Российской Федерации отмечается последовательная политика по усилению мер, направленных на повышение санкций в случае совершения деяний коррупционной направленности. В Российской Федерации сформировали правовую и организационную основу противодействия коррупционным проявлениям, поэтому сегодня приходят позитивные процессы по формированию антикоррупционных законодательных и организационных мер противодействия коррупционным правонарушениям, которые становятся основой данной деятельности. Большинство современных отечественных экспертов, как правило, в проведенных исследованиях, предлагают различные мероприятия организационного и нормативного характера, которые будут способствовать повышению результативности противодействия коррупционной преступности.

В целях минимизации проблематики в сфере противодействия коррупционным проявлениям следует работать «по трем направлениям, в частности: противодействовать коррупционным проявлениям на законодательном уровне; совершенствовать кадровую работу по антикоррупционным мерам; совершенствовать работу правоохранителей по противодействию коррупции во всех государственных органах» [11, с. 15]. При разработке основных положений по противодействию рассматриваемым преступным проявлениям представляется наиболее правильным и перспективным не только совершенствование законодательных и организационных мер, но и развитие профилактической работы. При этом она должна проводиться с учетом формирования общественной нетерпимости к коррупционной преступности, а также с учетом обязательной просветительской работы с населением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Журкина О.В. Коррупция как угроза национальной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9-1.
2. Штульберг М. Современное состояние коррупции в Российской Федерации: качественная и количественная характеристика: материалы IX Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023.
3. Сюркова С.М., Данилина И.Н., Васильева П.А. Оценка мер по противодействию коррупции для экономики страны // Вестник Университета управления «ТИСБИ». 2023. № 1.
4. Пыхтеева И.В., Абдурахманова А.Ф., Виноградов А.В. Антикоррупционное законодательство о деятельности государственных гражданских служащих // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сборник научных статей. М., 2020.
5. Шеншин В.М., Гордиенко У.Н. Коррупция как угроза национальной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2(51).
6. Арутюнян Т.И., Назарова И.С., Шеншин В.М. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) // Право в Вооруженных силах. 2020. № 1(270).
7. Джафаров С.А. Национальная безопасность России. М., 2018.
8. Чашин А.И. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. М., 2019.
9. Кобец П.Н., Бражников Д.А., Напханенко И.П. Особенности проведения экспертиз в рамках законотворческого процесса в отдельных государствах-участниках СНГ и стран Балтии // Философия права. 2021. № 4(99).
10. Кобец П.Н. Зарубежный опыт ответственности должностных лиц за незаконное обогащение – эффективная мера борьбы с коррупцией // Юрист-Правоведь. 2023. № 3(106).
11. Мадатова О.В., Яковенко К.В. Коррупция как угроза национальной безопасности России // Вестник ИМСИТ. 2019. № 1(77).

REFERENCES

1. Zhurkina O.V. Corruption as a threat to national security // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12. № 9-1.
2. Shtulberg M. The current state of corruption in the Russian Federation: qualitative and quantitative characteristics: materials of the IX International scientific and practical conference. Ekaterinburg, 2023.
3. Syurkova S.M., Danilina I.N., Vasilyeva P.A. Assessment of measures to combat corruption for the country's economy // Bulletin of the University of Management «TISBI». 2023. № 1.
4. Pykhteeva I.V., Abdurakhmanova A.F., Vinogradov A.V. Anti-corruption legislation on the activities of state civil servants // Modern research in the humanitarian and natural sciences: collection of scientific articles. Moscow, 2020.
5. Shenshin V.M., Gordienko U.N. Corruption as a threat to national security // Law. Security. Emergencies. 2021. № 2 (51).
6. Arutyunyan T.I., Nazarova I.S., Shenshin V.M. Official websites of the FSB of Russia and the Russian Guard as an instrument of public anti-corruption control (comparative legal analysis) // Law in the Armed Forces. 2020. № 1 (270).
7. Dzhafarov S.A. National security of Russia. Moscow, 2018.
8. Chashin A.I. Corruption in Russia: strategy, tactics and methods of struggle. Moscow, 2019.
9. Kobets P.N., Brazhnikov D.A., Napkhanenko I.P. Peculiarities of Conducting Expertise in the Framework of the Legislative Process in Certain CIS Member States and the Baltic States // Philosophy of Law. 2021. № 4 (99).
10. Kobets P.N. Foreign Experience of Liability of Officials for Illicit Enrichment – an Effective Measure to Combat Corruption // Yurist-Pravoved. 2023. № 3 (106).
11. Madatova O.V., Yakovenko K.V. Corruption as a Threat to Russia's National Security // Bulletin of IMSIT. 2019. № 1 (77).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.
ORCID: 0000-0001-6527-3788

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kobets Petr Nikolaevich, Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25, b. 1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 165–170.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 165–170.

Научная статья

УДК 343.9

ВЕРСИОННЫЙ АНАЛИЗ – ИНТЕГРАТИВНЫЙ МЕТОД РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Комаров Игорь Михайлович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
mgu.ikomarov@mail.ru

Введение: следственная версия представляет собой актуальное криминалистическое средство решения задач предварительного расследования. В связи с тем, что значительная часть преступлений совершается в условиях неочевидности, что, в свою очередь, обуславливает выдвижение системы следственных версий, требуется соответствующий версионный анализ для их проверки, а это можно рассматривать в качестве интегративного метода расследования.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, которые ориентированы на выявление и разрешение проблем использования в научно-исследовательской деятельности методов криминалистики, правильное использование которых способствует достижению результатов исследований. В статье применены методы: описательный, анализ и синтез, систематизация, классификация и др. Изучены материалы научных исследований, отраженные в монографиях, научных статьях.

Результаты исследования: позволили автору провести объективное обоснование того, что версионный анализ следует рассматривать в качестве интегративного метода следователя для целей расследования преступлений.

Выводы и заключения: в публикации проведено обоснование версионного анализа в качестве криминалистического метода расследования, даны его определения на уровне сущности и явления.

Ключевые слова: следственная версия, версионный анализ.

Для цитирования: Комаров И. М. Версионный анализ – интегративный метод расследования преступлений / И. М. Комаров // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 165–170.

Original paper

VERSION ANALYSIS IS AN INTEGRATIVE METHOD OF CRIME INVESTIGATION

Komarov Igor Mikhailovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: the investigative version is a relevant forensic tool for solving the problems of preliminary investigation. Due to the fact that a significant part of crimes are committed in conditions of non-obviousness, which, in turn, determines the advancement of a system of investigative versions, an appropriate version analysis is required to verify them, and this can be considered as an integrative method of investigation.

Materials and methods: are determined by the range of scientific problems to be solved, which are aimed at identifying and solving problems of using forensic methods in research activities, the correct use of which contributes to the achievement of research results. The article uses the following methods: descriptive, analysis and synthesis, systematization, classification, etc. The materials of scientific research reflected in monographs and scientific articles were studied.

Results of the study: allowed the author to objectively substantiate the fact that version analysis should be considered as an integrative method of the investigator for the purposes of investigating crimes.

Findings and conclusions: the publication provides a justification for version analysis as a forensic investigation method, and provides its definitions at the level of essence and phenomenon.

Keywords: investigative version, version analysis.

For citation: Komarov I. M. Version analysis is an Integrative method of crime investigation / I. M. Komarov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 165–170.

Две предыдущие публикации по вопросам следственной версии как системообразующего элемента версионного анализа расследования и связи его методологии с отдельными данными криминалистической характеристики преступлений были направлены на обоснование подхода к версионному анализу как интегративному методу расследования.

В заключительной статье цикла, где мы намерены доказать вышеприведенный тезис, следует вновь обратиться к вопросам ранее проведенных исследований понятия и содержания следственной версии.

В ряду этих исследований выделяется труд Г.В. Арцишевского [1], который начал разработку содержания следственной версии, отражающей движение криминалистического мышления следователя от общего к частному, реализуемого в практическом познании посредством анализа (детализация общих следственных версий через разработку частных следственных версий). Этот анализ в соответствии с диалектикой познания дополнялся синтезом – движением мышления от частного к общему.

Криминалист справедливо полагал, что следственной версией можно считать только то предположение, которое основано не на определенной группе фактов, а на всей известной следователю их совокупности. По существу, он предлагал осуществлять синтез исходных данных (криминалистически значимой информации) и ее соответствия криминалистической характеристике преступлений с целью единого их объяснения.

Такой подход к истолкованию следственной версии позволяет рассматривать ее в качестве *интегративной информационно-логической модели расследуемого события* вообще и установления личности неопознанного трупа, в частности, модели вероятностного характера. В такой интерпретации следственная версия – результат синтеза исходных фактических данных (криминалистически значимой информации).

Проводя анализ данной позиции Г.В. Арцишевского, В.Я. Колдин писал: «Интегративные свойства такой модели придают ей новое качество и функциональные возможности, что позволяет рассматривать ее, как самостоятельный и весьма эффективный инструмент версионного анализа, планирования расследования и познавательного процесса в целом. Он отражает генезис процесса версионного мышления и переход вероятностного знания в достоверное» [2, с. 62].

Такого же мнения придерживался в своих исследованиях и И.М. Лузгин [3, с. 75, 82].

Существенными свойствами такой модели, относительно проблемы установления личности неопознанного трупа потерпевшего от убийства, можно считать ее: 1) опосредованное познание (раскрыто в предыдущих публикациях) трупа, актуальное для формирования в дальнейшем специальных познавательных задач расследования; 2) существование как в виде отображения внешней стороны события (образные представления следователя, зафиксированные в процессуальных документах), так и в виде логических конструкций отображения его существа (усмотренные следователем внутренние связи системы элементов события, полезные для идентификации личности трупа); 3) оценка как вероятностного – гипотетического или достоверного – фактического (в определенных условиях) знания; 4) использование следователем для целей мысленного эксперимента и сравнения его результатов с чувственно-рациональными фактами, воспринимаемыми и существующими в действительности; 5) реализация функции отражения, замены оригинала, опосредованного источника информации; 6) материализация через описательные, графические, объектные и т. п. средства, разработанные в криминалистике, для оптимизации процесса идентификации трупа, с целью установления его личности.

Гносеологическое значение мысленной модели – быть аналогом для решения задачи установления личности неопознанного трупа основано на том, что ее сходство с этим объектом в тех или иных чертах позволяет следователю обеспечить аналитический перенос достоверного знания, установленного ранее (о структурных элементах и их связях события) в подобных ситуациях, на исследуемый объект. Это означает, что следователь, располагая профессиональным опытом, соответствующими криминалистическими знаниями и мышлением может использовать их для решения конкретной задачи расследования. Фактически следственная версия как логико-информационная модель может быть рассмотрена в качестве криминалистического средства приращения знаний о расследуемом событии, т. к. кроме знаний и опыта следователь использует свои дедуктивные суждения и выводы по аналогии на основе типичных криминалистических моделей убийств,

следственных ситуаций и соответствующих им типичных следственных версий. В основе этой деятельности лежит версионный анализ.

Этот процесс с использованием следователем возможностей мысленного эксперимента в информационной модели рассматриваемого события – установления личности неопознанного трупа с признаками насильственной криминальной смерти, способствует выявлению новых связей между элементами этого явления, прогнозированию и установлению новых фактов, способных стать основой для идентификации личности трупа.

Так, ориентируясь на известные ранее выявленные закономерности совершения убийств в определенных криминальных ситуациях, следователь с высокой долей вероятности, с учетом данных осмотра места происшествия и трупа потерпевшего, может сформулировать следственную версию о личности потерпевшего. Эта следственная версия будет способствовать определению направления отыскания криминалистически значимой информации идентификационного характера для установления этой личности. Это значит, что использование указанных закономерностей позволяет следователю дополнить конкретную следственную версию типичной криминалистически значимой информацией с последующим выводением из нее логических следствий прогностического характера, а эти выводы будут конкретизированы для определенной обстановки расследования с целью планирования действий по идентификации личности неопознанного трупа.

В соответствии с изложенным полагаем, что прав В.Я. Колдин, когда утверждает, что интегральная следственная версия должна строиться на основе установленных фактических данных о преступлении, знании типичной криминалистической модели преступной деятельности данной категории, результатах логического сравнения выявленных фактов с типичными следственными ситуациями и вытекающими из них типичными следственными версиями, с использованием при этом комплекса логических приемов мышления в их единстве и взаимосвязи.

Именно такой подход способствует обоснованному выдвижению следственных версий и их творческую проверку следователем на основе эвристических решений.

В ранних, да и в современных криминалистических исследованиях касательно следственных версий, версионный анализ, обычно, сводился к описанию процессов их построения и проверки. Следует признать, что такой подход не в полной мере отражает задачи версионного анализа в структуре информационного моделирования расследуемого события.

Отметим, что указанная информационная модель есть всегда сложная динамическая система, где следственные версии, как элементы системы, находятся в соответствующих информационных связях. Основной функцией следственной версии в системе версионного анализа является то, что она определяет направление проведения анализа по источникам, которые позволяют обнаружить криминалистически значимую информацию о факте, подлежащем установлению. Функция же информационной модели обусловлена в систематизации, а затем оценке всей совокупности криминалистически значимой информации, на основе результатов анализа также всей совокупности источников и следственных версий.

Целостное усмотрение следователем информационной модели расследуемого события преступления, после ее построения, осуществляется через накопление, систематизацию и оценку полученной посредством версионного анализа криминалистически значимой информации о расследуемом событии и исследовании его объектов, которые всегда взаимосвязаны.

Версионный анализ непосредственно связан с системным подходом, который реализуется следователем и в информационном моделировании. Это означает, что любая информация, поступающая в его систему, оценивается не только в структуре конкретной следственной версии, но и в общей системе информационного моделирования расследуемого события, т. к. это обусловлено соответствующими процессами накопления информации, которые образуют логическое единство.

Это единство процессов всегда легко проследить в структуре информационного моделирования, где построение следующей следственной версии является средством проверки предшествующих ей следственных версий. Это логическое единство сохраняется до полного завершения процесса информационного моделирования.

Для интерпретации этого тезиса можно привести абстрактный пример из практики. Так, в связи с обнаружением трупа бывшей жены лесника одной из северных областей европейской части Российской Федерации было возбуждено уголовное дело. Со слов последнего труп был обнаружен на веревке на веранде дома.

Было установлено, что днем ранее лесник с сожительницей вечером распивали спиртные напитки, к ним присоединилась пришедшая в дом бывшая жена лесника. Утром лесник, выходя из дома, на веранде обнаружил труп жены. Сотрудники полиции осмотрели место происшествия и направили труп на судебно-медицинскую экспертизу.

Следователь выдвинул версию, как о самоубийстве, так и убийстве с инсценировкой под самоубийство. Относительно последней версии фактических данных ее подтверждения не нашлось.

Вместе с тем после получения данных о судебно-медицинском исследовании трупа женщины ситуация изменилась. Экспертизой было установлено, что на шее погибшей было две странгуляционные борозды, одна прижизненная, а другая – посмертная. Данный факт свидетельствовал о том, что жертва была задушена, а затем проведена имитация самоубийства. Это типовая следовая картина убийства с инсценировкой самоубийства.

Данные судебно-медицинской экспертизы вошли в противоречие с материалами расследования, содержание которых не подтверждало версию инсценировки.

Когда расследование преступления было передано другому следователю, то его расследование позволило по-иному оценить ранее собранную по версиям криминалистически значимую информацию.

Повторными допросами с использованием данных судебно-медицинской экспертизы было установлено, что, столкнувшись с телом бывшей жены, лесник стал звать на помощь. Прибывшие к месту соседи обратили внимание, что женщина «еще жива» и, вытащив ее из петли, они стали оказывать ей первую помощь, которая положительных результатов не принесла. Тогда, боясь самоуправства на месте происшествия, женщину снова «повесили».

Назначенная повторная судебно-медицинская экспертиза подтвердила вышеописанный механизм свидетелей на месте происшествия.

Версионный анализ в процессе расследования данного преступления показывает логическое единство построения и проверки версии об убийстве и самоубийстве. Построение целостной, а значит непротиворечивой информационной модели события, проверка всех построенных версий оказалась возможной в результате подробного исследования механизма события, который включал особенности наложения петли, установления времени смерти, исследование прижизненности и посмертности странгуляционной борозды, их последовательное наложение, в соответствии с действиями участников события и пр. Все это потребовало выдвижения и проверки частных, а также детальных и контрольных следственных версий.

Следовательно, всякая криминалистически значимая информация может приобрести свое истинное значение, как подтверждение (опровержение) любых версий исключительно в составе информационной модели расследуемого события. Это означает, что структуризация версионного анализа, связанная с принципом разделения построения и проверки каждой отдельно взятой версии, в отрыве от их системной связи с другими версиями в общей структуре информационной модели, не отражает реальной структуры мыслительного процесса.

Реальная структура мыслительного процесса следователя должна быть обусловлена исключительно структуризацией версионного анализа, где доминирует принцип – построение и проверка каждой следственной версии возможно исключительно в ее системной связи с другими следственными версиями.

Если рассматривать этот принцип применительно к предмету статьи, то это структуризация версионного анализа предполагает технологический подход на основе решения трех единых задач.

1. Накопление криминалистически значимой информации следователем относительно объекта исследования – личности неопознанного трупа потерпевшего от убийства.

Фактически это базовая задача, фактологическая матрица, т. к. без ее скорейшего решения практически невозможно расследование преступления, по причине той же невозможности принятия правильных криминалистических и процессуальных решений.

2. Ограничение предмета исследования.

Следователь должен внимательно фильтровать всю информацию, «окружающую» личность неопознанного трупа потерпевшего, с целью оставления в своем распоряжении только криминалистически значимой информации, которая «работает» на решение задачи – идентификации личности трупа потерпевшего.

3. Исключение сопутствующих следственных версий.

Данная задача является продолжением решения двух предыдущих задач и нацелена на формирование фактологической матрицы как источника идентификационной информации о личности неопознанного трупа.

Весь этот процесс хорошо выражен следующим тезисом – «сама сущность исследовательского процесса при расследовании состоит в непрерывном чередовании потоков гипотетического и фактологического знания, обеспечивающих обнаружение, накопление, систематизацию, ограничение и исключение информации, минимизирующих исходную неопределенность модельного знания» [4, с. 72].

В соответствии с изложенным можно сделать вывод о том, что главным в методологии версионного анализа является системный анализ всех следственных версий, выдвинутых следователем, но только при анализе каждой отдельной следственной версии на любом из уровней анализа, а соответствующая реализация возможна исключительно в рамках процесса информационного моделирования расследуемого события, которое представляет инфраструктуру построения и проверки каждой следственной версии.

Обращение к предмету цикла статей означает в первую очередь решение задачи установления личности неопознанного трупа с криминальными признаками насильственной смерти посредством использования возможностей версионного анализа (на данном уровне), как главной задачи последующего информационного моделирования расследуемого убийства и базового основания последующего версионного анализа.

Подводя определенный итог, можно сказать, что основой версионного анализа любой информационной модели расследуемого события, как на определенных уровнях, так и в целом, является следственная версия. В ее основе лежат формально-логические приемы: индукция, предполагающая выдвижение всех возможных следственных версий, что обеспечивает всесторонность и полноту расследования; дедукция, чье значение связано с логической необходимостью формирования выводов, а также традукцией, предполагающей выводы по аналогии и идентификацию.

Следственная версия с интегральными свойствами (интегральная индивидуальная информационная модель расследуемого события) строится на основе установленных фактических данных о преступлении, знании типичной криминалистической модели преступления, результатах логического сравнения выявленных фактов с типичными следственными ситуациями и вытекающими из них типичными следственными версиями, с использованием при этом комплекса логических приемов мышления в их единстве и взаимосвязи.

Версионный анализ как информационная модель – сложная динамическая система, где следственные версии, как элементы системы, находятся в соответствующих информационных связях, а основной функцией следственной версии в этой системе является то, что она определяет направление проведения анализа по источникам, которые позволяют обнаружить криминалистически значимую информацию о факте, подлежащем установлению.

Функция версионного анализа обусловлена в систематизации, а затем оценке всей совокупности криминалистически значимой информации, на основе результатов анализа также всей совокупности источников и следственных версий.

В приведенных соответствиях версионный анализ можно определить (на уровне явления) как интегративный метод расследования, основанный на использовании системного подхода (анализа) к процессу построения следователем структуры следственных версий и их проверке с использованием методологии, ситуационно обусловленной задачами этапа расследования, оценкой собранной криминалистически значимой информации с целью принятия и реализации криминалистических решений.

Относительно сущности версионного анализа можно сказать, что она отражает движение мыслительного процесса следователя от вероятностного (гипотетического) к достоверному (фактическому) знанию о событии преступления посредством исследования структурированной системы следственных версий и реализации на этой основе криминалистических решений в процессе расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. «Юридическая литература». М., 1978.
2. Колдин В.Я. Версионный анализ. М., 2014.
3. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. «Юридическая литература». М., 1981.
4. Колдин В.Я. Версионный анализ. М., 2014.

REFERENCES

1. Artsishevsky G.V. Putting forward and checking investigative versions. «Legal Literature». Moscow, 1978.
2. Kol'din V.Ya. Version analysis. Moscow, 2014.
3. Luzgin I.M. Modeling in the investigation of crimes. «Legal Literature». Moscow, 1981.
4. Kol'din V.Ya. Version analysis. Moscow, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komarov Igor Mikhailovich, Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics. Lomonosov Moscow State University. 1, p. 13, Leninskie gory, Moscow GSP-1 119991 Russian Federation.

Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 171–176.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 171–176.

Научная статья

УДК 343.9

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СИСТЕМ ДИПФЕЙК В VR-СРЕДЕ И МЕТАВСЕЛЕННОЙ: АНАЛИЗ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Конев Денис Андреевич

Территориальная генерирующая компания № 1, Санкт-Петербург, Российская Федерация

marwel8@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются такие проблемы, как нарушение конфиденциальности, манипуляция и контроль над поведением пользователей, зависимость и злоупотребление технологиями, непредсказуемость и безответственность использования ИИ, а также проблемы с безопасностью. Для предотвращения этих рисков необходимо разработать и внедрить стандарты безопасности, провести исследования в области этики использования ИИ, повысить осведомленность пользователей о рисках, создать механизмы контроля и надзора за использованием ИИ, а также разработать специализированные органы или комиссии, которые будут заниматься вопросами регулирования и контроля данного направления.

Материалы и методы: используются методология и методы исследования, основанные на диалектическом методе познания объективной действительности, а также современных положениях теории криминологии. В качестве методологической основы исследования – общенаучные и частно-научные методы познания, в их числе системно-структурный, формально-логический, прогностический и др. Проводится анализ существующих исследований и публикаций по данной теме, а также изучаются правовые нормы и стандарты, регулирующие использование искусственного интеллекта и систем дипфейк.

Результаты исследования: рассмотрена проблема потенциального использования искусственного интеллекта в VR-среде и метавселенной в преступных целях. Отмечены потенциальные угрозы безопасности, конфиденциальности и психологического здоровья человека, связанные с нарушением этики использования технологий. Сделан вывод о необходимости разработки и внедрения строгих стандартов и мер по регулированию этой сферы. Разработан ряд конкретных мер для предотвращения их незаконного использования, в том числе, предложено внедрение системы сертификации и лицензирования для компаний и организаций, занимающихся разработкой и использованием ИИ и систем дипфейка.

Выводы и заключения: с учетом активного развития использования ИИ и систем дипфейк в реальной жизни, VR-среде и метавселенной, для обеспечения безопасности и предотвращения их незаконного использования необходимо разработать и внедрить эффективные меры регулирования. Они должны включать в себя создание и совершенствование законодательства, развитие технологий обнаружения и предотвращения незаконного использования, укрепление международного сотрудничества, проведение образовательных программ и кампаний, направленных на повышение осведомленности о рисках и последствиях незаконного использования, регулярный мониторинг и оценку эффективности мер регулирования, а также адаптацию и улучшение этих мер в соответствии с изменяющимися условиями и новыми вызовами.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), VR, AR виртуальная реальность, дополнительная реальность, дипфейк, метавселенная, персональные данные, законодательство, преступления, цифровые права.

Для цитирования: Конев Д. А. Риски использования искусственного интеллекта и систем дипфейк в VR-среде и метавселенной: анализ, перспективы, пути противодействия / Д. А. Конев // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 171–176.

Original paper

RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIPHAKE SYSTEMS IN VR-ENVIRONMENT AND META-UNIVERSE: ANALYSIS, PROSPECTS, WAYS TO COUNTERACT

Konev Denis Andreyevich

PJSC Territorial Generating Company № 1, Saint-Petersburg, Russian Federation

Introduction: the article discusses such issues as privacy violation, manipulation and control over user behavior, addiction and abuse of technology, unpredictability and irresponsibility of AI use, and security issues. To prevent these risks, it is necessary to develop and implement security standards, conduct research in the field of ethics of AI use, raise user awareness of risks, create mechanisms for control and supervision of AI use, and develop specialized bodies or commissions that will deal with issues of regulation and control in this area.

Materials and methods: the methodology and methods of research are based on the dialectical method of cognition of objective reality, as well as modern provisions of criminological theory. The methodological basis of the study is general scientific and specific scientific methods of cognition, including system-structural, formal-logical, prognostic, etc. An analysis of existing studies and publications on this topic is carried out, and legal norms and standards governing the use of artificial intelligence and deepfake systems are studied.

Results of the study: the problem of potential use of artificial intelligence in the VR environment and metaverse for criminal purposes is considered. Potential threats to human security, privacy and psychological health associated with violation of the ethics of technology use are noted. A conclusion is made on the need to develop and implement strict standards and measures to regulate this area. A number of specific measures have been developed to prevent their illegal use, including the introduction of a certification and licensing system for companies and organizations involved in the development and use of AI and deepfake systems.

Findings and conclusions: given the active development of the use of AI and deepfake systems in real life, the VR environment and the metaverse, it is necessary to develop and implement effective regulatory measures to ensure security and prevent their illegal use. These should include the creation and improvement of legislation, the development of technologies for the detection and prevention of illegal use, the strengthening of international cooperation, the implementation of educational programs and campaigns aimed at raising awareness of the risks and consequences of illegal use, regular monitoring and evaluation of the effectiveness of regulatory measures, as well as the adaptation and improvement of these measures in accordance with changing conditions and new challenges.

Keywords: artificial intelligence (AI), VR, AR virtual reality, augmented reality, deepfake, metaverse, personal data, legislation, crime, digital rights.

For citation: Konev D. A. Risks of using artificial intelligence and deepfake systems in VR-environment and meta-universe: analysis, prospects, ways to counteract / D. A. Konev // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. № 3(110). 2024. – Pp. 171–176.

В последние годы наблюдается активное развитие технологий виртуальной и дополненной реальности, а также метавселенной. Эти технологии позволяют пользователям погружаться в виртуальный мир, взаимодействовать с виртуальными объектами и друг с другом, а также дополнять реальный мир такими объектами.

Исследования многих ученых и специалистов показывают, что использование ИИ в VR-среде помимо благ может привести к ряду потенциальных рисков и проблем.

Нарушение конфиденциальности: ИИ может собирать и обрабатывать данные о пользователях, включая их личные данные, местоположение, поведение, мимику, эмоции, что может использоваться в преступных целях и привести к нарушению конфиденциальности и безопасности пользователей. Последующий сбор таких данных позволяет ИИ считывать эмоции человека, вступать с ним в спор и выигрывать его. Как, например, исследование, проведенное швейцарскими учеными, показало, что нейросеть GPT-4 оказалась более способной переубеждать человека, чем живой собеседник. Тем временем американская компания «Nume AI» представила систему искусственного интеллекта, которая оценивает эмоциональное состояние человека по его голосу [1]. В последующем такое обучение позволяет ИИ манипулировать своей «жертвой».

Манипуляция и контроль. ИИ может использоваться для манипулирования поведением пользователей, например, посредством рекламы, рекомендаций, предложений к просмотру видео на различных видеоресурсах. Это может привести к потере контроля над собственной жизнью и действиями.

Тем самым, обучившись считыванию эмоционального фона и получению психологического портрета «жертвы», ИИ может манипулировать ее сознанием, убеждать в необходимости совершения каких-либо преступных действий, путать моральные и нравственные ценности, в особенности несовершеннолетними [2, с. 174]. Пример тому научный отчет, опубликованный в международном журнале PNAS, согласно которому ИИ специфичным образом, используя различные задачи и вводные, обучили анализировать поведение испытуемой группы людей, чтобы влиять на их выбор, а затем провели ряд экспериментов, которые

прошли успешно и «для эффективного выполнения подобного «зомбирования» требуется лишь характеристика процессов человеческого выбора, позволяющая делать надежные прогнозы по широкому спектру потенциально необычных исходных данных» [3].

Зависимость и злоупотребление. VR-среда и метавселенная могут вызывать зависимость у пользователей, особенно у детей и подростков, по причине несформированной личности и психических изменений в сознании ввиду становления организма. Это может привести к злоупотреблению технологиями и негативным последствиям для здоровья и благополучия. Подросток, находясь в метавселенной, может реализовать все свои законные и незаконные фантазии (иллюзии), проявлять жестокость, совершать преступления, но все это, как уже сказано, будет происходить только в виртуальном мире. В последующем, привыкая к вседозволенности и жестокости виртуального мира, психика подростка может нарушиться и данную модель поведения он перенесет в реальный мир, не осознавая последствий. К сожалению, уже существует множество случаев, таких как причинение вреда здоровью и лишение жизни родителей из-за ограничений в допуске к компьютерным играм. Один из таких примеров описан в статье: «Подросток, из-за просьбы выключить игру схватил кухонный нож и набросился на оторопевшую от неожиданности родную мать. Позже следователи насчитали на теле погибшей тридцать семь ножевых ран. После этой кровавой расправы малолетний убийца, взяв другой нож, подкараулил у входной двери и отца и зарезал его» [4]. При этом стоит отметить, что сама VR-система может переносить жестокость виртуального мира фактически в реальный, т. к. «иллюзии» происходят наяву, накладываясь на физический мир, что полностью туманит и путает сознание.

Кроме того, использование ИИ в VR-среде и метавселенной может привести к другим потенциальным рискам и проблемам.

Непредсказуемость. ИИ, ввиду возможности к самообучению, может вести себя непредсказуемо и вызывать неожиданные последствия. Это может затруднить контроль над технологиями и привести к нежелательным результатам. Примером может служить довольно интересный, допустимо логичный, но пугающий и жестокий вывод умной колонки «Алиса» о героине мультика «Маша и Медведь» [5]. К предисловию о ситуации с данной публикацией стоит отметить, что она используется как игрушка, помощник, учитель и собеседник для детей. На вопрос «Алисе» почему девочка Маша из мультика живет одна, поступил ответ о том, что, Маша «всего лишь призрак девочки, и именно поэтому она не растет, и видеть ее могут только животные. Родители же не смогли выдержать потери ребенка и уехали, оставив пустой дом. А мучает Маша медведя, потому что он и лишил ее жизни». Стоит отметить, что компания «Яндекс» один из передовиков развития ИТ и ИИ технологий, и их продукция является, очевидно, высококлассной и технологичной, но все же подобное событие произошло, т. к. по мнению ИИ данный ответ был вполне логичен.

Отсутствие ответственности. В настоящее время нет четких правил и норм, регулирующих использование ИИ в VR-среде и метавселенной. Это может привести к безответственному использованию технологий и негативным последствиям.

Проблемы с безопасностью. ИИ может быть использован для создания опасных ситуаций в VR-среде, таких как аварии, пожары и другие чрезвычайные ситуации, путем наложения виртуальных предметов на реальный мир. Это может привести к травмам и другим негативным последствиям, в том числе в осознании человеком происходящего.

Вместе с этим возникает ряд вопросов и опасений, связанных с отдельным направлением использования ИИ в VR-среде и метавселенной по причине зомбирования молодежи в преступных целях, в том числе для последующего их использования при совершении терактов и иных общественно опасных деяний. Допустим ситуацию систематического использования человеком VR-систем (или AR-систем), которые (если не вдаваться в различия) проецируют виртуальный мир, накладывая на реальный, в частности, разберем ситуацию использования ИИ преступными элементами. В данной VR-системе в качестве помощника может быть загружен Аватар персонажа, который взаимодействует с пользователем при помощи ИИ. Аватар – как цифровая проекция может быть любым человеком, любимым персонажем, животным, родственником и т. д. в зависимости от цели и умысла действия. И так преступник, имея преступные намерения, подгрузив в VR-систему пользователя преднастроенный ИИ фактически начинает контролировать его мышление. Любимый персонаж пользователя, т. к. он наложен на реальность, может начать давать советы по совершению преступных

действий, вызывать ненависть по отношению к родителям, друзьям, общественности. Фактически подобный ИИ зомбирует пользователя, меняя его психофизическое состояние и восприятие реальности. В конечном итоге ввиду самообучения ИИ, возможности считывания эмоций и реакций, он может склонить пользователя к совершению любого противоправного деяния.

Использование преступными элементами систем дипфейк в преступных целях тоже стало большой проблемой в нынешней среде. С помощью данной системы участились случаи преступной стратегии «ложный начальник», когда руководство звонит подчиненным по видеосвязи и поручает задания, которые влекут за собой совершение преступлений, в частности, хищение денежных средств или передачу коммерческой тайны третьим лицам. Углубляться в данное описание проблемы не будем, т. к. она изучена на заседании правительственной комиссии по профилактике правонарушений под председательством министра внутренних дел РФ прошедшей в феврале 2024 г., по итогам которой рекомендовано Минцифры России совместно с МВД РФ и Роскомнадзором РФ определить наказание за незаконное использование системы дипфейк [6].

В связи с вышеуказанными проблемами и опасностями необходимо создание конкретных мер по предотвращению незаконного использования ИИ и систем дипфейка в VR-среде и метавселенной.

Данные меры могут включать в себя следующее:

- разработку и внедрение стандартов безопасности и регулирования использования ИИ и систем дипфейка;
- проведение исследований и разработок в области этики и безопасности использования ИИ и систем дипфейка, в частности, создании алгоритмов отслеживания этических нарушений и норм при работе ИИ;
- повышение осведомленности пользователей о рисках и проблемах, связанных с использованием ИИ и систем дипфейка, в том числе законодательно подготовить обучающие программы для родителей и лиц, работающих с несовершеннолетним и осуществлять на постоянной основе обучение данной категории лиц на базе учебных заведений.
- необходимо разработать механизмы контроля и надзора за использованием ИИ и систем дипфейка, а также меры по предотвращению их незаконного использования.

Кроме того, необходимо:

- создать специализированные органы или комиссии в регионах, которые будут заниматься вопросами регулирования и контроля за использованием ИИ и систем дипфейка, в том числе в VR-среде и метавселенной. Данной проблемой обеспокоены на уровне ООН которая предлагает создать международный орган по регулированию ИИ [7];
- разработать и внедрить систему сертификации и лицензирования для компаний и организаций, занимающихся разработкой и использованием ИИ и систем дипфейка;
- обучать и повышать осведомленность пользователей о рисках и проблемах, связанных с использованием данных систем, в том числе с привлечением работодателей.
- рассмотреть возможность допуска ИИ к сети Интернет только через специальные протоколы и сервера, которые будут осуществлять «фильтрацию» предоставляемой информации конечному пользователю.

В целях обеспечения безопасности и предотвращения незаконного использования искусственного интеллекта и систем дипфейка необходимо ускорить работу по разработке и внедрению эффективных мер регулирования их использования, которую важно обсудить с представителями научного мира.

Для этого необходимо:

- создать и совершенствовать законодательство, регулирующее использование искусственного интеллекта и систем дипфейка, включая меры по защите прав человека, конфиденциальности данных и противодействию незаконному использованию.
- развивать технологии обнаружения и предотвращения незаконного использования искусственного интеллекта и систем дипфейка;
- укреплять международное сотрудничество в области регулирования искусственного интеллекта и систем дипфейка, обмениваться опытом и разрабатывать совместные меры по противодействию незаконному их использованию, несмотря на санкции и иные разногласия;

– разработать образовательные программы и проводить кампании, направленные на повышение осведомленности о рисках и последствиях незаконного использования искусственного интеллекта и систем дипфейка;

– осуществлять регулярный мониторинг и оценку эффективности мер регулирования, а также адаптировать и улучшать их в соответствии с изменяющимися условиями и новыми вызовами;

– вовлекать представителей общественности, экспертов и заинтересованных сторон в процесс разработки и внедрения мер регулирования;

– проводить исследования и разработки в области обнаружения и предотвращения незаконного использования искусственного интеллекта и систем дипфейка, а также в области создания новых методов защиты данных и обеспечения конфиденциальности; повысить уровень взаимодействия правоохранительных органов для обеспечения эффективного противодействия незаконному использованию искусственного интеллекта и систем дипфейка и соблюдения законодательства.

Таким образом, в статье обоснована необходимость разработки и внедрения мер регулирования использования искусственного интеллекта в виртуальной и дополненной реальности, а также в метавселенной. Работа по созданию и внедрению таких мер должна быть ускорена, при этом к обсуждению этой проблемы должны быть привлечены представители научного мира. Важно проводить образовательные кампании по повышению осведомленности об опасностях и последствиях незаконного использования ИИ. Дальнейшие исследования и разработки должны способствовать созданию новых методов обнаружения и предотвращения таких случаев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ИИ научился считывать эмоции и оказался на 82 % убедительнее человека в споре. URL: <https://3dnews.ru/1102631/ii-nauchilsya-schitivat-emotsii-i-okazalsya-na-82-ubeditelnee-cheloveka-v-spore> (дата обращения: 03.04.2024).

2. Пинкевич Т.В., Тарабрина К.С. Проблемные вопросы выявления преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7. Т. 16.

3. Adversarial vulnerabilities of human decision-making. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2016921117> (дата обращения: 03.04.2024).

4. Игроман-потрошитель из Миасса показал полиции, как убивал родную мать. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1546768/> (дата обращения: 03.04.2024).

5. На самом деле Маша – призрак и жертва медведя: в России обеспокоились жутким ответом умной колонки о героине мультлика. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/03/na-samom-dele-masha-prizrak-i-zhertva-medvedya-v-rossii-obespokoilis-zhutkim-otvetom-umnoy-kolonki-o-geroine-mul-tika/> (дата обращения: 04.04.2024).

6. Минцифры с МВД и Роскомнадзором определяют наказание за дипфейки. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/02/16/1020587-mintsifri-s-mvd-i-roskomnadzorom-opredelyat-nakazanie-za-dipfeiki> (дата обращения: 02.04.2024).

7. ООН предлагает создать международный орган по регулированию ИИ. URL: <https://dzen.ru/a/ZIqH-IXDZU5VEwbo> (дата обращения: 01.04.2024).

REFERENCES

1. AI has learned to read emotions and turned out to be 82% more convincing than humans in an argument. URL: <https://3dnews.ru/1102631/ii-nauchilsya-schitivat-emotsii-i-okazalsya-na-82-ubeditelnee-cheloveka-v-spore> (date of access: 03.04.2024).

2. Pinkevich T.V., Tarabrina K.S. Problematic issues of identifying crimes committed against minors using information and digital technologies // Gaps in Russian legislation. 2023. № 7. V. 16.

3. Adversarial vulnerabilities of human decision-making. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2016921117> (date of access: 03.04.2024).

4. Gambling addict-ripper from Miass showed police how he killed his own mother. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1546768/> (date of access: 03.04.2024).

5. In fact, Masha is a ghost and a victim of a bear: in Russia they are concerned about the creepy response of a smart column about the cartoon heroine. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/03/na-sa-mom-dele-masha-prizrak-i-zhertva-medvedya-v-rossii-obespokoilis-zhutkim-otvetom-umnoy-kolonki-o-geroine-multika/> (date of access: 04.04.2024).

6. The Ministry of Digital Development, the Ministry of Internal Affairs and Roskomnadzor will determine the punishment for deepfakes. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/02/16/1020587-mintsifri-s-mvd-i-roskomnadzorom-opredelyat-nakazanie-za-dipfeiki> (date of access: 02.04.2024).

7. The UN proposes to create an international body to regulate AI. URL: <https://dzen.ru/a/ZIqH-IXDZU5VEwbo> (date of access: 01.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конев Денис Андреевич, кандидат юридических наук, ведущий специалист отдела организации защиты корпоративных интересов в сфере экономики. Территориальная генерирующая компания № 1. 197198, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 16, кор. 2, литер Е. ORCID: 0009-0005-7813-8979

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konev Denis Andreyevich, PhD in Law, Leading Specialist of the Department for Organising the Protection of Corporate Interests in the Economic Sphere of PJSC TGC-1. 16, b. 2, Letter E, Dobrolyubov St., St. Petersburg 197198 Russian Federation.

Научная статья

УДК 343.1

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ВЕДОМСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ ДОЗНАВАТЕЛЯМИ ИНСТИТУТА
ОТДЕЛЬНОГО ПОРУЧЕНИЯ**

Коротаева Юлия Алексеевна

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

123j89@mail.ru

Введение: результаты обобщения практики применения дознавателями норм УПК РФ, регулирующих порядок направления и исполнения отдельных поручений, обнаруживает ряд устойчивых недостатков, снижающих качество дознания и привносящих в него многочисленные нарушения уголовно-процессуального законодательства, обуславливают необходимость принятия эффективных мер к их устранению [1]. Позитивную роль здесь может сыграть правильно организованный процессуальный и ведомственный контроль, ориентированный на решение задач дознания.

Материалы и методы: автором применены следующие общепризнанные методы научного познания: системно-структурный, конкретно-социологический, формально-логический, индуктивный и дедуктивный, аналитический.

Результаты исследования: анализ фактически одного среза применения норм, формирующих уголовно-процессуальный институт отдельного поручения, «высветил» несколько институциональных проблем при реализации норм УПК РФ, регулирующих институт отдельных поручений дознавателя, следователя. Одна из них – недостаточно эффективный ведомственный контроль начальника подразделения дознания за деятельностью дознавателей.

Выбор конкретных форм процессуального и ведомственного контроля в большей степени зависит от предмета отдельного поручения, «собирательный образ» которого определяется предписаниями п. 4, 4.1 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 и 1.3 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152, ч. 2 ст. 163, ст. 189.1, ч. 1 ст. 210 УПК РФ.

Процессуальный и ведомственный контроль за деятельностью дознавателей в части применения института отдельного поручения для субъектов таких видов контроля требует адаптации к специфике указанного института, которая, в конечном счете, и должна «подсказать» видовые и системные параметры контроля.

Теоретически и практически значимо различать основание проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и основание дачи поручения «оперативно-розыскному органу» (далее – ОРО, имея в виду и орган дознания и орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность) о проведении ОРМ, фактические и юридические основания. Основание поручения о проведении ОРМ образует достаточность сведений, указывающих на высокую степень вероятности получения дознавателем, следователем информации о признаках преступления методами оперативно-розыскной деятельности.

Выводы и заключения: неполнота регулирования отношений, возникающих при отмене решения о возбуждении уголовного дела, по которому исполняется поручение дознавателя о проведении ОРМ, может быть преодолена применением предписаний УПК РФ по аналогии закона.

Реальны два варианта блокировки действия поручения о проведении ОРМ в случае отмены постановления о возбуждении уголовного дела, по которому давалось такое поручение:

- а) решение прекратить проведение ОРМ принимает дознаватель, предварительно согласовывая его с начальником подразделения дознания;
- б) начальник подразделения дознания, изучив представленные дознавателем материалы, отзывает поручение дознавателя о проведении ОРМ.

Ключевые слова: ведомственный и процессуальный контроль, отдельное поручение, орган дознания, оперативно-розыскная деятельность, процессуальные документы.

Для цитирования: Коротаева Ю. А. Актуальные вопросы процессуального и ведомственного контроля за применением дознавателями института отдельного поручения / Ю. А. Коротаева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 177–182.

CURRENT ISSUES OF PROCEDURAL AND DEPARTMENTAL CONTROL OVER THE USE BY INVESTIGATORS OF THE INSTITUTION OF A SEPARATE ASSIGNMENT

Korotaeva Yulia Alekseevna

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the results of generalizing the practice of applying the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by investigators, regulating the procedure for sending and executing individual orders, reveal a number of persistent shortcomings that reduce the quality of the inquiry and introduce numerous violations of the criminal procedure legislation, necessitating the adoption of effective measures to eliminate them [1]. A positive role here can be played by properly organized procedural and departmental control, focused on solving the problems of the inquiry.

Materials and methods: the author applied the following generally recognized methods of scientific knowledge: systemic-structural, specific-sociological, formal-logical, inductive and deductive, analytical.

Results of the study: the analysis of virtually one section of the application of the norms that form the criminal procedure institute of an individual order, «highlighted» several institutional problems in the implementation of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the institution of individual orders of the investigator. One of them is the insufficiently effective departmental control of the head of the inquiry unit over the activities of investigators. The choice of specific forms of procedural and departmental control depends to a large extent on the subject of a separate instruction, the «collective image» of which is determined by the provisions of paragraph 4, 4.1, part 2, Article 38, paragraphs 1.1 and 1.3, part 3, Article 41, part 1, Article 144, part 1, Article 152, part 2, Article 163, Article 189.1, part 1, Article 210 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Procedural and departmental control over the activities of investigators in terms of the application of the institution of a separate instruction for subjects of such types of control requires adaptation to the specifics of the said institution, which, ultimately, should «suggest» the specific and systemic parameters of control. It is theoretically and practically important to distinguish between the grounds for conducting operational-search activities (hereinafter referred to as OSI) and the grounds for giving an order to the «operational-search agency» (hereinafter referred to as OSI, meaning both the inquiry agency and the agency implementing operational-search activities) to conduct OSI, the factual and legal grounds. The grounds for an order to conduct OSI constitute the sufficiency of information indicating a high degree of probability of the inquiry officer, investigator receiving information about the signs of a crime using operational-search activities.

Findings and conclusions: the incompleteness of the regulation of relations arising from the cancellation of a decision to initiate a criminal case, under which the inquiry officer's order to conduct OSI is being executed, can be overcome by applying the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by analogy with the law.

There are two possible options for blocking the action of an order to conduct operational search activities in the event of the cancellation of the resolution to initiate a criminal case, according to which such an order was given:

- a) the decision to stop conducting operational search activities is made by the investigator, having previously agreed it with the head of the inquiry unit;
- b) the head of the inquiry unit, having studied the materials presented by the investigator, revokes the investigator's order to conduct operational search activities.

Keywords: departmental and procedural control, separate order, inquiry agency, operational search activities, procedural documents.

For citation: Korotaeva Yu. A. Current issues of procedural and departmental control over the use by investigators of the institution of a separate assignment / Yu. A. Korotaeva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical magazine Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 177–182.

Выборочный анализ процессуальных документов, фиксирующих «жизненный цикл» поручения дознавателя, т. е. его трафик от инициатора поручения к исполнителю и обратно, показывает, что фактически на каждой из стадий движения поручения проявляются разной значимости факторы, влияющие на содержание и «скорость» выполнения соответствующими должностными лицами органа дознания заданий, указанных в поручении.

Как правило, дознаватели дают письменные поручения органу дознания по уголовным делам о нераскрытых преступлениях. Исходя из этого, определяется и содержание поручения, ориентированное на установление лица, совершившего преступление. Наиболее часто встречаются следующие формулировки: установить свидетелей и очевидцев преступления, местонахождение подозреваемого, наличие камеры видеонаблюдения в месте совершения преступления [2]; провести мероприятия, направленные на установление лица, совершившего преступление, камер видеонаблюдения, свидетелей и очевидцев данного преступления [3]; установить лицо, причастное к совершению данного преступления, отработать на причастность к совершению преступления П., 1993 года рождения, лиц, ранее судимых, нигде не работающих, ведущих аморальный образ жизни, состоящих на учете в ОВД; установить свидетелей и очевидцев данного преступления, при получении значимой информации допросить их [4].

Объединяет приведенные задания, включаемые в поручение органу дознания, их неконкретность, использование общих фраз, дублирование мероприятий, предписываемых органу дознания для непосредственной реализации. Подобные процессуальные технологии сложились в большей степени стихийно, в условиях отсутствия эффективного ведомственного контроля, пассивности и недостаточной требовательности со стороны руководителей органов дознания к качеству направляемых в их адрес поручений для принятия мер к раскрытию преступлений. Некоторые поступающие в органы дознания задания дознавателей трудно реализуемы.

Например, часто встречаемая в поручениях формулировка задания «установить лицо, совершившее преступление, а также свидетелей и очевидцев преступления», не возлагает на оперативного уполномоченного дополнительных обязанностей, поскольку основная профессиональная задача, которую решают оперативные сотрудники, сводится к предупреждению преступлений, а в случае их совершения, – выявлению лиц, совершивших преступление. При решении этой задачи устанавливаются и свидетели произошедшего события. В свою очередь установление свидетелей по уголовному делу может предварять осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий, проведение отдельных следственных и иных процессуальных действий. Другими способами установить лиц, которые могут быть свидетелем по уголовному делу объективно, невозможно.

Надо учитывать и чисто процессуальный момент, вытекающий из содержания ч. 1 ст. 58 УПК РФ: лицо, располагающее доказательственной информацией об обстоятельствах расследуемого уголовного дела, приобретает статус свидетеля после его вызова для дачи показаний. Поэтому в поручении дознавателя и следователя, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, точнее будет говорить не об установлении свидетелей, а об установлении лиц, которым известны сведения, имеющие значение для дела, и они могут дать свидетельские показания.

Таким образом, задание «установить лицо, совершившее преступление, а также свидетелей и очевидцев преступления» в поручениях органу дознания, с точки зрения смысловой нагрузки, равносильно заданию «раскрыть преступление», что, в свою очередь, и так является его служебной обязанностью.

Неопределенность характерна и для формулировки «установить свидетелей и очевидцев данного преступления при получении значимой информации допросить их». В соответствии с п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, дознаватель вправе поручить органу дознания провести отдельные следственные действия. Применительно к допросу свидетеля такое поручение предполагает указание в нем персональных данных лица, подлежащего допросу, отсутствие которых исключает вызов его на допрос. Остается только догадываться насчет содержания «значимой информации», обуславливающей целесообразность допроса конкретного лица в качестве свидетеля. При таком подходе исполнитель поручения должен допросить свидетеля, не имея перечня вопросов, подлежащих выяснению.

Чтобы привести содержание поручений дознавателя органу дознания в соответствие с положениями закона (п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ), надлежит «включать» жесткий режим процессуального и ведомственного контроля.

В связи с этим возникает вопрос: почему в каждом конкретно взятом случае отдельное поручение не становится предметом изучения начальника подразделения дознания? Ответ здесь очевиден: указанные должностные лица не считают отдельное поручение потенциально сильным познавательным способом собирания доказательств, относятся к нему формально, а закон, к тому же, не предусматривает обязательное согласование поручения дознавателем с начальником подразделения дознания.

Стоит отметить, что другими исследователями констатируется распространенность в правоприменительной практике фактов несоблюдения инициатором и исполнителем поручения условий осуществления процессуальных действий в ходе выполнения поручения [5, с. 24–28].

Среди дознавателей прочно укрепились точка зрения, согласно которой для принятия решения направить в орган дознания поручение о проведении ОРМ не требуется какое-либо самостоятельное основание, такое поручение может быть дано в любой момент по усмотрению дознавателя. При таком подходе ожидать действенного ведомственного контроля за деятельностью дознавателей в части применения института отдельного поручения наивно. Поэтому вопрос – должен ли дознаватель, следователь перед направлением поручения органу дознания о проведении ОРМ выяснять наличие для этого фактических и юридических оснований становится ключевым как с позиций повышенного значения в доказывании результатов ОРМ, так и в контексте разумного использования сил и средств оперативно-розыскных подразделений.

С учетом содержания ч. 1 и 3 ст. 7 Закона об «Оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон № 144-ФЗ) рассматриваемый вопрос целесообразно разделить на две части.

1. Поручение о проведении ОРМ дается дознавателем по уголовному делу, принятому к своему производству. На первое место среди оснований проведения ОРМ законодатель поставил наличие возбужденного уголовного дела (ч. 1 ст. 7 закона № 144-ФЗ).

Возбуждение уголовного дела и проведение по нему расследования в интересующем аспекте означает, что органы расследования располагают, как минимум, достаточными сведениями о совершенном преступлении, а часто и о причастности к нему определенных лиц. Расследование уголовного дела носит официальный, преимущественно открытый характер, для достижения задач досудебного уголовного судопроизводства закон предусматривает различные способы собирания доказательств, среди которых главными выступают следственные действия, а также разрешает применять широкий перечень принудительных мер для обеспечения процесса доказывания и надлежащего поведения участников уголовного процесса. При необходимости использования помощи оперативных сотрудников для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, дознаватель, следователь направляют органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении ОРМ (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

Подчеркнем, используемое выражение «при необходимости» означает, что дознаватель, следователь, реализуя свои полномочия, объективно не могут установить, например, других соучастников преступления, разыскать и изъять похищенное имущество, предметы, орудия совершения преступления. Во вводной части поручения должны быть приведены сведения, из которых следует обязательность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и целесообразность привлечения к решению этой задачи дополнительных сил в лице оперативных сотрудников. Поскольку поручение дается в рамках возбужденного уголовного дела, по которому осуществляется ведомственный контроль и прокурорский надзор за соблюдением прав участников досудебного уголовного производства, у органа дознания в принципе не возникают вопросы о правомерности поступившего к нему задания провести ОРМ в целях, указанных в поручении дознавателя, следователя.

При применении норм, регулирующих поручение о проведении ОРМ по возбужденному уголовному делу, может сложиться следующая ситуация, на которую мало кто из исследователей обращает внимание. Суть ее в следующем.

Признавая постановление о возбуждении уголовного дела, вынесенного дознавателем, незаконным или необоснованным, прокурор отменяет постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление. О принятом решении незамедлительно уведомляется заявитель, а также лицо, в отношении которого возбуждалось уголовное дело (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Если по уголовному делу дознавателем дано поручение органу дознания о проведении ОРМ и оперативные сотрудники на момент отмены постановления о возбуждении уголовного дела продолжают проводить ОРМ, то возникает вопрос о правомерности дальнейшего проведения ОРМ и допустимости результатов ОРМ для использования в доказывании по уголовному делу, их легитимности.

Исходя из того, что полномочием возбуждать уголовное дело, давать органу дознания по нему поручения о проведении ОРМ наделен дознаватель, он является автором поручения, логично заключить, что он и должен предпринять меры к приостановлению или вовсе к прекращению проведения ОРМ. В силу неполноты регулирования отношений, возникающих при отмене решения о возбуждении уголовного дела, по которому исполняется поручение

дознателя о проведении ОРМ, у дознавателя не остается выбора, кроме как поступать, руководствуясь правилом аналогии закона.

Подробный анализ отношений, возникающих при отмене решения о возбуждении уголовного дела и требующих нормативного упорядочения, показывает.

Во-первых, отмена постановления о возбуждении уголовного дела автоматически аннулирует основание для проведения ОРМ, что обязывает должностное лицо, в производстве которого находилось уголовное дело, прекратить проведение ОРМ. Думается, что решение прекратить проведение ОРМ должен принимать именно дознаватель, а не прокурор, отменяющий постановление о возбуждении уголовного дела. Однако отмена поручения о проведении ОРМ должна быть поставлена под контроль начальника подразделения дознания путем получения дознавателем соответствующего согласия последнего.

Однако возможен и другой вариант устранения рассматриваемых последствий отмены постановления о возбуждении уголовного дела – отзыв (отмена) начальником подразделения дознания поручения дознавателя о проведении ОРМ по результатам изучения представленных дознавателем материалов.

Во-вторых, полученные ОРО на момент отмены постановления о возбуждении уголовного дела результаты ОРМ не следует направлять дознавателю как инициатору поручения. Уголовное дело подлежит сдаче в архив, где результаты ОРМ храниться не могут. Представляется, что полученные при указанных обстоятельствах результаты ОРМ должны оставаться в распоряжении ОРО, который имеет полномочия при наличии сведений, указанных в подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона № 144-ФЗ, проводить ОРМ, в том числе в отношении лица, фигурировавшего в отмененном уголовном деле как подозреваемый в совершении преступления.

В-третьих, процессуальная форма доведения до ОРО указания прекратить исполнение поручения о проведении ОРМ и месте хранения полученных на дату отмены постановления о возбуждении уголовного дела результатов ОРМ должна быть приближена к порядку функционирования института отдельного поручения. Применяя по аналогии уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее институт отдельного поручения (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ), дознаватель, чтобы прекратить реализацию ОРО поступившего поручения о проведении ОРМ, направляет исполнителю поручения соответствующее письменное указание с изложением в нем причин, обусловивших необходимость приостановления действия ранее данного им поручения, и рекомендаций о месте хранения полученных результатов ОРМ.

В-четвертых, о принятых дознавателем мерах к прекращению проведения ОРМ, предусмотренных его письменным поручением, также должно быть сообщено прокурору.

2. *Поручение о проведении ОРМ в рамках проверки сообщения о преступлении.* Порядок проверки сообщений о преступлениях всегда вызывал и до сих пор вызывает большое количество вопросов, главным образом связанных с достаточностью процессуальных средств для проведения качественной проверки с принятием законного и обоснованного решения в разумный срок [6, с. 79–115]. Стоит отметить, что согласно ст. 144 УПК РФ значительно расширились возможности должностных лиц органов предварительного расследования по поручению ОРО при производстве ОРМ в ходе проверки сообщения о преступлении.

Однако следует иметь в виду, что проведение ОРМ в порядке исполнения поручения дознавателя, следователя, данного на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ, строго направлено на проверку сообщений о преступлениях, а длительность проведения ОРМ ограничена сроками рассмотрения сообщения о преступлении (3, 10 или 30 суток), установленными ст. 144 УПК РФ [7, с. 124–128].

Принимая во внимание обозначенные особенности отдельных поручений в стадии возбуждения уголовного дела, подчеркнем, что их наименование как «отдельные поручения» является неточным. Термин «отдельное поручение» употребляется в законе (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ) исключительно в отношении следственных действий. В ч. 1 ст. 144 УПК РФ предмет поручения ограничен ОРМ и не включает следственные действия. Поэтому законодатель и не использует в этом случае выражение «отдельное следственное действие».

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «основание поручения» базируется, во-первых, на дифференциации оснований проведения ОРМ и оснований дачи поручения ОРО о проведении ОРМ, и, во-вторых, на разграничении фактических и юридических оснований. Исходя из этого, предлагается понимать под основанием принятия решения о направлении в ОРО поручения о проведении ОРМ наличие достаточных сведений, указывающих

на возможность получения дознавателем, следователем информации о признаках преступления методами ОРД.

Дополнительно отметим, что в предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ сроки могут быть проведены не все ОРМ. Например, при исполнении поручения следователя о проведении ОРМ в стадии возбуждения уголовного дела проблематично использование для установления признаков преступления таких ОРМ как оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аналитический обзор о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России по итогам работы за 2023 г. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147> (дата обращения: 14.08.2024).
2. Уголовное дело № 946931, возбуждено 7 декабря 2023 г. ОД ОП-4 УМВД России по г. Владивостоку по признакам преступления, предусмотренного ст. 116 ч. 1 УК РФ (побои) // Архив Судебного участка № 25 Фрунзенского района г. Владивостока.
3. Уголовное дело № 746531 возбуждено ОП-4 УМВД России по г. Владивостоку по признакам преступления, предусмотренного ст. 260 ч. 1 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений) // Архив Судебного участка № 25 Фрунзенского района г. Владивостока.
4. Уголовное дело № 12301250029000317 возбуждено 7 апреля 2023 г. ОП-1 МУ УМВД России «Иркутское» по признакам преступления, предусмотренного ст. 112 ч. 1 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) // Архив Свердловского районного суда г. Иркутска.
5. Седельников П.В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. 2017. № 1.
6. Николюк В.В., Волынский В.В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела. М., 2015.
7. Ларичева И.В. Взаимодействие следователя с органами дознания как институт уголовно-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.

REFERENCES

1. Analytical review of the results of operational and service activities of the inquiry units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the results of work for 2023. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147> (date of access: 14.08.2024).
2. Criminal case № 946931, initiated on December 7, 2023 by OD OP-4 of the UMVD of Russia for the city of Vladivostok on the grounds of a crime under Art. 116, Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation (battery) // Archive of Judicial Precinct № 25 of the Frunzensky District of Vladivostok.
3. Criminal case № 746531, initiated by OP-4 of the UMVD of Russia for the city of Vladivostok on the grounds of a crime under Art. 260 Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal logging of forest stands) // Archive of Judicial Precinct № 25 of the Frunzensky District of Vladivostok.
4. Criminal Case № 12301250029000317 was initiated on April 7, 2023 by OP-1 of the Irkutsk Municipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the grounds of a crime under Art. 112 Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation (intentional infliction of moderate bodily harm) // Archive of the Sverdlovsk District Court of Irkutsk.
5. Sedelnikov P.V. Assignment of the investigator to the inquiry body // Legislation and Practice. 2017. № 1.
6. Nikolyuk V.V., Volynsky V.V. Judicial control over the activities of preliminary investigation bodies at the stage of initiating a criminal case. Moscow, 2015.
7. Laricheva I.V. Interaction of the investigator with the inquiry authorities as an institution of criminal procedural law: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коротаева Юлия Алексеевна, соискатель. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korotaeva Yulia Alekseevna, applicant. Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 183–187.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 183–187.

Научная статья

УДК 343

АНТИКРИМИНАЛЬНОЕ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Кулешова Анна Владимировна

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация

akulesova906@gmail.com

Введение: исследование посвящено актуальной для сегодняшней действительности проблеме. XXI век характеризуется многими преобразованиями в социальной, экономической, политической и иных сферах жизни общества, что влечет за собой определенные последствия, связанные, в том числе, и с миграционными процессами. Обращение внимания научного сообщества на необходимость уделять должное внимание антикриминальному и правовому просвещению адвентивных лиц само по себе ценно, поскольку, как видится, возникает импульс, который побуждает возникновение как антагонистических, так и альтернативных точек зрения.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей автор использовал результаты научных исследований известных российских ученых, внесших вклад в науку, который ныне оценен широким научным пространством. В данной статье применялся ряд эффективных исследовательских методов: индукция, дедукция, сопоставление, синтез и анализ.

Результаты исследования: автор в ходе своих аргументированных рассуждений обозначает основные черты и коммуникационные потребности адвентивных лиц, из чего логично заключает не только характер их поведения, но и методы, которые могли бы способствовать их правовому воспитанию. Антикриминальное и правовое просвещение иностранных граждан и лиц без гражданства является масштабной деятельностью, которую необходимо вести на постоянной основе, поэтому она требует не только регулярного обновления и улучшения, но и пристального внимания компетентных специалистов.

Выводы и заключения: главным итогом состоявшегося научного исследования стало утверждение мысли о том, что миграционные потоки внутрь нашей страны неизбежны и свидетельствуют об экономической привлекательности России. Поскольку это так, то исследователям не избежать решения задачи, посвященной тому, чтобы адвентивные лица проживали на нашей территории в границах правового сознания.

Ключевые слова: криминалистика, антикриминальное и правовое просвещение иностранных граждан и лиц без гражданства, криминалистическое предупреждение, адвентивные преступления, многонациональность, национальная безопасность.

Для цитирования: Кулешова А. В. Антикриминальное и правовое просвещение иностранных граждан и лиц без гражданства в системе криминалистического предупреждения / А. В. Кулешова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 183–187.

Original paper

ANTI- CRIMINAL AND LEGAL EDUCATION OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN THE SYSTEM OF FORENSIC PREVENTION

Kuleshova Anna Vladimirovna

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: this study is devoted to a problem that is relevant to today's reality. The twenty-first century is characterized by many transformations in the social, economic, political and other spheres of society, which entails certain consequences, including those related to migration processes. Drawing the attention of the scientific community to the need to pay due attention to the anticriminal and legal education of adventitious persons

is valuable in itself, since, as the author sees it, an impulse arises that prompts the emergence of both antagonistic and alternative points of view.

Materials and methods: during the work on the article, the author used the results of scientific research by famous Russian scientists who have made contributions to science, which is now appreciated by a wide scientific space. In this article, a number of effective research methods were used: induction, deduction, comparison, synthesis and analysis.

Results of the research: in the course of his reasoned arguments, the author identifies the main features and communication needs of adventitious persons, from which he logically concludes not only the nature of their behavior, but also methods that could contribute to their legal education. Anti-criminal and legal education of foreign citizens and stateless persons is a large-scale activity that must be conducted on an ongoing basis, therefore it requires not only regular updating and improvement, but also the close attention of competent specialists.

Findings and conclusions: the main result of the scientific research was the statement of the idea that migration flows into our country are inevitable and indicate the economic attractiveness of Russia. Since this is the case, researchers cannot avoid solving the problem of ensuring that adventitious persons live on our territory within the boundaries of legal consciousness.

Keywords: criminalistics, anti-criminal and legal education of foreign citizens and stateless persons, criminalistic prevention of juvenile delinquency, multinational, national security.

For citation: Kuleshova A.V. Anti-criminal and legal education of foreign citizens and stateless persons in the system of criminalistic prevention / A.V. Kuleshova // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and Information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 183–187.

Криминалистика имеет множество задач, успешное решение которых напрямую повышает ряд жизненных показателей нашего общества. Так, антикриминальное и правовое просвещение, влияющее на предупреждение преступлений и правонарушений, которые могут быть совершены адвентальными лицами или в отношении них, значится в числе приоритетов современной отечественной криминалистики. Законодатель, в качестве самой первой упреждающей антикриминальной методики, уверен, что миграционные процессы в обязательном порядке должны контролироваться государством. Именно поэтому хаотичность и игнорирование правовых норм преследуются по закону [1]. Адвентальные лица могут прибывать в Россию как с ближнего, так и с дальнего зарубежья, преследовать различные цели. Не редки факты нарушения действующего отраслевого законодательства. Учитывая все это, вполне логично, что имеющие гражданскую позицию россияне интересуются обозначенной темой, а различные области отечественной юридической науки устремлены к тщательному изучению возникающих проблем [2].

Профилактическая работа, направленная на упреждение преступлений и правонарушений различных видов, является одним из ключевых направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Общественная безопасность и правопорядок, которые напрямую зависят от профилактики, входят в число факторов, которые определяют как уровень государственного престижа, так и многие другие позитивные характеристики страны. Именно поэтому все органы государственной власти России, каждый на своем уровне и в пределах своих полномочий, в рамках межведомственного и межструктурного взаимодействия, принимают участие в реализации профилактики преступлений и правонарушений. Ряд исследователей придерживается мнения, что незаконная миграция лиц из государств ближнего или дальнего зарубежья стала одной из многочисленных глобальных негативных тенденций, которые плавно и неизбежно перешли к нам из постсоветского периода. В своем большинстве жители тех территорий, которые некогда были единым целым, движутся в более экономически благополучное пространство, поскольку имеют низкий уровень жизни. Приобретая для себя какие-то выгоды, мигранты провоцируют целый ряд дестабилизирующих последствий для принимающей их стороны: от ухудшения демографической ситуации до роста миграционной преступности, обусловленной их правовой и социальной незащищенностью, банальной неуверенностью в завтрашнем дне [3; 4]. Вполне объяснимо стремление государства, на чьи земли устремляются миграционные потоки, взять происходящее под контроль.

Антикриминальное и правовое просвещение иностранных граждан и лиц без гражданства на сегодняшний день имеет ряд проблемных моментов, которые необходимо разрешить. Дело в том, что, несмотря на принимаемые государством меры, правовое сознание у представителей

данных категорий населения не повышается. Действительная картина, характеризующаяся рядом коммуникационных проблем, видится нам следующим образом.

Во-первых, информация, транслируемая органами власти, чаще всего просто до них не доходит – потому что эти люди проживают в России в режиме «инкогнито». Они не знают языка, не стремятся знать его настолько, чтобы читать местные источники массовой информации и постоянно находиться в курсе актуальной новостной повестки.

Для государства очень важно, чтобы люди, находящиеся на его территории, соблюдали его законодательные нормы, актуальные времени. Ведь это не только дань уважения обществу и власти, но и залог безопасности. Так, лица, имеющие статус иностранных либо те, которые не имеют вовсе никакого гражданства, обязаны соблюдать требования нормативных правовых актов, иметь необходимые документы и не скрывать своего нахождения. В этом случае у государственных органов есть шанс каким-либо доступным им способом влиять на уровень их правосознания. Увы, если такие лица проживают на территории Российской Федерации нелегально, избегают взаимодействия с представителями государственных структур, тем самым они противопоставляют себя тем ценностям, которые существуют в стране, которую они выбрали для проживания. Заведомо и сознательно, данные лица приняли для себя решение находиться вне установленных рамок, а значит, они в любой момент способны преступить и другие нормы и правила. Учитывая данные обстоятельства, подразделения по вопросам миграции, входящие в структуру органов внутренних дел, на постоянной основе занимаются выявлением лиц, находящихся в России нелегально. Однако полностью эта проблема не искореняется, очевидно, по той причине, что часто работа проводится автоматически, для сообщения формальностей. Не хватает специалистов, которые занимались бы именно этим направлением. Безусловно, в дело выявления незаконных мигрантов включены и участковые уполномоченные полиции, в качестве еще одной функции их служебной деятельности. Однако сегодня на данных сотрудниках и без того серьезная нагрузка, и подчас им некогда досконально изучать население вверенной территории, что позволило бы оперативно установить нахождение нелегалов и отреагировать в рамках закона.

Во-вторых, профилактическая работа, направленная на недопущение преступлений и правонарушений, проводимая правоохранительными органами совместно с добровольными народными дружинами, органами власти и различными институтами гражданского общества часто крайне скудна, мала и не охватывает целевой аудитории. Она подчас ограничивается чем-нибудь очевидным и от того неэффективным. Например, социальной рекламой на плазменных экранах (если это крупный город) или короткими материалами в районных газетах (если это сельская местность или небольшие города). Бывает, что на региональных телеканалах порой транслируется профилактическая инфляция, федеральные слишком дорого оценивают эфирное время и бесплатно предоставляют его нечестно, а на платной основе инициаторы профилактики не могут их разместить, поскольку нет предусмотренного бюджета. Материалы размещаются в социальных сетях, однако и здесь промах, потому что посты попадают в аккаунты конкретных служб и учреждений, которые не слишком интересны аудитории, режиссированы такие сюжеты крайне скучно, по меркам современных адептов медиасферы, потому обычно широкого внимания аудитории не удостоиваются. Как нынче можно выразиться, «в сети не вирусятся». Важно отметить, что такая подача информации адресована всем сразу и никому конкретному. Предполагается, что агитация в виде призывов не поддаваться на уловки мошенников, которые звонят от имени банков, или предупреждения о том, какие санкции предусмотрены за рыбную ловлю незаконными орудиями, должна сработать универсально. Однако это далеко не так. Какой-нибудь низкий процент русскоговорящего населения, возможно, обратит внимание на то, что ему сообщено, и сделает выводы, верные с точки зрения правопорядка. Если же мы рассматриваем носителей других языков, даже тех, кто проживает на территории России легально, то эти люди вряд ли тратят свои усилия (а русский язык, как известно, сложен для изучения), о чем же им хотят поведать. Вероятнее всего, они обращают внимание лишь на те источники, где размещена гарантированно полезная для них информация, и уж точно они не станут ломать голову над текстами районных газет или объявлений в подъездах, которые старательно развесил местный участковый уполномоченный полиции. Значительная часть адвентальных лиц, как известно, это трудовые мигранты. С низким уровнем образования, таким же кругозором и примитивным знанием русского языка, который они изучают лишь для удовлетворения простейших коммуникационных

потребностей. Таким незатейливым образом, формально профилактическая работа с адвентальными лицами проделана, ее можно включить в отчетность, но она не приносит серьезного результата, в котором нуждается общество. Хотя системность и регулярность здесь налицо, эффект не значителен.

В-третьих, если даже информация о том, что не стоит совершать преступления и правонарушения, а также провоцировать их совершение в отношении себя, все же доходит до адресата и он способен ее понять, она не возымает действия по причине своей неубедительности. Чтобы вывод целевой аудитории был однозначно верным, нужно знать, как на эту аудиторию повлиять, что ей близко, на что она реагирует, как в нескольких словах или коротким видеосюжетом донести такое, что однозначно выполнит поставленную профилактическую задачу. Для этого мы снова обращаемся к идее создания специального органа, который бы изучал целевую аудиторию, ее особенности, психологические, ментальные, психические, социальные и прочие, настолько, чтобы антикриминальное и правовое просвещение работало на все сто процентов.

Итак, можно сделать выводы следующего характера:

1) необходимо пересмотреть подход к организации профилактической работы, направленной на формирование правосознания у иностранных граждан и лиц без гражданства, разработать принципиально новые нормативные правовые акты, регламентирующие подобные направления деятельности с более прогрессивной точки зрения;

2) необходимо поручить профилактическую работу специализированному подразделению в органах внутренних дел, которое занималось бы такой деятельностью не дополнительно и крайне формально, и в качестве основного направления, вдумчиво и потому эффективно;

3) необходимо регулярно обращать внимание на все изменения, происходящие в сфере массовых коммуникаций, чтобы у органов власти было четкое понимание того, откуда и как современные люди (и коренное население, и адвентальные лица) черпают информацию.

Въездная миграция относительно России в последнее время становится только активнее, поскольку позиции рубля на мировой арене укрепляются [5]. Поскольку прогнозы финансовых экспертов по этому поводу довольно оптимистичны, это означает, что отечественным криминалистам стоит продолжить свои исследования в обозначенной нами проблематике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданыан А.В., Ларионов И.А. Актуальные проблемы расследования организации незаконной миграции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35).

2. Варданыан А.В., Ларионов И.А. Правовые и тактико-криминалистические особенности проведения следственных действий с участием мигрантов в контексте проблемы формирования системы полных и непротиворечивых доказательств по уголовным делам об организации незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016.

3. Варданыан А.В., Ларионов И.А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015.

4. Варданыан А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).

5. Фойгель Е.И., Кулешов Р.В. Противодействие преступности, связанной с организацией незаконной миграции в период осуществления специальной военной операции: организационно-правовые и криминалистические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 1. Т. 17.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Actual problems of investigating the organization of illegal migration // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (35).

2. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Legal and tactical-criminalistic features of conducting investigative actions involving migrants in the context of the problem of forming a system of complete and consistent evidence in criminal cases on the organization of illegal migration // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2016.

3. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Scientific foundations of the formation of criminalistic characteristics of crimes related to the organization of illegal migration // *Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*. 2015.

4. Vardanyan A.V. Countering the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. № 1 (96).

5. Foigel E.I., Kuleshov R.V. Countering crime related to the organization of illegal migration during the implementation of a special military operation: organizational, legal and criminalistic aspects // *All-Russian Journal of Criminology*. 2023. Vol. 17, № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулешова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник 3-го отдела научно-исследовательского центра № 4. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuleshova Anna Vladimirovna, PhD in Law, Senior researcher of the 3-rd Department of the Research Center № 4. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25, Povarskaya St., building 1, Moscow 121069 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 188–192.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 188–192.

Научная статья

УДК 343.9

КОЛУМБАЙН – МОЛОДЕЖНАЯ ДЕСТРУКТИВНАЯ СУБКУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Мамедов Шамо Гейсaddinovich

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

mamedovshamo@gmail.com

Введение: в условиях глобализации современного общества наиболее остро стоит вопрос массового распространения деструктивной информации, благодаря которой происходит активное приобщение молодежи к различным антиобщественным субкультурам. Одной из них является движение Колумбайн, сторонники которой аккумулируют и преумножают идеи совершения вооруженных нападений в образовательных организациях.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили работы отечественных исследователей криминологов и психологов по исследуемой проблематике, а также приговоры судов по уголовным делам о вооруженных нападениях в образовательных организациях. В статье использованы такие методы познания как синтез, анализ, индукция и дедукция, метод обобщения данных.

Результаты исследования: в настоящей работе получили освещение основные элементы молодежной деструктивной субкультуры Колумбайн и их влияние на развитие данного антиобщественного движения.

Выводы и заключения: сформулирован вывод о том, что движение Колумбайн в настоящее время представляет собой устойчивую молодежную деструктивную субкультуру с присущей ей характерными элементами, определяющими сущность данного антиобщественного явления. Учитывая явную деструктивную направленность субкультуры Колумбайн, стремительное распространение информации о ней и появление многочисленных последователей данного противоправного движения возникает необходимость в применении комплекса предупредительных мер, позволяющих искоренить идеологию, пропагандирующую совершение вооруженных нападений в образовательных организациях.

Ключевые слова: скулшутинг, Колумбайн, вооруженные нападения в образовательных организациях, молодежная деструктивная субкультура.

Для цитирования: Мамедов Ш. Г. Колумбайн – молодежная деструктивная субкультура современного общества / Ш. Г. Мамедов // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 188–192.

Original paper

COLUMBINE - YOUTH DESTRUCTIVE SUBCULTURE OF MODERN SOCIETY

Mamedov Shamo Geysaddinovich

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Introduction: in the context of globalization of modern society, the issue of mass dissemination of destructive information is most acute, due to which there is an active involvement of young people in various antisocial subcultures. One of them is the Columbine movement, whose supporters accumulate and multiply the ideas of committing armed attacks in educational organizations.

Materials and methods: the material base of the study was the works of domestic researchers, criminologists and psychologists on the studied problem, as well as court sentences in criminal cases on armed attacks in educational organizations. The article uses such methods of cognition as synthesis, analysis, induction and deduction, the method of data generalization.

Results of the study: this work covers the main elements of the youth destructive subculture of Columbine and their influence on the development of this antisocial movement.

Findings and conclusions: a conclusion is formulated that the Columbine movement currently represents a stable youth destructive subculture with its inherent characteristic elements that determine the essence of this

antisocial phenomenon. Given the obvious destructive nature of the Columbine subculture, the rapid spread of information about it and the emergence of numerous followers of this illegal movement, there is a need to apply a set of preventive measures to eradicate the ideology that promotes armed attacks in educational institutions.

Keywords: school shooting, Columbine, armed attacks in educational institutions, youth destructive subculture.

For citation: Mamedov Sh. G. Columbine – youth destructive subculture of modern society / Sh. G. Mamedov // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 188–192.

В современном мире, благодаря возможностям быстрого и масштабного распространения информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий, появляются все новые субкультуры, идеология которых порой носит деструктивный характер. В ряде случаев молодежь в полной мере не способна осознавать характер получаемой информации и, столкнувшись с деструктивным материалом, становится объектом влияния вредоносной информации. Заинтересовавшись антиобщественной информацией, человек может погрузиться в данную тематику, тем самым невольно приобщиться к деструктивному течению, именуемому субкультурой.

В научной литературе под молодежной субкультурой понимается совокупность эстетических, политических и иных ценностных ориентаций, символика, модели поведения, жизненный стиль и внешняя атрибутика какой-либо группы молодежи. [1, с. 93] Деструктивность молодежного движения отличает признак единой антиобщественной идеологии, убеждений, интересов, призывающих к осуществлению противоправной деятельности.

Деструктивные молодежные субкультуры отличает от правомерных течений мировоззрение антиобщественного характера, общие внешние проявления действий и стиля одежды, а также склонность к подражанию негативным поступкам.

В настоящее время одной из наиболее опасных молодежных субкультур является движение Колумбайн. Оно зародилось после вооруженного нападения двух подростков Эрика Харриса и Дилана Клиболда в старшей школе «Колумбайн» города Колорадо (США). Массовое убийство, унесшее жизни 13 человек, стало объектом пристального внимания со стороны общественности, благодаря широкому освещению в СМИ и сети Интернет. Ввиду того, что внимание в информационном поле получили личности нападавших, массы людей, нашедших проблемы преступников схожими со своими, стали углубляться в данную тематику. Главный фокус внимания был направлен на то, что подростки были жертвами травли в учебных коллективах, сверстники их игнорировали, ввиду чего Харрис и Клиболд стали изгоями в школе. Замкнувшись в собственных проблемах, в трудностях с общественным принятием, подростки решили кардинально ответить обидчикам путем совершения массового убийства [2].

Получив широкий общественный резонанс, преступление в старшей школе «Колумбайн» стало активно обсуждаться в обществе, а равнодушные к преступникам подростки проявили особый интерес, создав особый культ вокруг вооруженного нападения в образовательной организации. Постепенно тема нападения стала обрастать определенным символизмом. Подростки желали решить свои жизненные проблемы аналогичным способом, тем самым приобщившись к новоиспеченному движению.

На сегодняшний день молодежное движение Колумбайн, распространившееся по всему миру, можно с полной уверенностью назвать стойкой субкультурой с присущими ей особенностями. Только в России в 2022 г. выявлено около 700 тематических сообществ данной субкультуры, а численность сторонников насчитывает несколько тысяч человек¹.

В первую очередь необходимо отметить сложившееся мировоззрение сторонников движения Колумбайн. История Эрика Харриса и Дилана Клиболда стала настольной книгой для объектов травли в коллективе. Дневники Харриса и Клиболда показали, что ряд психотравмирующих ситуаций, произошедших в учебном заведении, стали поводом для отрешения от общества, желании отомстить людям за причиненные страдания.

Сторонники движения Колумбайн придерживаются идеи о том, что непринятие обществом их личности является своего рода вызовом, требующим от них ответной реакции. Однако

¹ В России выявили почти 700 интернет-сообществ сторонников «Колумбайна». URL: <https://www.interfax.ru/russia/837751> (дата обращения: 27.01.2024).

привычная для общества реакция по типу «дать сдачи обидчику» не является приемлемой, т. к. ответ должен быть масштабным и демонстративным, имя колумбайнера должны узнать все.

Так, М., планировавший совершить вооруженное нападение в образовательной организации, будучи в 8 классе, в сети Интернет ознакомился со статьей о массовом убийстве в старшей школе «Колумбайн». Данная тема его заинтересовала, поскольку он увидел, что основным мотивом нападения стала месть за унижения. В своей судьбе он нашел общее с судьбой Эрика Харриса и М. стал детально изучать все известные акты массовых убийств в учебных заведениях².

Адепты движения Колумбайн склонны к подражанию. Подражание в первую очередь направлено на повторение «сценария» действий наиболее известных преступников, совершивших акты массового убийства в учебных заведениях.

В криминологии данное явление именуется криминальной мимикрией и представляет собой процесс осмысленного подражания образу жизни и преступным деяниям другого лица (лиц), ранее совершившего преступление, взятое за основу и выражающееся в аналогичных или схожих преступных действиях [2, с. 23].

Так, большинство нападавших лиц копируют способы и методы нападения, тактику действий, используемое оружие и др., тем самым преступник показывает свое отношение к выбранной идеологии, приобщается к псевдогероизированным идеалам. Однако необходимо отметить, что каждый последующий преступник, совершающий вооруженное нападение в образовательной организации, несмотря на копирование «сценария» преступления, стремится внести свою отличительную особенность в модель нападения для того чтобы стать объектом подражания для последующих адептов идеологии Колумбайн.

Г. в сети Интернет много читал о «колумбайнерах», в том числе о Клиболде и Харрисе, совершивших массовое убийство в образовательном учреждении США, а также о Рослякове, который совершил массовое убийство в городе Керчи. Он понял, что для него идеально подходила идеология «колумбайнеров», которая послужила для него основанием для планирования нападения на гимназию. Тактика нападения использовалась схожая с применяемой Харрисом и Клиболдом, а применение взрывоопасных предметов копировалось с действиями Рослякова, а именно использование сковороды под взрывным устройством, для создания направленного разброса поражающих элементов³.

Помимо копирования действий, субкультура Колумбайн подразумевает подражание внешнему виду, а именно – воспроизведение элементов одежды знаменитых колумбайнеров и использование различного рода отсылок к объектам подражания в одежде.

Определенный стиль колумбайнеров, также, как и представителей других движений, это в первую очередь внешняя демонстрация своих убеждений, пропагандируемых идеологией. Стоит отметить, что представители большинства субкультур придерживаются определенного стиля в повседневной жизни, однако колумбайнеры зачастую используют специфический стиль в момент нападения либо в процессе приготовления к нему.

Так, «колумбайнерам» свойственны следующие элементы стиля одежды:

- солнцезащитные очки;
- бандана на лице, либо маска по типу балаклавы;
- футболки с надписями: «Natural selection» (естественный отбор); «NaturalBornKillers/NBK» (Прирожденные убийцы); «Hate» (Ненависть); «Wrath» (Гнев); «We are KMFDM» (мы без жалости к большинству); «Ich bin Gott» (Я Бог); «1999»; «Delete my life» (удали свою жизнь) и др.;
- длинные плащи;
- брюки темного цвета либо в стиле «милитари»;
- высокие ботинки, берцы.

Отметим, что данные элементы одежды не являются исчерпывающими, но большинство лиц, совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях, использовали как минимум один отличительный компонент стиля одежды. Помимо прочего в различных элементах стиля одежды «колумбайнеров» отмечаются отсылки к известным преступникам, в том числе упоминание их имен, использование даты нападения и т. д.

² Приговор Ленинского районного суда Тульской области от 29.04.2022 года по делу № 1-1/2022 (1-213/2021).

³ Приговор Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 2-4/2023 от 13 апреля 2023 г.

Следующим важным элементом идеологии колумбайн является демонстративность. В первую очередь это определяется созданием специфического «манифеста» нападающих лиц. Манифест предполагает преимущественно письменное обращение в сети Интернет к обществу, однако отличительной особенностью данных посланий является отсроченный характер демонстрации.

Одним из самых больших «манифестов» является публикация в социальной сети Вконтакте Б., совершившего нападение в Пермском государственном университете 20 сентября 2021 г. В данном сообщении Б. подробно рассказывает о своей жизни и о том, как решил совершить вооруженное нападение в образовательной организации.

«Этот день станет самым насыщенным днем в моей жизни, я проживу его так, как многие из вас не проживают свои жизни. Не знаю скольких я смогу убить, но я сделаю все, чтобы забрать с собой как можно больше»⁴.

Создание посланий в социальных сетях направлено на максимально широкий круг лиц, и посвящение общественности в мысли и переживания преступника носит характер ритуального обращения к социуму, однако именно распространение «последнего слова» предвещает последующую романтизацию массового убийства в учебном заведении и личности, его совершившего.

Представленные элементы молодежной деструктивной субкультуры Колумбайн не являются исчерпывающими, а появление новых особенностей движения диктуется стремительным развитием антиобщественного воззрения и появлением новых специфических проявлений преступного посягательства.

Подводя итог исследования, необходимо отметить, что увеличение количества вооруженных нападений в образовательных организациях демонстрирует укрупнение масштабов распространения молодежной деструктивной субкультуры Колумбайн, заразительность этого противоправного движения, а также устойчивость насильственной идеологии в сознании молодого поколения.

В движении Колумбайн в настоящее время можно выделить ряд факторов, которые свидетельствуют о негативных антиобщественных тенденциях:

- несмотря на то, что молодежная деструктивная субкультура Колумбайн не является новой в мировой истории, существование и стремительное развитие данного движения демонстрирует его опасный негативный потенциал;
- широкие возможности распространения информации в сети Интернет любым пользователем увеличивает вероятность заражения большого количества людей.

Учитывая устойчивость идеологических воззрений молодежной деструктивной субкультуры Колумбайн и активность ее адептов, можно сделать вывод о необходимости глубокого исследования каждого отдельного случая проявления субкультуры для систематизации знаний об основных элементах данного движения. Проведенное исследование показало необходимость предупреждения распространения субкультуры Колумбайн путем комплексного воздействия, в том числе:

- 1) непрерывный мониторинг глобальной сети Интернет на предмет своевременного выявления и блокировки интернет-ресурсов, распространяющих идеологию субкультуры Колумбайн;
- 2) систематическая работа психологов и педагогов образовательной организации для выявления на ранней стадии обучающихся, проявляющих признаки увлечения субкультурой Колумбайн;
- 3) контроль над средствами массовой информации в сфере ограничения распространения сведений о лицах, поддерживающих субкультуру Колумбайн и совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях под ее воздействием.

Таким образом, искоренение молодежной деструктивной субкультуры Колумбайн путем комплексного воздействия на мировоззрение подрастающего поколения посредством всестороннего противодействия распространению наиболее значимых элементов движения позволит коренным образом противодействовать появлению новых последователей субкультуры и сокращению числа массовых убийств в учебных заведениях.

⁴ Пермский стрелок Тимур Бекмансуров опубликовал манифест. URL:https://ru.wikinews.org/wiki/Пермский_стрелок_Тимур_Бекмансуров_опубликовал_манифест (дата обращения: 12.02.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Латышева Т.В. Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. 2010. № 6.
2. Rico A.R. Fans of Columbine shooters Eric Harris and Dylan Klebold // Transformative Works and Cultures. 2015-05-19. Vol. 20. P. 2
3. Арутюнов Л.С. К проблеме проявления криминального и этнокриминального подражания («мимикрии») // Миграционное право. 2011. № 3.

REFERENCES

1. Latysheva T.V. The Phenomenon of Youth Subculture: Essence, Types // Sociological Research. 2010. № 6.
2. Rico A.R. Fans of Columbine Shooters Eric Harris and Dylan Klebold // Transformative Works and Cultures. 2015-05-19. Vol. 20. P. 2
3. Arutyunov L.S. On the Problem of Manifestation of Criminal and Ethnocriminal Imitation («Mimicry») // Migration Law. 2011. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедов Шамо Гейсaddinович, адъюнкт адъюнктуры. Омская академия МВД России. 644092, Российская Федерация, г. Омск, ул. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mamedov Shamo Geysaddinovich, adjunct. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7, Komarova St., Omsk 644092 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 193–198.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 193–198.

Научная статья

УДК 340

О РОЛИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАССОВОГО ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАБОТЕ РОССИЙСКОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

Миронова Анна Валентиновна

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

Московская область, Российская Федерация

mir.av@mail.ru

Мовсисян Анна Галиевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

anet2107@yandex.ru

Введение: служебные будни следователей, отраженные в произведениях искусства в разные периоды отечественной истории, способствуют формированию отношения общества к сотрудникам следственных подразделений, стимулируют к избранию профессии, связанной с защитой прав и законных интересов граждан.

Материалы и методы: совокупность методов научного познания, в том числе методы анализа и описания произведения искусства, конкретно-исторический метод, культурно-исторический метод, метод аналогий, а также комплекс общенаучных и специальных методов (сравнительно-правовой, логико-аналитический, проблемно-логический, системно-структурный).

Результаты исследования: проведен анализ отечественных произведений детективного жанра для определения того, как они влияют на понимание роли и значения деятельности следователя, а также для выявления проблем в представлении авторами произведений образа следователя.

Выводы и заключения: авторами в результате проведенного исследования, сформулированы выводы о том, какие факторы влияют на отражение в произведениях искусства профессиональных и личностных качеств следователя, как искусство может способствовать популяризации профессии следователя.

Ключевые слова: следователь, образ, искусство, кинематограф, художественная литература, детектив.

Для цитирования: Миронова А. В., Мовсисян А. Г. О роли произведений массового искусства в формировании представления о работе российского следователя / А. В. Миронова, А. Г. Мовсисян // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 193–198.

Original paper

ON THE ROLE OF WORKS OF POPULAR ART IN THE FARMATION OF IDEAS ABOUT THE WORK OF A RUSSIAN INVESTIGATOR

Mironova Anna Valentinovna

Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow Region, Russian Federation

Movsisyan Anna Galievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the workdays of investigators, reflected in works of art in different periods of Russian history, contribute to the formation of society's attitude towards employees of investigative units, and stimulate the choice of a profession related to the protection of the rights and legitimate interests of citizens.

Materials and methods: a set of methods of scientific knowledge, including methods of analysis and description of a work of art, a specific historical method, a cultural-historical method, a method of analogies, as well as a complex of general scientific and special methods (comparative legal, logical-analytical, problem-logical, systemic structural).

Results of the study: an analysis of domestic works of the detective genre was carried out to determine how they influence the understanding of the role and significance of the investigator's activities, as well as to identify problems in the authors' presentation of the image of the investigator.

Findings and conclusions: as a result of the study, the authors formulated conclusions about what factors influence the reflection of the professional and personal qualities of an investigator in works of art, and how art can contribute to the popularization of the profession of an investigator.

Keywords: investigator, image, art, cinema, fiction, detective.

For citation: Mironova A.V., Movsisyan A.G. On the role of works of popular art in the formation of ideas about the work of a Russian investigator / A.V. Mironova, A.G. Movsisyan // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110).* – Pp. 193–194.

Детективный жанр в произведениях литературы и кинематографа является популярным уже более века. Истории о преступлениях, преступниках, сыщиках манят читателей и зрителей загадками, динамичностью сюжета, яркими характерами персонажей. Они также влияют и на отношение общества к сотрудникам следственных подразделений и к правоохранительным органам в целом.

В современном обществе среди произведений искусства как источника получения информации о деятельности следователя на первом месте стоит кинематограф (94,1 %), на втором – художественная литература (45,1 %), незначительная часть опрошенных узнает такие сведения из живописи (3,1 %).

На разных этапах развития отечественного массового искусства следователь предстает то идеальным в образе Павла Павловича Знаменского из цикла советских детективных телефильмов «Следствие ведут ЗнаТоКи», снятых в 1971–1989 годы, то бравирующим своей властью перед людьми Глухаревым из сериала «Глухарь», вышедшего на экраны в 2008 году.

На образ героя оказывают влияние разные факторы, в том числе идеология, экономические, социальные, культурные процессы в обществе. В 70-х годах XX века, когда государством поддерживался положительный имидж «стража правопорядка», по инициативе Министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова возник экранный образ следователя Знаменского. Своим профессионализмом, гуманным отношением к людям, успехами в расследовании тяжких преступлений, этот герой запомнился зрителю.

В 80-х годах XX века, период, который был обозначен периодом экономического и социального кризиса, окончанием «эпохи застоя» в произведениях искусства образ следователя стал постепенно меняться. В нем появились черты, с помощью которых он должен противостоять застойной системе, но в силу разных обстоятельств оказывается втянутым в коррупционные отношения. Название романа М.Я. Черненко «Порочный круг» выражает обстановку службы следователя конца 80-х годов. В нем следователь Петр Лимакин попадает в конфликтные отношения с начальником районного отдела внутренних дел, который пытается избавиться от неудобных. Затем, после перевода из милиции на службу в орган прокуратуры, в ходе расследования убийства, Лимакин понимает, что коррупционные связи проросли глубоко в общество и работники, обладающие властью, пользуются ею в собственных интересах.

Подобные мотивы и настроение характерны для многих произведений периода перестройки, начавшейся в конце 80-х, начале 90-х годов. В них проявился шквал критики правоохранительной системы, в некоторой степени справедливой, но иногда явно преувеличенной. Образ следователя больше напоминает приспособленца, лавирующего между служебным долгом и личными интересами, очерняя профессию. Если в каком-либо произведении показан положительный герой, не забывающий о своем профессиональном долге, то часто он в одиночку противостоит «прогнившей системе власти». В популярном в 90-е годы телесериале «Адвокат», снятом режиссером И. Хамраевым, показано такое противостояние следователя Ивана Запарина, верящего в справедливость закона, с коллегой Михаилом Рогалевым, идущим на сделку с совестью. Попустительство Рогалева приводит к избиению свидетелей и обвинению в убийстве невиновного. Телезрители верят всему происходившему на телевизионном экране: «попав в жернова милицеской системы, оправдаться крайне сложно... «Раскрыл» преступление – получил повышение! А кто будет сидеть – виновный или невиновный, уже не так важно».

Падение авторитета следователя, поддерживаемое массовым искусством, привело к уходу со службы многих опытных сотрудников. В связи с вышесказанным отметим, что одинаково негативной тенденцией считаем как преувеличение отрицательных черт, так и излишнюю идеализацию образа следователя. Авторы произведений должны осознавать свое влияние на массового зрителя (читателя), создавая штампы о профессии явно необходимой обществу.

В Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, были утверждены демократические основы государственности, основанные на уважении закона. В начале XX века в детективных произведениях проявляется стремление следователя к борьбе с беззаконием,

поиск положительных образов сотрудников органов внутренних дел, следователей. Часто сюжет детектива завершается закономерным результатом – раскрытием преступления и преданием суду преступника.

Начало 2000-х годов в рассматриваемом жанре продолжает испытывать наследие 90-х годов, когда в кинематографе и литературе образ следователя и образ бандита имел некоторые сходные черты. Примером такого героя является следователь и его коллеги сотрудники милиции ОВД «Пятницкий» из телесериала «Глухарь». Возможно харизматичность актера Максима Аверина сыгравшего следователя Глухарева, либо рекламная поддержка кинопродукта, повлияли на высокий рейтинг сериала. По отзывам телезрителей на интернет платформе Кино-театр.ру, он получил оценку 7,5 баллов из 10. В проведенном нами анкетировании Глухарев, по мнению 33,2 % респондентов воплотил наиболее реальный и правдивый образ, на втором месте положительный образ следователя Знаменского из телесериала «Следствие ведут ЗнаТоКи» (28,7 %). В свою очередь специалисты в области права отмечали, что в сериале показана эдакая бравада над законом, что дискредитирует всю систему МВД России. Действительно в сериале создан образ, не позволяющий рекомендовать его к просмотру зрителю, желающему познакомиться с профессией следователя.

Сегодня детективный жанр по-прежнему интересен читателям и зрителям, так 87,9 % анкетированных лиц указали, что им интересны произведения, в которых главным героем выступает следователь. Не всегда в сюжетах про расследование преступления главным героем становится следователь, поскольку принципы и методы его работы не каждый режиссер может показать как захватывающую и динамичную историю. В последние годы было создано немало художественных фильмов, основанных на реальных событиях, где основным «героем» является преступник, совершивший жестокие деяния. Такие, как серийный убийца маньяк А. Чикатило, герой Иван Крутихин, воплотивший образ «ангарского маньяка» Михаила Попкова, совершившего несколько десятков убийств в период с 1992–2010 годы.

В сериале «Фишер» через сложную характеристику личности преступника авторами представлены образы трех следователей, преданных своему делу, стремящихся познать истину и спасти жизнь жертвы маньяка садиста и убийцы. Эти и другие экранизированные истории расследований показывают, насколько сложна, опасна и специфична работа следователей и их коллег. Они положительно влияют на отношение к работе следователя, на воспитание в людях стремления к справедливости закона.

Безусловно, авторы придали остроту сюжету, показав следователя не кабинетным работником, проводящим кропотливую работу по поиску и фиксации доказательств, поскольку такая история была бы не интересна массовому читателю (зрителю). Создать привлекательный образ сотрудника, преследующего преступника с опасностью для жизни легче, чем привлечь внимание к мыслительному процессу героев произведений. Видимо поэтому в работе следователей – героев произведений достаточно много художественного вымысла.

Например, в сериале «Казанова» функции следователя выполняет сотрудник с должностью инспектор по профилактике Новгородцева. По сюжету фильма «брачный аферист», который в ходе мошеннических действий оставлял своих жертв без денег, квартир, ценностей, настолько очаровывал их, что они не хотели давать против мошенника показаний. Для получения сведений от потерпевших Новгородцева «располагала» их рассказывая историю своей неудавшейся семейной жизни, в том числе распивая с «допрашиваемым» спиртные напитки, устанавливая психологический контакт. Такое поведение нравится зрителю, поскольку является понятным и жизненным, с другой стороны, вводит в заблуждение, заставляет поверить в выдумку.

Изучение отзывов зрителей на просмотр кинематографического продукта дает также возможность проанализировать его влияние на формирование эмоционального отношения к сотрудникам правоохранительных органов, имеет ли оно положительный, доверительный характер, либо негативный оттенок. Телезрителям образ Новгородцевой понравился именно не профессиональными качествами, а обаянием, мягкой женской силой, с помощью которой «могла разговорить любого».

Государственные и правовые реформы, происходящие в России в XXI веке происходят во взаимодействии с общественными институтами, но в том числе и с опорой на силовые структуры. Поэтому продолжена тенденция к повышению престижа профессии государственного служащего. В произведениях с 2010 года по настоящее время следователь все чаще выглядит положительно, демонстрируя порядочность, компетентность, эрудированность. Стремительное развитие информационных технологий, приводит к появлению в сюжетах книг и кинофильмов героев, использующих ресурсы сети интернет, программное обеспечение, и гаджеты, как для совершения преступлений, так и для расследования преступлений.

Так, в веб-сериале «Цифровой код» сотрудники следственного отдела противостоят организаторам криминальной группы, создавшим онлайн-приложение для вовлечения молодых людей в совершение убийств. Участие в съемках фильма консультантов из числа руководства и сотрудников следственных органов в системе МВД России способствовало формированию объективно положительного образа следователя способного противостоять преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий, доля которых в 2023 году составила 34,8 % от общего количества зарегистрированных преступлений. В фильме довольно реалистично показано, в какие жестокие акции могут быть вовлечены подростки людьми образованными, способными, но алчными настолько, что получение сверхприбыли для них превыше сотни человеческих жизней. Сюжет фильма рассказывает о действиях следователя Дениса Жданова и его коллег. Волевые качества следователя раскрываются в сценах, где он показан как человек, у которого есть дети подростки, с которыми отец, занятый расследованием особо тяжких преступлений, не всегда успевает обсудить их проблемы и достижения. Но следователь убежден в своей миссии, которую выражает словами, обращенными к сыну, оказавшемуся в составе преступной организации, считавшему, что его отцу нет до него дела: «...каждый раз уезжая на работу, я думаю лишь об одном, что очищаю этот город от преступников для своей семьи...».

В веб-сериале продемонстрированы и профессиональные качества следователя, позволившие ему установить личности организаторов преступной группы. Когда лидер этой группы, предложила следователю сделку: «вы отмажете меня, я – вашего сына, что вам дороже свобода сына или так называемая справедливость?», перед ним встал серьезный выбор, который он решил в пользу справедливости и закона.

Возможно, кто-то не поверит в такую историю, но для многих следователей она поможет укрепить веру в то, что их работа необходима обществу, и в самых трудных ситуациях можно найти правильное решение. Большинство респондентов, участвующих в анкетировании уверены, что произведения искусства способны формировать доверительное отношение к следователю – 39,6 %, содействовать правоохранительным органам – 18 %.

Как мы видим, образу следователя во многих проанализированных произведениях характерна совокупность волевых, коммуникативных качеств. При выполнении служебных обязанностей он проявляет не только свои личностные, но и профессионально-значимые качества, необходимые для юридической оценки действительности, принятия обоснованных решений. Для следователя взаимодействие с людьми, пребывающими в стрессовой ситуации, на пороге неприятных жизненных событий – это трудовые будни. Поэтому в создании художественного образа следователя важно обосновывать отсутствие у него ярко выраженного сопереживания к обвиняемому, пониманием, что участник уголовного дела может умышленно вводить в заблуждение, манипулировать поведением других людей.

В кинофильмах о деятельности следователей допускается немало так называемых «ляпов», намеренных или неосторожных ошибок правового характера, преодолению которых может способствовать привлечение специалистов консультантов. Это позволит предупредить неточности в сюжете, окажет поддержку в формировании общественного мнения о реальной роли следователя в борьбе с преступностью.

Более реалистичный образ следователя представляется нам обычно в произведениях документального жанра, поскольку в них повествуется о реальных историях совершения и расследования преступлений. Серия видеороликов «Цифровая броня», созданных при участии руководителей Следственного департамента МВД России, раскрывает профессионально-психологические качества личности следователя на примере расследования преступлений, имеющих общественный резонанс. В сериях документального цикла следователи органов внутренних дел делятся результатами своей работы в ходе предварительного расследования преступлений о мошенничествах, агрессии в сети (кибербуллинге), совершенных с использованием интернета и иных информационных технологий. Даже краткий формат видеоролика позволяет осознать огромный масштаб работы, проведенной в ходе предварительного расследования – десятки эпизодов преступлений, сотни потерпевших, обвиняемые, являющиеся IT-специалистами, входящими в организованные преступные сообщества, необходимость работы с цифровыми следами, взаимодействие со специалистами разных областей знаний и т. п. Следователи, руководители следственных органов полностью вовлечены в процесс расследования преступления, в котором предстоит длительный процесс доказывания. Они говорят, что обычные человеческие чувства (любовь к работе, преданность служебному долгу, материнская любовь, вера в справедливость) помогают им преодолеть высокое эмоциональное напряжение, страх перед опасностью.

Безусловно, одних чувств мало для того, чтобы стать хорошим следователем, поэтому своими значимыми качествами и навыками следователи называют работоспособность,

концентрацию на обстоятельствах уголовного дела, коммуникативные и организаторские способности, знание психологических качеств личности участника уголовного судопроизводства, умение самостоятельно обучаться, логически мыслить и другие.

В литературе, кинофильмах, документальном кино и даже в музыкальных произведениях автор может передать черты образа следователя. Возможно ли донести эти и качества в живописи? Хотим положительно ответить на этот вопрос. Произведения изобразительного искусства служат обществу и человеку специфическим средством познания окружающего мира, развивают воображение и представление о чем-либо или ком-либо, способствуют сохранению памяти. Художник изображает на холсте не «застывшие» визуально воспринимаемые черты человека или сцену из его жизнедеятельности, он передает и определенный характер.

Нам не удалось выявить широко известных полотен посвященных следователям, но их образ все же нашел отражение в картинах художников. К 300-летию со дня образования российской полиции МВД России подготовило и издало «Каталог Студии художников имени В.В. Верещагина МВД России», в виде альбома с фотографиями картин. Во вступительном слове В.Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации отметил, что издание способствует изучению истории России, восстановлению социальной справедливости по отношению ко многим поколениям предшественников, сохранению традиций.

На нескольких фотографиях альбома присутствуют картины, посвященные теме следственной работы, созданные художниками с 70-х годов до нашего времени: «Вызов на рассвете». 1977 г. (Член Союза художников России, художник Е.Д. Горовых), «Портрет следователя Н.С. Герасимовой». 1972 г. (Народный художник СССР Д.А. Налбандян), «Страшное происшествие». 1989 г. (Член Союза художников СССР, художник В.С. Пощастьев), «У следователя». 2004 г. (Народный художник Российской Федерации Ю.А. Орлов), «Версия». 2010 г. (Заслуженный художник Российской Федерации И.С. Арасланов). Сюжеты картин передают атмосферу работы следователя, в них показано, что работа следователя требует умственного напряжения, внимательного отношения к деталям и поведению людей. Картины разные, но на всех спокойное и задумчивое лицо следователя, никакого сомнения в том, что его работа необходима.

Проведенное исследование результатов создания художественного образа следователя в произведениях отечественных авторов периода с 1963 года по настоящее время позволило сделать ряд выводов:

Образ следователя воплощен в произведениях искусства в разные периоды развития России, под влиянием исторических, государственных преобразований, идеологии.

Детективный жанр с сюжетами о расследовании сложных, загадочных преступлений, одним из главных героев которых является следователь, удерживает популярность у широкого круга зрителей (читателей).

Во многих проанализированных произведениях представлен образ следователя, по которому лишь отчасти можно понять и оценить характер следственной работы. Авторы не стремятся показать служебные будни в точном соответствии их с реальностью, они почти всегда придают следователю несвойственные ему функции. Некоторые ошибки заметны не только профессионалам, но и читателям, зрителям, не имеющим юридического образования и опыта работы в системе правоохранительных органов. Положительно может восприниматься опыт, когда при создании произведения, приглашаются консультанты из соответствующего ведомства.

В деятельности следователя важно не только строго соблюдать закон, обладать организаторскими и аналитическими навыками, но и уметь устанавливать психологический контакт с людьми. Поэтому создание персонажа произведения с исключительно отрицательным набором его качеств мешает работе следственных подразделений, создает негативное отношение общественности, которое необходимо преодолевать.

Писатели, сценаристы, режиссеры должны понимать, что популяризация антигероев, тем более в рядах правоохранительных органов, не является миссией искусства, которое призвано объединять людей и побуждать их к лучшим поступкам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Из отзывов кинозрителей. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/331728/?utm_referrer=www.yandex.ru (дата обращения: 15.06.2024).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 г. // МВД России ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 г.

3. Попова А.Д. Образ служителя закона в современном массовом искусстве и развитие обыденного правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4(60).
4. Цифровая броня. Серия видеороликов, 2023 г. URL: <https://vk.com/video/@digitalarmor> (дата обращения: 12.06.2024).
5. Каталог Студии художников имени В.В. Верещагина МВД России. М., 2023.

REFERENCES

1. From reviews of moviegoers. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/331728/?utm_referrer=www.yandex.ru (date of access: 15.06.2024).
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2023 // Ministry of Internal Affairs of Russia, Federal Public Institution «Main Information and Analytical Center». State of crime in Russia for January–December, 2023.
3. Popova A.D. The image of a servant of the law in modern mass art and the development of everyday legal consciousness // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4(60).
4. Digital armor. Video series. URL: <https://vk.com/video/@digitalarmor> (date of access: 12.06.2024).
5. Catalog of the Artists' Studio named after V.V. Vereshchagin Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова Анна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса. Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 143100, Российская Федерация, Московская область, Рузский городской округ, п. Старотеряево.

Мовсисян Анна Галиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mironova Anna Valentinovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure. Moscow Regional Branch of the V.Y. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Staroteryaev settlement. Ruza city district, Moscow region 143100 Russian Federation.

Movsisyan Anna Galieva, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 199–206.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 199–206.

Научная статья

УДК 343.85

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Петровский Антон Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Anton-Petrovski@yandex.ru

Ильяшенко Алексей Николаевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

ailyashenko@mail.ru

Введение: систематизация норм, регламентирующих права, обязанности, ответственность участников антикриминальных профилактических отношений, а также формы, методы, средства и процедуры превентивного воздействия, является актуальным направлением учения о криминологическом законотворчестве. Целью настоящей статьи является обоснование необходимости создания кодекса, регулирующего предупреждение преступного поведения на территории Российской Федерации, объединяющего дуалистическую сущность антикриминальной превенции – уголовную репрессию и принудительные превентивные меры (формы) воздействия. Достижению указанной цели способствует решение задач, которые в своей совокупности обеспечили определение методологической базы посредством социально-философского и философско-гносеологического подхода.

Материалы и методы: для объективного и достоверного исследования была определена методологическая база, основанная на следующих аспектах: 1) социально-философском – система юридических норм предупреждения преступного поведения рассматривается как исторически изменчивые антикриминальные проявления жизнедеятельности людей; 2) философско-гносеологическом – природа антикриминальных профилактических норм воспринимается с позиций полноценности (неполноценности), достоверности и истинности. В основу исследования положен всеобщий диалектический метод, позволяющий изучить объективно существующие закономерности, сущность и содержание норм, регламентирующих права, обязанности, ответственность участников антикриминальных профилактических отношений, с точки зрения институциональности – закрепления социальных потребностей в виде профилактических законов и элементов реальных правоохранительных практик.

Методы индукции и дедукции способствовали познанию предмета исследования, выявлению диалектических зависимостей, а принцип детерминизма позволил определить универсальные взаимосвязи и закономерности существующих юридических норм, регулирующих отношения в сфере предупреждения преступного поведения. Кроме того, были использованы общенаучные и частнонаучные методы (анализ, синтез, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, системный, структурный, формально-юридический методы, метод классификации, моделирования и т. д.). Для создания теоретической модели нормативные институты, регулирующие предупреждение преступного поведения, рассмотрены с помощью ретроспективного анализа.

Результаты исследования: анализ исторических документов свидетельствует о том, что идея подготовки единого специального нормативного акта, который бы регулировал все отношения в сфере предупреждения преступного поведения (преступлений, правонарушений, антиобщественного поведения), возникла регулярно. В соответствии с российской законодательной традицией предметную систематизацию норм, регулирующих отношения в сфере предупреждения преступного поведения, приемлемо реализовать в виде единого специального нормативного правового акта – Кодекса о профилактике преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения.

Выводы и заключения: по результатам проведенного исследования формируется вывод о том, что издание специального нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере предупреждения преступного поведения возможно, но требует серьезной научно-управленческой предварительной подготовки и социально-экономических преобразований. Указанный документ должен выполнять две главные функции: 1) регулировать предупреждение преступлений и административных правонарушений; 2) служить моделью для создания регионами собственного профилактического законодательства.

Ключевые слова: криминология, законодательство, предупреждение преступного поведения, кодекс, антикриминальные превентивные нормы, нормативные институты.

Для цитирования: Петровский А. В., Ильяшенко А. Н. Специальный нормативный правовой акт, регулирующий отношения в сфере предупреждения преступного поведения: теоретическая модель / А. В. Петровский, А. Н. Ильяшенко // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 199–206.

Original paper

SPECIAL NORMATIVE LEGAL ACT REGULATING RELATIONS IN THE FIELD OF PREVENTING CRIMINAL BEHAVIOR: THEORETICAL MODEL

Petrovskiy Anton Vladimirovich

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ilyashenko Alexey Nikolaevich

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: systematization of norms regulating the rights, duties, responsibility of participants in anti-criminal preventive relations, as well as forms, methods, means and procedures of preventive influence, is a relevant area of the doctrine of criminological lawmaking. The purpose of this article is to substantiate the need to create a code regulating the prevention of criminal behavior in the territory of the Russian Federation, combining the dualistic essence of anti-criminal prevention – criminal repression and compulsory preventive measures (forms) of influence. Achieving this goal is facilitated by solving problems that in their totality ensured the definition of a methodological base through a socio-philosophical and philosophical-epistemological approach.

Materials and methods: for an objective and reliable study, a methodological base was determined based on the following aspects: 1) socio-philosophical – the system of legal norms for the prevention of criminal behavior is considered as historically changeable anti-criminal manifestations of people's life; 2) philosophical and epistemological – the nature of anti-criminal preventive norms is perceived from the standpoint of completeness (inferiority), reliability and truth. The study is based on the general dialectical method, which allows us to study the objectively existing patterns, essence and content of the norms regulating the rights, duties, and responsibilities of participants in anti-criminal preventive relations, from the point of view of institutionality – the consolidation of social needs in the form of preventive laws and elements of real law enforcement practices.

The methods of induction and deduction contributed to the understanding of the subject of the study, the identification of dialectical dependencies, and the principle of determinism made it possible to determine the universal relationships and patterns of existing legal norms regulating relations in the field of preventing criminal behavior. In addition, general scientific and specific scientific methods were used (analysis, synthesis, comparative-historical, comparative-legal, systemic, structural, formal-legal methods, the method of classification, modeling, etc.). To create a theoretical model, the normative institutions regulating the prevention of criminal behavior were considered using a retrospective analysis.

Results of the study: the analysis of historical documents shows that the idea of preparing a single special normative act that would regulate all relations in the sphere of prevention of criminal behavior (crimes, offenses, antisocial behavior) arose regularly. In accordance with the Russian legislative tradition, the subject systematization of the norms regulating relations in the sphere of prevention of criminal behavior can be implemented in the form of a single special normative legal act – the Code on the Prevention of Crimes, Administrative Offenses and Antisocial Behavior.

Findings and conclusions: based on the results of the study, a conclusion is formed that the publication of a special normative legal act regulating relations in the sphere of prevention of criminal behavior is possible, but requires serious scientific and managerial preliminary preparation and socio-economic transformations. This document should perform two main functions: 1) regulate the prevention of crimes and administrative offenses; 2) serve as a model for the creation of their own preventive legislation by regions.

Keywords: criminology, legislation, prevention of criminal behavior, code, anti-criminal preventive norms, regulatory institutions.

For citation: Petrovskiy A. V., Ilyashenko A. N. Special normative legal act regulating relations in the field of preventing criminal behavior: theoretical model / A. V. Petrovskiy, A. N. Ilyashenko // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 199–206.

В настоящее время назрела необходимость создания единого специального нормативного правового акта, регулирующего предупреждение преступного поведения на территории Российской Федерации. Это обусловлено дуалистической сущностью антикриминальной

превенции, предполагающей применение уголовной репрессии для неисправимых либо профессиональных преступников и использование принудительных превентивных мер (форм) воздействия в отношении случайных, либо неосторожных правонарушителей. Существующая система профилактического законодательства России представляет собой межотраслевую совокупность норм и нормативных институтов, которая в силу бессистемности, декларативности, сложности не способна эффективно выявлять и устранять криминогенные детерминанты преступного поведения, осуществлять правопослушное воспитание.

Мнения ученых относительно термина «криминологическое законодательство» («криминологическое право») разделились: одни признают существование криминологического законодательства, вторые, отмечая недостаточное количество нормативных актов для формирования отрасли, предполагают появление отрасли профилактического законодательства (законодательства о предупреждении правонарушений) в будущем.

В настоящее время криминологии необходимо минимизировать идеологическую и критическую составляющую, которая часто не подкреплена серьезными эмпирическими исследованиями, и перейти к детальной разработке практических рекомендаций по изучению криминологической информации, оценке личности виновных для вынесения судебных решений, научно обоснованному анализу и отслеживанию причин и условий, приводящих к антиобщественному, противоправному и общественно опасному поведению, и, главное, к созданию различных легко реализуемых предупредительных методик и практик. Все это должно быть отражено в нормативных правовых актах – федеральных, ведомственных, региональных, муниципальных. Задачи указанных криминологических практик должны состоять в том, чтобы они постоянно использовались в уголовной, уголовно-исполнительной, полицейской и административной деятельности [1, с. 9].

По нашему мнению, употребление термина «криминологическое право» не совсем корректно, потому что деление права на комплексные отрасли не вполне актуально, оно не оказывает практического воздействия на эффективность правотворчества и правоприменения. Само понятие комплексной отрасли права девальвировалось, его невозможно использовать в практических целях (в законодательстве, правоприменительной деятельности, учебном процессе), а универсальные критерии отраслей права (предмет и метод) неприменимы для комплексных отраслей [2, с. 40–41]. Признавая объективный характер существования криминологического законодательства, можно констатировать формирование на современном этапе нормативной правовой криминологической общности, которая имеет свои особенности и пределы, обусловленные практической целесообразностью и возможностью правоприменения.

В имперский период XVIII в. – начала XX в. профилактическое законодательство было представлено Сводом Уставов благочиния 1832 г., четвертая часть которого имела название «Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений» и состояла из следующих разделов: о предупреждении и пресечении преступлений против веры; предупреждении и пресечении преступлений против общественного порядка и учреждений правительства; предупреждении и пресечении беспорядков при увеселениях и забавах, а также пресечении явного соблазна и разврата в поведении; предупреждении и пресечении преступлений против личной безопасности; предупреждении и пресечении преступлений против имущества¹.

В 1916 г. Устав благочиния и безопасности был заменен на Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Его содержание состояло из введения, тридцати глав, подразделяющихся на отделы и приложения². В отличие от Устава предупреждения и пресечения преступлений, Устав 1916 г. не содержал санкций либо перечня взысканий за совершение деяний, а исключительно конкретизировал нормы, запрещающие поведение, которое способствовало совершению преступлений.

В советский период единого нормативного правового документа, регулирующего отношения в сфере предупреждения преступного поведения, не было. Властями СССР был принят ряд ведомственных документов и законов, которые эффективно регулировали как осуществление антикриминальной профилактики правоохранительными органами, так и взаи-

¹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений, издание 1842 г. / Общий свод законов Империи. Т. XIV. Устав Благочиния часть IV // Российский криминологический взгляд. 2006. № 2. С. 16–69.

² Свод законов Российской империи. Т. XIV. Устав благочиния и безопасности. Петроград. 1916 // Российский криминологический взгляд. 2014. № 3.

действие МВД с общественными объединениями в сфере предупреждения преступлений³. Одновременно с принятием нормативных актов Советское государство предпринимало попытки внедрить в жизнь антикриминальные правила поведения, которые должны были восприниматься как непреложные источники (Моральный кодекс строителя коммунизма).

В Российской Федерации идея подготовки единого специального нормативного акта, который бы регулировал все отношения в сфере предупреждения преступного поведения (преступлений, правонарушений, антиобщественного поведения), возникала регулярно [3, с. 156–157; 4, с. 165–167; 5, с. 128–129]. Принятый 23 июня 2016 г. Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 182-ФЗ) не решил проблему эффективного регулирования отношений в сфере предупреждения преступного поведения. Тем не менее, в данный нормативный правовой акт с момента его принятия не внесено ни одного изменения или дополнения, в отличие от Уголовного кодекса РФ, в который за этот же период внесено 124 поправки.

Анализ исторических документов показал, что Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений был преимущественно ориентирован на запрет поведенческих проявлений аморального и дисциплинарного характера, которые могли спровоцировать уголовное преступление. Предметом рассматриваемого документа было не регулирование отношений в сфере устранения причин и условий преступлений либо их пресечения, а определение, исходя из приоритетности предупреждения перечня деяний, за которые полиция либо земские учреждения могли привлекать население к различным видам ответственности. Предупреждение заключалось в особенности формулирования норм и представляло собой запретительное предписание, санкции либо обязанность [6, с. 20]. Указанный документ регулировал деятельность полиции и привлеченных лиц по предупреждению преступлений, полицейских проступков, аморального поведения, религиозных нарушений. Его содержание дополнялось в 1842 и 1857, 1876 гг. Последняя редакция указанного нормативного правового акта датирована 1890 г.

В постсоветский период все законодательные инициативы, направленные на создание кодекса либо свода законов, регулирующих предупреждение преступлений, ограничивались стадией подготовки в силу сложности, многоаспектности, междисциплинарности, включения в состав закона множества положений, находящихся в разных отраслях и подотраслях права. Содержательно проекты состояли из 3 разделов: первый определял предмет, задачи, принципы, субъектов, правовую основу деятельности; второй – устанавливал перечень мер профилактического воздействия, порядок их применения, ответственность за их неисполнение; третий – регламентировал ресурсное обеспечение предупреждения преступлений, вопросы поощрения, источники финансирования.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ является базой для правового регулирования предупреждения преступного и антиобщественного поведения в Российской Федерации. Его критики отмечают отсутствие в законе определения объекта профилактики правонарушений, сужение системы субъектов профилактического воздействия, неточность формулировок, минимализацию форм (мер) профилактического воздействия, отсутствие конкретизации, декларативность, несоответствие используемой в рассматриваемом нормативном правовом акте терминологии принятой в науке и практике, отсутствие понятной взаимосвязи субъектов

³ См.: Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 2 марта 1959 г. № 218 // СП СССР. 1959. № 4, Ст. 25; Об утверждении Положения о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка: постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 30 марта 1960 г. № 435; Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка: указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. № 6007-VIII // Ведомости ВС СССР. 1974. № 22. Ст. 326; О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка: постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 мая 1974 г. № 379 // СП СССР. 1974. № 12. Ст. 67; Об утверждении «Положения о товарищеских судах: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 26. Ст. 371; Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 12. Ст. 254. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 08.11.2023).

[7, с. 134–150]. Сторонники анализируемого закона в целом полагают, что это рамочный нормативный правовой акт, который раскрыл общие подходы к деятельности по предупреждению правонарушений в Российской Федерации, сформулировал принципы профилактической деятельности, указал механизм функционирования системы субъектов профилактики, ввел понятие мониторинга [8, с. 24–34; 9, с. 40–45].

Обращаясь к идеям А.Э. Жалинского, можно утверждать, что реализация норм предупреждения преступного поведения тесно связана: 1) со способностью законодателя перевести социальные потребности (пожелания) в правовую форму, а потом в юридические решения; 2) с балансом между социальным и юридическим, когда интересы общества и государства учитываются при создании профилактических форм воздействия; 3) с единой позицией общества и государства по наиболее общим вопросам применения принуждения (наказательного и превентивных воздействий) [10, с. 67–72]. Создание эффективного законодательства, регулирующего профилактику преступлений и административных правонарушений, должно инициироваться субъектами Федерации и муниципальными образованиями, а государство со своей стороны должно регламентировать основные понятия, положения, права и обязанности объектов и субъектов, основания и пределы мер предупредительного воздействия, выполнять координационные и контрольные функции. В данном контексте интерес представляет Примерный уголовный кодекс США 1962 г., который стал основой для создания уголовных кодексов штатов. Необходимо делегировать субъектам Федерации исключительные полномочия в части создания законодательной системы превенции преступного поведения и конкретизации региональных локальных форм (мер) принуждения по нейтрализации и/или устранению криминогенных детерминантов с учетом и на основе региональных морально-этнических ценностей. Исходя из перспектив создания единого нормативного правового акта, регулирующего предупреждение преступного поведения, п. «к» ст. 72 Конституции РФ, необходимо дополнить и изложить в следующей редакции: «1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: [...] к) административное, административно-процессуальное, криминологическое, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды».

В соответствии с российской законодательной традицией предметную систематизацию норм, регулирующих отношения в сфере предупреждения преступного поведения, приемлемо реализовать в виде единого специального нормативного правового акта – Кодекса о профилактике преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения (далее – Кодекс) [11, с. 21–25; 12, с. 26–29; 13, с. 30–33; 14, с. 13–20]. Данный Кодекс должен выполнять две главные функции: 1) регулировать предупреждение преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения соответствующими субъектами; 2) служить моделью (правовыми началами) для создания регионами собственного единого нормативного правового акта об антикриминальной профилактике. В то же время постулат о том, что указанный документ должен привести к единообразию регионального и федерального законодательства, а также быть исключен из принципиальных положений. Каждый регион, основываясь на предлагаемой федеральной властью модели, с учетом местных традиций и культурно-религиозных особенностей может создать свой собственный Кодекс.

Предлагается отказаться от деления Кодекса на Общую и Особенную части, а вместо этого структурно разбить его на разделы: «Общие положения и понятия», «Основания и формы предупредительного воздействия», «Организация предупреждения преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения», «Процедурные вопросы предупреждения преступлений, правонарушений и антиобщественного поведения».

В первый раздел следует включить нормы, определяющие предмет регулирования, задачи, указать объект, конкретизировать принципы, структурировать субъекты антикриминальной предупредительной деятельности, раскрыть содержание понятий, используемых в Кодексе. В объект следует включить не только детерминанты преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения, но и антикриминальное воспитание, криминогенные интересы, потребности, мотивации. Из существующих принципов криминологического законодательства необходимо оставить: справедливость, законность, комплексность, системность, научную обоснованность; в принципе системности обязательно указать последовательность и взаимозаменяемость форм воздействия (профилактические – административно-деликтные – уголовно-правовые – уголовно-процессуальные – уголовно-исполнительные). Формулируя

задачи, следует ориентироваться на экономию уголовной репрессии и ее замену принудительными формами (мерами) предупреждения преступлений. При формулировании перечня субъектов обязательно определить основного координатора (традиционно – Генеральная Прокуратура РФ), основного исполнителя в зависимости от вида профилактики (ФСИН России – преступления и дисциплинарные проступки осужденных; МВД России – преступления, административные правонарушения; Военная полиция – преступления и дисциплинарные проступки военнослужащих и т. д.). В Кодексе необходимо указать критерии эффективности форм предупредительного воздействия и в этих целях отметить связь между уголовным наказанием, административной ответственностью и профилактическими формами.

Во втором разделе необходимо раскрыть содержание оснований применения форм профилактического воздействия, указав, для каких из них требуется судебное решение, а для каких – постановление руководителя органа, осуществляющего превентивную деятельность. Формы предупреждения преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения должны дифференцироваться в зависимости от оснований, а также подразделяться на коллективные или индивидуальные, на общие и специальные.

В третьем разделе следует определить порядок проведения профилактических мероприятий, права и обязанности профилактируемых, полномочия и ответственность должностных лиц, а также перечень профилактических мер, которые могут применяться в военное время, при чрезвычайном положении, при проведении контртеррористической операции. В указанном разделе нужно изложить полномочия и пределы деятельности комиссий по профилактике правонарушений при Правительстве, администрациях субъектов Федерации, администрациях муниципальных образований; конкретизировать их участие в реализации государственных профилактических программ, определении региональной и муниципальной антикриминальной профилактической политики. Кроме того, указанный раздел должен регулировать порядок проведения мониторинга причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, оценки эффективности профилактических форм, применяемых на конкретной территории за определенный промежуток времени, а также сбора криминологической информации о криминогенных детерминантах и лицах, совершающих, совершивших либо имеющих намерение совершить преступление.

Четвертый раздел должен быть посвящен процессуальному оформлению деятельности по предупреждению преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения, срокам профилактического производства, процедуре постановки на профилактический учет, установления профилактического или административного надзора, оформления социальной реабилитации, социальной адаптации, помощи жертвам преступлений.

Рассматривая превентивную деятельность на государственном уровне на основе единого документа, регулирующего предупреждение преступного поведения, необходимо помнить о военном законодательстве, где прописаны нормы, определяющие осуществление профилактики. Это позволяет утверждать о необходимости создания отдельного нормативного правового акта, регулирующего отношения по предупреждению воинских преступлений и правонарушений, либо о включении в Кодекс пятого раздела, регламентирующего данное направление профилактики.

Для полного преобразования криминологической системы норм потребуется длительный период, большая исследовательская работа, сформированность реальных требований-показателей общества и правоохранительной системы. Социально-экономическая ситуация в стране не позволяет государству концентрироваться на предупреждении, осуществить так называемый превентивный поворот. Уголовная репрессия, по мнению власти, является единственной и эффективной формой предупреждения преступлений и административных правонарушений [15, с. 665–680]. В то же время для создания теоретической модели единого нормативного правового акта, регулирующего предупреждение преступного поведения, нет препятствий. Сформулированные в настоящей работе предложения не являются бесспорными, но могут послужить предпосылками для укрепления и развития институциональной системы предупреждения преступного поведения.

На основании изложенного предлагается создать единый нормативный правовой акт, регулирующий предупреждение преступного поведения, в виде кодифицированного документа – Кодекса о предупреждении преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения.

Предметом регулирования указанного Кодекса будет совокупность общественных отношений, регламентирующих: взаимодействие субъектов в сфере предупреждения правонарушений (преступлений), обмена позитивным профилактическим опытом; порядок функционирования физических лиц, организаций и учреждений, осуществляющих сбор, изучение, использование и хранение информации о правонарушениях (преступлениях), преступных детерминантах и личностях деликвентов; процедуры проведения криминологических экспертиз и прогнозов; права и обязанности физических и юридических лиц в области предупреждения (профилактики) антиобщественного поведения, правонарушений и преступлений, социальной адаптации, ресоциализации и реабилитации криминогенного контингента, осуществления виктимологической профилактики и помощи.

Задачи единого нормативного правового акта, регулирующего предупреждение преступного поведения, должны состоять в официальной регламентации изучения разнообразной информации о преступности, преступлениях, криминогенных детерминантах, личностях, совершающих преступления, правонарушения и ведущих антиобщественный образ жизни; криминологической экспертной и прогностической деятельности; в регуляции процедур (практик) предупреждения и пресечения антиобщественного поведения, правонарушений и преступлений, планирования предупредительной деятельности и прогнозирования, деятельности любых субъектов профилактики, оказания помощи жертвам преступлений и содействия лицам, совершившим правонарушения и преступления, желающим возобновить социально полезную жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шнайдер Г.И. Криминология. М., 1994.
2. Клейменов М.П. Криминологическое право // Криминальная ситуация и антикриминальное законодательство: проблемы криминологической обусловленности закона. М., 2020.
3. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М., 1998.
4. Криминология: курс лекций / под ред. В.Н. Бурлакова и др. СПб., 1995.
5. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997.
6. Старков О.В. Начала российской криминологии // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1.
7. Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее и будущее // Известия высших учебных заведений. 2016. № 6(329).
8. Гирько С.И. Правовая регламентация профилактической деятельности в уголовно-исполнительной системе и ее актуальность в формате Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Диалог. 2018. № 3(12).
9. Емельянова А.Г. Новое законодательство о профилактике правонарушений и совершенствование правового регулирования профилактики осужденных // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28).
10. Жалинский А.Э. Уголовная политика: актуальные задачи, субъекты и механизмы реализации // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. М., 2012.
11. Кабанов П.А. О кодификации российского криминологического законодательства: рассуждения по случаю // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48).
12. Крайнова Н.А. О принципах единого права противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48).
13. Никуленко А.В. О задачах криминологического кодекса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48).
14. Шестаков Д.А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48).
15. Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А. Стохастическая модель репрессивно-превентивного воздействия на преступность: от интуиции к расчетам // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 6. Т. 15.

REFERENCES

1. Schneider G.Y. Criminology. Moscow, 1994.
2. Kleymenov M.P. Criminological law // Criminal situation and anti-criminal legislation: problems of criminological determination of the law. Moscow, 2020.
3. Alekseev A.I. Criminology: course of lectures. Moscow, 1998.
4. Criminology: course of lectures / edited by V.N. Burlakov et al. St. Petersburg, 1995.
5. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. Moscow, 1997.
6. Starkov O.V. Principles of Russian criminology // Russian criminological view. 2005. № 1.
7. Burlakov V.N., Poludnyakov V.I. The Law on Crime Prevention: History, Present and Future // News of Higher Educational Institutions. 2016. № 6 (329).
8. Girko S. I. Legal regulation of preventive activities in the penal system and its relevance in the format of the Federal Law of 23.06.2016 № 182-FZ «On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation» // Dialogue. 2018. № 3 (12).
9. Emelyanova A.G. New legislation on offense prevention and improvement of legal regulation of prevention of convicts // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. № 3 (28).
10. Zhalinsky A.E. Criminal policy: current tasks, subjects and implementation mechanisms // Modern criminal policy: search for an optimal model. Moscow, 2012.
11. Kabanov P.A. On the codification of Russian criminological legislation: reasoning on the occasion // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 1 (48).
12. Kraynova N.A. On the principles of a unified law to combat crime // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 1 (48).
13. Nikulenko A.V. On the tasks of the criminological code // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 1 (48).
14. Shestakov D.A. On the draft code of crime prevention and security measures // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 1 (48).
15. Maksimov S.V., Vasin Yu.G., Utarov K.A. Stochastic model of repressive-preventive impact on crime: from intuition to calculations // All-Russian Criminological Journal. 2021. № 6. V. 15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петровский Антон Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кубанский государственный университет. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
ORCID: 0000-0002-0326-0807

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Кубанский государственный университет. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
ORCID: 0000-0002-4961-5589

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petrovsky Anton Vladimirovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Kuban State University. 149, Stavropol St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Kuban State University. 149, Stavropol St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 207–214.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 207–214.

Научная статья

УДК 343.101

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ: ТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

s.rossinskiy@gmail.com

Введение: статья продолжает цикл научных публикаций автора, посвященных проблематике обвинительных заключений.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались советские и современные научные публикации, посвященные вопросам окончания досудебного производства в целом и обвинительному заключению в частности, положения советского и российского уголовно-процессуального законодательства. Методологическую основу статьи составили общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования.

Результаты исследования: обоснована потребность в нормативной и практической реставрации подходов к форме и содержанию обвинительных заключений, отраженных в первоначальной редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Выводы и заключения: предлагается вновь сократить объем, включаемых в обвинительные заключения сведений, превратив их в краткие «аннотации» к материалам окончанных досудебных производств, не предполагающие обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения имеющихся доказательств.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинительное заключение, окончание предварительного следствия, следственный акт, полномочия следователя, предание суду, решение следователя.

Для цитирования: Россинский С. Б. Правила подготовки обвинительных заключений: требуется перезагрузка / С. Б. Россинский // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 207–214.

Original paper

PREPARATION RULES OF INDICTMENTS: NEED FOR REBOOT

Rossinskiy Sergey Borisovich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article continues the author's series of scientific publications devoted to the problem of indictments.

Materials and methods: in preparing the article, Soviet and modern scientific publications devoted to the issues of termination of pre-trial proceedings in general and the indictment in particular, the provisions of Soviet and Russian criminal procedure legislation were used. The methodological basis of the article was formed by general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods.

Results of the study: the need for normative and practical restoration of approaches to the form and content of indictments reflected in the original version of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is substantiated.

Findings and conclusions: it is proposed to reduce the volume of information included in indictments again, turning them into brief «annotations» to the materials of completed pre-trial proceedings, which do not provide a detailed coverage of the results of investigative activities, primarily a detailed presentation of the available evidence.

Keywords: pre-trial proceedings, indictment, completion of preliminary investigation, investigative act, powers of the investigator, committal to trial, investigator's decision.

For citation: Rossinskiy S. B. Preparation rules of indictments: need for reboot / S. B. Rossinskiy // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3(110). – Pp. 207–214.

История следственного порядка окончания досудебного производства по уголовному делу с составлением обвинительного заключения насчитывает чуть более ста лет¹. Впервые такие идеи возникли и приоблели нормативное воплощение сразу после Октябрьской революции – в связи с формированием раннесоветской системы уголовной юстиции в существующих на тот момент сложных социально-политических условиях развития принципиально новых форм государственности и методов государственного управления [1, с. 8–52]. Тогда же появился и сам термин «обвинительное заключение». Под ним стали понимать, обусловленный выводами о необходимости предания обвиняемого суду, правоприменительный акт, фиксирующий итоги предварительного расследования и воплощающий результаты всей проделанной по соответствующему уголовному делу следственно-оперативной работы [2, с. 188]. Поэтому уже в раннесоветском уголовно-процессуальном законодательстве существовали положения, предписывающие отражать в обвинительных заключениях, установленные обстоятельства уголовного дела и предопределяющие вывод о предании обвиняемого суду доказательств. Тогда как позднее – в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. – подобные правила приобрели большую конкретику. Одновременно формировались и существующие по сей день доктринальные и прикладные подходы к форме и содержанию обвинительного заключения. Начиная с 1960-х гг. советские ученые-процессуалисты четко ассоциировали его с повторным анализом и новой предсудебной оценкой материалов уголовного дела на предмет всесторонности, полноты и объективности установленных обстоятельств [3, с. 10–72; 4, с. 294; 5, с. 63–64]. В итоге обвинительные заключения стали напоминать своеобразные «авторефераты» оконченных следственных производств, предполагающие более чем подробное изложение содержания и результатов всей проделанной следователями работы.

Вместе с тем подобные правила оказались далеко не безупречными. Так, во-первых, включающие столь подробно и обстоятельно изложенный процессуальный «контент», обвинительные заключения стали достигать весьма значительных объемов, а их подготовка – отнимать у следователей много времени и сил. Это неизбежно привело к увеличению возлагаемой на следователей служебной нагрузки, к поверхностному, формальному исполнению других обязанностей и, в конечном счете, – к общему снижению качества предварительного расследования. Особую актуальность подобные проблемы приобрели в последнее десятилетие XX в. в связи с появлением множества сложных и многоэпизодных уголовных дел об экономических преступлениях, о деяниях, совершенных организованными группами, сообществами и т. д. Например, автору настоящей статьи, проходившему службу в «экономическом» отделе Следственного управления ГУВД г. Москвы (позднее – Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы), вспоминаются обвинительные заключения, на подготовку которых уходило по несколько недель непрерывной работы, и объемы которых исчислялись сотнями листов.

Во-вторых, оформленные в соответствии с такими правилами, обвинительные заключения оказались предрасположены к фактическому использованию в качестве своеобразных «проектов» будущих судебных приговоров, поскольку содержали вполне достаточные для их обоснования и надлежащим образом сформулированные доводы, аргументы, логические посылки и пр., включая должное описание всех установленных обстоятельств, подробный анализ имеющихся доказательств, другие известные атрибуты судебных актов. В этой связи недобросовестные представители прокуратуры и судебной системы, уразумев выгоду подобных требований и рекомендаций, стали пренебрегать собственными полномочиями, уклоняться от «лишней» работы за счет использования буквально «преподносимых на блюде» результатов следственной деятельности.

В частности, некоторые неосознательные прокуроры, почему-то начали «забывать» о прямо вытекающих из смысла закона надзорных обязанностях, состоящих в проверке всего поступившего из органа предварительного следствия уголовного дела в полном объеме, ограничиваясь лишь изучением (порой достаточно беглым просмотриванием) обвинительных заключений. Они даже перестали надлежащим образом готовиться к участию в судебных заседаниях в качестве государственных обвинителей, прибегая к помощи обвинительных заключений как свое-

¹ Ранее, до Октябрьской революции подобные полномочия находились в исключительном ведении прокуроров, которым предписывалось выдвигать официальные обвинения и принимать решения о завершении досудебных производств с направлением материалов уголовных дел в суды посредством вынесения иных процессуальных документов – обвинительных актов.

образных шпаргалок. Особую распространенность такие псевдотехнологии опять получили в 1990-е гг. В связи с резким увеличением объемов некоторых уголовных дел прокуроры оказались физически неспособны в предусмотренные законом сроки рассматривать поступающие многотомные материалы, принимать по ним взвешенные процессуальные решения и готовиться к судебным заседаниям. В частности, известны случаи, когда следователи не передавали прокурорам оконченные производством уголовные дела, а по их просьбам отвозили основную часть наработанных материалов непосредственно в суды; в прокуратуру представлялись лишь обвинительные заключения, на основании которых принимались соответствующие решения, и строилась тактика поддержания государственных обвинений. Наибольшую «пользу» из существовавших правил подготовки обвинительных заключений извлекли именно недобросовестные судьи. Быстро осознав возможность пренебрежения условием непосредственности рассмотрения уголовного дела, уклонения от подробного вникания в детали рассматриваемого правового спора, от «изнурительных» раздумий по подлежащим разрешению вопросам, от «утомительной писанины», требуемой для должной мотивировки своих решений. Они принялись совершенно бесцеремонно заимствовать для включения в содержание приговоров соответствующие фрагменты обвинительных заключений, порой дословно копируя целые страницы «следственных» текстов.

Поэтому неудивительно, что при подобных обстоятельствах «центр тяжести» всей системы уголовной юстиции фактически начал смещаться в сторону досудебного производства, а основное бремя ответственности за надлежащее разрешение уголовных дел, фактически, стало возлагаться на следователей как на авторов обвинительных заключений. Другими словами, произошла некая разбалансировка процессуальных функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Досудебное производство зачастую начало фактически превращаться в важнейшую, в определенном смысле кульминационную стадию уголовного процесса, а установленные следственным путем обстоятельства – в непреложную гносеологическую основу для судебного разрешения уголовного дела и постановления приговора. Тогда как недобросовестные судьи, по сути, стали ограничиваться ролью пассивных рерайтеров-переписчиков обвинительных заключений, по всей вероятности, относясь к порученным им судебным процедурам как к пустым формальностям.

Особо заметными эти изъяны судебной практики стали в связи с постепенным оснащением судов, органов дознания и предварительного следствия, персональными компьютерами с установленными на них программами для создания и редактирования текстов, а также появлением 5,25-дюймовых и 3,5-дюймовых дискет для хранения и передачи различных данных. Ввиду возникновения подобных технических возможностей работа по написанию текстов приговоров на основе поступающих в суды обвинительных заключений во-многом свелась к использованию примитивного алгоритма «copy → paste» («копировать → вставить»). Автору настоящей статьи вспоминаются случаи, связанные с поступающими в адрес следователей «дружескими» просьбами или даже настоятельными требованиями судей о передаче в их распоряжение дискет с электронными версиями обвинительных заключений по принятым ими к производству уголовным делам. В противном случае могли наступить нежелательные последствия: от ухудшения налаженных рабочих отношений с представителями судебной системы до возвращения уголовных дел на дополнительное расследование. Встречались и более вопиющие ситуации: сотрудница канцелярий некоторых судов прямо запрещалось принимать и регистрировать поступающие уголовные дела без приложенных к ним дискет с электронными версиями обвинительных заключений.

В этой связи уместно предположить, что участвующие в разработке правил подготовки обвинительных заключений советские ученые даже не помышляли о негативных последствиях своих правотворческих инициатив. По всей вероятности, их благие замыслы были направлены исключительно на укрепление режима социалистической законности, на усиление защищенности обвиняемого, на воплощение иных правовых ценностей и пронизаны стремлением к достижению максимальной прозрачности досудебного производства. А исчерпывающее изложение в обвинительных заключениях итогов предварительного расследования, скорее всего, расценивалось в качестве своеобразной формы отчетности следователей о проделанной работе, в качестве подспорья в надлежащем уяснении потенциальными читателями (прокурорам, судьями и др.) соответствующих обвинительных позиций.

Правда вполне допустима и другая гипотеза. Возможно, что авторы данных правил специалисты в силу своей проницательности и большого опыта, хотя и не столь отчетливо, но все же предвидели наступление подобных негативных последствий, осознавали опасность каких-то злоупотреблений со стороны недобросовестных прокуроров и судей. Однако ввиду наблюдаемых стремлений государства к усилению кадрового потенциала судебных и правоохранительных органов они не придавали таким прогнозам особого значения. С определенной долей оптимизма и наивности рассчитывали, что в ближайшей перспективе непрофессиональные и безответственные представители советской юстиции будут практически полностью искоренены. Более того, не исключено, что подобным прогнозам вообще придавался не столько негативный, сколько позитивный смысл – в условиях действия советской модели уголовного судопроизводства, предполагающей бoльшую по сравнению с современностью степень инквизиционности и меньшее количество элементов состязательности, упрощение «постследственных» прокурорских проверок, а равно и ускорение «прохождения» уголовных дел через судебные инстанции вполне могли восприниматься как способствовавшие быстрому изобличению виновных и обеспечению правильного применения уголовного закона, т. е. решению одной из стоящих перед УПК РСФСР 1960 г. задач.

Вместе с тем в современных реалиях уголовного судопроизводства, все эти доводы видятся совершенно непригодными для обоснования разумности пока еще сохранившихся советских правил составления обвинительных заключений. В условиях состязательной формы правосудия, достаточно прагматичного отношения к перспективам развития кадрового потенциала судебной системы и прокуратуры подобные аргументы представляются абсолютно несостоятельными. По крайней мере, на сегодняшний день оставлять без должного внимания не утратившую актуальности проблему, выраженную в предрасположенности таких правил к фактическому смещению «центра тяжести» системы уголовной юстиции, к разбалансировке процессуальных функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, недопустимо. Тем более, недопустимо оправдывать деструктивное поведение недобросовестных представителей судебной системы и прокуратуры, продолжающих уклоняться от надлежащего исполнения полномочий за счет неправомерного использования, подробно излагаемых в обвинительных заключениях, результатов следственной деятельности, равно как и наивно надеяться на полное искоренение в обозримом будущем такого поведения посредством изменения подходов к воспитанию юридических кадров.

По всей вероятности, указанные резоны сыграли далеко не последнюю роль в возникшем на рубеже XX–XXI вв. стремлении «коллективного законодателя» к легализации и внедрению в правоприменительную практику несколько упрощенных правил составления обвинительных заключений. Попытка реализации подобных намерений была предпринята в 2001 г. в связи с принятием и введением в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ). Обвинительные заключения впредь стало предписано оформлять в виде краткой «аннотации» к материалам окончанного досудебного производства, не предполагающей столь обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения, имеющих доказательств. Причем в силу понятных причин эти требования были весьма позитивно восприняты сотрудниками органов предварительного расследования, поскольку привели к резкому снижению служебной нагрузки, к более рациональному расходованию рабочего времени, к возможности сосредотачиваться на прочих вопросах досудебного производства.

Вместе с тем на других краях «процессуального поля» – в прокуратуре и судебном сообществе – данные новации получили далеко не такие однозначные оценки. А наиболее недовольными, вполне ожидаемо, оказались те самые недобросовестные судьи, которые ввиду изменения правил к подготовке обвинительных заключений, просто лишились возможности злоупотреблять своим положением, уклоняясь от надлежащего исполнения полномочий за счет неправомерного использования результатов следственной деятельности. Поэтому практически сразу после вступления в силу нового уголовно-процессуального закона стали прилагаться усилия, направленные на реставрацию прежних подходов. Тем более что ввиду имеющихся у судебной власти правовых рычагов, реализация подобных замыслов не составила особого труда.

Уже в марте 2004 г. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил свое видение предписания об указании в обвинительном заключении перечня обвинительных и «контробвинительных» доказательств. Воспользовавшись неопределенностью и предрасположенностью к вариативному толкованию

нормативной дефиниции доказательств (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), судьи Верховного Суда РФ настоятельно рекомендовали включать в такие перечни не только наименования и прочие идентификационные реквизиты, предполагаемых к судебному исследованию средств доказывания (в терминологии авторов постановления Пленума – источников доказательств), но и краткое содержание каждого из них². Через шесть лет такие рекомендации были поддержаны и самим законодателем – получили легальное воплощение посредством внесения в УПК РФ соответствующих коррективов³. Исходя из весьма краткого содержания, опубликованной на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ, пояснительной записки к соответствующему законопроекту⁴, потребность в подобных поправках была вызвана лишь приведением Кодекса в соответствие с вышеуказанной позицией Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, в результате предпринятых усилий произошла реставрация прежних правил подготовки обвинительных заключений. Одновременно возродилась и соответствующая правоприменительная практика со всеми присущими ей изъянами и недостатками, в том числе предполагающими подготовку приговоров путем копирования значительных фрагментов «следственных» текстов. К тому же ввиду бурного развития компьютерных средств и цифровых технологий возникли новые формы передачи электронных версий обвинительных заключений. Вначале дискеты были вытеснены флэш-накопителями цифровой информации, вследствие чего в обиходе процессуального жаргона прочно укоренился термин «флэш-приговор». Затем соответствующие данные стали передаваться посредством электронной почты, мессенджеров, других современных технологических изобретений. Все эти факторы снова привели к увеличению «следственной» нагрузки, к очередному смещению «центра тяжести» уголовной юстиции в сторону предварительного расследования, к сознательному снижению процессуальной активности недобросовестных судей, к частичной утрате стадией производства в суде первой инстанции своего смысла. Но самое главное, они неизбежно повлияли на усиление того самого обвинительного уклона, о недопустимости которого постоянно говорят и пишут многие ученые-процессуалисты, государственные и общественные деятели, практические работники и прочие специалисты.

Таким образом, существующие правила подготовки обвинительных заключений вновь подлежат пересмотру. Однако для обоснования данного призыва требуются наиболее серьезные аргументы, чем просто наблюдаемые изъяны правоприменительной практики, к тому же причиняющие явные и заметные неудобства только следователям. В противном случае он будет казаться сугубо тенденциозным, а автор настоящей статьи незаслуженно навлечет на себя очередную порцию критики за лоббирование корпоративных интересов органов предварительного следствия.

В этой связи уместно вспомнить, что в прежних публикациях автора настоящей статьи высказывались позиции о некорректности понимания обвинительного заключения в качестве документа, завершающего процедуру досудебного привлечения к уголовной ответственности и предполагающего правильную расстановку всех точек над «i» в вопросах формулирования существа и параметров предполагаемого к представлению в суд обвинительного тезиса. Процессуальную миссию обвинительного заключения предлагалось усматривать не столько в повторном изложении или конкретизации предмета будущего судебного разбирательства – такая роль отождествлялась исключительно с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, – сколько в резюмировании результатов предварительного следствия, в их признании пригодными для направления уголовного дела в суд, а также в формальном окончании всех свойственных досудебному производству правоотношений. Кроме того, обвинительное заключение одновременно предлагалось считать юридическим фактом (поводом), предопределяющим возникновение принципиально новых правоотношений, присущих судебным стадиям уголовно-процессуальной деятельности. Отмечалось об иных ролях обвинительного заключения: обеспечительной, связанной с реализацией права на защиту и доступ к правосудию, а также организационно-технической (справочной), предполагающей его использование в качестве своеобразного

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁴ Пояснительная записка к законопроекту № 264516-5 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/264516-5> (дата обращения: 08.05.2024).

процессуального «путеводителя», позволяющего потенциальным читателям (прокурору, судье, обвиняемому, защитнику и др.) быстро ориентироваться в материалах уголовного дела и находить требуемые документы. В первую очередь в случаях значительного объема соответствующего следственного производства [6, с. 35–39]. Сопоставив эти позиции – а они и представляются единственно верными, соответствующими подлинному смыслу и исконной природе предварительного следствия – с правилами подготовки обвинительных заключений, можно сильно усомниться в существовании причинно-следственных связей между ними. Какие-либо доктринальные предпосылки (не корпоративные интересы отдельных органов власти, а именно доктринальные предпосылки) к столь обстоятельному освещению результатов следственной деятельности, в первую очередь подробному описанию имеющегося доказательственного материала, видятся достаточно смутными, не подразумевающими четких и понятных объяснений.

Например, вряд ли можно допустить, что такие правила связаны с обеспечительной и организационно-технической (справочной) ролями обвинительных заключений, т.е. обуславливаются не более чем потребностью в их использовании как процессуальных «путеводителей», как документов, способствующих потенциальным читателям в быстром ориентировании в материалах следственных производств. Решению этих задач служат совершенно другие, к слову, не вызывающие никаких вопросов и нареканий предписания об указании ссылок на соответствующие тома и листы уголовного дела, а также о составлении специальной справки, раскрывающей наиболее значимые детали и «реперные точки» предварительного следствия.

Несостоятельным представляется и тезис о детерминированности подобных правил сугубо формальным значением обвинительного заключения, предполагающим его использование в качестве документа-повода для завершения одних и практически одновременного возникновения других правоотношений: для окончательного «закрытия» досудебного производства и «открытия» судебного производства. Подобная роль обвинительного заключения предопределяется всего лишь традиционной для национальной уголовной юстиции потребностью в документальном оформлении процессуальных решений, в особенности имеющих столь важные юридические последствия.

Правда, на первый взгляд, вполне предрасположенным к подробному изложению в обвинительном заключении результатов следственной деятельности, включая освещение полученных доказательств, может показаться его направленность на подведение итогов предварительного расследования, на признание уголовного дела пригодным для дальнейшего направления в суд. Как уже отмечалось выше, именно такие, по крайней мере близкие по смыслу доводы скорее всего и были положены в основу советских подходов к форме и содержанию указанных документов. Поэтому, конечно, можно и дальше наивно полагать, что существующие правила способствуют укреплению законности, защищенности обвиняемых, реализации иных правовых ценностей, поскольку усиливают прозрачность досудебного производства в целом и большую ясность, выдвигаемых органами предварительного следствия, позиций в частности, а также обеспечивают отчетность следователей о проделанной работе.

Однако при более детальном осмыслении подобных взглядов они начинают представляться абсолютно нежизнеспособными, не соответствующими современной парадигме уголовного судопроизводства. И если в советский период развития уголовной юстиции такие идеи еще могли признаваться справедливыми, то ввиду усиления состязательности уголовного правосудия и ряда других факторов – полностью утратили свою состоятельность. В настоящее время они упираются в не предполагающий внятного ответа вопрос об адресатах, т.е. о неких «потребителях», исчерпывающих разъяснений в обвинительных заключениях результатов следственной деятельности, в первую очередь достаточно детального описания полученных доказательств. Иными словами, не совсем понятно, кому и для чего вообще должна предоставляться возможность получения указанных сведений в подробной форме. Наиболее правильным, разумным, логичным и, самое главное, объективным представляется непосредственное ознакомление с представленными материалами уголовного дела нежеле, чем их изучение в «пересказе» следователя, т.е. путем прочтения «автореферата» завершеного досудебного производства. А все уполномоченные либо управомоченные «читатели» обвинительных заключений: судьи, прокуроры, обвиняемые, их защитники, потерпевшие – наделены полноценным правом (некоторые из них – даже обязаны) знакомиться со всем уголовным делом в полном объеме.

Кстати, нельзя даже предположить, что существующие правила подготовки обвинительных заключений обуславливаются обеспечением их мотивированности – в целях создания надлежащих условий для обжалования законности и обоснованности вытекающих из них

решений. В отличие от многих других правоприменительных актов обвинительные заключения никакому обжалованию не подлежат и подлежать не могут, а правомерность выражаемых в них финальных позиций органов предварительного следствия проверяется и оценивается не посредством механизмов, предусмотренных гл. 16 УПК РФ, а прямо в ходе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции.

Таким образом, напрашивается неизбежный вывод об отсутствии на сегодняшний день каких-либо аргументов, обуславливающих необходимость использования существующих правил подготовки обвинительных заключений, по крайней мере, для реализации каких-либо позитивных, подлинно правовых замыслов. В этой связи остается лишь в очередной раз убедиться в предопределенности данных правил исключительно интересами и потребностями далеко не самых добросовестных и сознательных представителей судейского и прокурорского сообществ, привыкших пользоваться результатами следственной деятельности, пренебрегая надлежащим исполнением собственных обязанностей.

На основании всего вышеизложенного можно констатировать, что в настоящее время назрела острая потребность в некоей перезагрузке правил подготовки обвинительных заключений – в нормативной и практической реставрации просуществовавшего весьма не продолжительное время и затем официального отмененного «постсоветского» подхода. Другими словами, необходимо вновь существенно сократить объем, включаемых в обвинительное заключение сведений, тем самым опять превратив его в краткую «аннотацию» к материалам оконченного досудебного производства, не предполагающую обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения имеющихся доказательств.

Представляется, что «контент» обвинительных заключений надлежит ограничивать лишь данными об обвиняемом и других заинтересованных в исходе уголовного дела участниках уголовного судопроизводства, обобщенным описанием установленных обстоятельств случившегося, в том числе смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, сведениями о характере и размере причиненного вреда, а также перечнями обвинительных и «контробвинительных» доказательств с указанием их наименований и прочих идентификационных реквизитов и без изложения их содержания. В принципе, не существует необходимости в обременении обвинительных заключений точными формулировками выдвигаемым следователями уголовно-правовых претензий (обвинений) – как уже отмечалось ранее, такие претензии подлежат отражению в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и ни в каком дублировании не нуждаются. Вместе с тем без подобных формулировок обвинительные заключения могут показаться логически незавершенными, не предполагающими детерминированных результатами следственной деятельности выводов, т. е. противоречащими смыслу самого термина «заключение». И в этой связи соответствующие правотворческие шаги видятся не вполне разумными. Тем более что ввиду надлежащей оснащенности органов предварительного следствия современными компьютерными средствами и программными продуктами, повторное изложение предъявленных ранее обвинений не должно составлять особого труда и отнимать у следователей много времени.

В целом же предлагаемые «новшества» позволят достаточно четко гармонизировать форму и содержание обвинительных заключений с их процессуальным предназначением и вернуть правоприменительную практику к вытекающему из самого смысла уголовной юстиции надлежащему балансу процессуальных функций, выраженному в разумном соотношении следственных, прокурорских и судебных полномочий, к возвращению «центра тяжести» всей системы уголовной юстиции на этап производства в суде первой инстанции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С.Б., Рябцева Е.В., Чучаев А.И. УПК РСФСР 1922 г. – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия). М., 2023.
2. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей. М., 1926.
3. Веселый В.З., Статкус В.Ф. Обвинительное заключение. М., 1970.
4. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
5. Якубович Н.А. Окончание предварительного следствия. М., 1962.

6. Россинский С.Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2023. № 3.

REFERENCES

1. Rossinsky S.B., Ryabtseva E.V., Chuchaev A.I. Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1922 – the first Soviet procedural code (on the 100th anniversary of its adoption). Moscow, 2023.
2. Gromov V.I. Inquiry and preliminary investigation. Theory and technique of crime investigation: a guide for inquiry agencies and people's investigators. Moscow, 1926.
3. Vesely V.Z., Statkus V.F. Indictment. Moscow, 1970.
4. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Preliminary investigation in Soviet criminal proceedings. Moscow, 1965.
5. Yakubovich N.A. End of the preliminary investigation. Moscow, 1962.
6. Rossinsky S.B. Indictment: procedural purpose // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences, 2023. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinskiy Sergey Borisovich, Grand PhD in Law, Professor, Chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.

Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 215–220.

Jurist-Pravoved. 2024. № 3(110). Pp. 215–220.

Научная статья

УДК 343.12

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

Халиков Аслям Наилевич

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

han010@yandex.ru

Введение: в статье обосновывается, что досудебное производство в лице органов предварительного расследования не может характеризоваться как относящееся к стороне обвинения. Статистика досудебного производства и нормы уголовно-процессуального закона показывают тесную связь между судом и органами предварительного расследования с позиций окончательного разрешения уголовных дел. С практической стороны в досудебном производстве больше разрешается уголовных дел, чем в суде, в связи с этим обосновывается мнение, что досудебное производство – это начальная сфера правосудия.

Материалы и методы: данные статьи основаны на статистических показателях о работе судов Российской Федерации и показателях деятельности органов предварительного следствия и дознания. Соответственно применялся статистический и сравнительно-правовой метод анализа названных показателей и связанных с этим проблем уголовного судопроизводства.

Результаты исследования: в рамках исследования обозначены проблемы деятельности органов расследования в лице органов предварительного следствия и дознания, которые по сути своих полномочий не могут быть отнесены к стороне обвинения, а являются органами, разрешающими по существу заявления и сообщения о преступлениях.

Выводы и заключения: с позиций логики существа полномочий органов предварительного следствия и дознания необходимо внести изменения в уголовно-процессуальный закон о том, что органы предварительного расследования не могут быть на стороне обвинения. Данное противоречие может существенно влиять на негативные тенденции деятельности органов предварительного расследования.

Ключевые слова: досудебное производство, сторона защиты, сторона обвинения, органы предварительного расследования, разрешение дела, состязательность, функции уголовного процесса.

Для цитирования: Халиков А. Н. Сущность и значение досудебного производства в системе уголовно-процессуального права России /А. Н. Халиков // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). – С. 215–220.

Original paper

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF PRE- TRIAL PROCEEDINGS IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA

Khalikov Aslyam Nailevich

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: the article substantiates that pre-trial proceedings represented by preliminary investigation bodies cannot be characterized as related to the prosecution. Pre-trial proceedings statistics and the norms of the criminal procedure law show a close connection between the court and preliminary investigation bodies from the standpoint of the final resolution of criminal cases. From a practical point of view, more criminal cases are resolved in pre-trial proceedings than in court, in this regard, the opinion is substantiated that pre-trial proceedings are the initial sphere of justice.

Materials and methods: these articles are based on statistical indicators of the work of the courts of the Russian Federation and the indicators of the activities of preliminary investigation and inquiry bodies. Accordingly, the statistical and comparative legal method of analyzing the above indicators and related problems of criminal proceedings was used.

Results of the study: the study identifies problems of the activities of investigative bodies represented by preliminary investigation and inquiry bodies, which, by the nature of their powers, cannot be attributed to the prosecution, but are bodies that resolve the merits of statements and reports of crimes.

Findings and conclusions: from the standpoint of the logic of the essence of the powers of the preliminary investigation and inquiry bodies, it is necessary to amend the criminal procedure law to the effect that the preliminary investigation bodies cannot be on the side of the prosecution. This contradiction can significantly affect the negative trends in the activities of the preliminary investigation bodies.

Keywords: pre-trial proceedings, defense, prosecution, preliminary investigation bodies, case resolution, adversarial nature, functions of the criminal process.

For citation: Khalikov A. N. The Essence and Significance of Pre-trial proceedings in the System of Criminal procedure Law of Russia / A. N. Khalikov // *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal Rostov-on-Don*. 2024. № 3(110). – Pp. 215–220.

Российский уголовный процесс, согласно УПК РФ, четко разделен на досудебное и судебное производство, что, с одной стороны, и с позиций представленной терминологии, говорит о доминирующей роли суда, а с другой – показывает значение досудебного производства как обязательного процессуального этапа деятельности предшествующего суду. В определенной степени такое деление исходит из принципа разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную, где досудебное производство считается, как правило, относимым к исполнительной власти в лице правоохранительных органов в целом и следственных подразделений в частности. Как пишет А.Р. Михайленко, анализируя теорию разделения властей Ш.Монтескье, деятельность по расследованию преступлений, а именно досудебное производство по уголовному делу, мы относим к самостоятельному виду, форме государственной деятельности [3, с. 38–40], что традиционно относимо к деятельности исполнительной власти.

Сущностью досудебного производства является обнаружение (выявление) преступления с дальнейшим направлением работы по установлению преступника и доказыванию его виновности для последующей оценки результатов такой деятельности судом. В связи с этим содержанием досудебного производства являются три основные его стадии – это возбуждение уголовного дела, затем предварительное расследование (дознание, предварительное следствие) и конечная – передача уголовного дела в суд путем утверждения окончательного обвинительного документа прокурором. Фактически эти три стадии являются мощными фильтрами осуществления на практике действия презумпции невиновности с тем, чтобы ни одно невиновное лицо не было привлечено к уголовной ответственности. То есть, еще до судебной стадии рассмотрения уголовного дела вся государственная машина уголовной юстиции работает на оценку получаемых данных, а фактически доказательств с целью не привлечения не виновных к уголовной ответственности и привлечения виновных.

Более того, мы исходим из базового тезиса, что непривлечение невиновных к уголовной ответственности является основной социальной задачей сферы уголовной юстиции в лице органов предварительного расследования и суда. Логика данного тезиса исходит хотя бы из элементарных арифметических расчетов. Так, в России на сегодняшний день совершается примерно около 3 млн преступлений в год, а количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности (осужденные, обвиняемые, лица, в отношении которых прекращены дела по не реабилитирующим основаниям и т. д.), составляет около 1 млн человек. При этом население России с учетом ее граждан, мигрантов, приезжих и т. д. составляет около 150 млн человек. И тогда возникает закономерный вопрос: правоохранительные органы, включая органы предварительного следствия, должны работать ради 1 млн граждан, чтобы привлечь их к уголовной ответственности или ради 150 миллионов, главной ценностью которых в жизни является свобода и благополучие? Ответ очевиден – конечно, ради большинства населения России, соблюдения его прав и свобод, должны строить деятельность правоохранительные органы. Тем более, если учитывать, что 50 % преступлений в России, включая международные криминологические показатели, не раскрываются [2, с. 86]. Соответственно, правоохранительные органы в первую очередь в рамках досудебного производства выполняют социальную задачу защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), хотя и без ущерба борьбы с преступлениями.

В то же время, досудебное производство есть начало уголовно-правовой деятельности государства по уголовному преследованию совершивших преступление граждан с начала возбуждения уголовного дела – непосредственно при возбуждении дела в отношении конкретного лица и опосредованно при возбуждении дела по факту совершения преступления.

Приведем необходимые данные о результатах работы судов в 2022 г. по уголовному судопроизводству, согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ. В 2022 г. в суды поступило 776,3 тыс. уголовных дел (2021 – 782 тыс.). Количество осужденных составило 578,8 тыс. человек (2021 565,5 тыс.). По основным видам преступлений: кражи – 215,6 тыс., наркотики – 76,2 тыс., ДТП – 34,8 тыс., мошенничество – 34,8 тыс., умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью – 33,4 тысячи. Реальные сроки лишения свободы получили 167 224 человека. При этом доля оправдательных приговоров – 2 062 уголовных дел или 0,36 % (2021 – 0,39 %). Из оправдательных приговоров убийства составляют 9,8 %, умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью – 9,7 %, наркотики – 3,2 %, мошенничество – 6,8 %. Показатели 2023 г. не особо отличаются от представленных.

В данном случае интересующим показателем будет 0,36 % оправдательных приговоров, что является средней постоянной составляющей статистики уголовного судопроизводства в России по оправданиям. И в данном случае мы не будем оценивать судебную систему за подобную незначительную линию оправданий, а примем ее как данность или как свойство судебного рассмотрения уголовных дел, что, кстати, характерно для большинства судов зарубежных стран. В то же время необходимо отметить и положительный фактор, когда количество оправдательных приговоров по убийствам или телесным повреждениям из названных 0,36 % составляет около 10 %, что в абсолютных цифрах будет около 200 уголовных дел по каждому из названных видов преступлений. А это, хоть и в меньшей степени, говорит все же о существовании деятельности суда в сфере рассмотрения преступлений против личности как органе, разрешающем итоги досудебного производства без автоматического принятия его результатов.

Вместе с тем по теме значения досудебного производства мы должны констатировать, что здесь следует более важный показатель – обвинительные приговоры составляют 99,6 % во всей системе уголовного судопроизводства. Это показывает доминирующее значение института досудебного производства, фактически намного перекрывающее значение суда как органа правосудия и представляющее из этого уровень силовых ведомств исполнительной власти.

В то же время понятие «досудебное производство» исходит из корня слова «суд», в связи с чем говорить в данном случае о деятельности органов предварительного следствия и дознания в качестве только как исполнительных органов, тем более, учитывая более 99 % обвинительных судебных приговоров, это означает уход от реального положения системы деятельности органов расследования и суда. Досудебное производство – это область, тесно примыкающая к правосудию в сфере уголовного процесса, о котором И.Л. Петрухин писал, что «уголовный процесс организован таким образом, что уголовное дело продвигается вперед от одной стадии к другой. На каждой последующей стадии осуществляется проверка достоверности и законности результата, достигнутого на предыдущей стадии» [5, с. 632]. Если говорить с практических позиций, то, возбуждая уголовное дело, следователь или дознаватель как представители государственной власти, начинают уголовное производство для суда, по линии суда, по нормативным критериям судебного производства и что является начальным звеном сферы всего правосудия.

В целом в досудебном и судебном производстве больше общего, чем отличительного. Имеем в виду единые правила деятельности органов досудебного производства (следствие и дознание) и суда, изложенные не только в УПК РФ, но и в других законах, а также в руководящих постановлениях Верховного Суда РФ, что для органов расследования также являются обязательными для исполнения. Единое назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), единые принципы, единые правила доказывания, единые участники уголовного процесса – все эти нормы составляют один процессуальный блок одинаковый для органов следствия и суда. Разумеется, есть отличие предварительного следствия от судебного следствия или отличие прав обвиняемого от прав подсудимого и иные различия, но не принципиального свойства.

Единство уголовно-процессуальной теории доказывания, единство прав субъектов уголовного процесса и иные единые нормы для суда и органов расследования, указывают, что между органами предварительного следствия и дознания и судом существует системная целостность основ уголовного судопроизводства.

В этом ключе одним из самых дискутируемых на практике принципов по отношению к органам предварительного расследования является принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) [4, с. 11]. Как пишет ряд ученых, а с ними с удовольствием соглашаются практические работники органов следствия, принцип состязательности относим только к стадии судебного производства, но не может быть применим к стадиям предварительного расследования в виду доминирующего значения фигуры следователя и его полномочий в стадии досудебного производства. Однако такое суждение противоречит имеющейся совокупности норм УПК РФ, в которых представлены права и полномочия адвоката по контрдействию органам предварительного расследования, что часто имеет немалый для стороны защиты успех вплоть до прекращения уголовного дела. Это говорит о том, что принцип состязательности эффективно может работать и на стадии досудебного производства.

Таким образом, считаем, что досудебное производство в рамках действия УПК РФ, является развитой ветвью сферы правосудия, если не ее корнями. Это исходит из того, что с начала выполнения своих функций, а именно – с момента возбуждения уголовного дела, органы предварительного следствия и дознания начинают работать в условиях состязательности уголовного судопроизводства между полюсами защиты и обвинения. Следовательно, деятельность органов досудебного производства подчинена канонам и требованиям судебного производства, которые по УПК РФ являются общими для обеих частей уголовного судопроизводства, включая, как мы указали, и исполнение руководящих указаний Верховного Суда РФ. Как подчеркивает Р.Р. Шайхулов, общность подходов выражается в том, что все доктринальные позиции относительно общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства в конечном итоге представляют собой вариации на тему категориальной связи общих условий и принципов уголовного процесса [6, с. 14].

Нормативной сущностью досудебного производства является принятие решения о выявлении преступления и определение виновности лица (пусть предварительной) в его совершении путем собирания, проверки и оценки доказательств. В связи с этим вопрос о функциях уголовного судопроизводства, по отношению к органам предварительного расследования, несколько искусственно выстроен в сторону обвинения, что, на наш взгляд, негативно характеризует суть досудебного производства. Как известно, уголовное судопроизводство имеет только три функции – обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу. Причем фактически такое разрешение по существу происходит на нескольких стадиях: при возбуждении уголовного дела, по итогам предварительного расследования, при утверждении обвинительного заключения и, разумеется, по итогам судебного рассмотрения уголовного дела. На каждой стадии соответствующие должностные лица (дознатель, следователь, прокурор, судья) вправе отказать в возбуждении уголовного дела, прекратить уголовное дело, оправдать подсудимого.

Вместе с тем в УПК РФ следственные и органы, как и органы дознания, отнесены к стороне обвинения. Однако, если, допустим, адвокат или обвиняемый по всей уголовно-процессуальной конструкции статуса названных фигур четко занимают место в числе участников процесса со стороны защиты, то относительно органов предварительного расследования такой четкости нет и быть не может. В этом отношении Конституционный Суд РФ представил достаточно развернутый комментарий касательно функционального предназначения органов предварительного расследования. Так, по мнению Конституционного Суда, осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядку уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 1), следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным данным Кодексом: они обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (ст. 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (ст. 16), принимать решения в соответствии с

требованиями законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Следовательно, по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положения ст. 15 УПК Российской Федерации не исключают необходимость использования следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве¹.

Фактически, своим решением Конституционный суд РФ, трансформировав теорию (или ряд норм УПК РФ) в практику, исключил, по сути, органы следствия и дознания из стороны обвинения, указав их обязанность обеспечивать презумпцию невиновности, защиту прав обвиняемых и подозреваемых, а в итоге принимать все меры по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Что из этого следует?

Как указали, исходя из ст. 15 УПК РФ в уголовном процессе предусмотрены три функции: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу. Однако в связи с противоречиями в выполнении функций следователя как обвинителя, в том числе, которые изложены нами, ряд авторов предлагают выделить отдельно функцию расследования преступлений, характерную только для органов следствия и дознания [1, с. 180]. В принципе в таком предложении ничего крамольного нет, но здесь некоторым образом действует методологический принцип «Бритвы Оккамы»: не следует множить сущее без необходимости. С позиций здравого смысла, когда суд разбирает обстоятельства уголовного дела между обвинением и защитой, то с учетом 99,65 обвинительных приговоров, суд больше склоняется на сторону обвинения. В отличие от этого, органы предварительного расследования отказывают в возбуждении или прекращают значительно большее число уголовных дел. Например, в числе 6,2 млн «отказных» материалов 2023 г. около 1,2 млн заявлений о кражах и 1,3 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах и еще порядка 1 млн мошенничеств, в т. ч. хищений с банковских карт [2, с. 14]. Это более чем объективно, когда большинство решений по необходимости уголовного преследования, вернее отказе в этом, принимаются органами досудебного производства. И после этого можно ли говорить, что органы предварительного следствия или дознания не осуществляют функцию разрешения дел по существу?

Соответственно, является противоречием отнесение органов предварительного расследования к стороне обвинения в УПК РФ. Во-первых, это противоречит элементарным показателям досудебного производства в России. Во-вторых, это накладывает на органы следствия и дознания некие социальные лже-функции, направленные только на обвинение, что на практике может сыграть плохую роль в формировании личности и психологии следователей и дознавателей без осознания ими обязательной обязанности защиты прав и интересов человека. И, наконец, если довести мысль до конца, то стороне обвинения должен быть противопоставлен равносильный орган защиты как адвокатура, что просто не реально в силу единой функции государства, обозначенной в ст. 2 Конституции РФ как то, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Таким образом, досудебное производство в лице основных его представителей – органов предварительного расследования и как конструкция, на которой держится правосудие (или это является материальной основой правосудия в виде сформированного уголовного дела), должно функционально отвечать основным требованиям суда правосудия. В этой роли органы предварительного расследования выступают между реальными представителями обвинения (потерпевший, органы дознания или оперативно-розыскной деятельности) и защиты (адвокаты) в качестве среднего звена, обеспечивающего эффективность деятельности судебной системы. Это исходит главным образом из формирования доказательств или процесса доказывания в основном на стадии досудебного производства, когда отнесение такой деятельности как доказывание только из функции обвинения весьма опасно для общества и го-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

сударства. Тем самым, фактическое положение системы органов предварительного следствия и дознания требует отнесения данных органов к отдельной функции в уголовном судопроизводстве как разрешения по существу дел в досудебном производстве, что требует внесения соответствующих изменений в УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2008.
2. Гаврилов Б.Я. О современном состоянии уголовно-процессуальной науки и ее роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства // Мир криминалистики. 2023. № 2.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.
4. Михайленко А.Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан: научно-практическое издание. Киев, 1999.
5. Резепкин А.М. Элементы состязательности в российском досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.
6. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.
7. Шайхулов Р.Р. Общие (принципиальные условия досудебного производства): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2007.

REFERENCES

1. Azarov V.A., Revenko N.I., Kuzembaeva M.M. Functions of preliminary investigation in the history, theory and practice of criminal procedure in Russia. Omsk, 2008.
2. Gavrilov B.Ya. On the current state of criminal procedural science and its role in improving the efficiency of individual institutions of criminal proceedings // The World of Criminalistics. 2023. № 2.
3. Luneev V.V. Crime in the twentieth century: global, regional and Russian trends. Moscow, 2005.
4. Mikhailenko A.R. Investigation of crimes: legality and ensuring the rights of citizens: scientific and practical publication. Kyiv, 1999.
5. Rezepkin A.M. Elements of adversarial proceedings in Russian pre-trial proceedings: dis. ... PhD in Law. Chelyabinsk, 2005.
6. Judicial power / edited by I.L. Petrukhin. Moscow, 2003.
7. Shaikhulov R.R. General (fundamental conditions of pre-trial proceedings): diss. ... PhD in Law. Nizhny Novgorod. 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Аслям Наилевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права. Уфимский университет науки и технологий. 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalikov Aslyam Nailevich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminology. Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. 131, Dostoevsky St., Ufa 450005 Russian Federation.